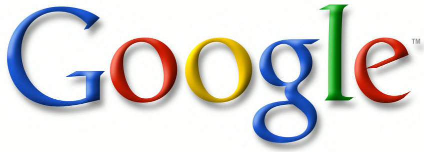
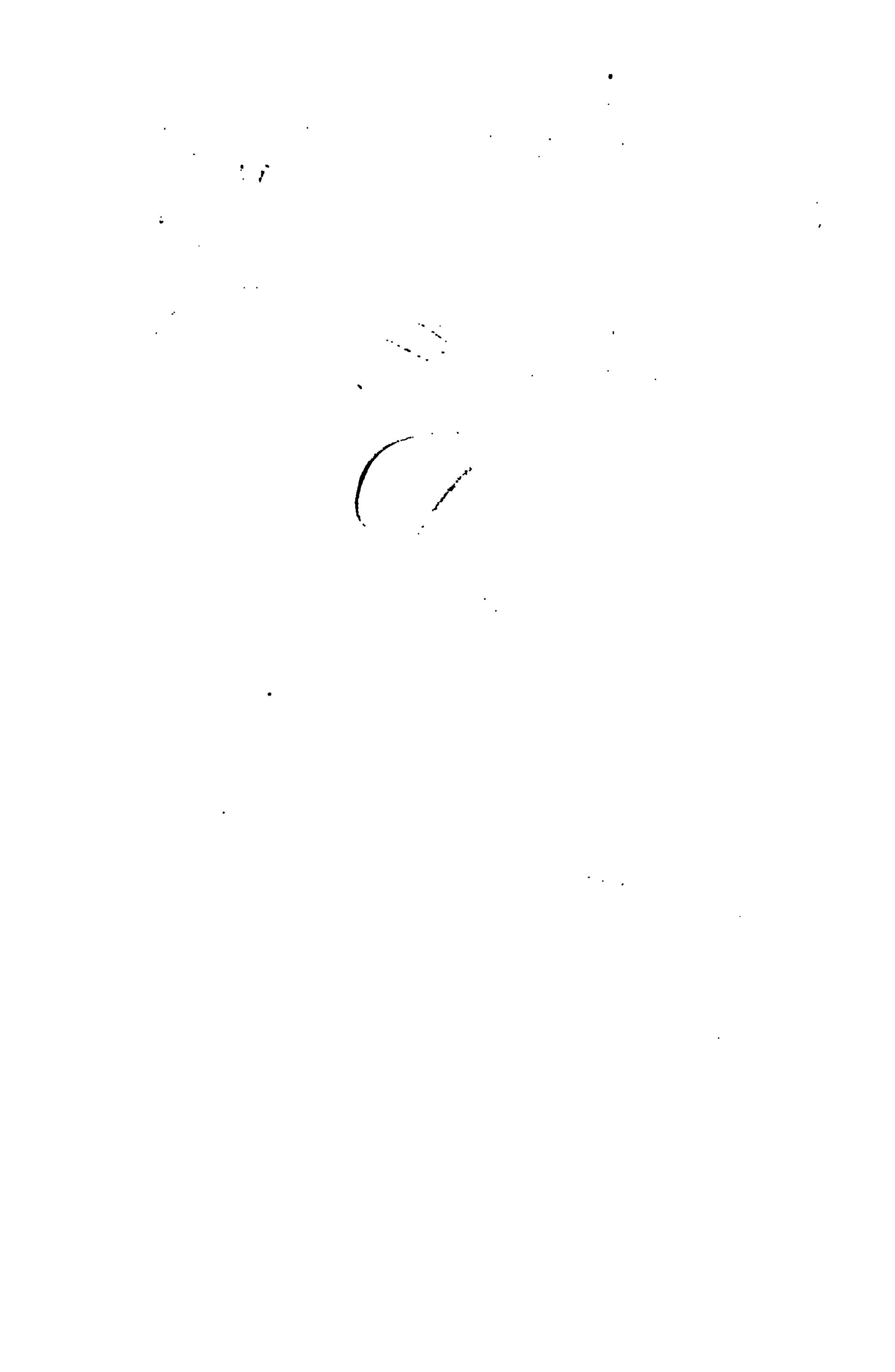

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817

ЛЕКЦІИ ПО НОВОЙ ИСТОРІИ

Профессора В. В. Бауера,

ЧИТАННЫЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ИЗДАНІЕ

Графа А. А. Мусина-Пушкина.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская, 33.

1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Приступая въ настоящее время къ изданію лекцій по новой исторіи покойнаго профессора С.-Петербургскаго университета, незабвеннаго моего учителя, Василья Васильевича Бауера, я желалъ бы тѣмъ: во-первыхъ, принести посильную дань уваженія и благодарности его многолѣтней профессорской дѣятельности, къ чему я считалъ себя нравственно обязаннымъ, какъ бывшій его слушатель и ученикъ, имѣвшій счастіе пользоваться его драгоцѣннымъ научнымъ руководствомъ и испытать на себѣ вліяніе его свѣтлой, нравственной личности и во-вторыхъ, доставить этимъ изданіемъ весьма полезное пособіе студентамъ-историкамъ и вообще всѣмъ занимающимся новою исторіею, начиная съ XV столѣтія, и тѣмъ пополнить весьма ощутительный пробѣлъ, существующій до сихъ поръ въ нашей русской исторической научной литературѣ, занимающейся изученіемъ западно-европейской исторіи, начиная съ эпохи реформаціи.

Извѣстно, что почти совершенное отсутствіе до сихъ поръ на русскомъ языкѣ всякаго историческаго научнаго пособія по новой исторіи западной Европы давно уже даетъ себя чувствовать.

Содержаніе настоящаго изданія будетъ заключаться въ слѣдующемъ:

Въ первомъ томѣ, нынѣ появляющемся въ печати, помѣщены сначала двѣ небольшія статьи, рисующія научную и нравственную характеристику Василья Васильевича Бауера.

Вслѣдъ за этими статьями напечатанъ общій курсъ реформаціонной эпохи, озаглавленный имъ: „Исторія Германо-Романскаго міра въ XV и XVI столѣтіяхъ", читанный имъ студентамъ IV курса историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета.

Курсъ этотъ, какъ и всѣ остальные, помѣщенные въ настоящемъ изданіи, подготовленъ мною для печати по собственноручнымъ запискамъ и отмѣткамъ покойнаго Василья Васильевича, носящимъ, отчасти, конспективный характеръ. Весь этотъ матеріалъ былъ обязательно переданъ мнѣ его вдовою, Людмилою Александровною Бауеръ, которой я и приношу за это искреннюю, сердечную благодарность.

Въ концѣ перваго тома я помѣстилъ историческую монографію Василья Васильевича, оставшуюся передъ его внезапною смертью совершенно готовою для печати. Надъ нею еще работалъ покойный профессоръ послѣдніе дни своей жизни.

Во второмъ томѣ, который, надѣюсь, выйдетъ въ непродолжительномъ времени, помѣщены два спеціальныхъ его курса: вѣкъ Людовика XIV, обнимающій исторію преимущественно Франціи во второй половинѣ XVII столѣтія, курсъ исторіи западной Европы въ XVIII столѣтіи до революціи и нѣсколько другихъ его статей.

Ограничился я напечатаніемъ только курса до революціонной эпохи потому, что есть на русскомъ языкѣ переводъ капитальнаго сочиненія по исторіи французской революціи Häusser'а, учителя Василья Васильевича Бауера, а потому печатаніе курса Бауера революціонной эпохи, при существованіи перевода труда Häusser'а, казалось мнѣ излишнимъ.

Считаю необходимымъ здѣсь, по поводу печатанія его курса реформаціонной эпохи, замѣтить слѣдующее:

Цѣль моя была сохранить, по возможности, за издаваемымъ мною курсомъ характеръ академическаго чтенія, т. е., по возможности, удержать въ немъ приданную ему самимъ профессоромъ-лекторомъ форму.

Имѣя въ виду вышеупомянутую цѣль, я принужденъ былъ строго придерживаться имѣющагося у меня подъ *руками матеріала,* какъ относительно внутренняго содержанія,

такъ и внѣшнихъ подробностей историческаго изложенія. Матеріалъ этотъ заключается въ собственноручныхъ записках покойнаго Василья Васильевича, мѣстами далеко не полныхъ, отрывочныхъ, писанныхъ, очевидно, не съ цѣлью быть со временемъ изданными, но представляющихъ тѣмъ не менѣе весьма цѣнныя данныя для академическаго курса исторіи реформаціонной эпохи.

Исходя изъ указанной мною выше точки зрѣнія на оставленныя Васильемъ Васильевичемъ записки, я не счелъ себя въ правѣ существеннымъ образомъ измѣнять ихъ, дополнять имѣющіеся въ нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, существенные фактическіе пробѣлы, а ограничился лишь приведеніемъ въ порядокъ и подготовкою къ печати находившагося въ моемъ распоряженіи матеріала.

Такимъ образомъ, въ предстоящемъ, изданіи изложеніе исторіи Германіи, хотя оно поставлено въ основаніе всего курса, доведено только до 40-хъ годовъ XVI столѣтія, а борьба за независимость Нидерландъ — только до отозванія Альбы изъ Нидерландъ. Кромѣ того, вовсе не разобрана исторія реформаціи въ Англіи, а изложены только особенности англиканской церкви; весьма кратко разобрана исторія реформаціи и реакціи во Франціи,—вовсе нѣтъ изложенія исторіи реформаціи въ Швеціи, а только вкратцѣ передаются политическія событія, сопровождавшія въ ней католическую реакцію.

Не смотря на указанные здѣсь пробѣлы въ курсѣ „Реформаціонной эпохи“, я тѣмъ не менѣе надѣюсь, что этотъ курсъ Василья Васильевича послужитъ весьма полезнымъ пособіемъ для занимающихся новою исторіею: по прекрасно составленному плану, положенному въ его основаніе, по строго-историческому взгляду, проведенному въ немъ на постепенный ходъ историческихъ событій и, наконецъ, по вполнѣ ясной, доступной формѣ изложенія. Главное достоинство этого курса то, что Василій Васильевичъ въ немъ обращаетъ вниманіе своихъ слушателей преимущественно на внутреннюю, философскую, сторону описываемыхъ имъ событій, на причинную ихъ связь и, такимъ образомъ, выясняетъ студентамъ именно тотъ внутренній смыслъ исторической эпохи, который труднѣе всего поддается изслѣдо-

ванію и усвоеніе котораго между тѣмъ такъ важно для правильнаго пониманія значенія эпохи, для уясненія себѣ исторіи человѣчества въ его историческомъ развитіи.

Курсъ этотъ представляетъ намъ полную и всестороннюю картину развитія реформаціи въ германо-романскомъ мірѣ, начиная съ самаго зарожденія реформаціонныхъ идей до полнаго ихъ разцвѣта, до естественной смѣны реформаціонной эпохи—эпохою католической реакціи.

Кромѣ указаннаго здѣсь внутренняго достоинства этихъ лекцій, слѣдуетъ еще замѣтить, что курсъ этотъ изложенъ на основаніи весьма основательнаго знакомства Василья Васильевича и всесторонняго изученія имъ богатѣйшей и обширнѣйшей литературы по новой исторіи; студенты легко могутъ изъ приложенныхъ къ курсу выносокъ черпать обильный матеріалъ, касающійся исторической литературы отдѣльныхъ, изложенныхъ въ курсѣ эпохъ.

Принимая все вышесказанное въ соображеніе, я почту себя счастливымъ, если этимъ изданіемъ облегчу трудъ занимающихся новою исторіею и тѣмъ, хотя отчасти, выполню завѣтную цѣль незабвеннаго моего учителя.

Гр. А. Мусинъ-Пушкинъ.

С.-Петербургъ
17 октября 1885 г.

В. В. Бауеръ.(*)

6-го ноября Петербургскій университетъ потерпѣлъ тяжелую и горестную утрату. Болѣзнь, о роковомъ значеніи которой до самаго послѣдняго времени не догадывались родные и близкіе, безвременно подкосила жизнь профессора всеобщей исторіи Василья Васильевича Бауера, когда ему едва исполнился 51-й годъ отъ рожденія (род. 13 декабря 1833 г.). Неправильное пищевареніе, разнаго рода катарры, довольно обычные спутники ученой карьеры, кабинетныхъ занятій и сидячаго образа жизни, усложнились болѣзнью сердца или же развились и естественнымъ образомъ обратились на этотъ органъ; какъ бы то ни было, послѣдствіемъ этихъ болѣзненныхъ явленій было то, что товарищи, ученики и многочисленные почитатели покойнаго съ глубокою горестію проводили его 8 ноября до послѣдняго жилища, ожидающаго каждаго изъ насъ.

Василій Васильевичъ окончилъ курсъ въ здѣшней третьей гимназіи, имѣющей основаніе гордиться и хорошими преданіями, никогда не нарушенною традиціей серьезной классической школы, и значительнымъ количествомъ ученыхъ дѣятелей, изъ нея вышедшихъ. Поступивъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета въ 1851 г., Василій Васильевичъ скоро обнаружилъ особенную склонность и любовь къ историческимъ занятіямъ. Наибольшее вліяніе на него въ этомъ отношеніи имѣлъ, конечно, памятный въ лѣтописяхъ русскаго просвѣщенія про-

(*) Изъ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, декабрь 1884 г.

фессоръ Михаилъ Семеновичъ Куторга; отъ него ведетъ свое начало не особенно длинное преемство действительно научныхъ занятій исторіей въ нашемъ университетѣ. Профессоръ Куторга, спеціалистъ и знатокъ по греческой исторіи, былъ горячимъ поборникомъ той мысли, что ученая русская самостоятельность въ области всеобщей исторіи, навыкъ каждаго отдѣльнаго начинающаго въ самостоятельной работѣ, ознакомленіе его съ методомъ исторической критики, всего удобнѣе могутъ достигаться посредствомъ занятій въ области классической исторіи. Еще будучи студентомъ, Василій Васильевичъ получилъ серебряную медаль за сочиненіе „О новѣйшихъ открытіяхъ въ Малой Азіи и Ниневіи“; черезъ три года по окончаніи курса онъ представилъ диссертацію на степень магистра: „Объ Аѳинской игемоніи“ и защитилъ ее 19 мая 1858 года. Со степенью магистра историческихъ наукъ онъ отправился въ 1860 году за границу на казенный счетъ—для дальнѣйшихъ занятій избранною спеціальностію въ виду будущей профессуры. Большую часть двухгодичнаго слишкомъ пребыванія своего въ чужихъ краяхъ онъ провелъ въ Германіи—въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Мюнхенѣ, Боннѣ, слушалъ и пользовался руководствомъ извѣстныхъ профессоровъ Гейсера, Зибеля, Дройзена, сохранивъ наиболѣе благодарную память и симпатію къ первому изъ нихъ; затѣмъ Василій Васильевичъ посѣтилъ Лондонъ, Оксфордъ и Парижъ, желая ознакомиться съ методами историческаго преподаванія, библіотеками и музеями. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ причисленъ къ университету преподавателемъ всеобщей исторіи; 7 октября 1863 года защитилъ докторскую диссертацію—„Эпоха древней тиранніи въ Греціи“ и вслѣдъ затѣмъ былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ; въ слѣдующемъ 1864 году онъ былъ избранъ въ экстраординарные, а въ 1866 году въ ординарные профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи; въ 1865 году онъ удостоился высокой чести быть приглашеннымъ для занятій по своему предмету съ Наслѣдникомъ престола, нынѣ царствующимъ Государемъ. Хотя ученые вкусы и предпочтенія Василья Васильевича со времени пребыванія за границей стали склоняться въ сторону новой исторіи, *онъ, по желанію* факультета, принялъ на себя чтеніе древ-

ней исторіи и въ продолженіе пяти лѣтъ велъ это дѣло съ полнымъ усердіемъ и соотвѣтствующимъ успѣхомъ. Пишущему эти строки приходилось слышать отъ бывшихъ тогдашнихъ студентовъ историко-филологическаго факультета, притомъ отъ лучшихъ изъ нихъ, самыя благодарныя воспоминанія объ этихъ лекціяхъ. Василій Васильевичъ Бауеръ читалъ греческую и римскую исторію съ краткимъ обозрѣніемъ исторіи Востока; онъ останавливался преимущественно на первоначальныхъ періодахъ исторической жизни того и другаго изъ классическихъ народовъ, критически разбиралъ источники, указывалъ существенныя главныя основанія новѣйшихъ ученыхъ взглядовъ и теорій; онъ имѣлъ при этомъ въ виду ознакомленіе слушателей съ самымъ методомъ научнаго историческаго изслѣдованія. Для той же цѣли, сверхъ общихъ курсовъ, онъ читалъ спеціальные: „о первыхъ книгахъ Тита Ливія“ и „объ Аристотелевомъ государствѣ“. Съ третьяго года своей профессуры, Василій Васильевичъ сталъ обращаться и къ новой исторіи, а въ 1869 году онъ получилъ возможность послѣдовать первоначальнымъ своимъ влеченіямъ. Вступленіе въ составъ историко-филологическаго факультета двухъ доцентовъ, изъ коихъ одинъ (Ѳ. Ѳ. Соколовъ) взялъ на себя чтеніе древней исторіи, а другой (пишущій эти строки)—средней, позволило ему сосредоточиться на новой исторіи. Главная заслуга Василья Васильевича, какъ профессора, состоитъ именно въ томъ, что онъ впервые поставилъ этотъ отдѣлъ историческаго преподаванія на прочную основу; хотя и прежде новая исторія читалась въ Петербургскомъ университетѣ, но только изрѣдко, какъ бы урывками и случайно. Василій Васильевичъ выработалъ серьезный и систематическій курсъ новой исторіи и затѣмъ не переставалъ держать свое преподаваніе на уровнѣ современнаго научнаго движенія въ этой области. Сколько нибудь знающіе люди понимаютъ, что это вообще на легкое дѣло, и особенно по отношенію къ новой исторіи. Именно исторія трехъ или четырехъ послѣднихъ столѣтій разрабатывается въ настоящее время наиболѣе оживленнымъ образомъ. Каждый годъ открываются новые и новые архивные матеріалы, существуетъ масса изданій, посвященныхъ ихъ обнародованію, сотни ученыхъ занимаются ихъ разработкою въ

Германіи, Франціи, Англіи; десятки первостепенныхъ ученыхъ, для которыхъ исторія реформаціи и революціи есть своя національная и народная исторія, издаютъ изслѣдованія и труды, иногда кореннымъ образомъ измѣняющіе недавно господствовавшія воззрѣнія. Задачу университетскаго преподавателя Василій Васильевичъ понималъ въ высшей степени серьезно и строго; это пониманіе требовало не какого-либо поверхностнаго библіографическаго ознакомленія со всею новѣйшею литературой его обширной спеціальности, но неустаннаго и внимательнаго ея изученія. Свои курсы и каждую свою лекцію въ отдѣльности Василій Васильевичъ тщательно обдумывалъ заранѣе, заботился о стройности и ясности изложенія и передавалъ результаты своего изученія и своихъ размышленій съ искреннимъ и неподдѣльнымъ одушевленіемъ. Серьезность и добросовѣстность его отношенія къ своему дѣлу сами собою обнаруживались въ его чтеніяхъ, чувствовались и цѣнились его аудиторіей. Обладая въ высокой степени и внѣшними качествами хорошаго лектора, Василій Васильевичъ всегда собиралъ вокругъ своей каѳедры большое число слушателей, между прочимъ и изъ среды другихъ факультетовъ, и хотя онъ никогда не былъ ни популярничающимъ, ни популярнымъ профессоромъ, всегда былъ уважаемымъ и любимымъ. Помимо ученой содержательности его лекцій, помимо безспорнаго дара устнаго изложенія, было въ самой его личности и въ содержаніи читаемыхъ имъ курсовъ еще нѣчто особенное, глубокое и важное, что привлекало къ нему благородную и чуткую молодежь, оставляло болѣе или менѣе ясныя и сознательныя, но прочныя симпатіи. Мы надѣемся, что воспоминанія молодыхъ друзей и слушателей покойнаго, которые должны явиться, объяснятъ намъ живѣе внутреннія основанія того сочувствія, которое внушалъ имъ ихъ учитель. Пишущій эти строки никогда не былъ слушателемъ Василья Васильевича Бауера; онъ можетъ объяснить несомнѣнно существующій фактъ только посредствомъ наведенія и догадокъ, опираясь на свое знакомство съ личностію почтеннаго товарища, припоминая ученыя бесѣды въ его кабинетѣ, которыя, къ глубокому сожалѣнію пишущаго, не могли быть столь часты и продолжительны, какъ бы онъ *того желалъ*. Важно то, что, будучи прежде всего человѣ-

комъ долга, строгимъ и неуклоннымъ исполнителемъ своихъ ближайшихъ обязанностей, Василій Васильевичъ совсѣмъ не былъ сухимъ формалистомъ ни въ практической дѣятельности, ни въ профессорской и ученой. Стремленіе къ искренности, теплотѣ и правдѣ, чѣмъ онъ объяснялъ нѣкоторыя стороны нѣмецкой реформаціи, составлявшей любимый предметъ его лекцій, прежде всего одушевляло всегда и неизмѣнно самаго лектора. По натурѣ своей Василій Васильевичъ былъ человѣкъ религіозный: не только умомъ, но и сердцемъ, понималъ онъ значеніе и смыслъ глубокихъ религіозныхъ движеній XVI столѣтія, и о главныхъ герояхъ этихъ движеній не могъ говорить безъ волненія. Василій Васильевичъ Бауеръ былъ по исповѣданію протестантъ, принадлежалъ къ лютеранской церкви, но онъ съ почтеніемъ относился къ православію; о православной церкви и знакомыхъ ему ея представителяхъ изъ среды духовенства онъ говорилъ съ большимъ уваженіемъ; самое знакомство основывалось на томъ, что дѣти Василья Васильевича были, по матери, православными и воспитывались въ такомъ духѣ, который тому соотвѣтствовалъ. Такимъ образомъ интересы православія не были чужды уму и сердцу Василія Васильевича; онъ искренне желалъ, чтобы дѣти его оставались православными и были въ то же время одушевлены теплымъ, живымъ и дѣятельнымъ христіанскимъ духомъ. Сохраняя лучшія изъ качествъ племени, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію, Василій Васильевичъ Бауеръ былъ русскимъ человѣкомъ по своимъ убѣжденіямъ и чувствамъ. Печатные труды его доказываютъ, что онъ судилъ съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ о нѣмцахъ и французахъ, о самыхъ жгучихъ вопросахъ ихъ племенной и національной борьбы; для него было возможно и легко то, что не дается самымъ большимъ европейскимъ ученымъ, когда они причисляютъ себя къ одной изъ названныхъ народностей; независимость сужденій отъ какой-либо предвзятой тенденціи, жизненное по своей внутренней сущности, а не по внѣшности только, отношеніе къ трактуемымъ важнымъ вопросамъ всемірной исторіи, все это должно было проникать чтенія Василья Васильевича съ каѳедры, одушевляя его самого и, въ *концѣ концовъ*, дѣйствуя на слушателей.

Не мы первые сдѣлаемъ то замѣчаніе, что добросовѣстно и строго исполняемыя обязанности профессора не всегда окрыляютъ, а напротивъ, часто сокращаютъ ученую производительность. При этомъ нужно имѣть въ виду особыя условія русской жизни, которыя, съ одной стороны, характеризуются малочисленностью и недостаточностью ученыхъ силъ, способныхъ замѣстить каѳедры въ высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, а съ другой—дѣлаютъ кумуляцію преподавательскихъ обязанностей матеріальною, иногда горькою необходимостію съ точки зрѣнія сколько-нибудь обезпеченнаго существованія немногихъ наличныхъ ученыхъ единицъ, особенно при семейномъ положеніи ихъ.

Василій Васильевичъ Бауеръ, кромѣ университета, преподавалъ въ Александровскомъ лицеѣ новую и русскую исторію, сверхъ того читалъ на высшихъ женскихъ курсахъ съ самаго ихъ возникновенія—сначала древнюю исторію, а затѣмъ—новую. Вездѣ имъ одинаково дорожили и какъ преподавателемъ, и какъ личностію, приносящею собою нравственное и серіозное вліяніе на всю окружающую среду. Въ университетѣ Василій Васильевичъ Бауеръ въ продолженіе трехъ лѣтъ исполнялъ, сверхъ того, обязанности декана историко-филологическаго факультета (послѣ смерти И. И. Срезневскаго) и принималъ самое горячее участіе во всѣхъ интересахъ университетской жизни, всюду проявлялъ тѣ основныя качества, которыя характеризовали его профессорскую дѣятельность: добросовѣстное и строгое отношеніе къ исполненію своего прямаго долга, равно какъ и свое глубокое уваженіе къ законности и доброму порядку. Въ послѣдніе годы Василій Васильевичъ тяготился такими многосложными, утомительными занятіями. Онъ мечталъ о бо́льшемъ досугѣ, объ обращеніи къ научно-литературной дѣятельности, о продолженіи и окончаніи начатыхъ трудовъ, объ окончательной обработкѣ, объ изданіи своихъ лекцій по исторіи реформаціи. Василій Васильевичъ несомнѣнно любилъ науку и мучился тою мыслью, что, пожалуй, не оставитъ въ ней такого слѣда, какой онъ могъ и долженъ былъ бы оставить. Опять-таки въ этомъ не было ни тѣни суетности или честолюбія; безъ малѣйшей примѣси зависти или какой-либо затаенной ревниво-

сти онъ относился къ ученой славѣ, къ ученымъ и литературнымъ успѣхамъ нѣкоторыхъ своихъ сверстниковъ по студенческимъ годамъ, сдѣлавшихся товарищами по профессурѣ, и охотно признавалъ большую даровитость того или другаго изъ нихъ. Въ самое послѣднее время „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ ожидалъ отъ него подробной рецензіи на капитальный трудъ профессора Вл. Ив. Ламанскаго, относящійся къ новой исторіи. Но Василій Васильевичъ зналъ также цѣну и всякой небольшой безпритязательной и честной ученой работы; онъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ только шарлатанство и неискренность, малѣйшіе признаки лживости и фальши подъ маской учености и ученыхъ стремленій; онъ подозрительно относился къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ предполагалъ наклонность сдѣлать изъ науки корыстную промышленную статью. Вообще мы считаемъ умершаго товарища человѣкомъ чистымъ и безупречнымъ во всѣхъ отношеніяхъ; думаемъ, что онъ всегда могъ утѣшаться высокимъ и завиднымъ сознаніемъ о неимѣніи никакого пятна на своей совѣсти, никакой сознательно сдѣланной несправедливости или обиды. Если онъ когда-нибудь ошибался въ своихъ приговорахъ и сужденіяхъ о людяхъ, то развѣ только подъ вліяніемъ указанной подозрительности, основывающейся на преданности и благоговѣніи къ наукѣ. Въ факультетѣ очень цѣнили отзывы Василья Васильевича о сочиненіяхъ, представляемыхъ въ качествѣ диссертацій на ученыя степени магистра и доктора по всеобщей исторіи; всегда они были справедливы, хотя и строги, всегда были подробно и тщательно мотивированы и носили на себѣ признаки собственнаго внимательнаго и повтореннаго изученія данныхъ вопросовъ. Товарищи хорошо знали, въ чемъ заключалась сильная сторона Василья Васильевича, какъ ученаго, раздѣляя съ нимъ его уваженіе къ строгости критическаго метода и изслѣдованія; самъ покойный, конечно, сознавалъ свои способности и силы. Отъ того-то онъ и сокрушался мыслью о малочисленности своихъ печатныхъ трудовъ, стремился къ пріобрѣтенію нѣкотораго досуга для продолженія и окончанія давно начатыхъ изслѣдованій. Ради того Василій Васильевичъ отказался, по истеченіи перваго же трехлѣтія, отъ должности декана

историко-филологическаго факультета, не смотря на общее желаніе и просьбы товарищей, избравшихъ его снова. Ради того онъ оставилъ преподаваніе на высшихъ женскихъ курсахъ, основанныхъ его товарищемъ, проф. К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, и всегда пользовавшихся его сочувствіемъ. Осенью нынѣшняго года онъ, впрочемъ, снова воротился къ этому дѣлу—отчасти вслѣдствіе измѣнившихся семейныхъ обстоятельствъ, именно смерти брата, возложившей на него заботы, кромѣ своей, еще объ одной осиротѣлой семьѣ, отчасти вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ, можно сказать—мольбы, обращеной къ нему со стороны завѣдывающихъ курсами, со стороны его почитателей и почитательницъ, сохранявшихъ самыя лучшія и теплыя воспоминанія объ его преподавательской дѣятельности и благородномъ характерѣ, о благотворномъ его вліяніи на внутреннюю жизнь молодаго учрежденія. Опять были отложены или отсрочены въ своемъ исполненіи ученые замыслы и мечты: исторія довольно обыкновенная, но для такихъ натуръ, какъ у Василья Васильевича, имѣющая серьезное, почти трагическое значеніе.

Напечатанныя изслѣдованія и статьи Василья Васильевича Бауера, хотя онѣ и не многочисленны, все-таки свидѣтельствуютъ, наравнѣ съ обѣими его диссертаціями, о его высокомъ ученомъ образованіи, его преданности научнымъ интересамъ. Онѣ главнымъ образомъ относятся къ исторіи XV и XVI столѣтій, центру его спеціальныхъ ученыхъ занятій. Мы можемъ припомнить слѣдующія статьи: 1) „Сношенія Россіи съ императорами Священной Римской имперіи въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка“ („Журналъ Мин. Народн. Просв.“, 1870 г.); 2) „Матеріалы къ исторіографіи XVI вѣка. Іоаннъ Слейданъ и его комментаріи“ („Журналъ Мин. Народн. Просв.“, 1874 года); 3) статья по поводу книги Губера: „Der Jesuiten-Orden“ („Сборникъ государственныхъ знаній“ В. П. Безобразова); 4) разборъ сочиненія д-ра Поссельта: „Der General und Admiral Franz Lefort“ („Журналъ Мин. Народн. Просв.“, 1867 г.); 5) разборъ сочиненія К. Я. Лютебиля: „Историко-филологическія изслѣдованія“ (тамъ же, 1869 г.), и 6) большая критическая статья на книгу Легрелля: „Louis XIV et Strasbourg“ („Журналъ Мин. Народн. Просв.“, 1884 г.).

Не изданнымъ, хотя совершенно готовымъ къ печати остается обширное изслѣдованіе о такъ-называемой реформаціи Фридриха III, политическомъ памфлетѣ половины XV вѣка, въ которомъ выражаются политическія и умственныя стремленія Германіи наканунѣ реформаціи. Надъ этимъ сочиненіемъ Василій Васильевичъ работалъ въ самое послѣднее время.

В. Васильевскій.

Воспоминанія о Васильѣ Васильевичѣ Бауерѣ одного изъ его учениковъ(*).

6-го ноября 1884 г. не стало одного изъ выдающихся представителей каѳедры всеобщей исторіи при С.-Петербургскомъ университетѣ, занимавшаго ее слишкомъ 20 лѣтъ, съ 1 января 1864 года.

Василій Васильевичъ Бауеръ скончался въ полной еще силѣ своего рѣдкаго педагогическаго и профессорскаго таланта, послѣ непродожительной, но весьма тяжкой болѣзни сердца, которая, совершенно неожиданно и къ глубокой скорби всѣхъ близко знавшихъ этого рѣдкаго, незабвеннаго педагогачеловѣка, свела его въ преждевременную могилу. Ему было всего 51 годъ отъ роду. Родился онъ 13 Декабря 1833 года.

Пишущій эти воспоминанія почтетъ себя всегда счастливымъ, что ему привелось въ продолженіи университетскаго курса быть ученикомъ покойнаго Василья Васильевича, заниматься у него спеціально по новой исторіи и именно реформаціоннымъ періодомъ въ Германіи въ XV и XVI столѣтіяхъ, той эпохою, которую такъ любилъ Василій Васильевичъ и изученію которой посвятилъ онъ лучшіе свои годы, съумѣвъ возбудить въ своихъ слушателяхъ необыкновенный интересъ къ ней своимъ превосходно составленнымъ курсомъ новой исторіи, начиная съ XV столѣтія, читаемымъ имъ на IV курсѣ историко-филологическаго факультета.

Но помимо лекцій, помимо, такъ сказать, оффиціальныхъ отношеній студента къ профессору въ стѣнахъ almae matris, пишущій эти строки имѣлъ возможность въ продолженіи 10

(*) *Изъ „Журн. Мин.* Народн. Просв.“, февраль 1885 г.

лѣтъ пользоваться драгоцѣннымъ руководствомъ и истинно-дружескимъ расположеніемъ незабвеннаго наставника университетской молодежи, и тутъ-то, въ этихъ совершенно частныхъ бесѣдахъ у себя на дому, высказывался Василій Васильевичъ весь съ своею благородной, теплой душою, такъ умѣвшій понимать молодежь, руководить ею въ ея научныхъ занятіяхъ; съ такою любовью и съ такимъ рѣдкимъ самопожертвованіемъ отзывавшійся на все благородное и честное.

Проникнутый благоговѣніемъ передъ свѣжею еще могилою своего учителя и чувствомъ душевной благодарности незабвенному Василью Васильевичу за серьезное, нравственное и культурное вліяніе, которое онъ всегда на меня оказывалъ, я желалъ бы, по мѣрѣ своихъ силъ и воспоминаній, возстановить его свѣтлый и отрадный образъ, очертивъ его съ двухъ выдающихся сторонъ его нравственнаго облика,—какъ университетскаго преподавателя, профессора новой исторіи, руководителя молодыхъ историковъ въ ихъ научныхъ, спеціальныхъ занятіяхъ и какъ человѣка, всегда и вездѣ оказывавшаго благотворное нравственное вліяніе на окружающихъ, обладавшаго необыкновенною твердостью характера и проникнутаго столь рѣдкимъ у насъ сознаніемъ своего долга по отношенію къ взятымъ имъ на себя обязанностямъ.

Для подготовленія къ магистерской и докторской диссертаціямъ и къ занятію университетской каѳедры Василій Васильевичъ ѣздилъ за границу, и мнѣ живо еще представляются его интересные, занимательные разсказы о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ посѣщеній лекцій нѣмецкихъ историковъ, напр. Гейсера въ Гейдельбергѣ, Дройзена и Ранке въ Берлинѣ.

Съ какимъ удовольствіемъ, съ какою любовью вспоминалъ Василій Васильевичъ о прекрасныхъ, въ высшей степени содержательныхъ лекціяхъ Гейсера, о его простотѣ и гумманности въ обращеніи со студентами, находившими въ немъ столь полезнаго руководителя.

За то не скрывалъ онъ и того впечатлѣнія, которое произвелъ на него Dreusen напыщенностью и неестественностью своего изложенія, дѣланнымъ паѳосомъ его лекцій. Онъ указывалъ также на почти исключительно фактическую сторону лекцій знаменитаго Ранке, съ которою никогда не могъ

мириться Василій Васильевичъ, старавшійся всегда въ своихъ лекціяхъ обращать большее вниманіе на внутреннюю, философскую сторону историческихъ событій, на причинную ихъ связь, объясняющую постепенный ходъ исторіи, чѣмъ на внѣшнія, чисто фактическія событія, изложенію которыхъ онъ въ своихъ курсахъ удѣлялъ всегда только самое необходимое мѣсто для уясненія слушателямъ разбираемой имъ эпохи.

Онъ всегда слишкомъ живо переносился въ описываемую имъ эпоху, чтобы ограничиться передачею одной фактической стороны дѣла; если можно такъ выразиться, всегда переживалъ съ историческими личностями ихъ историческое прошлое. Онъ не отрывалъ ихъ отъ той обстановки, среди которой приходилось имъ дѣйствовать, а разсматривалъ ихъ всегда въ связи и зависимости отъ почвы, ихъ создавщей, отъ тѣхъ идей, отъ тѣхъ общественныхъ идеаловъ и воззрѣній, которые составляли нравственный современный ихъ кодексъ; вотъ почему судилъ онъ такъ вѣрно исторически о цѣлыхъ эпохахъ, почему умѣлъ онъ въ своихъ лекціяхъ представить живую психологическую картину западно-европейскаго общества въ извѣстную пору его развитія.

Я уже говорилъ, что Василій Васильевичъ имѣлъ обыкновеніе читать на IV курсѣ въ университетѣ исторію реформаціоннаго періода, пріурочивая ее преимущественно къ Германіи, какъ къ странѣ, гдѣ реформація, по его взгляду, встрѣтила раньше и лучше подготовленную почву, чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ XVI столѣтія. Пытаясь, въ этотъ періодъ всеобщаго государственнаго и соціальнаго кризиса, выработать новые идеалы и новыя для нихъ формы, удовлетворяющіе новымъ, всѣми смутно сознаваемымъ, религіознымъ, политическимъ и соціальнымъ стремленіямъ, реформація измѣнила тамъ весь средневѣковой строй современнаго общества именно потому, что въ Германіи въ этомъ реформанціонномъ движеніи, въ этой соціальной революціи принималъ самое дѣятельное участіе весь народъ, искавшій въ нихъ исцѣленія отъ ненавистнаго ему церковнаго гнета и анормальности государственнаго и общественнаго строя. Совершенно иные были результаты реформаціоннаго движенія, напримѣръ въ Италіи, гдѣ оно коснулось только высшихъ и среднихъ слоевъ общества, не проникнувъ въ народную массу,

и гдѣ потому оно оставило слѣды только въ литературѣ и въ искусствѣ, не измѣнивъ нисколько основныхъ государственныхъ и соціальныхъ принциповъ, на которыхъ развивалось итальянское общество XVI вѣка. Я намѣренно привелъ эти взгляды Василья Васильевича на значеніе реформаціоннаго движенія, такъ какъ они, отчасти, уясняютъ намъ его точку зрѣнія на тотъ періодъ всемірной исторіи, который составлялъ всегда любимый предметъ его университетскихъ лекцій и научныхъ занятій.

Имѣя въ виду въ своемъ общемъ курсѣ излагать по возможности подробно исторію XV, XVI и отчасти XVII столѣтій, Василій Васильевичъ принужденъ былъ, для выясненія значенія вѣковой борьбы между двумя основными факторами всемірной исторіи послѣднихъ четырехъ столѣтій— церкви и государства, начинать свое изложеніе съ самаго возникновенія свѣтской власти римскаго епископа и прослѣдить постепенное развитіе этого когда-то нравственнаго, духовнаго принципа, мало по малу, въ силу фактически благопріятныхъ для него обстоятельствъ, обратившагося въ чисто матеріальную, территоріальную власть, не только не гнушавшуюся свѣтскихъ дѣлъ, но даже постепенно поработившую всю Германію и являвшуюся не преоборимою преградою на пути всякаго развитія и прогресса.

Василій Васильевичъ умѣлъ необыкновенно ясно, вполнѣ наглядно для студента представить полную, законченную картину историческаго явленія, прослѣдивъ его съ самаго зародыша, съ первыхъ признаковъ его возникновенія и доведя его послѣдовательно, черезъ всѣ фазисы его развитія, до его упадка, до смѣны его новымъ явленіемъ, исторически вытекающимъ изъ явленія ему предшествующаго. Понятно, что изложеніе постепеннаго развитія свѣтской власти папъ и параллельно съ нимъ идущей противъ нея оппозиціи научной, народной и соціально-политической въ Германіи XV вѣка, подготовившей реформацію XVI вѣка, давало ему широкое и благодарное поле для его въ высшей степени содержательныхъ лекцій, основанныхъ на самомъ строгомъ безпристрастномъ изученіи источниковъ и обширнѣйшей с каждымъ годомъ еще увеличивающейся научной литературы *реформаціоннаго* періода въ Германіи.

Благодаря тому обстоятельству, что онъ, изъ году въ годъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ читалъ для студентовъ III и IV курсовъ исторію XV, XVI и отчасти XVII столѣтій, Василій Васильевичъ съумѣлъ разумѣется до того всесторонне выработать свой курсъ не только по содержанію, по строго обдуманному плану изложенія, но и по внѣшней, вполнѣ изящной формѣ преподаванія, что безъ сомнѣнія курсъ этотъ надолго останется для русскихъ университетовъ образцовымъ и достойнымъ образомъ пополнитъ весьма сильно ощущавшійся до него пробѣлъ въ исторической наукѣ, занимающейся изученіемъ германо-романскаго міра. Въ виду этого весьма желательно было-бы, по мнѣнію автора этихъ воспоминаній, напечатать этотъ курсъ, чтобы онъ не пропалъ бы для будущихъ поколѣній нашихъ студентовъ-историковъ. Выбиралъ Василій Васильевичъ въ университетѣ преимущественно исторію XV и XVI столѣтій потому, что совершенно справедливо придавалъ ей громадное значеніе для вѣрнаго историческаго пониманія всей дальнѣйшей судьбы западно-европейскаго общества, для выясненія себѣ тѣхъ историческихъ задачъ, которыя выпали на долю XIX вѣка, получившаго ихъ въ наслѣдіе отъ предшествующихъ вѣковъ, какъ результатъ реформаціи и революціи обновившихъ государственный и соціальный строй современнаго общества, все міровоззрѣніе современнаго человѣка.

По взгляду своему на значеніе исторической личности, на ту роль, которую она играетъ во всемірной исторіи, Василій Васильевичъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ историковъ, которые смотрятъ на историческую личность, какъ на продуктъ ея времени, какъ на энергическаго, талантливаго выразителя и истолкователя тѣхъ задушевныхъ стремленій, тѣхъ назрѣвшихъ въ общественномъ сознаніи требованій, необходимость которыхъ смутно сознаетъ все имъ современное общество. Историческія личности, по взгляду той исторической школы, къ которой принадлежалъ и Василій Васильевичъ, могутъ опережать свое время, могутъ ускорить ходъ историческихъ событій; они могутъ, наконецъ, своими дѣйствіями и взглядами имѣть громадное вліяніе на современное имъ общество; но во всякомъ случаѣ они являются на *историческую арену* только въ силу того, что до появле-

нія ихъ уже заранѣе почва была для нихъ подготовлена. Однимъ словомъ, эта школа, не отымая чисто индивидуальныхъ, личныхъ заслугъ у историческаго дѣятеля, способствующихъ ему выполнить его историческое призваніе, тѣмъ не менѣе ставитъ его въ зависимость отъ той обстановки, среди которой приходится ему дѣйствовать, отъ тѣхъ общественныхъ идеаловъ и воззрѣній, выразителями которыхъ является историческое лицо и которые, въ свою очередь, подготовили его историческую дѣятельность.

Выясненіе взгляда, котораго придерживался Василій Васильевичъ на задачу и значеніе историческаго лица, представляется намъ весьма важнымъ для того, чтобы понять, какимъ образомъ смотрѣлъ онъ на выдающіяся эпохи читаемаго имъ курса исторіи, на дѣятельность знаменитыхъ реформаторовъ XV и XVI столѣтій, на ихъ историческое призваніе. Того же взгляда на значеніе исторической личности держался онъ и въ своемъ спеціальномъ курсѣ, при разборѣ дѣятельности Людовика XIV, при разсмотрѣніи той исторической роли, которая досталась ему въ наслѣдіе отъ государственной и политической программы его талантливыхъ предшественниковъ на пути крайняго абсолютизма—Ришелье и Мазарини, подготовившихъ оказавшуюся столь гибельною впослѣдствіи для Франціи государственную систему, нашедшую свое рельефное олицетвореніе въ извѣстномъ афоризмѣ Людовика XIV: „L'etat c'est moi". Также смотрѣлъ онъ и на грандіозную личность Карла V, непонявшаго своей прямой задачи—поддержаніе національныхъ, нѣмецкихъ интересо[въ] въ реформаціонной борьбѣ, охватившей всю Германію, и в[сю] жизнь свою увлекавшагося уже отжившимъ для его време[ни] идеаломъ всемірнаго монарха, полная несостоятельность к[о]тораго привела его къ преждевременному отреченію о[тъ] престола. На самую реформацію смотрѣлъ Василій Василь[е]вичъ какъ на эпоху всеобщаго кризиса въ исторіи чел[о]вѣческаго развитія, всеобщаго броженія всѣхъ государстве[н]ныхъ, религіозныхъ и соціальныхъ элементовъ, какъ [на] эпоху всеобщаго разложенія всего средневѣковаго, вѣка[ми] созданнаго строя, въ которой поколеблено было все мірово[з]зрѣніе, на которомъ развивалось средневѣковое обществ[о]. *Если реформація* сначала на первый планъ выставила в

просы религіозные и имѣла своимъ ближайшимъ результатомъ великій расколъ въ западной церкви, то причины этому, по взгляду Василья Васильевича, кроются въ томъ, что средневѣковая церковь наложила такую печать, такую опеку на весь современный строй, такимъ тяжелымъ бременемъ ложилась она на всю средневѣковую жизнь, что нельзя было ни до чего коснуться, ничего реформировать, не отстранивъ сперва главнаго врага, стоявшаго на пути всякаго движенія, всякаго прогресса—католическую церковь. Вотъ почему реформація приняла сначала оболочку религіозную и разсматривалась многими историками еще до 30-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, какъ исключительно религіозное движеніе, какъ смѣлая оппозиція противъ казавшейся до тѣхъ поръ непоколебимою католической церкви. Новѣйшая же историческая наука, выводы которой находили всегда въ Васильѣ Васильевичѣ столь талантливаго истолкователя, уже давно признала за несомнѣнный фактъ, что въ реформаціонную эпоху рядомъ съ вопросами религіозными выступали и даже часто брали верхъ вопросы чисто политическіе и соціальные. Послѣдніе одни только, по мнѣнію Василья Васильевича, и могли поднять на ожесточенную, кровавую борьбу народную массу, которая всегда оставалась бы болѣе или менѣе равнодушною къ богословскимъ вопросамъ, чисто отвлеченнаго характера, по большей части даже для нея непонятнымъ и во всякомъ случаѣ несущественнымъ. Революція-же, разразившаяся надъ Франціею въ концѣ XVIII столѣтія, есть только дальнѣйшее развитіе той же реформаціи XVI вѣка, охватившей всю западную Европу и только задержанной на время католическою реакціею, чтобы съ тѣмъ большею силою провозгласить тѣ же основные принципы личной и умственной свободы человѣка отъ церковнаго и государственнаго гнета, предвѣстниками которыхъ еще задолго до Лютера и Эразма явились Виклефъ, Гуссъ, Саванаролла, Faber Stapulensis и другіе реформаторы и гуманисты великой эпохи возрожденія.

Я намѣренно подробно развилъ эти основныя мысли, эту точку зрѣнія Василья Васильевича на задачу исторической личности, на внутреннее значеніе выдающихся эпохъ всемірной *исторіи потому*, что они, какъ красная нить, прохо-

дятъ черезъ его лекціи и по нимъ лучше всего можно себѣ составить ясное, опредѣленное понятіе о ихъ научномъ и педагогическомъ значеніи, о глубокомъ всестороннемъ интересѣ, заключающемся въ нихъ для студента, желающаго серьезно заняться изученіемъ германо-романскаго міра.

Кромѣ общаго курса, въ которомъ онъ, какъ мы видѣли, читалъ преимущественно исторію реформаціоннаго періода въ Германіи, пріурочивая къ ней исторію другихъ государствъ въ эту интересную эпоху, Василій Васильевичъ читалъ еще обыкновенно для спеціалистовъ исторію XVIII вѣка, начиная съ Людовика XIV и его предшественниковъ, при чемъ онъ дѣлалъ мастерскую и чрезвычайно полную характеристику вѣка крайняго абсолютизма и за симъ, изложивъ студентамъ правленіе Филиппа Орлеанскаго и Людовика XV, переходилъ къ описанію великой французской революціи, изложенію внутренней философской стороны которой посвящалъ онъ большую часть своего спеціальнаго курса. Кромѣ того, въ продолженіи уже слишкомъ 20 лѣтъ, читалъ онъ всеобщую исторію въ Александровскомъ лицеѣ, а послѣдніе годы, отчасти, новую и древнюю исторію съ исторіею востока на высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсахъ. Послѣдній изъ этихъ курсовъ, именно: исторія востока, древней Греціи и Рима весьма желательно было бы, по моему, также видѣть напечатаннымъ, въ виду превосходно составленнаго плана, положеннаго въ его основаніе и серьезныхъ научныхъ его достоинствъ, представляющихъ весьма удачный опытъ внутренней, философской исторіи древняго міра, изложенной на образцовомъ, удивительно точномъ и пластичномъ языкѣ, всегда такъ отличавшемъ лекціи незабвеннаго Василья Васильевича.

Несомнѣнная и навсегда остающаяся заслуга Василья Васильевича, какъ профессора, та, что онъ первый поставилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ изученіе новс исторіи и главнымъ образомъ романо-германскаго міра ı прочную научную почву. До него новая исторія никог систематично не читалась въ С.-Петербургскомъ универс тетѣ, да и вообще читается она довольно рѣдко и въ др гихъ нашихъ русскихъ университетахъ.

Въ заключеніе своего очерка я желалъ бы, на сколь *хватитъ моихъ* силъ, возстановить передъ читателемъ н

ственную личность моего учителя, его свѣтлую, благородную душу, такъ горячо всегда отзывавшуюся на все, что касалось учащагося юношества, его успѣховъ, надеждъ и колебаній.

Василій Васильевичъ былъ истиннымъ педагогомъ въ широкомъ смыслѣ этого понятія. Онъ горячо къ сердцу принималъ судьбу русскаго просвѣщенія; не ограничивался оффиціальными своими отношеніями къ студентамъ, какъ профессоръ, какъ чтецъ лекцій и экзаменаторъ по своему предмету; онъ требовалъ отъ своихъ спеціалистовъ всесторонняго изученія того или другаго отдѣла исторіи по источникамъ первой руки, подробнаго и обстоятельнаго знакомства съ литературою изучаемаго вопроса; съ необыкновеннымъ рвеніемъ и неподдѣльною любовью руководилъ ими съ первыхъ же шаговъ ихъ научныхъ занятій и радовался ихъ успѣхамъ. Къ сожалѣнію, не привелось ему самому оппонировать и присутствовать на диспутѣ одного изъ его лучшихъ учениковъ—молодаго изслѣдователя, работавшаго по весьма еще мало обработаннымъ шведскимъ источникамъ и представившаго уже на степень магистра всеобщей исторіи объемистый трудъ по исторіи Швеціи и Даніи въ XV и XVI столѣтіяхъ. Покойный Василій Васильевичъ, еще наканунѣ смерти, дѣлалъ письменныя замѣчанія на эту диссертацію, не ожидая, конечно, что не ему придется быть ея оппонентомъ.

Въ своей служебной жизни, какъ секретарь факультета и какъ деканъ, Василій Васильевичъ отличался необыкновенною добросовѣстностію; онъ проникнутъ былъ чувствомъ долга по отношенію къ взятымъ на себя обязанностямъ, крайнею точностію и аккуратностію—качества, которыя составляли отличительную черту его характера.

Въ частной своей жизни онъ отличался твердостью и ровностью характера, строго выработанными взглядами на жизнь, непоколебимыми убѣжденіями, отъ которыхъ онъ никогда не отказывался. Онъ всѣмъ всегда прямо высказывалъ свое мнѣніе, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями. Но та сфера, которая была его задушевною сферою, куда стремился онъ постоянно и мыслями, и душою, гдѣ находилъ онъ полное, столь заслуженное успокоеніе послѣ тяжелаго профессорскаго труда, была для него вся жизнь—

его семейный очагъ. Дѣйствительно, семьяниномъ былъ онъ идеальнымъ и столь преждевременная его кончина, конечно, всѣмъ своимъ невыносимымъ, удручающимъ бременемъ прежде всего и больше всего ложится на его бѣдную семью.

Миръ же праху твоему, незабвенный учитель, рѣдкій профессоръ, добрый, гуманный человѣкъ, добросовѣстный труженикъ! Намъ, его ученикамъ, остается только проникнуться свѣтлымъ его нравственнымъ образомъ, идти по той стезѣ правды и добра, которую онъ намъ указалъ и по которой шелъ онъ всю свою жизнь и такимъ образомъ почтить его память.

Гр. А. Мусинъ-Пушкинъ.

30 ноября 1884 г.
С.-Петербургъ.

Исторія Германо-Романскаго міра въ XV и XVI столѣтіяхъ.

Реформаціонная эпоха.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Прежде, чѣмъ, я приступлю къ систематическому изложенію событій, позвольте мнѣ объяснить вамъ нѣкоторыя общія положенія, усвоивъ которыя, вамъ ясенъ станетъ и характеръ нашихъ бесѣдъ и самый планъ нашего курса. Я долженъ это сдѣлать потому, что, вообще говоря, не для всѣхъ ясно, что́ собственно значитъ наука исторіи, какая цѣль ея, чего мы ищемъ, чего мы хотимъ, изучая ее.

Изученіе явленій въ ихъ постоянномъ развитіи, ростѣ, прогрессѣ и есть предметъ исторіи.

Въ этомъ изученіи мы стараемся отыскать причины явленій, смыслъ ихъ, логическую связь съ предъидущимъ, законы, по которымъ развивается общество.

Безъ этого изученія связи, смысла, логики событій—нѣтъ исторіи: знаніе однихъ голыхъ фактовъ, именъ и годовъ, не есть еще исторія, какъ собираніе гербаріевъ,—не есть еще ботаника. Только пониманіе связи между явленіями, сознаніе, почему одно явленіе вытекло изъ другаго—есть историческая наука.

Въ твореніи Бога—въ мірѣ физическомъ, какъ и въ мірѣ духовномъ, ничто не происходитъ случайно, все происходитъ по извѣстнымъ законамъ; каждое явленіе, каждый фактъ имѣетъ свои причины, иногда весьма сокровенныя. Доискиваться этихъ причинъ, этихъ законовъ развитія—вотъ что значитъ исторически работать. Только тотъ, кто изучилъ и понялъ ходъ развитія человѣчества въ предъидущихъ столѣ-

тіяхъ, ясно понимаетъ настоящее. Отсюда и опредѣленіе исторіи—она есть пониманіе настоящаго изъ изученія прошедшаго. Потому-то исторія есть такой общеобразовательный предметъ, она пріучаетъ исторически мыслить, объективно относиться ко всему вокругъ насъ совершающемуся, отличать существенное отъ случайнаго, истинное—отъ ложнаго, болѣзненное—отъ здороваго, пріучаетъ предвидѣть и предупреждать отклоненія отъ правильнаго пути. Какъ врачъ, изучившій организмъ человѣческій и законы его развитія, совершенно ясно понимаетъ всѣ явленія здоровыя и болѣзненныя этого организма, такъ и историкъ, изучившій ходъ развитія цѣлаго общества, ясно понимаетъ совершающіяся вокругъ него явленія. Посему и мы не одними фактами будемъ заниматься, а будемъ стараться вникнуть въ значеніе этихъ фактовъ, будемъ стараться уяснять себѣ законы, по которымъ развивалось общество; а для этого намъ необходимо прослѣдить всякое явленіе съ самаго его зародыша до полнаго его расцвѣта. Слѣдовательно, цѣль наша,—знакомя съ фактами, уяснить себѣ законы, по которымъ развивался германо-романскій міръ въ XV и XVI столѣтіяхъ. Если отыскивать и уяснять законы развитія, есть задача историка, то это, въ особенности, надо помнить и это особенно приложимо относительно періода исторіи, насъ занимающаго въ настоящее время.

Итакъ, предметомъ нашего курса будетъ исторія германо-романскаго міра въ XV и XVI столѣтіяхъ, т. е. часть того отдѣла исторіи человѣчества, который мы привыкли обыкновенно называть новой исторіей. Этотъ отдѣлъ у насъ въ Россіи до сихъ поръ весьма мало разработывался; въ нашей научной исторической литературѣ весьма немного самостоятельныхъ научныхъ трудовъ по исторіи западной Европы, начиная съ XVI столѣтія, тогда какъ по древней и средней исторіи мы можемъ указать на весьма почтенные труды. Причиною тому: во-первыхъ, то обстоятельство, что въ русскихъ университетахъ весьма рѣдко читалась до сихъ поръ новая исторія и потому къ ней мало развивалось симпатій; во-вторыхъ, занятія ею затрудняются недостаткомъ матеріала, изъ-за котораго, въ большей части случаевъ, надо ѣздить за границу: въ третьихъ наконецъ, мнѣ кажется, это происходитъ отъ весьма распространеннаго, не совсѣмъ вѣрнаго взгляда

на новую исторію. Дѣло въ томъ, что для насъ изученіе исторіи западной Европы имѣетъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ для самихъ французовъ, нѣмцевъ, англичанъ: для нихъ исторія эта—есть исторія родная, каждая мелочь для нихъ важна и интересна; для насъ же исторія запада, которую мы можемъ изслѣдовать гораздо безпристрастнѣе, имѣетъ цѣну болѣе съ философской стороны, для выводовъ общихъ законовъ развитія человѣчества, т. е. общихъ историческихъ законовъ.

Хотя мы и принадлежимъ къ иному племени, чѣмъ большинство населенія западной Европы, имѣемъ свой характеръ и отличительныя черты, тѣмъ не менѣе, общіе законы природы, общіе законы развитія остаются для всего человѣчества одинаковыми, стоятъ выше всякихъ племенныхъ различій и особенностей. Близкое знакомство съ постепеннымъ ростомъ западныхъ народностей позволяетъ намъ дѣлать сравненія, выводы, опредѣлять эти общіе законы, уясняетъ намъ наше собственное развитіе, какъ членовъ общечеловѣческой семьи. Знакомые съ этими общими законами человѣческаго развитія, мы яснѣе, трезвѣе смотримъ и обсуждаемъ совершающіеся вокругъ насъ факты и, какъ опытные врачи, можемъ иногда предугадывать ходъ болѣзни, и еще въ зародышѣ предупреждать ея развитіе. Потому изученіе исторіи вообще и послѣднихъ столѣтій въ особенности есть такой могучій элементъ для политическаго, государственнаго образованія; потому-то историки еще XV столѣтія называли исторію—„наукою государей и государственныхъ людей". Такое занятіе образуетъ историческое мышленіе — умѣнье обращаться съ фактами; такое занятіе есть одинъ изъ главнѣйшихъ общеобразовательныхъ рычаговъ, придающій уму способность объективно относиться ко всему окружающему, понимать настоящее, сознательно къ нему относиться, изучивъ прошедшее. Но какой объемъ новой исторіи? Какое ея значеніе и характеръ?

Исторія человѣческаго общества, разсматриваемая какъ одно цѣлое, не имѣетъ, собственно говоря, опредѣленныхъ точекъ, съ которыхъ оканчивалось бы одно направленіе и начиналось другое. Исторія человѣчества есть великая рѣка, *въ теченіи которой* нельзя опредѣлить точку, гдѣ кончается

одинъ составъ воды и начинается другой. Исторія есть непрерывная и неразрывная цѣпь, состоящая изъ звеньевъ, тѣсно связанныхъ между собою. Разсматривая пристальнѣе эту непрерывную цѣпь, мы замѣчаемъ однако, что звенья ея, не теряя взаимной связи между собою, измѣняютъ иногда постепенно свое направленіе и затѣмъ идутъ далѣе по другому пути. Вотъ эти-то измѣненія въ направленіи и составляютъ въ исторіи—эпохи. Конечно, то не годъ, а десятки лѣтъ, цѣлыя столѣтія, въ которыхъ новое начало борется съ породившемъ его старымъ, пока оно не одерживаетъ верхъ. Подобные перевороты въ направленіи, въ идеяхъ, не происходятъ внезапно; они зрѣютъ постепенно и вытекаютъ какъ логическіе, естественные результаты изъ предшествовавшихъ причинъ и предшествовавшаго развитія.

Историческая наука посему, на основаніи замѣчаемыхъ ею выдающихся измѣненій въ направленіи, принимаетъ дѣленіе всей исторіи человѣчества на три большихъ отдѣла, изъ которыхъ каждый лежитъ между двумя эпохами и подраздѣляется опять, въ свою очередь, на періоды. Это дѣленіе на древнюю, среднюю и новую исторію имѣетъ слѣдовательно не одно только педагогическое значеніе, принимаемое для большаго удобства элементарнаго изученія, но имѣетъ глубокое научное основаніе. Каждый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ свой характеръ, свое значеніе въ исторіи человѣчества; въ каждомъ изъ нихъ человѣческое общество имѣло своеобразныя воззрѣнія на міръ духовный и физическій; въ каждомъ изъ нихъ выработаны извѣстныя понятія, новыя идеи, новые взгляды, которые завѣщаны были послѣдующимъ вѣкамъ для дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія. Чѣмъ же обусловливается этотъ характеръ, это значеніе каждаго отдѣла? Что же измѣняется, принимаетъ новое направленіе и заставляетъ насъ начинать новый отдѣлъ?

Конечно, характеръ того или другаго отдѣла зависитъ отъ измѣненнаго положенія объекта нашей науки, а объектъ ея есть человѣкъ, какъ общественная единица, и все человѣческое общество со всѣми его понятіями, воззрѣніями, вѣрованіями; слѣдовательно, характеръ древней, средней и новой исторіи зависитъ отъ круга понятій, отъ всего міросозерцанія *человѣчества* въ данное время, отъ большаго или мень-

шаго успѣха прогресса въ этомъ міросозерцаніи, отъ большаго или меньшаго признанія человѣческихъ правъ, способностей и человѣческаго достоинства. Такимъ образомъ поставленный нами вопросъ о характерѣ новаго времени выяснится въ общихъ чертахъ, если мы припомнимъ характеръ древняго міра и среднихъ вѣковъ, т. е. тотъ кругъ понятій, который лежалъ въ основаніи тогдашняго человѣчества, и сравнимъ ихъ съ понятіями и стремленіями новаго времени, высказывающимися съ XVI столѣтія.

Отличительный характеръ древняго міра, основное начало всѣхъ понятій и воззрѣній тогдашняго человѣчества было преобладаніе природы, преобладаніе матеріи надъ духомъ; на Востокѣ—въ болѣе грубой формѣ, въ мірѣ грекоримскомъ—въ болѣе облагороженной, эстетической. Человѣкъ жилъ тогда въ болѣе тѣсной связи съ природою, онъ чувствовалъ свое полное ничтожество передъ ея величіемъ и ея силами и подчинялся ей какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Человѣкъ въ то время и не воображалъ, что можно бороться съ природой, что можно ее побѣждать; онъ дѣйствовалъ не по какимъ-нибудь принципамъ, а по природному влеченію, по природнымъ мотивамъ; онъ обоготворялъ природу и ея проявленія и безпрекословно, сознавая свое безсиліе, покорялся ей. Это, такъ сказать, внѣшняя матеріалистическая основа во всѣхъ понятіяхъ древности и составляетъ характеръ древняго міра; она породила всѣ отличительныя его черты, которыя бросаются въ глаза, при поверхностномъ даже изученіи, напримѣръ: процвѣтаніе пластики, художественности въ поэзіи и литературѣ, т. е. формы, внѣшности, говорящей болѣе глазу, чѣмъ чувству.

Отсюда въ древности преобладаніе государства, какъ естественнаго, внѣшняго соединенія надъ церковью, какъ представительницею внутренняго, духовнаго соединенія; отсюда совершенное подчиненіе отдѣльной личности государству, т. е. общему, внѣшней силѣ; государство все поглощаетъ, отдѣльное лицо существуетъ только для государства, оно имѣетъ значеніе и права только какъ часть, какъ членъ общества, а не какъ человѣческое созданіе; исключенный *однажды изъ общины*, древній грекъ или римлянинъ обра-

щался въ безправнаго раба. Отсюда, наконецъ, узкій патріотизмъ въ древности, ограниченный стѣнами роднаго города и недопускавшій возвыситься до идеи народа, націи, до идеи человѣчества. Греческая философія, со временъ Сократа, Аристотеля и Платона, начала разбивать эти односторонніе взгляды, но ученіе философовъ оставалось долгое время достояніемъ только небольшаго кружка людей. Христіанское ученіе пошатнуло окончательно эти основныя воззрѣнія древняго міра и встало къ нимъ въ совершенную оппозицію, выдвинувъ впередъ міръ невидимый, духовный и измѣнивъ въ нѣсколько столѣтій совершенно весь кругъ понятій, все міросозерцаніе древняго общества. На этомъ новомъ міросозерцаніи начиналъ, мало по малу, созидаться новый порядокъ вещей, и вотъ почему историческая наука начинаетъ съ распространенія христіанства новый отдѣлъ—такъ называемую среднюю исторію. Въ древности замѣчаемъ мы преобладаніе природы и силъ ея, въ средніе вѣка—полное отрицаніе ихъ; теорія средневѣковая считала внѣшнюю природу и природный элементъ въ человѣкѣ чѣмъ-то даже враждебнымъ и злымъ, котораго слѣдуетъ избѣгать, побороть, и на мѣсто природныхъ мотивовъ и побужденій въ нашихъ дѣйствіяхъ средневѣковая теорія ставила высшій принципъ, внѣ насъ лежащій. Выдвигая впередъ духовный міръ и считая внѣшній, видимый,—дѣломъ злаго начала, средніе вѣка придавали этому духовному міру такое преобладаніе и превосходство, такую силу, что приписывали ему возможность побѣждать даже силы природы. Отсюда масса чудесъ. Сила духа и вѣра святыхъ такъ велика, что они могутъ побѣждать внѣшнюю природу. Слѣдовательно мы видимъ здѣсь прямую противоположность древности, которая учила, совершенное подчиненіе человѣка непреклоннымъ законамъ судьбы, т. е. природы.

Изъ этого основнаго принципа средневѣковаго міровоззрѣнія объясняются отличительныя черты тогдашняго общества и тогдашняго порядка вещей. Отсюда, напримѣръ, объясняется великое уваженіе, которымъ пользовались: монашескій санъ, истязанія плоти, какъ земнаго начала, удаленi отъ суеты мірской, заслуга безбрачія и т. п. При этомъ *враждебномъ отно*шеніи среднихъ вѣковъ къ природѣ, былъ

совершенно естественно, что искусство и пластика должны были пасть, а съ ними и все то, что стояло въ тѣсной связи съ природой, требовало изученія ея, наблюденія, все то, сущность чего заключалось во внѣшности, въ формѣ. Изящное, привлекательное, веселое, игривое, блестящее, все то, что навѣвается намъ памятниками искусства и литературы древняго міра — въ средніе вѣка оттѣняется мрачнымъ и серьезнымъ характеромъ. Древняя наука привлекаетъ насъ красотою, ясностью, простотою изложенія; средневѣковая наука, схоластика, пренебрегаетъ совершенно красотою и ясностью изложенія и довольствуется темнымъ, напыщеннымъ, даже непонятнымъ языкомъ.

Въ средніе вѣка преобладаетъ духовная сторона въ литературѣ и искусствѣ; чувство находитъ свое полное развитіе, о которомъ въ древности не имѣли понятія; процвѣтаетъ музыка, а не пластика. Изъ этихъ основныхъ характеристическихъ началъ средневѣковаго міросозерцанія вытекаютъ всѣ своеобразныя формы и явленія среднихъ вѣковъ въ политическомъ и соціальномъ мірѣ, которыя становятся въ совершенную противоположность къ древнимъ формамъ и явленіямъ.

Отдѣльный человѣкъ, освободившись отъ гнета и подчиненія внѣшней природы, является съ бо́льшимъ самосознаніемъ своего достоинства и съ бо́льшею самостоятельностью; онъ не признаетъ безусловнаго подчиненія государству, этой внѣшней силѣ, которая поглощала все въ древности; онъ считаетъ себя, какъ человѣкъ, свободнымъ, забывая, что крайняя свобода есть своеволіе, ведущее къ анархіи. Потому-то въ средніе вѣка и не было идеи государства, какъ органической единицы, какъ тѣла, въ которомъ отношенія всѣхъ частей строго опредѣлены; въ средніе вѣка государственною формою была феодальная система, которая есть ничто иное, какъ слабое соединеніе различныхъ самостоятельныхъ частей одного государства, посредствомъ частныхъ договоровъ. Мѣсто древняго государства занимаетъ теперь церковь, какъ внѣшняя форма глубоко религіознаго чувства; и точно также, какъ въ древности всѣ побужденія, стремленія, дѣйствія отдѣльной личности поглощались интересами государства, такъ точно въ средніе вѣка церковь

поглощала все, была исходною точкою и концомъ всего. Не только церковь не подчинялась уже болѣе государству, какъ въ древности; она, напротивъ, въ средніе вѣка выступаетъ противъ него враждебно, подчиняетъ его себѣ и господствуетъ надъ нимъ. Преобладаніе церкви, видимой формы ученія Христа, поглощеніе ею всѣхъ интересовъ породило въ средніе вѣка, въ противоположность древности космополитизмъ, какъ выраженіе ученія Христа объ одной семьѣ человѣческой, при которомъ исчезали національности, и весь родъ человѣческій дѣлился на вѣрныхъ христіанъ, т. е. признававшихъ власть папы, на схизматиковъ и язычниковъ.

Сопоставивъ, такимъ образомъ, характеристическія черты древности и среднихъ вѣковъ, мы увидимъ совершенную противоположность во всѣхъ основныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ: въ древности—господство внѣшней природы, въ средніе вѣка—совершенное отрицаніе ея; тамъ—веселость, игривость, красота, гармонія, изящность во всѣхъ проявленіяхъ человѣческой дѣятельности; здѣсь—серьезное, даже мрачное настроеніе, аскеза; тамъ—преобладаніе внѣшнихъ чувствъ, здѣсь—преобладаніе духа надъ матеріею; тамъ—узкій патріотизмъ, здѣсь—космополитизмъ; тамъ—преобладаніе государства, здѣсь—церкви. Какъ міросозерцаніе древности, отличавшееся односторонностью, уступило мѣсто послѣ долгой борьбы новому средневѣковому міросозерцанію, такъ точно и послѣднее, сложившееся изъ искаженія христіанскихъ истинъ и отличавшееся не меньшею односторонностью, должно было уступить мѣсто новымъ понятіямъ. Подобная реакція была совершенно естественна.

Вотъ съ этой-то начавшейся съ XV столѣтія реакціи противъ средневѣковаго порядка вещей и средневѣковаго міросозерцанія и начинается новый отдѣлъ въ исторіи человѣчества, такъ называемая новая исторія. Реакція эта еще не закончена до сихъ поръ, мы еще живемъ посреди борьбы, начавшейся въ исходѣ XV столѣтія; жгучіе вопросы того времени еще не разрѣшены вполнѣ и донынѣ; но мы можемъ все-таки, вникая въ смыслъ этой борьбы, опредѣлить стремленія и, слѣдовательно, характеръ исторіи послѣднихъ столѣтій. Характеръ этотъ заключается въ томъ, что *новое время старается* привести въ соглашеніе и гармонію

противоположности и крайности древняго и средняго міра; оно старается привести природу, матерію въ надлежащую гармонію съ духомъ; оно силится найти разумныя отношенія между государствомъ и церковью, и между государствомъ и отдѣльнымъ человѣкомъ; оно выдвинуло идею, стоящую между узкимъ патріотизмомъ древности и космополитизмомъ среднихъ вѣковъ—идею національности; оно, однимъ словомъ, стремится сочетать формы древности въ высокими христіанскими истинами, отдѣливъ въ нихъ внесенныя людьми и вѣками искаженія и крайности.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, характеръ новаго времени, выяснившійся намъ изъ сравненія отличительныхъ чертъ древности и среднихъ вѣковъ. Имѣя постоянно передъ собою эти главныя основанія, эти стремленія новаго времени, намъ яснѣе будутъ представляться всѣ событія и они глубже будутъ западать въ нашей памяти. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти главныя основанія опредѣлятъ и нашу точку зрѣнія, и планъ нашихъ бесѣдъ, который я теперь вкратцѣ постараюсь здѣсь изложить.

Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени не ознаменовался такими осязательными явленіями, какъ переходъ отъ древности къ христіанскому времени. Тамъ падали и разрушались древнія государства отъ наплыва новыхъ варварскихъ племенъ; тамъ созидались новыя государства, вслѣдствіе завоеваній и подчиненія пришельцамъ, здѣсь государства большею частью оставались, приблизительно, въ тѣхъ же границахъ, перемѣняя развѣ только династію, которой подчинялись прежде. А между тѣмъ, не смотря на отсутствіе поражающихъ насъ государственныхъ потрясеній, переворотъ, совершившійся въ XV столѣтіи, не менѣе знаменателенъ переворота, стоящаго на гранѣ среднихъ вѣковъ. Здѣсь революція была неосязательная, нравственная, здѣсь произошелъ переворотъ во всемъ міровоззрѣніи человѣческаго общества, во всѣхъ стремленіяхъ, взглядахъ и естественно повлекъ за собою желаніе пересоздать весь общественный строй. Изученіе этой революціи, именно потому, что она менѣе осязательна, гораздо труднѣе, но тѣмъ самымъ представляетъ большій интересъ еще и потому, что множество вопросовъ, возбужденныхъ въ то время, *не вполнѣ разрѣ*шены и до нынѣ.

Но перевороты происходятъ не внезапно, какого-бы свойства они ни были,—физическіе или духовные. Природа, говоритъ старая пословица, не дѣлаетъ скачковъ. Всякое явленіе имѣетъ свою причину, всякій переворотъ есть результатъ десятками лѣтъ зрѣющихъ причинъ, есть результатъ предшествующаго развитія. Христосъ явился, говоритъ апостолъ Павелъ, когда къ тому созрѣло время, т. е., когда несостоятельность древняго міра достигла высшей точки, когда созрѣли результаты односторонности древней жизни; такимъ же образомъ и феодальный строй среднихъ вѣковъ, неограниченное господство церкви, преобладаніе папства, все это рушилось и поколеблено было въ XVI столѣтіи, но причины такого паденія, зародыши его постепенно росли и развивались въ теченіе столѣтій. Задача историка и интересъ въ историческихъ изслѣдованіяхъ и заключается именно въ томъ, чтобы прослѣдить эти причины съ самаго ихъ зародыша до полнаго расцвѣта; тогда ясенъ будетъ не только переворотъ, но и форма, въ которой онъ явился, стремленія его и провозглашаемыя имъ истины.

Потому и мы должны наше обозрѣніе начать съ періода перваго, *подготовительнаго* или переходнаго. Здѣсь мы разберемъ причины разложенія средневѣковаго феодальнаго общества, разложеніе церкви, ослабленіе и паденіе папства, броженіе умовъ въ политическомъ, соціальномъ и научномъ отношеніяхъ.

Второй періодъ есть періодъ реформаціи, обнимающій половину XVI столѣтія. Это—періодъ революціи, не только религіозной, но и политической, и соціальной, въ которомъ стремятся осуществиться и формулироваться новые идеи и взгляды, построивъ на нихъ государства и общество.

Третій періодъ, котораго мы только отчасти коснемся і настоящемъ курсѣ, обнимающій вторую половину XVI и пе вую половину XVII столѣтія, есть періодъ реакціи. Катол ческая церковь, или, лучше сказать, іерархія, противъ кот рой были направлены всѣ удары оппозиціи предшеств щаго періода, чувствуя въ себѣ еще довольно жизне силы, выступаетъ на борьбу явную и тайную противъ плыва новыхъ, опасныхъ для нея идей. Начинается б *на жизнь и смерть*, во время которой католическая цер

нѣсколько преобразовавшись, удерживаетъ за собою власть и укрѣпляетъ ее еще на долго, хотя впрочемъ и не въ прежнихъ размѣрахъ, и во время которой созрѣваетъ новѣйшая идея государства и отношеній его къ церкви—осуществившаяся въ лицѣ Людовика XIV, время котораго составляетъ предметъ другаго нашего курса, обнимающаго вторую половину XVII столѣтія. Вотъ эти три періода новой исторіи—періодъ подготовительный, періоды реформаціи и отчасти реакціи я намѣренъ здѣсь изложить. Времени у насъ немного, а поле предъ нами обширное; а потому я въ состояніи буду останавливаться только на главнѣйшихъ явленіяхъ, стараясь объяснить ихъ внутреннее значеніе, прося васъ возобновить въ памяти событія и факты по руководствамъ. Такъ какъ главный центръ тяготѣнія во всѣхъ событіяхъ этихъ трехъ періодовъ новой исторіи представляетъ Германія, то я буду преимущественно останавливаться на ней, группируя другія государства около нея.

Историографія.

Приступая къ разбору источниковъ по новой исторіи, намъ слѣдуетъ оговориться. Конечно, вы не можете ожидать полнаго перечня и критической оцѣнки каждаго источника—ихъ масса такъ велика, что одно перечисленіе заняло бы слишкомъ значительное время. Мы можемъ только дать здѣсь общую ихъ характеристику, группировать ихъ до нѣкоторой степени и назвать хотя главнѣйшіе изъ нихъ. Я долженъ замѣтить, что до сихъ поръ не существуетъ еще сочиненія, гдѣ бы, хотя до нѣкоторой степени, разобрана была исторіографія новаго времени, подобно тому, какъ мы имѣемъ напримѣръ: сочиненіе Wattenbach'a—Deutchlands Geschichts quellen im Mittelalter; даже нѣтъ ничего подобнаго сборнику Pothast—bibliotecа medii aevi. Есть правда сочиненіе Wachler'a—Geschichte der historischen Forschung und Kunst, seit der Wiederherstellung der litterarischen Cultur in Europa. Goettingen, 1812; но оно чрезвычайно слабое и вполнѣ устарѣвшее. Кромѣ того, есть маленькое сочиненіе Ranke, написанное еще въ 1824 году—Zur Kritik neuerer Géschichtsschreiber, сочиненіе сдѣлавшее эпоху, но для занимающаго насъ здѣсь вопроса тоже неудовлетворительное. Мы о немъ еще будемъ говорить подробно. Остается слѣдовательно пока только ждать такого труда; мы-же, въ настоящее время, можемъ только сообщить вкратцѣ, хотя главнѣйшія черты этой исторіографіи.

Распространеніе христіанства преобразило совершенно міръ. Оно человѣка обратило къ внутренней жизни. Въ древ-

ности, какъ извѣстно, руководилъ интересъ общественной жизни, общественныхъ дѣлъ; въ первое время христіанства, напротивъ, этотъ интересъ исчезъ, и его замѣнилъ интересъ домашній, частный. Конечно, для исторіи это было плохое поле, она не внушала болѣе интереса, и нужно было нѣсколько столѣтій, пока средневѣковое общество успѣло сбросить съ себя эту односторонность, выведенную изъ христіанства и соединить свои интересы съ государственными, общественными интересами. Все образованіе въ средніе вѣка было въ рукахъ духовныхъ,—духовные, по сему, были и историки, исходною точкою ихъ была религія, и интересы—исключительно религіозные. Историческій матеріалъ брали они изъ круга, въ которомъ жили, и рѣдко переходили за предѣлы эпархіи или окрестныхъ монастырей. Когда короли германскіе сдѣлались императорами, и какъ-бы представителями христіанскаго міра и защитниками церкви, слѣдовательно, какъ-бы средоточіемъ тогдашней политической жизни, тогда и нѣмецкіе историки-анналисты, начали расширять кругъ своихъ описаній.

У этихъ анналистовъ вначалѣ нѣтъ никакихъ тенденцій, никакой, ни политической, ни моральной цѣли,—они только повѣствователи, не думающіе ни о потомствѣ, ни о современникахъ, и въ этомъ было ихъ достоинство, какъ правдивыхъ лѣтописцевъ. А знать они могли многое потому, что жили среди дѣлъ, были въ связи съ сильными міра сего. Сначала появляются у нихъ короткія хроники, потомъ эти хроники все болѣе и болѣе расширяютъ кругъ своихъ описаній; наконецъ являются историки, описывающіе исторію своего народа, или отдѣльныя событія изъ нея, и черпающіе матеріалъ изъ хроникъ, народныхъ пѣсенъ и преданій. Но все-таки исторіографія еще долгое время остается по преимуществу въ рукахъ духовныхъ, хотя между анналистами попадаются и люди свѣтскіе, большею частью изъ дворянскаго сословія. Съ XV столѣтія почва для возбужденія историческаго интереса еще увеличилась,—XV вѣкъ—время броженія политическаго и религіознаго,—представляетъ собою необыкновенное умственное развитіе современнаго общества. Книгопечатаніе, конечно, много этому способствовало. *Великія открытія* новыхъ земель, расширяли умственный

кругозоръ современниковъ. Политическое броженіе влекло къ изученію старины, а буря, поднятая противъ зависимости всей средневѣковой жизни отъ папскаго гнёта и стремленіе создать національную церковь, все это заставляло обращаться къ старинѣ, и въ ней искать себѣ нравственной опоры. Къ тому-же, знакомство и изученіе древнихъ классическихъ сочиненій, этихъ образцовъ изящнаго изложенія, не только развило историческій смыслъ и историческія потребности, но и возбудило желаніе имъ подражать. Гуманисты писали для образованнаго класса, желая его облагородить, возродить его. Исторіографія второй половины XV и начала XVI столѣтій носитъ на себѣ двоякій характеръ—подражанія и полемики. Подражала она древнимъ; характеръ-же полемики усвоила она себѣ изъ-за религіозныхъ и политическихъ взглядовъ и убѣжденій. Эта полемика, очевидно, могла вестись только на исторической почвѣ. Отыскивались и издавались историческіе документы, развивалась, понемногу, историческая критика, ежегодно печатались различныя коментаріи на издающіеся тексты. Тогда-же явились и руководства къ всеобщей исторіи, повѣствующія о четырехъ монархіяхъ—de quatuor summis imperiis: напримѣръ: Sleidan'a, Sebastian Frank'a—Chronica и др. Въ этомъ отдѣлѣ источниковъ Германія занимаетъ первое мѣсто. При университетахъ стали читаться лекціи по исторіи, такъ напримѣръ: Melanchton читалъ курсъ исторіи въ Wittenberg'ѣ по руководству учителя своего Ioachim'a Cario (Chronica), дополнивъ и нѣсколько измѣнивъ его; эти лекціи, извѣстныя подъ названіемъ „Chronicon Carionis latine expositum et auctum", появились въ Виттенбергѣ въ 1558 году; нѣмецкій ихъ переводъ появился въ 1562 году.

Слѣдуетъ еще здѣсь упомянуть о появлявшихся въ то время въ большомъ количествѣ „Исторій своего времени", иногда называемыхъ „мемуарами", которые тянутся съ XV столѣтія непрерывнымъ рядомъ до нашихъ дней. Между ними есть болѣе, есть и менѣе замѣчательные; авторы ихъ—нѣмцы, французы, испанцы.

Всю эту массу исторіографическаго матеріала можно сгруппировать по слѣдующимъ категоріямъ:

I. *Мемуары, или* historiae sui temporis, появлявшіеся въ

большомъ количествѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ (въ XVII столѣтіи ихъ почти нѣтъ). Черпали они матеріалъ изъ историческихъ документовъ, но безъ строгой критики; много помѣщалось въ нихъ слуховъ, съ характеромъ преданія, даже легенды и миѳа. Поэтому, чтобы пользоваться ими, слѣдуетъ ихъ тщательно провѣрять. Во всякомъ случаѣ они представляютъ драгоцѣнный матеріалъ. Главнѣйшіе авторы этихъ мемуаровъ суть слѣдующіе: Francesco Guicciardini, род. въ 1482 г. во Флоренціи, умеръ въ 1540 г.; написалъ онъ Historia d'Italia (всего 20 книгъ). François Beaucaire—Belcarius—commentarii rerum Gallicarum 1461—1580 гг. Mariana (іезуитъ) — Historiae de rebus Hispaniae, (съ древнѣйшихъ временъ до 1516 года). Paolo Giovio—Historia sui temporis 1494—1547 гг.; есть еще и другое его сочиненіе—Descriptiones, и между прочимъ „Descreptiones Moscoviae". Sleidanus—De statu religionis et rei publicae Carolo V Caesare Imperatore.—Memoires de Messire Philippe de Commines. Thuanus (de Thou) 1553—1617 гг.—Historia sui temporis (138 книгъ).

II. Мемуары, въ тѣсномъ смыслѣ слова, съ конца XVI столѣтія до нынѣ. Напримѣръ, французскіе мемуары: Petitot—Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. Brantôme—Vie de Charles IX. Pierre d'Etoile—Henri III. D'aubigné—Henri IV. Bassompierre—Louis XIII. Rohan—Henri IV и др.

III. Описанія отдѣльныхъ событій или исторіи отдѣльныхъ городовъ, сперва представляющія интересъ общій, а потомъ, съ конца XVI столѣтія, все съуживающіяся; писаны они, большею частью, на мѣстномъ языкѣ, напримѣръ: Machiavelli—Storie Florentine XV и XVI столѣтій. Cario—Storia di Milano. Кромѣ того имѣются нѣсколько исторій Венеціи: Storia del concilio Tridentino di Pietri Soave Polano (Paulo Sarpi) и другое сочиненіе о томъ-же Тридентскомъ соборѣ іезуита Sforza Pallavicini. Eschenloer—Geschichte der Stadt Breslau. Въ Германіи, впрочемъ, мемуарная литература является не раньше XVIII столѣтія; въ XVI же столѣтіи она еще весьма не обширна и поражаетъ грубостью своей формы.

IV. По мѣрѣ съуживанія политическихъ событій, обра-

зованія національныхъ государствъ и возникновенія локальныхъ и спеціальныхъ исторій, выдвигается впередъ для насъ матеріалъ другаго рода—акты, документы, подлинные протоколы, донесенія пословъ. Сборники этихъ актовъ составлялись и въ прошломъ уже столѣтіи, но безъ системы и отрывочно; эта работа особенно сильно развилась въ настоящее время. Такъ, напримѣръ, имѣются протоколы и дебаты германской земской думы; они начали издаваться въ прошломъ столѣтіи Müller'омъ подъ общимъ названіемъ: Reichstagstheatrum, изд. 1719 г., и Reichstagsstaat, изд. 1709 г., но собраніе это весьма слабое. Есть еще сводъ актовъ и *протоколовъ* германской земской думы—Reichsabschiede, составленный Lünig'омъ, подъ названіемъ—Codex Germaniae diplomaticus, и Deutsche Reichstagsakten, изд. Wenzel'a, обнимающій время отъ 1376 до 1387 гг. Изданія этого рода историческаго матеріала весьма распространились за послѣднее время въ Германіи, въ особенности съ XVIII столѣтія. О нихъ мы еще будемъ говорить.

V. Большимъ средствомъ литературнаго общенія служили въ XV и XVI столѣтіяхъ газеты, которыя были уже у римлянъ въ ходу подъ именемъ „acta diurna“. Первыя попытки въ этомъ родѣ въ Германіи были летучіе листки — Fliegende Blätter, т. е. маленькіе памятные листки или книжечки обыкновенно sine loco et anno. Объ этомъ отдѣлѣ исторіографіи можно найти обстоятельное изслѣдованіе у Prutz'a— Geschichte des deutschen Journalismus. Hannover 1845 г. Форма ихъ обыкновенно была письменная, съ лубочными картинками; они описывали отдѣльные замѣчательные факты: убійство, сраженіе, небесное знаменіе и т. д. Время ихъ перваго появленія въ Германіи относится къ промежутку между 1440 и 1520 гг. Древнѣйшій, извѣстный намъ, экземпляръ, относится къ 1494 г.; въ немъ содержится описаніе похоронъ императора Фридриха III. Конечно, то не были періодическія изданія; появленіе ихъ обусловливалось выдающимися событіями дня. Венеціане также имѣли съ 1536 г. правильныя журнальныя свѣдѣнія въ видѣ биржевыхъ извѣстій, съ нѣкоторымъ политическимъ характеромъ, носившія названіе Scritti (Gazetta).

Первыя *нѣмецкія политическія*, періодическія газеты были

Postreuter, коего остатки мы имѣемъ съ 1590 г.; выходили затѣмъ во Франкфуртѣ Relationes semestrales, сперва по латыни, потомъ по нѣмецки. Такія же изданія появлялись въ то время и въ Англіи, и во Франціи. Извѣстно, напримѣръ, изданіе Mercure de France, выходившее съ 1718 г. подъ этимъ именемъ; также—Gazette de France, выходившая съ 1631 г. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ можно найти въ сочиненіи Camusat—Histoire des journaux; извѣстно также изданіе—Theatrum Europeum.

Вотъ группы главнѣйшихъ источниковъ. Теперь остается намъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о характерѣ и направленіи современныхъ историческихъ сочиненій, касающихся Новой Исторіи.

Никогда такъ много не занимались исторіею, какъ въ нашъ вѣкъ, никогда такъ много не появлялось сочиненій по исторіи. Знакомство съ прошедшимъ сдѣлалось въ наше время потребностью. Нельзя сказать, конечно, чтобы всѣ эти труды историковъ нынѣшняго вѣка, по своимъ внутреннимъ достоинствамъ, превосходили труды историковъ предъидущихъ вѣковъ; но все же, если не всѣ, то многіе изъ нихъ представляютъ большой шагъ впередъ противъ сочиненій предъидущихъ столѣтій. Характеристическая черта нынѣшней исторіографіи,—это *критика*. Конечно, несправедливо было бы сказать, что историческая критика исключительно присуща XIX в. Она всегда была, или, лучше сказать, стремленія къ ней всегда были. Мы можемъ у Геродота найти слѣды исторической критики, точно также и у Ѳукидида и другихъ древнихъ историковъ. Въ средніе вѣка, конечно, это стремленіе къ критикѣ было забито господствомъ церковнаго авторитета, и только отдѣльныя личности своими сомнѣніями, вскользь высказываемыми, составляютъ исключеніе. Въ XV же столѣтіи, когда началась новая эра научной жизни, когда всѣ вступили въ борьбу съ гнетущимъ авторитетомъ церкви, тогда снова началось возвышаться стремленіе къ критикѣ. Гуманисты Италіи и реформаторы Германіи своей строгой исторической критикой значительно подорвали средневѣковый авторитетъ церкви. Такъ, напримѣръ, Lorenzo Valla уничтожилъ основаніе, такъ называемаго, константиновскаго подарка, онъ *былъ убитъ іезуитами* въ XVII столѣтіи. Далѣе, въ XVIII

столѣтіи еще сильнѣе выказывались стремленія, строго обсудивъ преданія старины, поколебать древнее зданіе и подготовить путь для новаго міровоззрѣнія. Я припоминаю только имена Vico, Beaufort, Gibbon, однимъ словомъ съ древности, какъ мы видимъ, тянется почти непрерывный рядъ критическихъ историковъ, который съ XV столѣтія еще увеличивается. Но все это только попытки и зародыши исторической критики; нынѣшняя критика, которую выставила современная историческая наука, представляетъ нѣчто совершенно другое. Прежняя критика была часто субъективна. Она имѣла цѣлью отдѣлить неправдоподобное отъ правдоподобнаго, сообразуясь часто съ чисто личными взглядами автора. Въ настоящее же время историческая критика старается быть вполнѣ объективною; исторія въ настоящее время немыслима безъ критики, которая дѣйствуетъ по извѣстнымъ правиламъ и принципамъ. Эта новая критическая метода при изученіи исторіи началась и вытекла изъ классической древности. Тотъ самый ученый, имя котораго въ настоящее время всякій филологъ произноситъ съ уваженіемъ, какъ родоначальника новаго направленія въ филологіи, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и родоначальникъ новѣйшей исторической критики. Это—Фридрихъ Августъ Вольфъ, а сочиненіе, въ которомъ впервые были высказаны принципы этой новой критики,—его „Prolegomena“. По этому образцу методическаго изученія и изложенія, по этому образцу критическаго метода и Niebuhr выучился пріемамъ исторической критики. Barthold Georg Niebuhr не только разсмотрѣлъ критически все то, что было до него высказано по отношенію къ критикѣ римской исторіи, онъ опредѣлилъ вообще весь характеръ этой древней римской исторической литературы; онъ создалъ, однимъ словомъ, внутреннюю критику. Его критика римскихъ преданій не стремилась только доказать и показать несостоятельность и чудесность, неправдоподобность обыкновенной редакціи римской исторіи, онъ себѣ задалъ главную задачу—показать какъ образовалась вся римская историческая литература, и какое внутреннее достоинство остается за сводомъ римскихъ записанныхъ преданій. Такимъ образомъ, принципы новѣйшей исторической критики впервые были приложены къ римской исторіи; ею начали заниматься *по однажды данному* направленію, дополняя Нибуровы прі-

мы и выводы результатами новѣйшихъ открытій и изслѣдованій помощью сравнительнаго языкознанія и сравнительной миѳологіи. Правда, ни Нибуръ, ни одинъ изъ его учениковъ или послѣдователей не изложилъ въ системѣ всѣхъ требованій научной исторической критики, да этого и сдѣлать было невозможно, такъ какъ методамъ и пріемамъ исторической критики, можно научиться только продолжительнымъ трудомъ и упражненіями подъ хорошимъ руководствомъ. Оставалось теперь приложить эти принципы и пріемы историческаго изслѣдованія къ другимъ историческимъ отдѣламъ, примѣнивъ методы, усвоенные Нибуромъ при изученіи древней исторіи, къ изученію средней и новой. Но прошло много времени, пока это совершилось: занятія древнимъ міромъ, однажды приковавъ къ себѣ вниманіе историковъ, не позволяли имъ перейти на другое поприще. Въ 1795 г. вышли въ свѣтъ „Prolegomena“ Вольфа; въ 1811 г. вышелъ I томъ—Исторіи Рима Нибура, а для новой и средней исторіи прошло еще много лѣтъ, пока былъ примѣненъ къ нимъ новый методъ. До 20-хъ годовъ нашего столѣтія изложеніе средневѣковой и новой исторіи было самое не критическое. Источники сравнивались и при противорѣчіяхъ отдавалось предпочтеніе тому или другому, смотря по субъективному взгляду историка; отрицали невозможное, сомнѣвались въ странномъ и неправдоподобномъ, и предпочитали обыкновенное необыкновенному; часто безъ всякаго разбора сопоставляли источники, напримѣръ XI вѣка съ источниками и извѣстіями XVI и XVII столѣтій; историкъ, подъ вліяніемъ своего субъективнаго воззрѣнія, выбиралъ изъ матеріала, находившагося въ его рукахъ, то, что ему было пригодно и что ему болѣе нравилось. Однимъ словомъ, поступали относительно средней и новой исторіи такъ, какъ до Вольфа и Нибура поступали относительно древней.

Въ 1824 г. вышло въ свѣтъ небольшое сочиненіе, составившее эпоху въ исторической наукѣ, подобно „Prolegomena“ Вольфа и первому тому „Исторіи Рима“ Нибура—брошюра Leopold'a Ranke: „Zur Kritik neuerer Geschichtsschreiber nebst einer Beilage zur romanischen und germanischen Geschichte.“

Заслуга его въ отношеніи средневѣковой и новой исторіи та же, что и заслуга Нибура въ отношеніи римской

исторіи. Ранке приложилъ къ источникамъ средней и новой исторіи то, что высказалъ Нибуръ по древней. Въ этомъ небольшомъ сочиненіи онъ обращаетъ вниманіе ученаго міра на недостатки изученія и изложенія новой исторіи. Онъ говоритъ, что новая исторія излагается по существующимъ историческимъ сочиненіямъ почти дословно и безъ критики: такъ напр. Sismondi изложилъ свою извѣстную исторію итальянскихъ республикъ по Guicciardini и Belcario—Commentarii rerum gallicarum. Ранке говоритъ, что такого рода историческіе труды не имѣютъ никакого научнаго достоинства, и что надо сперва создать критическое направленіе въ этомъ изученіи, представить сперва критическій разборъ этихъ источниковъ, а затѣмъ уже излагать по нимъ событія. Надо сперва опредѣлить, по его мнѣнію, откуда эти источники сами черпали свои свѣдѣнія, и вѣрно ли они ими пользовались, не тенденціозно ли, не съ предвзятыми ли мыслями. Однимъ словомъ, онъ требовалъ строго внутренней критики источниковъ, а за тѣмъ уже историческаго изложенія. Образчики подобной критики онъ представилъ въ этомъ маленькомъ сочиненіи, причемъ онъ говоритъ, что не имѣлъ въ виду и никогда не думалъ исчерпать въ немъ такого сложнаго вопроса, но что онъ хотѣлъ только дать указанія и опредѣлить путь, по коему слѣдуетъ идти и заниматься. Онъ желалъ только сопоставить тѣ замѣчанія, которыя выступали впередъ во время занятій его исторіею германскихъ и романскихъ народовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, причемъ онъ разбиралъ нѣкоторыхъ историковъ этой эпохи, напр. Guicciardini, Sleidan'a, Mariana, Belcarius'a и др. Ранке требовалъ, слѣдовательно, критики объективной, внутренней, а не внѣшней, субъективной. Онъ говоритъ въ послѣдней главѣ своей брошюры о томъ, что̀ еще осталось сдѣлать историкамъ на этомъ поприщѣ, что для этой внутренней объективной критики надо прежде найти твердую опору, надо найти критеріумъ; эта твердая опора, этотъ критеріумъ находятся въ богатомъ, еще не тронутомъ архивномъ матеріалѣ, въ документахъ, актахъ, различныхъ дипломатическихъ перепискахъ. Онъ говоритъ, что на этотъ сырой матеріалъ до сихъ поръ слишкомъ мало было обращено вниманія, *что были, правда*, составляемы сборники, напр. Mül-

ler'a Reichstagstheatrum, но что всего этого еще мало, что архивы полны и переполнены и ждутъ опубликованія. Только этимъ знакомствомъ съ положительнымъ, оффиціальнымъ историческимъ матеріаломъ возможно, по мнѣнію Ранке, достигнуть серьезной, критической оцѣнки историковъ XV столѣтія и послѣдующихъ вѣковъ. Онъ приглашаетъ, слѣдовательно, молодыхъ историковъ заняться разборомъ этого архивнаго матеріала и изданіемъ его. Съ тѣхъ поръ въ Германіи его школа господствуетъ. Изданія смѣняютъ изданія и средняя и новая исторія этимъ путемъ достигла вѣрныхъ, неопровержимыхъ данныхъ. Начали архивы разбираться и печататься почти одновременно въ Германіи, Франціи и Англіи. Плодомъ этой работы надъ архивами были напр. „Relazioni degli ambasciatori Veneti", изд. 1855 г.: Relations des ambassadeurs de Venise", изд. 1838 г.; различныя изданія „Collections de mémaires inédits:" „State papers" и многіе др.

Однимъ словомъ, какъ данный однажды Нибуромъ толчекъ развивалъ все далѣе разработку древней исторіи, такъ въ отношеніи новой исторіи толчекъ этотъ данъ былъ Ранке. Но послѣдователи Ранке, нельзя этого скрыть, по моему мнѣнію, нѣсколько ударились въ крайность, они такъ увлеклись одной стороной совѣтовъ Ранке, что совершенно упустили изъ виду другую. Ранке совѣтовалъ издавать и печатать оффиціальные документы, хранящіеся въ архивахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ также и на необходимость провѣрять матеріалъ, уже напечатанный и находящійся въ сочиненіяхъ историковъ XV и XVI столѣтій,—ученики же его только занялись изданіемъ неизвѣстнаго до сихъ поръ архивнаго матеріала и писали почти исключительно по оффиціальнымъ документамъ, бросивъ совершенно старый, н архивный матеріалъ. Такимъ образомъ послѣ Ранке поч ничего не сдѣлано, чтобы пролить новый свѣтъ на имѣющі ся уже у насъ печатный историческій матеріалъ, а ме тѣмъ въ немъ много можно найти драгоцѣннаго для ченія эпохи. Этотъ матеріалъ тѣмъ именно и драгоцѣ что собранъ современниками описываемыхъ событій и му лишенъ той сухости, которая составляетъ отличит черту оффиціальнаго, архивнаго матеріала. Въ этомъ от *часто небольшая* замѣтка, но писанная очевидцемъ с

гораздо важнѣе для характеристики времени, чѣмъ сухой оффиціальный документъ, хотя и вполнѣ достовѣрный, но никогда не рисующій намъ настроенія общества въ данную эпоху.

Вотъ общія замѣчанія, предпосылаемыя мною, краткой характеристикѣ выдающихся историковъ, преимущественно XVI столѣтія. Мы теперь переходимъ къ нимъ и въ оцѣнкѣ ихъ постараемся указать, на сколько можно имъ довѣрять и какъ слѣдуетъ ими пользоваться.

Въ ряду историковъ XVI вѣка, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить:

Francesco Guicciardini. Онъ родился во Флоренціи въ 1482 г. изъ дворянскаго рода; и былъ докторомъ правъ,— званіе, которое въ то время чрезвычайно уважалось; этимъ объясняется, что онъ былъ выбранъ въ послы ко двору Фердинанда Католика. Позже онъ, съ 1513 г., сблизился съ фамиліею Медичи, отъ которыхъ онъ ожидалъ многаго для себя. Служилъ онъ при папахъ Львѣ X и Адріанѣ VI намѣстникомъ въ Моденѣ и Реджіо; а при Климентѣ VII онъ былъ намѣстникомъ въ Романьѣ, гдѣ водворилъ тишину и сдѣлалъ много для общественной пользы. Папа его назначилъ general-capitano, за защиту Пармы отъ французовъ. Впослѣдствіи возвратился онъ на родину, гдѣ и началъ свою „Storia d'Italia," въ 1534 г., но и въ уединеніи стремился онъ постоянно служить своей родинѣ. Карлъ V его очень уважалъ. Guicciardini постоянно стоялъ за Медичи и былъ приверженецъ монархическаго принципа противъ республиканской партіи во Флоренціи. Умеръ онъ въ 1540 г. Всего книгъ его „исторіи" осталось послѣ него 20. Первыя шестнадцать книгъ вышли въ 1561 г., послѣднія четыре, недоконченныя—въ 1564 г., (продолжателемъего былъ Adriani, умершій въ 1579 г.). Событія между 1536 и 1574 гг. описаны имъ по мемуарамъ Козьмы Медичи. Оставилъ онъ послѣ себя „Storia de Suoi tempi" Florenzia 1583 г. Лучшее изданіе этой исторіи, составленное Rosini, появилось въ 1519 г. Сочиненія Гвичардини разсматривались до сихъ поръ какъ главный источникъ для исторіи этого времени. Отличительный характеръ его сочиненій—постоянныя вставки и эпизоды, перерывъ разсказа и потомъ снова его продолженіе.

Причина тому—его желаніе писать не историческій трудъ, а напротивъ diarium, или chronicon прожитаго имъ времени; въ добавокъ группируетъ онъ матеріалъ по мѣсяцамъ, постоянно прерывая ходъ разсказа рѣчами и собственными разсужденіями. Для насъ важенъ вопросъ: можно ли трудъ Guiccardini считать источникомъ? былъ ли онъ очевидцемъ и дѣйствующимъ лицомъ описываемыхъ событій? Его сочиненіе распадается само собою на двѣ части; для второй части онъ черпалъ изъ сочиненія Galeazzo Capra (Capella)—Commentarii de rebus gestis pro restitutione Francisci ducis Mediolanensis 1531 г. Теперь книга эта совершенно забыта, а въ то время играла она весьма большую роль. Гвичардини черпалъ и списывалъ цѣлыми главами изъ этой книги, не провѣряя извѣстій, такъ что много онъ внесъ совершенно невѣрнаго, но источника своего онъ никогда не называетъ. И это онъ дѣлаетъ для событій, которыхъ былъ отчасти самъ участникомъ или современникомъ и могъ бы по этому знать о нихъ достовѣрную истину, если бы желалъ. Что же касается первой части его исторіи, то и тамъ онъ также переводилъ и выписывалъ изъ сочиненія Rucellai—De bellis Italicis, и изъ Commines. Это главные его источники, но вѣроятно есть еще и другіе, которыми онъ пользовался, напр. Cario—Storia di Milano. Что касается рѣчей Гвичардини, то ихъ считали до Ранке, подлинными; а между тѣмъ это ложно: даже и тѣ рѣчи, напр. Флорентійцевъ, которыя онъ могъ знать достовѣрно и тѣ ложны. Изъ этихъ рѣчей нѣкоторыя совершенно не произносились, другія произнесены были, но иначе. У него эти рѣчи вплетены въ текстѣ какъ у Ливія и другихъ классиковъ.

Слѣдовательно, слава, которою онъ пользовался, какъ правдивый историкъ, далеко имъ не заслужена. Его сочиненія не могутъ служить источникомъ: они суть ничто иное, какъ передѣлка, да къ тому еще не всегда добросовѣстная собраннаго другими матеріала. Его издатель говоритъ, что Гвичардини пользовался съ особеннымъ прилежаніемъ оффиціальными документами, но и это несправедливо, хотя онъ и былъ бы въ состояніи это сдѣлать. Отчего же, спрашивается, онъ игралъ такую роль, что въ первыя пятьдесятъ *лѣтъ послѣ* его смерти, издавался до десяти разъ? Это

объясняется: во-первыхъ, общимъ интересомъ, возбужденнымъ политическими дѣлами въ итальянскомъ обществѣ второй половины XVI ст. и, во-вторыхъ, его умѣніемъ живо, рельефно описывать событія, его политическимъ тактомъ, знаніемъ людей. Замѣчательно еще въ немъ, какъ въ католикѣ, откровенное, безпощадное, лишенное всякой лести, описаніе современной ему папской и княжеской дипломаціи въ Италіи XVI вѣка.

Теперь перейдемъ къ другому историку, къ Philippe de Commines, оставившему послѣ себя извѣстныя „мемуары“ о Людовикѣ XI въ шести книгахъ и о Карлѣ VIII—въ двухъ книгахъ. Онъ былъ ближайшимъ другомъ Людовика XI, и во всѣхъ своихъ сужденіяхъ о немъ отличался большею пристрастностью. Мы встрѣчаемъ у него массу свѣдѣній, извѣстій, необыкновенную наблюдательность. Онъ всю жизнь свою былъ противникомъ итальянскихъ войнъ Карла VIII и приписывалъ ихъ интригамъ Brissonet и Steph. de Vers. (Объ этомъ есть намекъ у Guicciardini). Его мемуары — взглядъ частнаго человѣка, хотя и приближеннаго ко двору, и потому для насъ они имѣютъ цѣну.

François Beaucaire (Belcarius), оставилъ послѣ себя Commentarii rerum Gallicarum. Писалъ онъ по-латини отличнымъ слогомъ. Онъ былъ епископомъ города Меца, затѣмъ удалился въ уединеніе и началъ писать. (Извѣстна, между прочимъ, его проповѣдь противъ Кальвина и его ученія). Ему было около 70 лѣтъ, когда онъ предпринялъ капитальную свою работу. Сочиненіе его обнимаетъ время съ 1461 г. по 1580 г.; посмертное его изданіе вышло въ Ліонѣ въ 1625 г. Sismondi его постоянно цитируетъ. Но его сочиненіе, по словамъ Ранке, есть ничто иное, какъ передѣлка Гвичардини въ хорошую латинь, измѣненная и смягченная только тамъ, гдѣ Гвичардини уже слишкомъ откровенно говорилъ о папскомъ дворѣ. Въ событіяхъ же чисто французскихъ, о которыхъ этотъ послѣдній говорилъ кратко, Белкаріусъ придерживается иногда дословно мемуаровъ Bellay. Слѣдовательно и онъ также не заслуживаетъ названія источника. Подъ общимъ заглавіемъ Mémoires de Bellay собраны труды двухъ братьевъ Martin и часть труда *Guillaume Bellay*. Изданы они зятемъ перваго René

de Bellay въ Парижѣ, въ первый разъ въ 1569 г., и съ тѣхъ поръ часто издавались. Заглавіе этого сочиненія Mémoires de Martin de Bellay, auxquels l'auteur a inséré trois livres et quelques fragments des Ogdoades de Guillaume de Bellay. Оба брата были замѣчательные воины и государственные люди при Францискѣ I. Guillaume былъ одно время вице-королемъ въ Пьемонтѣ и умеръ въ 1543 г. Онъ написалъ по-латини исторію Франциска I подъ заглавіемъ Ogdoades и перевелъ ее на французскій языкъ по предложенію короля. По какому-то случаю сочиненіе его пропало, отыскалась только часть его, описывающая 1537 и 1538 годы. Братъ его Мартинъ помѣстилъ эти отыскавшіеся фрагменты въ 5, 6 и 7-й книгахъ своихъ „мемуаровъ", обнимающихъ время съ 1513 по 1546 годъ. Начало этихъ мемуаровъ коротко и ничего особеннаго не сообщаетъ, но съ возникновеніемъ борьбы Карла V съ Францискомъ I, выступаетъ вся детальность, простота, достовѣрность его записокъ. Авторы ихъ были сами участниками событій и потому писали просто видѣнное и пережитое.

Перейдемъ теперь къ другому историку XVI столѣтія, описавшему исторію Испаніи въ эту эпоху, къ іезуиту **Mariana**. Онъ возведенъ былъ современниками, а за ними и потомствомъ, на степень классическаго и національнаго писателя; достигъ онъ этого тѣмъ, что всѣхъ образованныхъ людей своего времени умѣлъ заинтересовать и привлечь къ себѣ. У него встрѣчаются: ловкое сопоставленіе фактовъ, богатый историческій матеріалъ. Историческія розысканія считались тогда недостойными хорошаго изложенія; надо было брать въ примѣръ исключительно древнихъ историковъ, имъ и подражали, но только со стороны языка и группировки событій. Образовались двѣ категоріи историческихъ сочиненій, изъ которыхъ одна преслѣдовала строго научныя цѣли, имѣла въ виду серьезныя историческія изслѣдованія, причемъ обращала мало вниманія на внѣшнюю форму изложенія. Другая же категорія историческихъ сочиненій имѣла в виду обширный кругъ современнаго образованнаго общест Риторическое изложеніе, передѣлка историческаго матеріа стояли на первомъ планѣ въ сочиненіяхъ подобнаго рода *никто не считалъ* излишними и неумѣстными многочисле

ныя вставки длинныхъ рѣчей, которыя для насъ, какъ выдумки тогдашнихъ писателей, не имѣютъ никакой цѣны. Къ этой второй категоріи историческихъ сочиненій XVI вѣка несомнѣнно относятся и сочиненія Mariana.

Mariana (Juan) родился въ 1537 г. и умеръ въ 1623 г. Онъ былъ другъ Calderon'a и считался человѣкомъ либеральнымъ, начитаннымъ и рѣдкаго ума; онъ писалъ много и политическихъ и богословскихъ трактатовъ, такъ напримѣръ De rege et regis institutione, появившійся въ Толедо въ 1599 г. Въ немъ находятся весьма либеральныя мысли о народныхъ правахъ по поводу убіенія Генриха III Яковомъ Клементомъ. (Между прочимъ онъ отдаетъ также справедливость Саванароллѣ). Парижскій парламентъ велѣлъ палачу сжечь эту книгу. Долгое время пробылъ Mariana въ Римѣ, Сициліи, Парижѣ, наконецъ поселился въ Толедо. Его сочиненія Historiae de rebus Hispaniae libri, обнимаютъ исторію Испаніи, съ древнѣйшихъ временъ до смерти Фердинанда Католика, т. е. до 1516 г. Но нельзя сказать, чтобы это была спеціально испанская исторія. Подобно тому, какъ, по его собственнымъ словамъ, Фердинандъ, какъ бы съ башни, наблюдалъ за всѣми европейскими дѣлами, такъ и онъ описываетъ дѣла Испаніи, Нидерландъ, Англіи, Германіи, Италіи, Америки, Африки и Остъ-Индіи. Въ послѣднихъ книгахъ своей исторіи онъ называетъ часто свои источники, но тамъ, гдѣ у него сообщаются самыя важныя извѣстія, онъ вездѣ черпаетъ изъ Zurita, хотя онъ въ этомъ не признается. Онъ переработываетъ Zurita самостоятельно, но все-таки эту поддѣлку легко замѣтить.

Zurita (Ieronimo) оставилъ послѣ себя—Historia del Rey don Hernando el Catholico; она окончена была въ 1579 г. Онъ же написалъ — Annales de la Corona d'Arragon, обнимающіе время съ 700 г. по 1516 г. Родился Зурита въ 1512 году и умеръ въ 1580 г. Онъ выбранъ былъ около 1547 г. кортесами аррагонскимъ исторіографомъ. Около 30 лѣтъ занимался онъ составленіемъ своего труда, разъѣзжалъ много, не только по Аррагоніи, но и по Италіи, и Сициліи; собиралъ акты, документы, грамоты, хроники, обращалъ особенное вниманіе на областныя учрежденія, донесенія пословъ, полководцевъ и пр. Сочиненія его построены на совершенно

достовѣрныхъ источникахъ. Онъ упоминаетъ иногда о Гвичардини, Kapio — Storia di Milano, но не пользуется ими. Въ этомъ и заключается достоинство его сочиненій. Онъ совершенно объективенъ. Его собственный взглядъ нигдѣ не проявляется, развѣ только тамъ, гдѣ проглядываетъ его склонность къ абсолютной монархіи.

Весьма высокую роль играла въ XVI и XVII столѣтіяхъ итальянская исторіографія. Сначала она распалась по исторіямъ отдѣльныхъ итальянскихъ республикъ и, подъ вліяніемъ итальянскаго возрожденія XV столѣтія, стала стремиться къ соревнованію по формѣ и содержанію съ древними классическими образцами. Когда республики завлечены были въ обще-европейскія событія, итальянская исторіографія, конечно, должна была также расширить свой кругъ описанія. Но когда Италія, съ половины XVI столѣтія, потеряла свою самостоятельность и перестала играть европейскую роль, когда въ Италіи, какъ говорили современники, было болѣе времени и спокойствія, чѣмъ матеріала для описанія, тогда и исторіографія итальянская обратилась къ европейскимъ событіямъ, совершенно лишеннымъ даже всякаго отношенія къ Италіи. Подобное же явленіе замѣчаемъ мы и въ Греціи, послѣ паденія ея политическаго значенія, когда греки стали заниматься всеобщею исторіею и преимущественно, конечно, римскою. Но это для Италіи случилось уже въ XVII столѣтіи.

Среди итальянскихъ историковъ XVI вѣка выдающееся мѣсто несомнѣнно занимаетъ Paulo Giovio (1483—1552). Онъ былъ врачемъ въ Римѣ и сталъ, подъ руководствомъ брата своего Бенедикта, изучать древнихъ классиковъ и возгорѣлъ желаніемъ сдѣлаться знаменитымъ подобно имъ. „Искусство мое медицинское обѣщаетъ мнѣ только матеріальный выигрышъ; развѣ нѣтъ у меня таланта на болѣе высокія дѣла? Не могу я развѣ заслужить безсмертную славу, сдѣлавшись историкомъ своего времени („Prefatio in historias sui temporis“)“. Онъ поступилъ ко двору Льва X и 37 лѣтъ началъ писать свою „исторію“, продолжая жить въ Римѣ при дворѣ Адріана VI и Климента VII. Римскій дворъ въ то время еще былъ средоточіемъ христіанскаго міра; там собирались лучшіе умы эпохи; это былъ умственный и п

литическій центръ для всей западной Европы, а потому и лучшее мѣстопребываніе для историка эпохи. Giovio всѣ свои свѣдѣнія и сообщенія заимствовалъ отъ самихъ участниковъ или очевидцевъ событій; онъ говорилъ съ замѣчательнѣйшими людьми своего времени и потому находился въ исключительныхъ условіяхъ, чтобы писать свою исторію. Плодомъ этого общенія съ ними были многочисленные его труды, какъ-то: Historia sui temporis, въ 45 книгахъ, обнимающая время отъ 1494 г. до 1547 г. съ нѣкоторыми промежутками, въ послѣдствіи имъ дополненными; Vita virorum illustrium, содержащее біографіи большаго размѣра; Elogia virorum bellica virtute illustrium и Elogia virorum doctorum — біографіи меньшаго размѣра. Кромѣ того написалъ онъ различныя географическо-статистическія сочиненія или статьи, назвавъ ихъ Descriptiones, напримѣръ, Britaniae, Scotiae, Hiberniae, и, между прочимъ, Moscoviae (см. переводъ Семенова). Эти сочиненія образуютъ цѣлую энциклопедію для изученія первой половины XVI столѣтія и представляютъ множество интереснаго и замѣчательнаго, только имъ однимъ сообщаемаго. Есть въ нихъ замѣчательныя описанія сраженій, напримѣръ сраженіе при городѣ Падуѣ. Рѣчей въ нихъ также бездна, но это было обыкновенное фиторическое украшеніе эпохи. Слогъ у него отличный и видно знаніе классиковъ; за то политическихъ мотивовъ встрѣчается у него весьма мало, не то что у Guicciardini и особенно у Machiavelli. Теперь возникаетъ вопросъ, на сколько можно ему довѣрять? Giovio искалъ славы у потомства, но именно въ этомъ-то и не посчастливилось ему. У итальянскаго писателя Tiraboschi можно видѣть, какъ многіе его называли лжецомъ и льстецомъ, какъ ему ставили въ укоръ, что у него два пера—una penna d'oro col finissimo inchiostro e una penna di ferro—первое для друзей и для тѣхъ, которые ему платили, другое—для недруговъ. Враги его указывали на нѣкоторыя его письма, дѣйствительно неприличныя. Въ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ, что историкъ можетъ, по своему желанію, возвышать и умалять, благодаря своему цвѣтущему краснорѣчію, ошибки и добродѣтели историческихъ дѣятелей, что лира друзей вѣситъ болѣе, чѣмъ лира

злыхъ; что по этому онъ однихъ облекаетъ въ драгоцѣнную парчу, а другихъ—въ грубое полотно.

Но можно-ли только на этомъ основанiи сомнѣваться въ достовѣрности сообщаемыхъ имъ данныхъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, лучше всего провѣрить тѣ мѣста, гдѣ онъ говоритъ о лицахъ, постоянно ему покровительствовавшихъ, напримѣръ свѣдѣнiя, сообщаемыя имъ о папахъ Львѣ X, Адрiанѣ VI и Климентѣ VII, и мы увидимъ, что онъ говоритъ о нихъ совершенно безпристрастно; можетъ быть иногда и смягчая нѣсколько свои выраженiя, но никогда не искажая фактовъ. Разбирая эти мѣста изъ его переписки, мы можемъ его, если не извинить и оправдать, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько объяснить его точку зрѣнiя. Эта „penna d'oro col finissimo inchiostro", не есть ложь или лесть, а скорѣе риторическое и нѣсколько смягченное выраженiе, относящееся къ сильнымъ мiра сего. Слѣдовательно, оставляя въ сторонѣ его иногда весьма цвѣтистую, риторическую форму изложенiя, мы должны признать Giovio въ высшей степени важнымъ источникомъ по его фактическимъ даннымъ.

Philipson Sleidanus родился въ городкѣ Слейда, около Кёльна, въ 1506 году. Учился онъ римскому праву въ Люттихѣ, Кёльнѣ, Лувенѣ, Парижѣ и Орлеанѣ. Францискъ I послалъ его на сеймъ въ Регенсбургъ. Потомъ жилъ онъ въ Страсбургѣ, гдѣ получилъ занятiя въ магистратѣ. Какъ исторiографъ Шмалькальденскаго союза посылаемъ онъ былъ въ Англiю къ королю и на Тридентскiй соборъ. Умеръ онъ въ 1556 г. въ Страсбургѣ. Онъ оставилъ послѣ себя капитальное сочиненiе по исторiи реформацiи—De statu Religionis et reipublicae Carolo V caesare commentarii. Кромѣ того еще извѣстны его сочиненiя: De quatuor summis imperiis, сочиненiе продолженное Schurzfleisch'омъ и доведенное до 1697 года. Summae doctrinae Platonis de republica et de legibus, Strasburg 1548 г. Frossardi, nobilissimi scriptoris Gallici, historiarum opus omne jam primum et breviter collectum et latino sermone redditum. Парижъ, 1537 г. (Froissard—1333—1400, писалъ по-французски Chroniques de Froissard). Кромѣ того, Слейданъ написалъ сочиненiе: Vita Cominaei, и составилъ сокращенiе его труда о Людовикѣ XI и Карлѣ VIII, о которомъ *уже было* упомянуто; появились они въ 1545 г.

Если итальянцы и испанцы, подъ вліяніемъ изученія классическихъ образцовъ, стремились отрѣшиться въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ отъ средневѣковой лѣтописной формы и представить законченное, гармоническое цѣлое, если они старались это гармоническое цѣлое излагать хорошимъ классическимъ латинскимъ языкомъ, то нѣмцы стремились, главнымъ образомъ, къ другой цѣли. Они тоже излагали свои историческія сочиненія на латинскомъ, хорошемъ языкѣ, но относительно риторическаго, пластичнаго слога они далеко отстали отъ итальянцевъ. Причиною тому было, кромѣ племеннаго различія, политическое положеніе Германіи въ то время. Если итальянцы въ историческихъ сочиненіяхъ интересовались болѣе стороною искусства, риторикой и драматическимъ изложеніемъ, то въ Германіи прежде всего требовалась правдивая передача событія, безъ всякой риторики, для серьезныхъ догматическихъ доказательствъ, для полемики и борьбы противъ католической іерархіи.

Въ Слейданѣ мы замѣчаемъ совершенно это направленіе нѣмецкихъ историковъ. Въ первое время онъ было склонился также къ риторической исторіографіи, но въ послѣдствіи, сдѣлавшись повѣствователемъ реформаціи, онъ совершенно бросилъ риторику, и все вліяніе классиковъ на немъ отразилось исключительно со стороны слога. Слейданъ собственно не многимъ отличается по своему изложенію отъ средневѣковыхъ хроникъ. Его сочиненіе—не переработанное, гармоническое цѣлое, а скорѣе хронологическое изложеніе фактовъ. Не ищите у него эффектныхъ сценъ и драматизма: онъ не вплетаетъ риторическихъ рѣчей, а сообщаетъ только достовѣрные документы и свои къ нимъ комментаріи. У него нѣтъ общаго плана,—это скорѣе изложеніе набраннаго имъ матеріала безъ всякихъ внѣшнихъ прикрасъ. Отысканные впослѣдствіи документы доказали, какъ онъ былъ добросовѣстенъ и честенъ въ своемъ составленіи. Черпалъ онъ преимущественно изъ архивовъ, но также и изъ Comine'а и другихъ историковъ; нельзя поэтому сказать, что трудъ Слейдана совершенно непогрѣшимъ; но къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ бы его трудъ былъ обстоятельно разобранъ. Лучшее изданіе его вышло въ 1785 г. Его значеніе было большое, его переводили

на всѣ языки. Онъ довелъ свою исторію до 1556 г., написавъ 26 книгъ. Были у него и продолжатели, напримѣръ Beuther, доведшій исторію его до 1583 г., но есть и продолженіе ея до 1625 года. У этихъ продолжателей Слейдана, между прочимъ, въ короткомъ хронологическомъ стилѣ, находимъ мы извѣстія и о Московіи, но не обозначено, откуда они взяты или выписаны. Впрочемъ, извѣстія эти, сколько я ихъ знаю, не представляютъ ничего новаго. Интересъ и важность этихъ извѣстій, заключается лишь въ томъ, что съ XVI столѣтія въ западной Европѣ все болѣе и болѣе развивается интересъ къ Московіи.

Вотъ главнѣйшіе историки Италіи, Германіи, Испаніи, частью и Франціи XVI столѣтія. На ряду съ ними есть множество отдѣльныхъ сочиненій, исторій городовъ, описаній отдѣльныхъ событій, исчислять которыя здѣсь нѣтъ никакой возможности. Я могу только назвать нѣкоторыя изъ нихъ. Такъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ упомянуть о Nicolo Macchiavelli—Storiae Fiorentine. Но объ немъ я буду говорить послѣ подробно, по сему здѣсь только его называю. За тѣмъ есть еще сочиненіе подъ заглавіемъ: Vitae et res gestae Pontificum Romanorum et Cardinalium-Auctoribus Ciacconio, Cabrera, Victorello-Romae 1630 г. Составлено это сочиненіе изъ подобныхъ же сборниковъ Damasius'a, Bartholomeaus Sachi по прозванію Platina, Onuphrius Panvinius и др. Тутъ, конечно, описана болѣе оффиціальная сторона; рядомъ съ ними есть, такъ сказать, частныя записки, между которыми первое мѣсто занимаютъ записки напримѣръ Johannes Burchardus, бывшаго церемоніймейстера папскаго двора, написавшаго diarium, обнимающій время отъ 1483 г. по 1506, (часть его напечатана у Echardt'a—Corpus scriptorum medii aevi).

За симъ слѣдуетъ еще упомянуть о Petrus Martyru[illegible] изъ Ангіера, недалеко отъ Комо. Онъ постоянно жилъ пр испанскомъ дворѣ и написалъ—Opus epistolarum отъ 1488 п 1526 г. Онъ служилъ секретаремъ для редакціи латинских писемъ при мадридскомъ дворѣ. Всю политику узнавалъ о[illegible] по письмамъ или депешамъ и кромѣ того былъ знаком[illegible] всѣми испанскими знаменитостями того времени. Письм *нимали тогда* мѣсто газетъ. Но по всему видно, что его т[illegible]

по крайней мѣрѣ въ началѣ, есть только переработка чужаго матеріала.

Juan Gin de Sepulveda написалъ: De rebus gestis Caroli V Imperatoris et regis Hispaniarum. Онъ былъ исторіографъ Карла V и написалъ это сочиненіе, обнимающее время съ 1536 г. до 1563 г. Онъ самъ говоритъ, что черпалъ матеріалъ изъ Giovio, Sleidan'а и другихъ. При позднѣйшихъ извѣстіяхъ онъ документаленъ и безпристрастенъ; къ тому же языкъ у него отличный.

Назовемъ, наконецъ, еще Sandoval, епископа Пампелуны. Онъ оставилъ намъ подробное описаніе жизни Карла V. Есть еще много другихъ, менѣе важныхъ источниковъ, о которыхъ я здѣсь не упоминаю.

Церковная оппозиція.

Предметомъ нашихъ бесѣдъ въ настоящемъ курсѣ будетъ, какъ уже извѣстно, исторія германо-романскаго міра, въ XV и XVI столѣтіяхъ. Но прежде, чѣмъ начать систематическое изложеніе историческихъ событій въ разсматриваемую нами эпоху, намъ необходимо познакомиться съ внутреннимъ состояніемъ католической церкви на грани XV и XVI столѣтіяхъ, съ той могучей, еще не поколебленной въ то время силою, державшею подъ своимъ несокрушимымъ гнетомъ, подъ своимъ незаподозрѣннымъ еще авторитетомъ, всю средневѣковую жизнь, со всѣми ея отправленіями.

Нравственное вліяніе этого, вѣками сложившагося, авторитета католической церкви было къ концу XV столѣтія такъ еще велико въ Германіи, что оно подавляло собою всю государственную, политическую, соціальную и научную жизнь; церковный авторитетъ такъ былъ еще силенъ въ ту пору, что онъ въ дѣйствительности является нравственнымъ рычагомъ всѣхъ среднихъ вѣковъ, а потому, чтобы ясно себѣ представить положеніе Германіи наканунѣ реформаціоннаго броженія, намъ необходимо предварительно познакомиться съ постепеннымъ ростомъ и развитіемъ этой могучей нравственной силы католической церкви, охватившей всю западную Европу и вызвавшей неизбѣжную реакцію, разыгравшуюся въ теченіи XVI столѣтія именно въ Германіи потому, что тамъ, какъ мы увидимъ, плодъ для этого религіознаго броженія, для этой соціальной, умственной революціи созрѣлъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы и подготовленъ былъ предшествующими вѣками.

По этому, приступая въ настоящее время къ систематическому курсу реформаціонной эпохи, обнимающему исторію преимущественно Германіи въ XV и XVI столѣтіяхъ, я считаю предварительно необходимымъ остановить ваше вниманіе на внутреннемъ состояніи церкви въ XV столѣтіи, познакомившись съ которымъ, вамъ выяснится и весь послѣдующій ходъ историческихъ событій въ разсматриваемую нами здѣсь эпоху.

Итакъ, перейдемъ теперь къ изложенію состоянія церкви во всѣхъ слояхъ іерархіи въ концѣ XV столѣтія.

Порча была въ то время всеобщая въ іерархіи, и самъ папа и его правительство подавали примѣръ распутства, корыстолюбія и земныхъ стремленій. Поставивъ цѣлью всѣхъ своихъ побужденій, всей своей дѣятельности—одни земные интересы, одну заботу объ увеличеніи церковной территоріи и о пріобрѣтеніи для своихъ родныхъ независимыхъ земельныхъ угодій и даже цѣлыхъ государствъ,—папы, естественно, должны были вмѣшаться въ политику, оставивъ совершенно въ сторонѣ духовное свое назначеніе и, главнымъ образомъ, заботясь о деньгахъ, безъ которыхъ, конечно, ничего нельзя было достичь въ политическомъ отношеніи.

Употребляя всю присущую имъ духовную власть для достиженія денегъ и матеріальныхъ средствъ, они эксплоатировали христіанское ученіе, искажая съ этою цѣлью догматы и дѣлая почти изъ каждаго изъ нихъ доходную для себя статью. Этимъ путемъ, мало по малу, выработалась сложная и коварная финансовая система, центромъ которой была папская канцелярія, а полемъ эксплоатаціи—вся западная Европа, преимущественно же слабая въ политическомъ отношеніи Германская Имперія.

Главнѣйшимъ источникомъ дохода для папской канцеляріи была продажа вакантныхъ мѣстъ, связанная съ различными злоупотребленіями, такъ называемая, „симонія.“ Раздача аннаты, палліума сопровождалась также многочисленными поборами въ пользу папскаго двора; установилась извѣстная плата за индульгенціи, которыя вошли въ употребленіе впервые въ католической церкви при Климентѣ VI, во второй половинѣ XIV столѣтія. Также обложены были въ пользу папы юбилейные годы. Все это падало большою тяжестью *на Германію*, въ которой центральная власть была

слаба и не могла воспротивиться распоряженіямъ папскаго двора. Папство между тѣмъ придумывало постоянно разные новые поборы, напр. съ половины XV столѣтія оно стало взимать со всего христіанскаго Запада, такъ называемый, Türkenpfennig, предназначавшійся для крестовыхъ походовъ съ цѣлью освобожденія гроба Господня изъ рукъ ислама.

Система продажи должностей влекла за собою порчу и высшей іерархіи. Назначеніе производилось не по достоинству, не по образованію лицъ, а лишь по большей или меньшей суммѣ, вносимой ими въ папскую канцелярію, или по политическимъ соображеніямъ. Отсюда, естественно, претенденты на епископство выступали кандидатами не съ сознаніемъ своихъ будущихъ нравственныхъ обязанностей, а исключительно съ цѣлію обогащенія, желая пріятно прожить остатокъ дней. Отсюда происходила аккумуляція должностей. Получивъ назначеніе, подобные епископы рѣдко даже отправлялись на мѣсто своего служенія, а предпочитали оставаться жить въ Римѣ или другомъ большомъ городѣ въ кругу своихъ друзей, проживая богатые доходы въ роскоши и увеселеніяхъ, а управленіе своими эпархіями предоставляли суффраганамъ и викаріямъ. Такимъ образомъ, при папскомъ дворѣ образовалась многочисленная духовная аристократія, столь же испорченная, какъ и само папство, съ одними пустыми, матеріальными интересами, алчная, корыстолюбивая и падкая на деньги. Администрація въ эпархіяхъ переходила, какъ сказано, въ руки викаріевъ, которымъ платили дешево и, при замѣщеніи должностей, точно также торговались. Эти викаріи выбирались чаще всего изъ нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, въ рукахъ которыхъ, слѣдовательно, сосредоточивалось все управленіе и которые, работая за небольшое вознагражденіе, были не менѣе корыстолюбивы и алчны, чѣмъ сами епископы.

Такимъ образомъ вліяніе на народъ могло имѣть одно нисшее духовенство и въ особенности монахи, такъ какъ высшее духовенство составляло совершенно чуждое для народа сословіе. Монахи же и нисшее духовенство, точно также какъ и высшее, занимались одними земными интересами, утративъ всякія духовныя стремленія и побужденія. Особенно

монашескіе нищенствующіе ордена отличались распущенностію нравовъ и совершенною деморализаціею, какъ напримѣръ, ордена францисканцевъ и доминиканцевъ (о нихъ мы будемъ подробно говорить въ свое время); между тѣмъ они занимались проповѣдью, хотя большая часть изъ нихъ на то права не имѣла и, такимъ образомъ, подавая своею жизнью соблазнительный примѣръ, идущій въ разрѣзъ съ проповѣдуемымъ ими ученіемъ Христа, они имѣли вполнѣ развращающее вліяніе на народъ. Папа не принималъ противъ нихъ никакихъ энергическихъ мѣръ, частью изъ индиферентизма, частью изъ боязни вооружить ихъ противъ себя, частью, наконецъ, изъ совершенной невозможности искоренить это зло, пустившее уже такіе глубокіе корни, не подвергнувъ радикальной ломкѣ всю организацію тогдашней католической церкви. Эта крайняя распущенность монашескихъ орденовъ увеличивалась еще постоянными распрями между орденами и приводила свѣтскую власть къ безчисленнымъ съ ними столкновеніямъ. Какъ ни старались нѣкоторые изъ благомыслящихъ генераловъ орденовъ или викаріевъ хотя нѣсколько поднять уровень нравственности въ орденахъ, усилія ихъ разбивались о сложности обстоятельствъ. Образованіе, ученость, которыми въ средніе вѣка отличалось духовенство и монашество, совершенно исчезло изъ этого сословія. Большая часть духовныхъ, даже изъ высшей іерархіи, совершенно не имѣла никакого научнаго образованія, а если что и изучала, то сухую схоластику, пустое, безсодержательное, безсмысленное хитросплетеніе словъ и отрывистыхъ доказательствъ. Въ университетахъ преподавалось не чистое Слово Божіе, не объяснялось Евангеліе, а господствовали догматика и діалектика Θомы Аквината (ум. въ 1274 г.), недоискивавшіяся истины, а скорѣе ее затемнявшія. Евангеліе и Библія были для многихъ неизвѣстными рѣдкими книгами. Эразмъ говоритъ, что были 80-тилѣтніе старцы-богословы, никогда не читавшіе Евангелія. (Объ этомъ можно подробно прочитать въ сборникѣ Von der Hardt'a—Historia litteraria Reformationis, II, 135, и у Robertus Stephanus, въ предисловіи къ его сочиненію—Responsio ad censuras theologorum). Конечно, такіе учителя не могли *имѣть благотворнаго* нравственнаго вліянія на на-

родъ; они убивали истинное религіозное чувство и всякія нравственныя убѣжденія. Высшій кругъ болѣе развитыхъ людей совершенно отвернулся отъ духовенства, чувствуя, естественно, отвращеніе отъ подобныхъ пастырей, а черезъ то отвернулся и отъ истинной религіи и впадалъ либо въ атеизмъ, либо въ мистицизмъ; иные же, не имѣя настолько умственной и нравственной силы, чтобы выработать себѣ собственную опредѣленную философскую систему, подпадали подъ вліяніе различныхъ суевѣрій и даже фатализма. Народъ, который пріученъ былъ подобными пастырями понимать подъ религіею одно исполненіе внѣшнихъ формъ, возвратился въ своихъ понятіяхъ къ язычеству и не выносилъ изъ ученія Христа никакихъ для себя нравственныхъ правилъ. Духовенство и не думало просвѣщать народъ; если и была проповѣдь, то все та же схоластическая; школъ было мало, да и въ нихъ ограничивались заучиваніемъ сухихъ, безсодержательныхъ формъ; богослуженіе въ церкви было чисто механическое, хотя и великолѣпное, по чисто театральной обстановкѣ. Невѣжество, суевѣріе, формальное отношеніе къ религіи намѣренно поддерживались духовенствомъ, особенно нищенствующими орденами, такъ какъ это доставляло имъ доходъ, и они, кромѣ эксплоатаціи, еще возвышались во мнѣніи необразованнаго класса, какъ орудія чудотворной силы Бога, какъ защитники противъ гнѣва Божія и какъ лучшіе посредники для достиженія блаженства въ загробной жизни. Особенно привлекали они народъ разными измышленными ими чудесами, реликвіями, мощами, эксплоатируя невѣжество и неразвитость массы. Знаніе естественныхъ наукъ и физическихъ явленій было тогда слишкомъ слабо, даже и въ высшихъ слояхъ общества, чтобы обманъ монаховъ могъ встрѣтить серьезный отпоръ (см. у Слейдана.) Кардиналъ Беллирминъ (1542—1641), одинъ изъ лучшихъ умовъ католической церкви второй половины XVI столѣтія, и тотъ, въ описаніи этой эпохи (Opp. VI, 296, издан. въ Кельнѣ, 1617 г.) восклицаетъ съ негодованіемъ: Annis aliquot antequam Lutherana et Calviniana heresis oriretur, ut ii testantur, qui etiam tunc vivebant nulla (unquam) prope erat in judiciis ecclesiasticis severitas, nulla in moribus disciplina, nulla in sacris *litteris eruditio*, nulla in rebus divinis reverentia, nulla pro-

remodum erat religio etc. Естественно, что подобный порядокъ вещей, достигшій крайнихъ предѣловъ, болѣе продолжаться не могъ; естественно была оппозиція, реакція, желаніе привести въ нормальное положеніе эту выродившуюся іерархію. И реакція эта произошла въ началѣ XVI столѣтія. Но такъ какъ церковное устройство и вообще церковь были такъ тѣсно соединены въ средніе вѣка съ политическимъ и соціальнымъ бытомъ, особенно въ Германіи, то оппозиція противъ церкви, выразившаяся сначала въ антицерковной формѣ, должна была неизбѣжно включить въ себѣ и оппозицію политическую и соціальную. Хотя мы подъ реформаціей и привыкли до сихъ поръ разумѣть переворотъ только религіозный, но это невѣрно: религіозная сторона болѣе бросается въ глаза; она въ первые годы реформаціоннаго броженія выступаетъ на первый планъ; религіозныя стремленія протестантской партіи были, болѣе всѣхъ другихъ стремленій, оформлены и они одни и были доведены до конца; но тѣмъ не менѣе революція, охватившая всю западную Европу, въ особенности Германію, на грани XV и XVI столѣтій, была, какъ мы увидимъ, настолько же политическая и соціальная, на сколько и религіозная. Разразившаяся надъ Германіею, въ началѣ XVI столѣтія, буря давно подготовлялась; предшествовавшая ей оппозиція зрѣла постепенно, и намъ надо прослѣдить ее съ самаго ея зародыша.

Эта оппозиція выражалась не только въ самой церкви, но и во всѣхъ проявленіяхъ жизни, въ наукѣ, литературѣ, въ политическомъ быту. Конечно, всѣ эти оппозиціи шли рука объ руку; но мы, для ясности, разберемъ каждую изъ нихъ отдѣльно и начнемъ наше обозрѣніе съ оппозиціи, выразившейся въ самой церкви—съ оппозиціи религіозной.

Съ того самаго момента, когда церковь начинаетъ пріобрѣтать вѣсъ въ средневѣковомъ государствѣ, когда она съ Григорія VII узаконяетъ свое свѣтское значеніе и, предаваясь земнымъ интересамъ, начинаетъ уклоняться отъ истиннаго своего призванія, неудовлетворенное религіозное чувство стремится очистить церковь отъ злоупотребленій и, возставая противъ нихъ, само того не сознавая, становится въ совершенную оппозицію съ установленными ею догматами и *образуетъ такимъ* образомъ секты. Такихъ сектъ съ

XI столѣтія было множество; они являются подъ разными названіями, различаясь другъ отъ друга въ нѣкоторыхъ догматахъ. Изъ этихъ сектъ нѣкоторыя имѣли болѣе жизненной силы, другія менѣе; иныя уже исчезли въ XIII столѣтіи, другія же существуютъ и по нынѣ въ измѣненномъ видѣ; но у всѣхъ ихъ одинъ идеалъ—преобразовать церковь въ принципѣ, воскресить первыя времена христіанства, положить въ основаніе Библію и отстранить всѣ учрежденія и догматы, находящіеся съ ней въ противорѣчіи. Между этими сектами, болѣе другихъ распространенными, занимаетъ въ XII и XIII столѣтіяхъ выдающееся мѣсто секта Катаровъ или Альбигойцевъ (Albanenses, въ сѣверной Италіи—Patareni) (*). Секта эта существовала до конца X столѣтія на востокѣ; на западѣ же она распространилась въ XI и XII столѣтіяхъ, а къ XIII столѣтію такъ развилась, что современники говорили (**), что Альбигойцевъ болѣе, чѣмъ песчинокъ на морскомъ берегу и что, если-бы у нихъ было болѣе единодушія, они могли бы побѣдить весь міръ (***). Италія, южная Францiя и Испанія были полны Катарами. Безчисленные съѣзды епископовъ собирались для изысканія средствъ къ искорененію этой ереси; противъ нихъ возникла обширная полемическая литература. Въ ученіи этой секты къ дѣйствительно высокимъ религіознымъ истинамъ было примѣшано много и нехристіанскаго, напримѣръ дуализмъ—признаніе двухъ самостоятельныхъ этическихъ началъ—злаго и добраго, что и было причиною, что секта эта не имѣла много жизненной силы и не устояла передъ гоненіями, кострами и мечемъ. Съ половины XIV столѣтія секта Катаровъ почти окончательно исчезаетъ.

Въ тоже самое время на востокѣ распространялась секта Богомиловъ. Въ примѣненіи къ общественной жизни и со-

---

(*) Christian Ulrich Hahn—Geschichte der Ketzer im Mittelalter. Charles Schmidt—Histoire et doctrine de la secte der Cathares. 2 vol. Paris 1849. См. также его статью въ Herzog's Realencyclopëdie

(**) Wilhelmus Neubrigensis (William of Newborough) Historia rerum anglicarum. Лондонъ 1856 г.

(***) Нѣмецкій поэтъ Freidank, изд. Grimm'a, 1834 г., стр.
Для этого вопроса вообще важно сочиненіе Du Plessis d'gentré—*Collectio* judiciorum de novis erroribus. I, Paris 1728

ціальнымъ отношеніямъ богомильство проникнуто строго проведеннымъ принципомъ братства и взаимнаго равенства, котораго ближайшимъ выводомъ было отрицаніе существующей церкви съ ея іерархіей и государства съ его сословными различіями. Распространялось это ученіе, конечно, преимущественно среди нисшаго класса.

Другая секта, явившаяся позже Катаровъ, напротивъ, несмотря на гоненія, вынесла всѣ испытанія и просуществовала до реформаціи и даже до нынѣшняго столѣтія, измѣнившись только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ. Секта эта — Вальденцы, или, какъ они часто назывались, „pauperes de Lugduno“, или же иногда „pauperes Lombardi“. Въ сектѣ этой было болѣе жизненной силы, простоты и не было примѣси нехристіанскихъ воззрѣній. Они были настоящими предвозвѣстниками реформаціи XVI вѣка (*). Она получила начало отъ Валдезіуса, богатаго гражданина города Ліона, около 1179 г. Онъ слышалъ при богослуженіи въ церкви евангельскіе тексты и пожелалъ съ ними поближе познакомиться. Неученый человѣкъ, онъ обратился къ двумъ духовнымъ, хорошо знавшимъ латинскій языкъ, съ просьбою перевести ему на народный языкъ всѣ тексты, читаемые въ церкви. Затѣмъ онъ пошелъ далѣе и заставилъ себѣ перевести нѣсколько книгъ изъ Библіи и нѣкоторые комментаріи отцевъ церкви. Мы видимъ, значитъ, что это былъ человѣкъ, желавшій только ближе познакомиться съ христіанскими истинами. Онъ не съ мыслью оппозиціи приступилъ къ этому дѣлу, а исключительно съ желаніемъ удовлетворить своему религіозному чувству; онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе понимать догматы церкви съ точки зрѣнія, установленной католическою церковью. Но проникнувшись содержаніемъ священнаго писанія, онъ пожелалъ дѣйствовать сообразно слову Божію; отсюда является у него стремленіе достичь того нравственнаго для человѣка совершенства, которое представляли своею жизнью апостолы; отсюда возникаетъ у него мысль о необходимости отказаться отъ благъ земныхъ; онъ

(*) См. Herzog — Die romanischen Waldenser. Halle, 1853 и статью въ его Realencyclopädie. Также см. Preger — Beiträge zur Geschichte der Waldenser. München 1875.

продаетъ все, раздаетъ неимущимъ и начинаетъ, по примѣру апостоловъ, путешествовать и проповѣдовать народу. Около него скоро образовался кружекъ людей, восприявшихъ его ученіе и давшихъ обѣтъ бѣдности, отчего и стали ихъ называть „pauperes". Конечно, тутъ, въ ихъ дѣйствіяхъ еще не было никакой оппозиціи; но именно эта добровольная бѣдность, выставляемая ими на-показъ и была принципомъ оппозиціоннымъ противъ существующаго положенія церкви, противъ раскоши и распутства іерархіи. На нихъ, впрочемъ, въ началѣ церковь такъ и смотрѣла, какъ на безвредныхъ мечтателей. Иначе совсѣмъ взглянула она на ихъ ученіе, когда они начали проповѣдывать открыто. Имъ запретили проповѣдь; они, указывая на примѣръ апостоловъ, продолжали распространять свое ученіе. Черезъ это, конечно, оппозиція все усиливалась. Вальденцы ставили авторитетъ святаго писанія выше авторитета установившихся постановленій папства; поэтому, наконецъ, и было надъ ними произнесено отлученіе папою Иннокентіемъ III на IV Латеранскомъ соборѣ въ 1215 г. Это было, впрочемъ, уже второе ихъ отлученіе отъ церкви. Первое было произнесено папою Луціемъ III на Веронскомъ соборѣ въ 1184 г. Несмотря на всѣ гоненія, Вальденцы распространяли свое ученіе во всей Франціи, Лотарингіи, въ особенности въ городахъ: Мецъ и Туль, въ Испаніи, въ сѣверной Италіи, въ Пьемонтѣ, въ Ломбардіи, въ Германіи, преимущественно въ Страсбургѣ и Регенсбургѣ, и наконецъ въ Швейцаріи,—въ Бернѣ. „Нѣтъ страны гдѣбы ихъ не было", говоритъ въ концѣ XIII столѣтія Псевдо-Райнеріусъ (*). Съ нимъ несогласенъ католическій писатель Петръ фонъ-Пилихдорфъ, который, около 1444 г., исчисляетъ страны, гдѣ „почти нѣтъ" Вальденцевъ: Англія, Фландрія, Брабантъ, Вестфалія, Данія, Швеція, Норвегія, Пруссія и Краковское королевство (**).

Почему же Вальденцы имѣли такое вліяніе? Они, собственно говоря, представляли изъ себя не догматическую секту, не предлагали новаго ученія, а составляли корпора-

---

(*) См. Gieseler—Lehrbuch der Kirchengeschichte, II, 598.

(**) Peter von Pillichdorf—Contra sectam Valdensium in *Bibliotheka Max. Patrum*. Fol. XXV, 264, 281.

цію съ твердыми нравственными правилами, основанными на точномъ, буквальномъ, пониманіи священнаго писанія; конечно, отсюда вытекали и выводы, совершенно противоположные постановленіямъ и учрежденіямъ, освященнымъ католическою церковью. Выводы эти вытекали изъ потребностей религіознаго чувства, неудовлетвореннаго земными, матеріальными интересами церкви. Опасны они были для церкви потому, что священное писаніе они ставили выше всего, потому-то они такъ легко и слились впослѣдствіи съ гусситами и послѣдующими протестантами. Вальденцы стали заподозрѣвать справедливость католическихъ преданій, права іерархіи на присвоенное ею исключительное матеріальное положеніе и утверждали, что они одни и составляютъ истинную римскую церковь. Они возставали противъ главнаго зла, господствовавшаго въ тогдашней католической церкви, противъ земной ея оболочки, противъ богатства и свѣтской власти папы и прелатовъ.

Но не только внѣ церкви происходитъ оппозиція; внутри самой церкви возникаетъ движеніе къ ея возрожденію. Григорій VII ложно понялъ цѣль учрежденія церковной іерархіи и, такимъ образомъ, невольно узаконилъ зло; но все-таки сознаніе неудовлетворительности церковнаго устройства было и въ немъ. Съ возвышеніемъ церкви надъ государствомъ естественно зло только увеличилось. Понятно, что лучшіе люди того времени это чувствовали. Арнольдъ изъ Бресчіи около 1140 года проповѣдывалъ (*), что духовенство должно отказаться отъ всякаго земнаго имущества для собственнаго спасенія, что земныя блага принадлежатъ по праву князю, т. е. свѣтской власти.

Въ связи съ народными волненіями, возбужденными проповѣдью Арнольда Бресчіанскаго разыгралась даже революція въ Римѣ въ 1143 г., во главѣ которой стоялъ извѣстный народный герой Коло-ди-Ріензи, и была утверждена на

(*) См. Otton Treising—Gesta Friderici imparatoris II, 20 у Pertz'a Monum. XX — dicebat enim nec clericos proprietatem, nec episcopos regalia, nec monachos possessiones habentes aliqua ratione salvare posse. Cuncta haec principis esse, ab ejusque beneficentia in usum tantum *laicorum cadere* oportere.

короткое время въ Римѣ республика; скоро, однако, уничтоженная.

Но самый вліятельный голосъ противъ политической власти папъ и присвоенія ими чисто свѣтскаго могущества былъ голосъ Бернарда Клервосскаго въ первой половинѣ XII столѣтія. Это былъ замѣчательный человѣкъ, вліяніе онъ имѣлъ на всю Европу. Онъ обладалъ громадною силою духа, вѣры, убѣжденія и безупречною нравственностью. Онъ былъ противникомъ Катаръ, а также и чисто отвлеченной науки—науки безъ вѣры и любви, представителемъ которой былъ Абеляръ. „Quis mihi det antequam moriar videre ecclesiam Dei sicut in diebus antiquis, восклицалъ онъ въ письмѣ къ папѣ Евгенію III въ 1145 г. при вступленіи послѣдняго на папскій престолъ. Его сочиненіе „De consideratione“, изображаетъ искаженіе папства абсолютизмомъ, централизаціею, вмѣшательствомъ въ свѣтскія дѣла и политическимъ властолюбіемъ и корыстолюбіемъ церковной іерархіи и т. п. Онъ хотѣлъ возвратить папство и церковь къ прежнему, утраченному ими, нравственному вліянію на христіанскій западъ. Сочиненія его производили огромное впечатлѣніе на лучшихъ современниковъ эпохи (*).

Многіе чувствовали удовлетвореніе въ словахъ святаго человѣка. Правда, онъ отдѣлялъ церковь отъ государства, но ставилъ первую выше втораго. У него замѣтна была идея какого-то теократическаго государства. Къ этому же времени создается въ католической церкви теорія двухъ мечей—свѣтскаго и духовнаго, которые оба обнажаются для распространенія ея могущества. Взглядъ Бернарда на современную ему церковь, какъ красная нить, тянется черезъ всю оппозиціонную литературу. У Виклифа мы постоянно встрѣчаемъ на него ссылки, онъ былъ авторитетомъ и для Гусситовъ (**).

(*) См. opera Sancti Bernardi Claraevallensis. Venet 1781. (Изъ 5 книгъ этого сочиненія только 4 имѣютъ историческое значеніе).

См. также сочиненіе Wessenberg'a II т., стр. 230 и слѣд.

(**) См. соч. Brockhaus'a—Gregor von Heimburg. Leipz 1861, стр. 199.

Во второй половинѣ XV столѣтія Григорій Геймбургскій въ своемъ оппозиціонномъ сочиненіи опирается на Бернгарда. Протестантскіе писатели говорятъ, что Бернгардъ хотѣлъ водворенія на землѣ царствія Божія, въ которомъ вся политическая власть истекала изъ церкви и подчинялась бы ей (*).

Для всѣхъ было ясно, что идеалъ Бернгарда была теократія, въ которой церковь и государство составляли бы царствіе Божіе и совокупно исполняли бы волю Христа, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя было отрицать, что онъ церкви и папѣ приписываетъ одно только наблюденіе за душами христіанъ, а не владѣніе и не управленіе міромъ.

Въ борьбѣ папы Александра III съ Фридрихомъ I Барбароссой 1159—1181, изъ-за господства церкви надъ государствомъ, папа Александръ не смѣлъ высказываться откровенно и говорилъ только, что онъ борется за свободу и самостоятельность церкви, чѣмъ и привлекъ на свою сторону всѣхъ враговъ деспотизма и абсолютизма и такимъ образомъ удалось ему въ то время заставить признать suprematio Рима надъ имперіею (**).

Послѣ Бернарда въ его духѣ писали и другіе, хотя сочиненія ихъ имѣли меньше вліянія на современниковъ. Эта оппозиціонная литература однако ясно доказывала, что живъ еще былъ между лучшими духовными того времени истинный духъ христіанства и что положеніе церкви, далеко отошедшей отъ первоначальной чистоты и святости, возбуждало опасеніе за ея будущее.

Къ этому же времени относится въ Германіи постепенно распространяющаяся боязнь пришествія антихриста. Членъ капитула августинскаго монастыря Рейхерсбергъ, въ Тиролѣ, на рѣкѣ Иннѣ, по имени Гергокъ (ум. въ 1169 г.) написалъ въ 1162 г. рукопись подъ заглавіемъ—De investigatione antichristi (***). Его идеалъ—свобода церкви, независимость

(*) См. Prutz—Kaiser Friedrich I. 1871, I т., стр. 18.

(**) См. Reuter — Geschichte Aleksander's III und der Kirche seiner Zeit. 1864.

(***) Выдержки изъ недавно открытой рукописи въ Reichersberg, напечатанные въ Archiv fur Kunde oestrreichischer Geschichtsquellen XX, 1859 г. *Срав. эти извѣстія съ сочиненіемъ* Wattenbach'a — *Deutsche Geschichte*, стр. 443 и слѣд.

ея отъ государства; для достиженія этой цѣли, онъ находитъ необходимымъ, чтобъ она отказалась отъ территоріальныхъ своихъ владѣній, отъ земной своей оболочки. Онъ съ такою откровенностію, съ такимъ реализмомъ описываетъ нравственное паденіе церкви, глубокую испорченность церковной іерархіи, что католическіе ученые XVII столѣтія знавшіе это сочиненіе, не рѣшались его печатать. Для него причина порчи церкви—земная власть, присвоенная папами

Еще гораздо сильнѣе въ этомъ духѣ писалъ Іоакимъ да-Фіоре, изъ Калабріи, основатель монастыря Флорисъ (Flore около Козенца (ум. 1201 г.). Ему много было приписано сочиненій, но достовѣрныхъ всего три: „Liber concordiae Nov ac Veteris Testamenti“—„Expositio in Apocalypsin“.—„Psalterium decem chordarum“ (*). Во всѣхъ преобладаетъ мистическая, философская черта; предсказаніе о пришествіи антихриста основывается на апокалипсисѣ.

Вездѣ мы находимъ тѣже нападки противъ земныхъ интересовъ церкви, вездѣ мы встрѣчаемъ тотъ же реформаціонный духъ, то-же желаніе воскресить чистоту апостольской церкви. Всѣ эти голоса, раздававшіеся въ Германіи противъ злоупотребленій тогдашней церкви, требовали нравственнаго ея обновленія, но не касались еще основныхъ принциповъ, на которыхъ опиралась католическая церковь писатели, желавшіе преобразованія церкви, тѣмъ не менѣ продолжали еще оставаться на чисто церковной почвѣ. Эти голоса, выходившіе изъ самой католической церкви и раздававшіеся также и между мірянами, указывавшіе на крайнюю ея порчу, на совершенное забвеніе іерархіею апостольской жизни и удаленіе ея отъ христіанскаго ученія, могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ тогдашней деморализаціи церкви. Понятно, что это положеніе вещей въ связи съ многочисленными суевѣріями, господствовавшими въ средніе вѣка, вызывало въ набожныхъ современникахъ этой эпохи опасеніе близкаго наступленія пришествія

(*) О нихъ упоминается въ сочиненіяхъ: Hahn—Geschichte de Ketzer и у Döllinger—der Weisagungsglaube und das Prophetenthum in der christlichen Zeit, въ журналѣ Raumer'a, за 1871, у *V т., 1-й выпускъ.*

антихриста и кончины міра. И таково было настроеніе не одного человѣка, склоннаго къ мечтательности или пессимизму,—таково было настроеніе большинства, выражавшееся людьми различныхъ направленій и характеровъ и независимо другъ отъ друга.

Въ это самое время разложенія іерархіи и видимаго разлада въ самой церкви на императорскій престолъ въ Германіи вступаетъ династія Гогенштауфеновъ, которая проникнута была идеею всемірнаго своего значенія. Повторилось тоже, что уже было при Генрихѣ III Салійскомъ. Церковь почувствовала опасность, угрожавшую ея господству и свободѣ. Партія церковная, какъ и въ концѣ XI столѣтія, требовала преобразованія церкви, нравственнаго ея обновленія для энергическаго противодѣйствія свѣтской власти. Какъ и въ XI столѣтіи, въ этотъ критическій моментъ для папства, является на папскомъ престолѣ рядъ энергическихъ папъ, которые поняли опасность и приняли на себя задачу, съ одной стороны, прекратить начинающуюся оппозицію добровольными уступками и различными пальятивными мѣрами, съ другой стороны—отстоять господство церкви и не уступать свѣтской власти пріобрѣтеннаго церковью могущества. Съ половины XII столѣтія усиливается эта борьба папства съ имперіею, на время, послѣ Григорія XII, нѣсколько ослабѣвшая и ведется она упорно и блистательно, начиная съ Александра III (1159—1181), противника Фридриха I Барбороссы (1152—1190) и доходитъ до своего апогея при Иннокентіи III (1198—1216), Григоріи XI (1227—1241) и Иннокентіи IV (1243—1254) (*).

При вступленіи Иннокентія III на папскій престолъ, церковь дѣйствительно стояла еще высоко во всемъ всемогуществѣ своей территоріальной и нравственной силы; она еще окружена была какимъ-то нравственнымъ ореоломъ въ глазахъ массы, но, въ дѣйствительности, могущество это уже тогда было чисто внѣшнее. Никогда еще противники папства такъ сильно не возвышали голоса противъ ея авторитета,

---

(*) См. Reuter — Geschichte Aleksanders III und der Kirche seiner Zeit. III т., 1864 г., а также Prutz — Kaiser Friedrich I, 1871 г.

угрожая поколебать его въ основаніи. Буря, какъ и во времена Арія, поднималась противъ церкви; уже существовавшія и утихшія было на время, подъ давленіемъ реакціи, новыя идеи и воззрѣнія вновь воскресли съ небывалою еще силою. Замѣчался какой-то необыкновенный хаосъ въ религіозныхъ понятіяхъ современниковъ этой переходной эпохи, обусловливаемый проникновеніемъ черезъ Багдадъ и Кордову на Западъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ ученій и воззрѣній, заимствованныхъ изъ Персіи, Александріи и Греціи. Александрійскій пантеизмъ уживался рядомъ съ аристотелевскими идеями, персидскимъ дуализмомъ и новыми христіанскими сектами Альбигойцевъ и Вальденцевъ, отдѣлившихся, какъ мы видѣли, отъ католичества. Если противники церкви и расходились въ своихъ воззрѣніяхъ относительно характера и направленія стоявшихъ на очереди (для церкви) реформъ, то все-таки всѣ сходились въ одномъ, а именно въ необходимости упорной, ожесточенной борьбы съ существующею церковью, съ цѣлью достигнуть ея нравственнаго обновленія и отнятія отъ нея, присвоеннаго ею себѣ въ теченіи столѣтій, характера свѣтской, политической державы. Отъ береговъ Чернаго моря до Атлантическаго океана противники церкви были согласны въ этомъ коренномъ принципѣ, который легъ въ основаніе всей антицерковной оппозиціи. Папству угрожала опасность быть низведеннымъ на степень византійскаго патріархата. Ко всему этому и свѣтская власть значительно усилилась въ лицѣ Гогенштауфеновъ.

Въ эту критическую минуту на папскій престолъ вступаетъ Иннокентій III, человѣкъ вполнѣ способный не только понять опасность, но и найти средства для устраненія и предупрежденія ея. Иннокентій III—величайшій папа послѣ Григорія VII, при которомъ Римъ еще разъ сталъ обладателемъ міра.

Онъ происходилъ изъ рода графовъ Сегни; родился онъ въ 1160 или 1161 г. и учился въ Римѣ и Сорбоннѣ у тогдашняго извѣстнаго ученаго Петра Корбейль.

Для характеристики нравственнаго настроенія юноши можно указать на то, что однажды, въ каникулы, онъ предпринялъ путешествіе пѣшкомъ съ цѣлью поклониться мощамъ *мученика за поли*тическую самостоятельность церкви и прав-

ственное ея господство—Θомы Кентерберійскаго. Ему же приписывають сочиненіе гимновъ: „Veni Sancte", и „Stabat-Mater".

Изъ Парижа переѣхалъ онъ учиться въ Болонью, знаменитую тогда своимъ юридическимъ факультетомъ и пользующуюся, благодаря щедрости Фридриха Барбароссы, многими правами и привилегіями. Болонскій университетъ блисталъ въ то время на всю Италію; въ него стекались со всѣхъ концовъ Европы до 10,000 студентовъ. Тамъ процвѣтали и римское, и каноническое церковное право. Затѣмъ переѣхалъ Иннокентій въ Римъ, и здѣсь молодой студентъ поразилъ всѣхъ серьозностію своего юридическаго образованія, необыкновенной твердостью характера, при замѣчательной привлекательности и общительности нрава, и заслужилъ, такимъ образомъ, скоро общую любовь. Къ этому же времени относится появленіе его книги: „О несчастіи рода человѣческаго и презрѣніи міра". Жизнь Иннокентія III и его исторія доказываютъ, что презрѣніе къ міру можетъ соединиться въ одномъ человѣкѣ съ желаніемъ господствовать надъ нимъ. При вступленіи своемъ на престолъ, Иннокентій III въ своемъ первомъ же посланіи, адресованномъ во всѣ эпархіи католическаго міра, выразилъ всю программу своего будущаго управленія. „На нашей обязанности, говоритъ онъ, лежитъ насадить религію въ церкви Божіей и покровительствовать ей тамъ, гдѣ она уже насаждена. Христіанство должно цвѣсти, пока мы живемъ; ни жизнь, ни смерть насъ не разлучитъ съ вѣчною справедливостью; мы знаемъ, что мы должны охранять права всѣхъ христіанъ, и никакое пристрастіе насъ не отвлечетъ отъ этого пути. Мы поставлены выше народовъ и всякихъ человѣческихъ правъ, не по заслугамъ нашимъ, но какъ рабъ Божій".

Возстановить, начиная съ Рима, на всемъ католическомъ западѣ власть папы, начинавшую уже колебаться, подъ вліяніемъ только-что разсмотрѣнной нами оппозиціонной антицерковной литературы, возстановить ее и въ церковной области, частью уже захваченной императорами изъ Гибелиновскаго дома, сдѣлалась той завѣтною цѣлью, къ которой стремился Иннокентій III всю свою жизнь. Вездѣ старался онъ поддерживать авторитетъ церкви. Такая энергія, такой послѣдовательный умъ, такое высокое, хотя и не совершенно

вѣрное пониманіе своего духовнаго значенія, не могли снести, конечно, оппозиціи, не могли снести отсутствія дисциплины въ церкви. И дѣйствительно, Иннокентій III преобразовалъ церковь, и тѣмъ побѣдилъ антицерковную оппозицію; онъ возвысилъ могущество и блескъ папства, но на долго-ли,—это мы сейчасъ увидимъ. Прежде всего обратилъ онъ, конечно, вниманіе на возникшія въ лонѣ католической церкви ереси. Сперва думалъ онъ искоренить ихъ мирнымъ путемъ, увѣщеваніями и проповѣдью; когда все это ему не удалось, онъ рѣшился этого добиться съ оружіемъ въ рукахъ. Съ этою цѣлью онъ склонилъ на свою сторону королей тѣхъ областей, гдѣ эти ереси находили удобную почву для своего распространенія. Свѣтская власть охотно отозвалась на его призывъ о помощи, такъ какъ видѣла въ ученіи сектантовъ нѣкоторые революціонные и соціальные элементы (напримѣръ мысли, распространяемыя ими объ имуществѣ и собственности), которыя могли оказаться въ послѣдствіи опасными въ государственномъ отношеніи.

Начинается, съ благословенія папы, крестовый походъ противъ Альбигойцевъ и другихъ еретиковъ. Одновременно съ этимъ введена была инквизиція. На четвертомъ Латеранскомъ соборѣ въ 1215 г. этотъ тайный духовный судъ, впрочемъ и прежде существовавшій, получилъ новую организацію, оставаясь пока еще въ рукахъ духовной власти обыкновенно мѣстныхъ епископовъ. Григорій IX обратилъ въ 1232 г. этотъ судъ въ папскій институтъ. Это былъ высшій трибуналъ надъ совѣстью и убѣжденіемъ, дѣйствовавшій съ неумолимою строгостью и съ неутомимою энергіею преслѣдовавшій враговъ папства. Отсюда близокъ былъ переходъ къ крайнему духовному деспотизму, совершенно не вытекающему изъ основныхъ принциповъ милосердія и общаго равенства, проповѣдуемыхъ христіанскимъ ученіемъ. Для поддержки папства и нравственнаго обновленія церкви Иннокентіемъ III сдѣланъ былъ большой шагъ впередъ. Онъ учредилъ два новыхъ монашескихъ ордена: доминиканцевъ и францисканцевъ, уставъ которыхъ выдвигалъ на первый планъ и дѣлалъ обязательными для членовъ этихъ новыхъ монашескихъ орденовъ именно тѣ христіанскія добр *дѣтели, на* отсутствіе которыхъ до сихъ поръ въ больши

ствѣ представителей церкви такъ рѣзко и справедливо указывали всѣ желавшія обновленія церкви. Поступающіе въ члены францисканскаго и доминиканскаго ордена должны были давать обѣты: нищенства, полнаго подчиненія авторитету церкви, физическаго труда и проповѣди, оттого они и назывались fratres praedicantes или, какъ они сами себя называли, fratres minores, для выраженія своего смиренія передъ другими монашескими орденами. Учрежденіе этихъ орденовъ было вполнѣ духовною реакціею въ церкви; они сдѣлались настоящимъ нравственнымъ оплотомъ папства въ борьбѣ его съ еретиками и свѣтскою властью, подобно тому, какъ инквизиція служила для этой борьбы могущественнымъ матеріальнымъ и, если можно такъ выразиться, физическимъ средствомъ. Францисканцы и доминиканцы признавали папу равнымъ по святости апостоламъ, а потому не только безпрекословно подчинялись всѣмъ приказаніямъ, исходящимъ отъ папы, но даже становились вполнѣ слѣпымъ орудіемъ въ его рукахъ, готовыми на все, ни передъ чѣмъ не останавливающимися для осуществленія завѣтныхъ его стремленій. Основателемъ доминиканскаго ордена былъ извѣстный монахъ Доминикъ (1170—1221), а францисканцевъ—Францискъ Ассизскій (1182—1226). Этотъ послѣдній былъ въ молодости блестящимъ свѣтскимъ юношею; обладалъ онъ весьма поэтическою натурою, склонною къ созерцанію и мечтательности. Его мучали по ночамъ видѣнія; онъ слышалъ голосъ, который говорилъ ему: „Francisce, vade et repara domum meam, quae ut cernis, tota destruitur“ (*). Впослѣдствіи онъ понялъ, что слова эти имѣли широкое примѣненіе, только не зналъ онъ средства для осуществленія приказанія свыше. Однажды, въ 1208 г., услышалъ онъ въ церкви текстъ Евангелія отъ Матѳея, гдѣ приводятся слова Христа къ апостоламъ, высылаемымъ на проповѣдь. Подъ вліяніемъ евангельскихъ словъ Францискъ рѣшился, по примѣру апостоловъ, посвятить свою жизнь проповѣди и сталъ собирать вокругъ себя многочисленныхъ учениковъ. Уставы францисканскаго и доминиканскаго орденовъ были утверждены па-

---

(*) См. Bonaventura—Vita S-ti Francisci и Acta Sanctorum, также Wadding—Annales fratrum minorum.

пою Гоноріемъ III въ 1216 г., а основатели ихъ, Доминикъ и Францискъ, причислены были къ лику святыхъ, чествуемыхъ католической церковью (канонизированы) при Григоріи IX.

Эти новые монашескіе ордена странствовали по всей Европѣ и, слѣдовательно, повсюду могли служить подпорою папства; это было его духовное воинство; къ тому же въ руки доминиканцевъ скоро перешелъ и инквизиціонный судъ. Они, такимъ образомъ, овладѣли умственною жизнью народа, сблизились съ нимъ, могли на него дѣйствовать путемъ проповѣди. Народъ ихъ лучше понималъ, чѣмъ чуждыхъ ему богатыхъ прелатовъ; они появились и въ школахъ, и въ университетахъ и заняли въ нихъ главнѣйшія каѳедры. Конечно, это имѣло вліяніе и на науку; начинающаяся эмансипація ума была постепенно убита, и наука осталась церковно-схоластическою. Благодаря этимъ энергическимъ мѣрамъ, церковь въ XIII столѣтіи вышла побѣдительницею надъ собиравшеюся надъ нею грозою. Опираясь на свою побѣду, папство ввело нѣкоторыя новыя постановленія для укрѣпленія своего авторитета. Возведены были въ догматъ нѣкоторыя неустановившіяся, или существовавшія еще только въ обычаѣ церковныя правила и строже проведены были прежнія постановленія, какъ, напримѣръ, безбрачіе, туго прививавшееся съ XI столѣтія. Постановленія эти были расчитаны на увеличеніе значенія и вліянія духовенства; такъ, напримѣръ, мірянамъ разрѣшено было причастіе подъ однимъ только видомъ—хлѣба; духовенству же—подъ обоими; измѣнено было догматическое ученіе о церкви: подъ словомъ церковь стали понимать не собраніе вѣрующихъ, какъ прежде, а собраніе только однихъ духовныхъ; введена была тайная исповѣдь; формулировано было ученіе объ индульгенціяхъ, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить подробно въ свое время, наконецъ усиленъ былъ культъ святыхъ и реликвій.

И дѣйствительно, этотъ внезапный порывъ въ папствѣ къ возвышенію своего значенія, начинавшаго колебаться, этотъ порывъ религіознаго чувства къ нравственному обновленію церкви, принесли свои несомнѣнные плоды. Доминиканцы и въ особенности францисканцы произвели такое возбужденіе *истиннаго религіо*знаго чувства въ современникахъ, что мно-

гіе глубоко были убѣждены, что Богъ, въ лицѣ Франциска и его учениковъ, выслалъ новыхъ бойцовъ противъ антихриста, для возстановленія первобытной церкви, которая отличалась бѣдностію, смиреніемъ и искреннимъ желаніемъ своихъ членовъ исполнять заповѣди Христа (*).

До половиины XIII столѣтія, приблизительно, постоянно высказываются надежды и убѣжденія въ томъ, что францисканцами и доминиканцами церковь будетъ обновлена въ первоначальномъ своемъ чистомъ, духовномъ образѣ (**). Религіозные современники радовались, видя какъ народъ толпами стекался на всякую проповѣдь францисканцевъ и доминиканцевъ и черпалъ у нихъ нравственное себѣ утѣшеніе.

Конечно, надо прибавить, что если на этотъ разъ и побѣдило папство, заставивъ умолкнуть оппозицію, то это случилось только потому, что папство въ своихъ стремленіяхъ было поддерживаемо общественнымъ мнѣніемъ. Вся оппозиція велась на почвѣ церковной, хотя она имѣла вліяніе на всѣ слои средневѣковаго общества.

Для всѣхъ, въ XIII столѣтіи, папство еще было святынею, и никто не смѣлъ еще тогда открыто отрицать эту святыню. Даже и тѣ, которые явно сочувствовали антицерковной оппозиціи, не рѣшались еще явно порвать съ папою, который для всѣхъ еще, въ то время, представлялся окруженнымъ какимъ-то нравственнымъ ореоломъ. Фридрихъ II Гогенштауфенъ можетъ служить тому примѣромъ. Въ борьбѣ его съ папою онъ поддерживался значительною партіею, но лишь только онъ слишкомъ далеко зашелъ въ своей оппозиціи, его оставили приверженцы, да и самъ онъ боялся порвать окончательно съ папою, чтобы не остаться изолированнымъ.

И такъ, мы видимъ, что въ половинѣ XIII столѣтія оппозиція была убита: папство не только возстановило свое прежнее значеніе и могущество, свой прежній блескъ, но

(*) См. Tr. Hurter—Geschichte Papst Innocenz III, 1862 г.,IV т., стр. 267 Konrad von Lichtenau—въ своей „Deutchen Ursperger Reichschronik“ говоритъ, что: „eo tempore mundo jam senescente, exortae sunt duae religiones in ecclesia, cujus ut aquilae renovatur juventus“.

(**) См. Hermann Reuter—Geschichte der religiösen Aufklärung *im Mittelalter, II* т., Berlin, у Hertz'a.

пошло еще далѣе прежняго, обративъ свою власть въ полнѣйшую опеку и гнетъ надъ средневѣковымъ обществомъ. Но побѣда эта была только внѣшняя, въ ней самой лежалъ уже зародышъ близкаго, неминуемаго разложенія, и вотъ почему господствующая сила—папство къ тому времени уже само не было болѣе убѣждено въ истинѣ поддерживаемыхъ имъ идей. Это уничтожало нравственную его силу; самосознанія и самоувѣренности, съ которыми церковь прежде выступала на борьбу и которыя рождаются только при глубокомъ сознаніи правоты своего дѣла, давно уже не было въ церкви.

Если дѣйствія прежнихъ папъ всегда сопровождались достоинствомъ, благородствомъ и величіемъ, то дѣйствія нынѣшнихъ намѣстниковъ св. Петра отличаются интригами и кознями, такъ что власть ихъ получила вполнѣ видъ узурпаціи и нисколько не представлялась облеченною санкціею, исходящею отъ Бога для блага человѣчества.

Религіозный порывъ начала XIII столѣтія, для возстановленія авторитета церкви продолжался не долго; скоро снова настала прежняя порча церкви. Оба ордена, на которыхъ основана была вся надежда ея возрожденія, и тѣ скоро впали въ тѣ пороки, въ которыхъ упрекали другіе ордена. И пороки эти, тѣмъ ярче высказывались у нихъ, чѣмъ болѣе пользовались эти ордена уваженіемъ у народа. Сперва возникаютъ у нихъ распри съ другими орденами и съ бѣлымъ духовенствомъ, вытѣсняемымъ ими отовсюду; потомъ начинаются распри въ самихъ орденахъ, напримѣръ, отъ францисканцевъ отдѣлилась часть ордена, которая стала даже въ нѣкоторое свободное отношеніе къ авторитету папы; это такъ называемые „fratricelli“. Уставъ ихъ значительно измѣнился противъ первоначальнаго; въ немъ появилось даже свободное направленіе. Исчезло прежнее единство, чѣмъ была до тѣхъ поръ такъ сильна церковь. Распущенность духовенства, равнодушное отношеніе къ своему призванію, теперь, къ концу XIII столѣтія, еще гораздо болѣе увеличились; возникаетъ даже церковный расколъ. Папа удаляется въ Авиньонъ; онъ еще поддерживается французскими королями изъ собственной выгоды; но когда съ конца столѣтія одинъ папа оказался въ Римѣ, другой въ *Авиньонѣ, когда* они стали отрѣшать другъ друга и каж-

дый, въ свою очередь, экстплоатировать народъ, положеніе вещей отъ этого естественно только еще усложнилось, а авторитетъ папы падалъ все ниже въ глазахъ современниковъ.

Естественно, что едва замолкнувшая, но не вполнѣ искорененная оппозиція выступила теперь снова впередъ со своимъ протестомъ; естественно, что глубокое религіозное чувство, разочарованное въ своихъ надеждахъ на обновленіе церкви, искало удовлетворенія вдали отъ церкви и церковныхъ учрежденій. Это были все тѣ-же воззрѣнія Вальденцевъ, которыхъ искоренить нельзя было ни огнемъ, ни мечемъ, и которые теперь, при появленіи благопріятныхъ для нихъ обстоятельствъ, начали вновь усиливаться. Это религіозное направленіе начинаетъ, мало по малу, высказываться въ новой формѣ, имѣвшей большое вліяніе, именно въ формѣ мистической, получившей начало свое отъ такъ называемыхъ нѣмецкихъ мистиковъ. Мистицизмъ, впрочемъ, былъ для того времени не новостью.

Это было ничто иное, какъ направленіе высоко развитаго религіознаго чувства, не находившаго удовлетворенія въ сухомъ догматическомъ, лишенномъ всякой теплоты и искренности, ученіи тогдашней католической церкви, и потому отшатнувшагося отъ нея и отъ мірскихъ стремленій и разврата тогдашняго духовенства, которое, за послѣднее время, совершенно утратило нѣкогда возвышавшіе его высокіе нравственные идеалы.

Мистики стремились всецѣло проникнуться духомъ Божіимъ, погрузиться въ какое-то таинственное общеніе съ Божествомъ, и въ этомъ духовномъ единеніи находить себѣ нравственное утѣшеніе.

Мистицизмъ существовалъ и въ греческой церкви, гдѣ представителемъ его былъ, напримѣръ, Діонисій Ареопагитъ, и у романскихъ племенъ, въ прежней католической церкви. У романцевъ онъ имѣлъ нѣсколько особый характеръ: именно, его цѣлью было погруженіе человѣка въ изученіе бытія Божія и его благости. Извѣстенъ, напримѣръ, такъ называвшійся „contemplator magnus“—Гуго-де-С-тъ Викторъ, лучшій представитель этого направленія у романцевъ. Нѣмецкіе мистики не довольствовались психологическими наблюденіями надъ собой, не довольствовались, такъ называемою, контем-

плаціею, но придавая своимъ изысканіямъ отчасти научный характеръ, они, въ особенности, занимались практическими наблюденіями надъ духовною своею натурою, для нравственнаго своего перерожденія. Таковы, напримѣръ, извѣстные нѣмецкіе мистики Мейстеръ Екгардтъ, Таулеръ (1290—1361 г.) Сузо (1300—1365 г.); всѣ они были прежде доминиканскими монахами. Они не выступали противъ церкви, не отрицали ея авторитета, а громили только развратъ духовенства, распутство монаховъ, указывали на пустоту богословской науки, на отсутствіе въ іерархіи истиннаго, глубокаго религіознаго чувства; они возставали противъ крайняго формализма въ религіи и девизъ ихъ былъ: γνῶθι σὲ αὑτὸν, съ цѣлью нравственнаго облагороженія своей духовной личности. Достигнуть же этого нравственнаго возрожденія возможно, по ихъ мнѣнію, только проникновеніемъ всего духовнаго человѣка религіозными истинами, путемъ проповѣди и чтенія Библіи на родномъ языкѣ. Они сами подавали примѣръ, работая неустанно надъ усовершенствованіемъ народной рѣчи. Они желали внести въ церковь больше теплоты, простоты и естественности и придавали громадное значеніе физическому труду, чѣмъ мистицизмъ ихъ и отличался отъ прежняго, господствовавшаго въ древніе вѣка, требовавшаго удаленія человѣка отъ всего мірскаго и сосредоточенія его въ самомъ себѣ. Они и на природу не смотрѣли съ той односторонней, средневѣковой точки зрѣнія, какъ на какое-то злое, враждебное человѣку, начало, а сознавали напротивъ, что въ началѣ природа создана была хорошею. Вліяніе этихъ мистиковъ было большое; лучшіе умы того времени подпали этому вліянію потому, что оно было естественно и логично вытекало изъ нравственной потребности религіознаго чувства. Даже высшее тогдашнее ученое учрежденіе — богословскій факультетъ въ Парижѣ—Сорбонна считала лучшихъ своихъ членовъ въ числѣ приверженцевъ этихъ идей и воззрѣній, каковы напримѣръ, романскіе мистики Николай Клеманжъ, Петръ д.Альи и Герсонъ [Nicolas de Clemange, Pierre d'Ailly) (1363—1429 г.), Gerson]. Этотъ послѣдній стремился „concordare theologiam mysticam cum nostra scholastica"; онъ увѣщеваетъ менѣе заниматься свѣтскою наукою и философіею; *истину, по его* мнѣнію, можно познать только путемъ открове-

нія; средства ея достиженія—вѣра и раскаяніе, а не Аристотель и не Платонъ; „poenitemini et credite Evangelio“, говорилъ онъ.

Подъ вліяніемъ этихъ мистиковъ, изъ Сорбонны даже вышла мысль о созваніи собора. Соборъ, говорили тогда, есть единственная духовная власть, которая можетъ возстановить нарушенный порядокъ въ церкви (Henricus de Hassia 1381 г.).

Такимъ образомъ впервые начали высказывать мысль, что соборы стоятъ выше папъ. Это мнѣніе все больше и больше пріобрѣтало приверженцевъ, и къ концу столѣтія общій голосъ на западѣ требовалъ созванія собора, для прекращенія соблазна въ церкви. Естественно, что желаемая реформа въ церкви не могла остановиться на одномъ внѣшнемъ ея преобразованіи, но должна была коснуться и догматическаго ученія, которое находилось въ тѣсной связи съ церковными учрежденіями.

Эти романскіе мистики говорятъ и о реформѣ церкви, и тогдашняго богословія, и мы у нихъ встрѣчаемъ, въ сущности, тоже, что у Вальденцевъ и нѣмецкихъ мистиковъ. Библія для нихъ тоже служитъ основою и источникомъ религіи; они тоже осуждаютъ внѣшность культа, церемоніи; требуютъ больше простоты и опираются на внутреннее религіозное чувство вѣрующаго. Въ схоластикѣ осуждаютъ они безплодность и безполезность научныхъ ея стремленій, темноту и неясность ея изложенія. Хотя на нихъ и имѣли вліяніе новыя идеи, распространенныя вообще антицерковною литературою, они тѣмъ не менѣе все еще не въ прямой оппозиціи находятся къ самой церкви, а напротивъ желаютъ ея реформы, оставаясь на чисто церковной почвѣ. Одновременно съ этимъ направленіемъ высказывались также въ разныхъ концахъ Европы мнѣнія, клонившіяся къ полной революціи въ церкви, желавшія коренныхъ преобразованій въ ней. Эти мнѣнія, воспринявъ ученіе Вальденцевъ, формулировали его въ самыхъ строгихъ рѣшительныхъ положеніяхъ. Первый голосъ въ этомъ направленіи подалъ Виклифъ (1324—1387 г.) (*).

(*) См. Lechler—Wickliff, 1873 и «De Christo et suo adversario antichristo» Johann Wickliffs, изд. Budensig'a, Gotha, Perthes, 1880 г.

И для него Библія главное—основа и источникъ религіи; отрицаетъ онъ всѣ догматы и правила церковныя, не проистекающія изъ этого единственнаго, признаваемаго имъ, источника. Онъ отрицаетъ всѣ церковныя церемоніи, картины, (образа), праздники и т. д.; признаетъ только два таинства: крещеніе и причащеніе, изъ которыхъ послѣднему придаетъ только характеръ символа; особенно возстаетъ онъ противъ индульгенцій, называя догматъ этотъ кощунствомъ. Современную ему церковь Виклифъ считалъ до того испорченною, что о реформѣ ея, по его мнѣнію, нечего было и думать. Надо было перестроить ее съ основанія. Власть папы и положеніе католическаго духовенства есть измышленіе злаго духа. „Антихристъ, по его словамъ, имѣетъ въ духовенствѣ своихъ агентовъ, кующихъ козни противъ церкви Христовой". Вся порча происходитъ, по его мнѣнію, отъ матеріальнаго имущества духовенства; церковь не должна имѣть ни богатства, ни власти надъ совѣстью; никогда никого она ни можетъ отрѣшить отъ себя, кто самъ себя не отрѣшитъ. Онъ лелѣетъ мысль о возстановленіи первобытнаго, лишеннаго всякой роскоши христіанства и самъ подаетъ примѣръ: ходитъ босой, въ грубой одеждѣ; ученики его—лолларды, разносятъ сѣмена его ученія по всему свѣту. Виклифъ имѣлъ большое вліяніе особенно на простой народъ и среднее сословіе; впрочемъ, и высшая аристократія находилась отчасти подъ вліяніемъ его ученія, какъ напримѣръ, тогдашній регентъ герцогъ Ланкастерскій. Вся Англія охвачена была крайнею оппозиціею противъ католической церкви. Наконецъ, духовенству все-таки удалось одержать верхъ и если не погубить окончательно Виклифа, то все-таки заставить его на время замолкнуть. Правительство, испуганное соціальными элементами, несомнѣнно существовавшими въ этой новой ереси, начало преслѣдовать ученіе Виклифа. Многіе приверженцы его ученія были казнены; многимъ же удалось убѣжать на континентъ. Самъ Виклифъ удаленъ былъ изъ Оксфордскаго университета, гдѣ онъ занималъ профессуру. Книги его объявлены еретическими и были сожжены.

Въ Чехіи ученіе Виклифа успѣло пустить особенно глубокіе корни. Причиною тому было то, что Чехія была *уже приготовлена* къ воспринятію новыхъ реформаціон-

ныхъ идей. Уже задолго до Виклифа сюда проникли и успѣли утвердиться воззрѣнія Вальденцевъ (Denis: Huss et les Hussites). Для Чехіи, гдѣ славянскій элементъ былъ преобладающій, всякая оппозиція противъ римской церкви была желательна потому, что она являлась вмѣстѣ съ тѣмъ оппозиціею и противъ ненавистнаго ей германизма.

Въ одно время съ Виклифомъ въ Англіи, въ Чехіи дѣйствовали три лица, преслѣдовавшія почти одинаковое направленіе съ нимъ и писавшія на своемъ родномъ чешскомъ языкѣ; это были Стекна, ум. 1369 г., Миличь, ум. 1374 г., и Матвѣй изъ Янова, ум. 1394 г. Всѣ трое ратуютъ противъ духовенства, особенно противъ монашества, противъ внѣшности въ церкви; они требуютъ искренности и теплоты; Библія на народномъ языкѣ, для нихъ служитъ основаніемъ религіи; они стоятъ за устную проповѣдь и отрицаютъ необходимость безбрачія духовенства. Они идутъ даже дальше другихъ еретическихъ сектъ, считая папу антихристомъ, присвоившимъ себѣ званіе намѣстника Христа и считающимъ свой авторитетъ столь же обязательнымъ для христіанскаго міра, какъ и Евангеліе и св. Писаніе. Они имѣли огромное вліяніе на своихъ одноплеменниковъ въ особенности потому, что религіозный вопросъ для Чехіи становился вопросомъ національнымъ.

Въ ихъ-же духѣ дѣйствовалъ и Гуссъ въ началѣ XV столѣтія, проповѣдникъ и профессоръ Пражскаго богословскаго факультета. На его проповѣдь стали стекаться со всѣхъ концовъ Праги; даже духовные заслушивались его, указывая народу на то, что Св. Духъ говоритъ его устами. Его проповѣдь имѣла огромное вліяніе, распространившееся скоро по всей Чехіи.

Тогда папа обратилъ на него вниманіе; послѣдовало отлученіе Гусса отъ церкви въ 1408 г. Къ этому времени написалъ онъ богословское сочиненіе „О Церкви“, надѣлавшее много шуму. Церковь, по его мнѣнію, надо понимать духовно; глава ея—Христосъ, а не папа; послѣдній не можетъ, на основаніи Библіи, доказать, что онъ намѣстникъ Христа; приводимыя католическою церковью мѣста для утвержденія папскаго авторитета, имѣютъ, по мнѣнію Гусса, совершенно иной *смыслъ, чѣмъ тотъ*, который имъ придаетъ католиче-

ская церковь; нѣтъ также никакой необходимости, говорилъ онъ, въ сложной церковной іерархіи. Всѣ эти мысли, высказываемыя съ горячимъ, неподдѣльнымъ чувствомъ Гуссомъ въ указанномъ нами его сочиненіи, конечно, только еще болѣе увеличивали уже существовавшее сильное броженіе въ церкви. Голоса д'Альи, Клеманжа и другихъ романскихъ мистиковъ уже раньше подготовили для нихъ почву (*). Для прекращенія разлада въ церкви, созванъ былъ церковный соборъ въ городѣ Пизѣ. Это, такъ называемый, Пизанскій соборъ, продолжавшійся отъ 25 марта до 7 августа 1409 г. (**). Бывшіе тогда два папы, изъ которыхъ одинъ—Григорій XII, жилъ съ 1406 г. въ Римѣ, а другой—Бенедиктъ XIII—въ Авиньонѣ, оба были низложены и избранъ былъ 26 іюня 1409 г. новый папа — Александръ V, умершій уже въ слѣдующемъ году (3 мая 1410 г.). Александръ V распустилъ Пизанскій соборъ. Преемникъ его, Іоаннъ XXIII, созвалъ на 1 ноября 1414 г. новый соборъ въ Констанцѣ (***). На этомъ соборѣ прежде всего утверждены были постановленія Пизанскаго собора и такимъ образомъ низложенія папъ Григорія XII и Бенедикта XIII признаны были правильными, но на этомъ же соборѣ былъ отрѣшенъ отъ папскаго престола и самъ Іоаннъ XXIII, (самъ себя избравшій), который, не признавая правильнымъ постановленіе собора, продолжалъ считать себя папою, но тѣмъ не менѣе бѣжалъ изъ Рима и умеръ 29 мая 1418 г.

Между тѣмъ Констанцкій соборъ для разрѣшенія спора, возникшаго въ церкви, долженъ былъ конечно прежде все-

---

(*) Воззрѣнія этихъ романскихъ мистиковъ отличались отъ взгляда Гусса, какъ мы видѣли, тѣмъ, что эти мистики желали частныхъ реформъ въ церкви, продолжая оставаться на церковной почвѣ, тогда какъ Гуссъ хотѣлъ воздвигнуть церковь на совершенно новыхъ началахъ и требовалъ потому полнаго ея пересозданія съ самаго ея основанія, не довольствуясь искорененіемъ зла только въ различныхъ болѣе или менѣе важныхъ деталяхъ.

(**) См. Lenfant—Concile de Pise, а также Wessenberg—Die grossen Kirchenversammlungen des XV und XVI Jahrhunderts, IV т., 1845.

(***) См. H. von der Hardt—Concilium Constantiense 1700 г., а *также Monumenta* Concilium generalium.

го избрать новаго папу. И дѣйствительно, въ ноябрѣ 1417 г. возведенъ былъ на папскій престолъ Отто Колонна. Кардиналъ Діаконъ подъ именемъ Мартина V. Констанцкій соборъ закрытъ былъ въ апрѣлѣ 1418 г. Изъ всѣхъ предложенныхъ на этомъ соборѣ преобразованій ничего не вышло; папа объявилъ, что аппеляція отъ папы къ собору незаконна, и какъ таковая не можетъ быть допущена. Это говорилъ папа, самъ избранный соборомъ.

Этотъ соборъ долженъ былъ рѣшить участь Гусса; сюда призвали его на отвѣтъ. Судъ надъ Гуссомъ происходилъ въ Констанцкомъ кафедральномъ соборѣ. Голоса судей раздѣлились по націямъ; между ними были нѣмцы и чехи. Надо прибавить, что къ этому религіозному спору, охватившему Германію и Чехію XV столѣтія присоединился ко времени Гусса еще философскій споръ въ Пражскомъ университетѣ, разъединившій профессоровъ на двѣ враждебныя партіи. Гуссъ и чешская партія профессоровъ была на сторонѣ, такъ называемыхъ, „реалистовъ“; нѣмецкіе же профессора и парижская Сорбонна были „номиналисты“. Этотъ философскій споръ имѣлъ несомнѣнно большое вліяніе на рѣшеніе участи Гусса. Гуссъ явился на судъ, снабженный охранною грамотою императора. Все путешествіе его до Констанца походило скорѣе на тріумфальное шествіе: повсюду народъ выходилъ къ нему на встрѣчу. Послѣ продолжительнаго допроса потребовали отъ него, чтобъ онъ отрекся отъ своего ученія и призналъ бы верховную автономію папы; онъ на отрѣзъ отказался. Сочиненія его были сожжены, а самъ онъ погибъ на кострѣ въ окрестностяхъ Констанца 26 іюня 1415 г. Годъ спустя умеръ тою же смертью другъ его и постоянный спутникъ Іеронимъ Пражскій 30 мая 1416 г. Послѣ смерти Гусса въ Чехіи, гдѣ ученіе его пустило глубокіе корни, разыгралась революція.

Николай Гусинецъ и Іоханъ Жижка, предводительствуя толпою, грабили и опустошали католическія церкви и монастыри. Скоро вся Чехія стала гусситскою. Противъ Гусситовъ возбужденъ былъ католическою церковью крестовый походъ, который начался въ 1421 г. Вся Германія приняла въ немъ участіе, но несмотря на всѣ усилія императорскаго правительства, которое видѣло въ этомъ религіозномъ броженіи опасную для себя соціальную подкладку, Гусситы про-

должали съ успѣхомъ распространять свое ученіе даже и въ Германіи, гдѣ скоро у нихъ оказалось много приверженцевъ. Однакожъ скоро среди самихъ Гусситовъ началась распря; они раздѣлились на радикальную партію, Таборитовъ, и противниковъ ихъ—Каликстиновъ. Табориты отрицали даже необходимость духовенства; каждый, по ихъ мнѣнію, можетъ исполнять обязанности священника; они отрицали совершенно всю богословскую науку и признавали одну только Библію. Этотъ разладъ между Гусситами значительно способствовалъ ихъ слабости. Для прекращенія раздора въ церкви созванъ былъ въ 1431 г. новый соборъ въ Базелѣ.

На этомъ соборѣ постановлена была suprematio собора надъ папою, а потому рѣшено было, что соборъ не можетъ быть ни прерванъ, ни распущенъ по желанію папы, который во время собора не имѣетъ права назначать новыхъ кардиналовъ въ составъ его членовъ. Всякій другой конклавъ духовныхъ лицъ внѣ собора считался отнынѣ схизматическимъ. Въ члены собора назначались лица не по желанію папы, а по выбору. Такимъ образомъ Базельскій соборъ во всѣхъ своихъ постановленіяхъ установилъ высшую suprematio собора надъ папою.

Ко времени церковной борьбы соборовъ съ папами изъ за первенствующаго значенія въ церкви, выдвигается личность секретаря папы Феликса V, извѣстный Енеасъ Сильвіусъ Пиколомини (*), въ мірѣ носившій названіе Николай Кузанусъ. Родился онъ въ 1401 г. въ Трирскомъ курфюршествѣ и учился въ Девентерѣ и Падуѣ, гдѣ получилъ ученую степень доктора „utriusque juris“. Онъ отлично зналъ греческій, латинскій и еврейскіе языки и обладалъ необыкновеннымъ даромъ слова. Исправлялъ онъ разныя духовныя должности и присутствовалъ на Базельскомъ соборѣ, гдѣ состоялъ уже секретаремъ преемника Феликса V, Евгенія IV. Въ своемъ сочиненіи (de Concordantia catholica) онъ ревностно поддерживалъ ту мысль, что папа ниже соборовъ (**). Онъ скоро сдѣлался опорою св. престола и въ качествѣ

(*) См. G. Vocht—Eneas Silvius Piccolomini und seine Zeit.

(**) Universale Concilium catholicae ecclesiae supremam habet potistatem in omnibus super ipsum Romanum Pontificem.

посла отправленъ былъ въ Константинополь, для переговоровъ о соединенiи восточной и западной церквей; затѣмъ получилъ онъ порученiе возстановить порядокъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ Германiи. Преемникъ Евгенiя IV, папа Николай V, сдѣлалъ его въ 1448 г. кардиналомъ и епископомъ Бриксенскимъ въ Тиролѣ. Занимался онъ и математикою; его прозвали современники „вторымъ Архимедомъ“. Посылаемъ онъ былъ часто и въ Германiю для переговоровъ съ Гуситами, напр. въ 1452 г. Позже поссорился онъ съ австрiйскимъ эрцгерцогомъ Сигизмундомъ изъ-за того, что, какъ духовное лицо, не хотѣлъ присягать ему, какъ свѣтскому владѣтелю Бриксенской области, за что тотъ посадилъ его въ тюрьму. Умеръ онъ папою подъ именемъ Пiя II въ 1464 г.

Съ Гусситами заключены были въ теченiи этого времени нѣкоторые, такъ называемые, „компактаты“ или договоры и отчасти признано было ихъ политическое значенiе (*).

Теперь возникаетъ вопросъ, почему всѣ эти соборы не привели къ желаемымъ результатамъ, не водворили мира и согласiя въ церкви, почему изъ всѣхъ этихъ благихъ начинанiй ничего не вышло?

Мы видѣли, что Пизанскiй соборъ ратовалъ противъ злоупотребленiй въ церкви; Констанцкiй соборъ требовалъ преобразованiя церкви; Базельскiй соборъ желалъ подчинить папу конклаву епископовъ; во всемъ этомъ не было никакого единства. Не были даже рѣшены самые важные пункты разногласiя, а именно: какая форма должна быть придана соборамъ; кто назначаетъ его членовъ; изъ кого составляются списки этихъ членовъ; кто ихъ утверждаетъ; какъ подавать голоса на соборѣ, и многiе другiе (**).

(*) Напримѣръ, въ ноябрѣ 1433 г. состоялись, такъ называемые, «Пражскiе компактаты», которые въ 1434 г. приняты были на Базельскомъ соборѣ. Главные четыре параграфа этихъ компактатовъ требовали: 1) употребленiя чаши при причащенiи мiрянъ, 2) свободной проповѣди, 3) наказанiя преступныхъ духовныхъ, и наконецъ, 4) признанiя духовныхъ только управителями церковнаго имущества.

(**) На Констанцкомъ соборѣ, напримѣръ, изъ членовъ собора составлялись конгрегацiи по нацiямъ, которыя и обсуждали предварительно вопросы, переносимые въ общiя сессiи. На Базельскомъ соборѣ принятъ былъ уже иной порядокъ. Въ составъ членовъ

Особенно свѣтская власть была между собою не согласна по отношенію къ правамъ и привиллегіямъ, присвоеваемымъ себѣ соборами. Этимъ не преминули воспользоваться папы, для поддержанія своего авторитета, начинавшаго колебаться подъ вліяніемъ соборовъ. Заключены были конкордаты съ свѣтскою властью, съ цѣлью ея разъединенія и, такимъ образомъ, оппозиція по немногу замолкла (напримѣръ, Вѣнскій конкордатъ 1448 г.). Несмотря на все усиливающееся значеніе соборовъ, папы съумѣли своей искусной политикой парализировать къ концу XV столѣтія всѣ постановленія Базельскаго собора, подрывавшія ихъ авторитетъ, такъ, напримѣръ, папа Каликстъ III (1455—1458) въ 1457 г. объявилъ, что папская власть не можетъ быть ограничена никакими договорами и что всѣ существовавшіе до сихъ поръ конкордаты суть ничто иное, какъ ничѣмъ не оправдываемыя уступки папъ свѣтской власти, на которыя они не имѣли никакого нравственнаго права. Папа Пій II (1458—1464) въ своей „Bulla execrabilis“ отвергъ, что можно апеллировать на

собора входили: 1) кардиналы, которые еще въ Констанцѣ составляли какъ бы особую корпорацію и имѣли свои особыя засѣданія; теперь, на Базельскомъ соборѣ, они включены были въ общее число членовъ; 2) всѣ духовные отцы, собравшіеся въ Базель, были раздѣлены на четыре депутаціи, въ каждую изъ нихъ были включены изъ различныхъ націй равномѣрное число сочленовъ разныхъ чиновъ: кардиналовъ, патріарховъ, архіепископовъ, епископовъ, абатовъ, докторовъ богословія; причемъ всякая депутація имѣла своего президента, ежемѣсячно избираемаго, и свою канцелярію; депутаціи должны были мѣняться каждые четыре мѣсяца въ своемъ составѣ; засѣданія ихъ происходили три раза въ недѣлю. Каждая депутація въ вѣдѣніи своемъ имѣла извѣстнаго рода дѣла: первая—вѣдала дѣла вѣры; вторая — дѣла, касавшіяся международныхъ отношеній; третья—вопросы, касающіеся реформаціи церкви, и, наконецъ, четвертая—всѣ другія дѣла, не относящіяся къ первымъ тремъ категоріямъ. Если дѣло было зрѣло обсуждено въ депутаціи и рѣшено, то оно переходило въ генеральное собраніе всѣхъ депутацій, гдѣ опять разбиралось и рѣшалось, а иногда снова возвращалось въ депутацію для пересмотра. Въ генеральномъ собраніи депутацій дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ трехъ депутацій. Только послѣ рѣшенія генеральнаго собранія дѣло переходило въ публичное засѣданіе собора, который засѣдалъ въ каѳедральной церкви, гдѣ снова дебатировалось и если принималось, то уже публиковалось какъ *обязательное для* всего католическаго запада соборное постановленіе.

папу къ собору и снова приписалъ папѣ право созывать и распускать его. Скоро все опять пошло по старому. Въ результатѣ побѣда надъ антицерковною оппозиціею и послѣ соборовъ XV столѣтія осталась за церковью, но побѣда эта была чисто внѣшняя. Если въ концѣ XV столѣтія церковь съ іерархіею и торжествовала побѣду, если ей и удалось покончить съ ересями и не встрѣчала она уже болѣе, казалось, видимой оппозиціи; если въ Германіи теперь и насталъ общій покой, то это былъ покой передъ бурею. Общее чувство неудовлетворенности, происходящее отъ неудачнаго исхода соборовъ, отъ продолжающагося разврата духовенства, проникло во всѣ слои общества. Снова, какъ и прежде, возвышаетъ свой голосъ умолкнувшая было антицерковная оппозиція, о которой мы еще будемъ говорить въ послѣдствіи. Между защитниками папства выдается въ это время извѣстный кардиналъ Торквемада, (умершій въ 1468 г.), получившій отъ папы за свои сочиненія титулъ: „defensor fidei". Въ своемъ сочиненіи „de summa auctoritate ecclesiae", онъ говоритъ cap. 32: solus Petrus inter apostolos immediate a Christo factus et ordinatus fuit episcopus; alii vero apostoli a Petro mediate vel immediate"; или въ cap. 28: „universaliter conciliorum auctoritas a Romano Pontifice pendet et emanat". Въ томъ же духѣ выражается и извѣстный кардиналъ Каетанъ (1469—1534) въ своемъ сочиненіи: „de auctoritate Papae et Concilii: Magis potest errare communitas Ecclesiae sine auctoritate Papae, quam Papa".

Вотъ каково было положеніе дѣлъ въ Германіи и преимущественно церковной іерархіи къ концу XV столѣтія.

Для интересующихся исторіею соборовъ XV столѣтія приводимъ здѣсь подробный списокъ источниковъ, рисующихъ положеніе церковныхъ дѣлъ въ эту эпоху и главнымъ образомъ во время Констанцкаго собора.

Эти источники раздѣляются: на 1) diarii и исторіи собора, 2) акты. 3) донесенія присутствовавшихъ прелатовъ и пословъ.

Diarii: a) Констанцкаго каноника Ulrich Reichental; оригиналъ находится въ Констанцѣ. Первое изданіе его появилось въ Аугсбургѣ въ 1483 г.; второе — тамъ-же, въ 1534 г.; третье — во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ 1575 г. Внѣшняя исторія собора всего болѣе у него *разработана*. *b)* Gebhard Dacher's von Constenz-Orden-

tliche Beshreibung der grossen Pracht des Costnitzischen Concilii. Онъ былъ придворнымъ саксонскаго курфюрста. Оба, впрочемъ, писали позже, вѣроятно, по краткимъ замѣткамъ; Dacher еще не напечатанъ вполнѣ, изъ него, впрочемъ, почти все выписано у Hardt'a; c) Diarium Concilii Constantiensis ex Victorino Synchrono; у него особенно много встрѣчается данныхъ о папѣ Іоаннѣ XXIII, о его бѣгствѣ и пр. Изъ этихъ діарій въ разное время дѣлаемы были Fremdenverzeichnisse, которыхъ весьма много сохранилось.

Исторіи собора Констанцкаго, писанныя современниками: a) Theodoric Vrie (Frey) aus Osnabrück, августинскій монахъ. Его сочиненіе напечатано у Hardt'a, оно доведено только до 1417 г. b) Historia concilii Constantiensis Johann'a Wallenrod'a, рыцаря Тевтонскаго ордена; онъ былъ на Констанцкомъ соборѣ. Оригиналъ этого сочиненія сгорѣлъ въ 1623 г. въ Кёнигсбергѣ, но предполагаютъ, что сохранились съ него копіи въ Англіи. c) За исторію собора надо принять и сочиненіе Theodorich'a v. Niem—de vita et factis Constantiensibus Johannis XXIII Papae, напечатано оно у Hardt'a. Онъ былъ секретаремъ у многихъ папъ во время церковнаго раскола и умеръ въ 1417 г. Есть еще сочиненіе: de schismate, обнимающее время отъ 1378 до 1410 г.; d) Tractatus de longaevo cschismate, съ 1378 до 1422 г.; сочиненіе это найдено Палацкимъ. Авторъ его неизвѣстенъ; предполагаютъ, что онъ былъ бреславскій прелатъ.

Акты—a) Ieronym de Croaria, профессоръ Ингольштадскаго университета, издалъ въ 1500 г.: Acta scitu dignissime docteque concinata Concilii Constantiensis celebratissimi, но не обозначилъ имени автора. Здѣсь помѣщены только выборные акты, составленные изъ постановленій Базельскаго собора въ 1442 г.; однако мы здѣсь встрѣчаемъ далеко не полный сводъ актовъ. Изданіе это перепечатано было съ небольшими приложеніями въ Парижѣ въ 1506 г.; засимъ появилась базельская редакція этихъ актовъ въ 1510 г. въ Наденаи и въ 1511 г. въ Миланѣ, и, наконецъ, въ Кельнѣ появилась таже редакція, нѣсколько дополненная, въ 1567 г. и въ 1606 г. Одно мѣсто въ этой редакціи возбудило полемику, именно: постановленія 4-го засѣданія Базельскаго собора o superioritate conciliorum надъ папами; многихъ поражала эта редакція, почему утверждали, что Базельскій соборъ, нри составленіи изданія актовъ, дозволилъ себѣ интерполаціи и что по этому эти постановленія не имѣютъ силы закона. Но въ 1682 г. галликанское духовенство на синодѣ протестовало противъ этого и утверждало подлинность и силу этихъ актовъ. Тогда антверпенскій canonicus Emanuel Schelstrate выступилъ противъ галликанцевъ и написалъ три трактата: Acta Constantiensis Concilii ad expositionem decretorum ejus sessionum quartae et quintae facientia, nunc primum et Codicilius in lucem eruta ac dissertatione illustrata. Ant. 1683 г. Затѣмъ написалъ онъ еще—Tractatus de sensu et auctoritate decretorum Concilii Constantiensis. Romae, 1686 г., гдѣ онъ доказываетъ интерполацію базельской редакціи. Противъ Schelstrate пи-

сали: Mambourg, Du Pin, Alex. Natalis и др. Полемика пала съ изданіемъ Hardt'a. b) По инициативѣ герцога Rud. v. Braunschweig въ концѣ XVII столѣтія изданы, на основаніи документовъ, имѣющихся въ библіотекахъ Braunschiocig'a Wolphenbüttel, Helmstadt, Celle, всѣ акты Констанцкаго собора профессоромъ восточныхъ языковъ въ Гельмштедтѣ, Hermann von der Hardt'омъ. Императоръ Leopold I, съ своей стороны, поддержалъ это изданіе, препроводивъ рукописи изъ вѣнской библіотеки. Библіотеки городовъ Готы, Лейпцига, Берлина, Нюрнберга и Эрфурта тоже прислали свои вклады. Иностранные архивы не были привлечены, а между тѣмъ въ нихъ, конечно, много находится матеріала, какъ доказываютъ II и VII томы соч. Martene и Durand—Thesaurus anecdotorum. Заглавіе изданія Hardt'a слѣдующее: Magnum Constantiense Concilium et ingenti antiquissimorum manuscriptorum mole diligentissime erutum VI т. Francf. et Lipsiae, 1697—1700. fol. т. VII 1742 index. c) Harduin—Collectio Conciliorum. Paris, 1741, т. VIII,—здѣсь мы встрѣчаемъ немного новаго. d) Mansi—Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Lucca, 1748 г. Онъ перепечаталъ здѣсь уже извѣстные документы. e) Harzheim—Concilia Germaniae; онъ перепечаталъ документы, относящіеся къ германскимъ соборамъ.

Письма и донесенія пословъ государей о соборѣ составляютъ также весьма драгоцѣнный матеріалъ; нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны у Du Pin ed. Opera Joh. Gerson, у Bulacus—Historia Univ. Pariensis; у Martene et Durand—Thesaurus anecdotorum.

Имѣются засимъ еще хроники, повѣствующія объ этой эпохѣ какъ-то: Cosmodromium von Gobelinus Persona, доходитъ до 1418 г.; напечатана у Meibonus—Scripta rerum Germaniai 1688 г., въ I т. Berner Chronik, авторъ Justinger, доведенная до 1421 г., изд. 1819 г. Chronicon Hermanni Januensis, доведенная до 1421 г., напечатана у Hahn'a, въ его Collectio Monumentorum. Chronica novella, авторъ Cornerus, доведена до 1435 г., помѣщенная у Eccard, въ его Corpus historiae medii aevi. Изъ славянскихъ хроникъ, рисующихъ эту эпоху, извѣстны хроники Laurenz Bresowa и Dlugoy.

Изъ отдѣльныхъ сочиненій о Констанцкомъ соборѣ извѣстны слѣдующія: Stumpf. Zurich, 1541; Jacques Lénfant—Histoire du Concile de Constance. Amsterdam, 1714 г., 2 т.; новое изданіе Amsterdam, 1727 г.; авторъ—сынъ эмигранта временъ Людовика XIV; былъ пасторомъ въ Гендельбергѣ и Берлинѣ; онъ сильно симпатизируетъ Гуссу. Bourgeois du Chastenet—Nouvelle histoire du concile de Constance, изд. 1718 г. Особенно важенъ его отдѣлъ—„Preuves". Caspar Royho—Geschichte der Kirchenversammlung zu Costnitz. Frag. 1796 г. Это сочиненіе слабо. Bischof Hefele von Rottenburg въ своей Conciliengeschichte (VII в.) трактуетъ о Флорентинскомъ соборѣ, т. 2.

Научная оппозиція.

Я окончилъ, такимъ образомъ, обозрѣніе состоянія церкви въ XV столѣтіи, прослѣдивъ оппозиціонное противъ нея движеніе, начиная съ XI столѣтія, движеніе, которое, повидимому, не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, но въ сущности подорвало въ основѣ уваженіе къ церкви и тѣмъ подготовило въ ближайшемъ будущемъ неминуемую катастрофу, которая и должна была разразиться всеобщимъ взрывомъ.

Теперь я приступаю къ обзору, параллельно идущаго съ этой церковной оппозиціей, переворота въ наукѣ, переворота, котораго, собственно говоря, нельзя отдѣлить отъ перваго, по взаимной ихъ тѣсной связи между собой, но который мы отдѣляемъ только для сокращенія времени и для лучшаго усвоенія себѣ событій.

Во время переселенія народовъ, громившихъ со всѣхъ сторонъ западную римскую имперію, во время развивавшагося вслѣдствіе этого невѣжества и господства физической силы, одно духовенство, какъ проповѣдники высокихъ истинъ и нравственности христіанскаго ученія, умѣряло завоевателей, укрощало ихъ страсти и смягчало ихъ нравы. Духовенство, единственное сословіе образованное въ тотъ вѣкъ господства силы, хранило въ средѣ своей и знаніе вѣрованій христіанскихъ и запасъ свѣдѣній, выработанныхъ древними.

Естественно, что оно одно могло быть учителемъ новыхъ народовъ; естественно, что оно одно могло сдѣлаться посредствующимъ звѣномъ между древнею языческою и новою христіанскою образованностью. Элементомъ образовательнымъ

для новыхъ, выступавшихъ на историческое поприще, германскихъ племенъ было христіанское ученіе. Вся сумма знаній, доступныхъ тогдашнему человѣчеству, выводилась изъ св. писанія и твореній св. отцевъ церкви; все въ нихъ необъясняемое отрицалось и отвергалось, какъ проявленіе злаго духа, напримѣръ, явленія природы и вообще естественныя науки. Понятно, по сему, что и все образованіе, какъ элементарное, такъ и высшее, находилось въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ въ рукахъ духовныхъ и потому должно было имѣть характеръ отвлеченный, спекулятивный, философскій, основанный на христіанскихъ вѣрованіяхъ и воззрѣніяхъ.

Христіанское ученіе, со временъ апостольскихъ, постепенно развивало свою догматику и свое церковое устройство, въ постоянной полемикѣ съ языческими и іудейскими воззрѣніями. Никейскій соборъ (325 г.), въ этомъ развитіи составляетъ эпоху,—до него основные церковные догматы всѣ опредѣляются, вырабатываются; послѣ него, до Карла Великаго примѣрно, на основаніи этихъ установленныхъ догматовъ продолжается дальнѣйшее развитіе второстепенныхъ догматовъ, подробностей. Слѣдовательно, къ IX столѣтію организація западной христіанской церкви была окончена. Церковное устройство, какъ внутреннее—догматическое, такъ и внѣшнее — обрядовое представляло законченное зданіе, всѣми признанное. Древнегреческая философія въ этой работѣ развитія церковнаго ученія дѣйствовала какъ необходимый элементъ, своею строгою системою мышленія, помогавшій достигнуть точнаго опредѣленія понятій и логически разумныхъ выводовъ. Уже самая древняя терминологія своею точностію много этому помогала. Когда къ IX столѣтію церковное догматическое ученіе достигло полной своей законченности, тогда возникла для философско-богословской науки задача систематизировать эти догматы, опредѣлить ихъ точно помощью философскихъ ученій до-христіанской древности; однимъ словомъ,—слѣдовало ей поставить ихъ на научную почву, создать богословскую науку.

Вотъ эта-то философско-богословская наука, которая одна, собственно говоря, и представляла въ средніе вѣка всю сумму знаній тогдашняго человѣчества и называется *схоластикой*, *схоластической школой*, схоластической наукой, господство-

вавшей въ западной Европѣ съ IX до XVI столѣтія и имѣвшей свой періодъ блеска и періодъ паденія, обусловленные блескомъ и паденіемъ самой церкви. Принципъ этой схоластической науки состоялъ въ томъ, чтобы пріобрѣтенное путемъ вѣры, уяснить и сознать путемъ разума, и тѣмъ самымъ доказать разумность догматовъ. (Первоначально „doctores scholastici“ назывались учителя, такъ называемыхъ, „septem artes liberales“), раздѣленныя на „trivium“, заключавшее въ себѣ грамматику, діалектику или логику и риторику, и на „quadrivium“, обнимавшую: ариѳметику, геометрію, астрономію и музыку. Науки эти преподавались въ монастырскихъ школахъ и въ училищахъ, состоявшихъ при соборныхъ церквахъ, основанныхъ Карломъ Великимъ. Впослѣдствіи это названіе „scholastici“ перешло на всѣхъ занимавшихся наукою въ средніе вѣка и на самую науку, ими преподаваемую. Главная основа всего схоластическаго философскаго научнаго зданія былъ Аристотель. Весь умственный кругозоръ западной Европы за многія столѣтія съуживался и расширялся, смотря потому, сколько и что именно было извѣстно въ то время изъ Аристотеля. Быть ученымъ—въ средніе вѣка значило изучить Аристотеля, комментировать его труды на всевозможные лады, интересоваться исключительно вопросами, возникающими при его изученіи; другими словами,—это значило вполнѣ усвоить себѣ міросозерцаніе Аристотеля и отрѣшиться отъ всякой малѣйшей даже попытки къ критикѣ его ученія. И несмотря на это слѣпое поклоненіе Аристотелю, въ продолженіе многихъ столѣтій среднихъ вѣковъ знали изъ него только нѣкоторыя его сочиненія по логикѣ въ латинскомъ переводѣ, и вся умственная философская дѣятельность человѣчества въ эту эпоху развивалась и поддерживалась только благодаря этому скудному матеріалу. Съ XIII столѣтія источники философскихъ знаній расширяются. Благодаря переводамъ на латинскій языкъ и распространенію другихъ, до того времени неизвѣстныхъ, сочиненій Аристотеля и, главнымъ образомъ, благодаря арабскимъ комментаторамъ къ нимъ, преимущественно Аверроеса (*), схоластика принимаетъ новый видъ и направленіе.

(*) Эти арабскія комментаріи распространяются въ Европѣ, начиная съ XIII столѣтія, черезъ еврейскихъ переводчиковъ.

Такимъ образомъ, все время господства схоластики, т. е. средневѣковой богословско-философской науки съ IX по XVI столѣтіе можно раздѣлить на два періода: 1) на періодъ, простирающійся съ IX по XIII столѣтіе, въ продолженіи котораго происходило, такъ сказать, „accomodatio“ аристотельской логики къ церковному ученію и 2) на періодъ ея, простирающійся съ XIII по XVI столѣтіе, въ которомъ происходитъ уже „accomodatio“ вполнѣ сдѣлавшагося извѣстнымъ Аристотеля, т. е. всѣхъ его сочиненій по метафизикѣ, физикѣ, психологіи и этикѣ къ церковнымъ догматамъ. Въ первомъ изъ этихъ періодовъ схоластической науки еще принимается тождественность между истинами религіозными и философскими. „Quid est aluid de philosophia tractare, nisi verae religionis regulas exponere“, говоритъ философъ перваго періода Scotus Erigena, около 830 года.

Слѣдовательно, философія и богословіе, по философскимъ понятіямъ той эпохи, составляютъ еще какъ бы одну нераздѣльную науку. Во второмъ періодѣ, т. е. начиная съ XIII столѣтія уже спеціально христіанскіе догматы, какъ-то: догматы о Троицѣ, сотвореніи міра, воплощеніи, воскресеніи и другіе, какъ истины, превышающія силу разума, исключены были изъ области, подлежащей философскимъ доказательствамъ и такимъ образомъ является „theologia naturalis“ и „theologia revelata“ (богословіе естественное и богословіе откровенія). Такъ, напримѣръ, Альбертусъ Магнусъ (съ 1193 по 1280 г.) первый положилъ основаніе позднѣйшему выдѣленію философіи отъ богословія, выдѣливъ изъ области философіи догматы о Троицѣ и сотвореніи міра. Аквинатусъ въ 1227 г. выдѣлилъ всю церковную догматику; Дунсъ Скотъ вопросъ о бытіи Бога; Оккамъ — всю мораль; такимъ образомъ, область философскихъ изслѣдованій въ средніе вѣка постепенно все съуживалась.

Въ это же время декретами (напримѣръ 1271 г.) было постановлено, что философія есть ничто иное, какъ „слуга богословія“ (antilla theologiae) и что ни одинъ учитель философскаго факультета не имѣлъ права заниматься вопросами спеціально богословскими. Тогда-же въ средневѣковомъ философскомъ міровоззрѣніи возникаетъ понятіе о двухъ истинахъ— богословской *и философской*, которыя часто могутъ и не схо-

диться, и ученіе это долго держится въ схоластическихъ школахъ, пока въ 1276 г. папа Іоаннъ XXI не проклялъ его, какъ вредное заблужденіе. Мало по малу, сфера богословскихъ положеній, подлежащихъ философскимъ доказательствамъ, все болѣе и болѣе уменьшается, вслѣдствіе чего наступаетъ, наконецъ, полный разладъ между школьной философіей, основанной на Аристотелѣ и христіанскимъ богословіемъ. Послѣднее остается, такимъ образомъ, неподвижнымъ, замкнутымъ въ своей строго опредѣленной формѣ, но и схоластическая философія утратила свое прежнее значеніе и цѣль, такъ какъ основной ея принципъ—доказать путемъ разума то, что пріобрѣтено путемъ вѣры, былъ у нея отнятъ и она, потому, совершенно отдѣлилась отъ богословія. Схоластика, такимъ образомъ, лишившись главнаго своего содержанія, скоро превращается въ пустые діалектическіе споры, въ логическія, грамматическія тонкости, въ безчисленныя опредѣленія и правила, большею частью не имѣющія никакого практическаго смысла, никакой приложимости къ жизни.

Результатомъ этого разлада въ самой наукѣ было естественное, въ лучшихъ умахъ замѣчаемое, совершенное отрицаніе существовавшаго тогда школьнаго метода мышленія, глубокое убѣжденіе въ несостоятельности человѣческаго разума для пониманія и объясненія великихъ христіанскихъ таинъ и истинъ и исключительное подчиненіе себя откровенію, стоящему выше разума; это направленіе выразилось въ мистикахъ и реформаторахъ разбираемой нами переходной эпохи.

Другой результатъ этого разлада въ наукѣ и несостоятельности ея и, вслѣдствіе этого, совершеннаго отрицанія существовашаго школьнаго мышленія, было обращеніе къ древнимъ языческимъ философскимъ системамъ, съ цѣлью возстановленія и воскрешенія давно почти уже забытаго классическаго міра съ его богатою литературою, съ его безсмертными произведеніями. То былъ протестъ высоко религіознаго чувства противъ схоластическихъ хитросплетеній; протестъ здраваго человѣческаго смысла противъ запутанности и темноты схоластической науки, который теперь, къ концу среднихъ вѣковъ, съ небывалою еще до сихъ поръ *силою, начи*наетъ выражаться въ этомъ возрожденіи древне-

классическаго міра [redacted] а и художе-
ніяхъ, въ которыхъ [redacted] торые обычаи
утѣшенія среди [redacted] ъ нѣкоторыхъ
я уже говорилъ: [redacted]. Все это, прав-
по случаю [redacted] во всякомъ слу-
мы займемся [redacted] мять о прошломъ
греко-римскаго [redacted] XV вѣка сознава-
такіе размѣры, [redacted] съ древне-класси-
шее дотолѣ и [redacted] съ прошлымъ и не-
въ подростающемъ [redacted] ней мѣрѣ въ началѣ,

Вмѣстѣ съ [redacted] рическихъ явленій въ
теченіемъ оно [redacted], которыя иначе не со-
лической церкви. [redacted] и. Имѣя въ виду только-
повиновеніи [redacted] ясно, напримѣръ, гоненіе,
вѣковой наукѣ, [redacted] Великомъ (590—604 г.)
нимъ церковная [redacted] вности, предписанія его, кло-
своего блестящаго [redacted] туй, даже рукописей, древней
какъ одинъ [redacted] кращенія всякой связи съ язы-
ваемой, реформаціи — [illegible] тогда и поддержка обще-
революціи, разыг [illegible] пріемъ, встрѣченный Кар-

Разсмотримъ [illegible] о коронаціи римскою импе-
давно уже почти [illegible] смотрѣлъ на этотъ фактъ, какъ
датковъ и прос [illegible] западной Римской имперіи;
времени, когда [illegible] какъ бы преемственность импе-
преклонялись [illegible] культомъ старины, этимъ, такъ
лась наконецъ [illegible] объясняется и внутреннее

Зачатки [illegible] Италіи въ продолженіи всѣхъ
еще въ началѣ [illegible] императора священной Римской
ходнымъ [illegible] папы, какъ представителя идеи
стіанскимъ [illegible] единства.
стала, какъ [illegible] объясняется, напримѣръ, и движеніе
ными. [illegible] папы, выразившееся въ половинѣ
тѣ-либо [illegible] новленія въ Римѣ республики, съ
житься [illegible] главѣ. Руководителемъ этого народ-
была [illegible] народный мечтатель Арнольдъ Брес-
[illegible] движеніе видимъ мы и въ XIV сто-
[illegible] ненія папъ, когда такой-
[illegible] ла-ди-[redacted], провозгла-
[illegible] еніе [redacted] республики.

и среднихъ вѣковъ, между язычествомъ и христіанствомъ, заставило понемногу забыть въ западной Европѣ блестящія страницы Римской исторіи, но въ Италіи это забвеніе своего великаго прошлаго никогда не было полнымъ; въ ней всегда оставались отголоски древнихъ временъ, въ ней всегда замѣтна была связь съ ея блестящимъ историческимъ прошлымъ.

Латинскій языкъ сохранился здѣсь въ большей чистотѣ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ западной Европы, хотя онъ и здѣсь былъ только литературнымъ языкомъ, а въ народѣ господствовалъ романскій языкъ. Еще жили, читались, списывались въ отдаленныхъ монастырскихъ кельяхъ Ливій, Саллюстій, Цицеронъ и другіе великіе представители лучшей эпохи римской литературы; но то были, правда, исключенія: древность не была въ то время элементомъ образованія. Учились по-латинѣ, да и то по Донату, Присціану (грамматики первой половины IV вѣка), выписывали Цицерона, только для грамматическихъ примѣровъ, для изученія латинскаго языка съ практической цѣлью. Но всего этого было еще, конечно, мало для того, чтобы проникнуться римскимъ духомъ, чтобы усвоить себѣ древне-римскія воззрѣнія. Въ этомъ отношеніи много помогло римское право, которое въ Италіи всегда существовало, а съ XII столѣтія развитіе и примѣненіе его на практикѣ поддерживалось папами и императорами, которые находили въ немъ юридическое доказательство въ пользу справедливости той абсолютной власти, къ которой они стремились. Въ Болоньѣ университетъ съ XII столѣтія славился своимъ юридическимъ факультетомъ, въ которомъ особенно процвѣтали римское и каноническое право. Въ итальянскомъ народѣ, въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ еще жива была смутная память о великомъ его историческомъ прошломъ и въ устахъ деревенскихъ разсказщиковъ еще жили видоизмѣненныя преданія и легенды о Троянской войнѣ, объ Александрѣ Македонскомъ, о нѣкоторыхъ императорахъ, конечно, съ примѣсью позднѣйшаго христіанскаго колорита. Преданія эти и фантастическіе разсказы о древнихъ богахъ, обратившихся частью въ злыхъ демоновъ, еще существовали въ ту пору въ Италіи, и обстановка, въ которой эти демоны *являлись и рисовались* въ народномъ воображеніи, носила

на себѣ печать древне-классическаго изящества и художественности. Наконецъ живы были еще и нѣкоторые обычаи древности, какъ не исчезли они и по-нынѣ, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ долинахъ Аппенинскаго хребта. Все это, правда, не болѣе какъ отдѣльные симптомы, но во всякомъ случаѣ они несомнѣнно доказываютъ, что память о прошломъ жила въ народѣ и что всѣми въ Италіи XV вѣка сознавалась инстинктивно непрерывная связь съ древне-классическимъ міромъ. Это чувство родства съ прошлымъ и нежеланіе съ нимъ порвать, по крайней мѣрѣ въ началѣ, можетъ намъ объяснить много историческихъ явленій въ теченіи среднихъ вѣковъ въ Италіи, которыя иначе не совсѣмъ были бы для насъ понятными. Имѣя въ виду только-что выраженную точку зрѣнія, намъ ясно, напримѣръ, гоненіе, начавшееся при папѣ Григоріи Великомъ (590—604 г.) противъ всѣхъ остатковъ древности, предписанія его, клонящіяся къ уничтоженію статуй, даже рукописей, древней утвари и пр., съ цѣлью прекращенія всякой связи съ язычествомъ; намъ станутъ ясными тогда и поддержка общественнаго мнѣнія и сочувственный пріемъ, встрѣченный Карломъ Великимъ въ Италіи, при его коронаціи римскою императорскою короною. Народъ смотрѣлъ на этотъ фактъ, какъ на дѣйствительное возстановленіе западной Римской имперіи; этотъ фактъ выражалъ собою какъ-бы преемственность императорской власти. Этимъ же культомъ старины, этимъ, такъ сказать, историческимъ чутьемъ объясняется и внутреннее значеніе, приписываемое въ Италіи въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ титулу императора священной Римской имперіи и самой власти папы, какъ представителя идеи всемірнаго христіанскаго единства.

Этимъ же явленіемъ объясняется, напримѣръ, и движеніе противъ свѣтской власти папы, выразившееся въ половинѣ XII столѣтія, при возстановленіи въ Римѣ республики, съ сенатомъ и консулами во главѣ. Руководителемъ этого народнаго движенія былъ благородный мечтатель Арнольдъ Бресчіанскій. Подобное же движеніе видимъ мы и въ XIV столѣтіи, во время авиньонскаго плѣненія папъ, когда такой-же энтузіастъ, какъ Арнольдъ-Кола-ди-Ріензи, провозгласилъ съ высотъ *капитолія* возстановленіе римской республики.

Въ рѣзкой противоположности съ этой памятью о великомъ историческомъ прошломъ стояло тогдашнее политическое положеніе Италіи, особенно неутѣшительное съ начала XIV столѣтія. Пока императорство еще было сильно и преобладало надъ папствомъ, пока власть его распространялась надъ Италіей, все-таки тамъ господствовали хоть какой-нибудь порядокъ и тишина. Но когда съ XII столѣтія началась борьба папства съ имперіею, когда образовались партіи Гвельфовъ и Гиббелиновъ, особенно сильно и ожесточенно вступившихъ въ борьбу въ Италіи, тогда эта несчастная страна стала представлять ужасную картину постоянной междуусобной братоубійственной войны, въ которой гибли лучшія ея силы и задатки(*). Хотя съ помощью Гвельфовъ папство въ концѣ XIII столѣтія и одержало верхъ надъ свѣтскою властью, но эта побѣда, какъ мы увидимъ потомъ подробнѣе, послужила ей-же во вредъ и въ ослабленіе. Папы должны были переселиться въ Авиньонъ и подчиниться полному вліянію Франціи.

Италія была предоставлена вполнѣ самой себѣ и вслѣдствіе этого пришла въ совершенное хаотическое состояніе; единой власти въ ней не существовало: императорство не имѣло тамъ никакого фактическаго значенія; папство тоже утратило значительную долю своего прежняго обоянія; правда, не было иностраннаго вліянія, но за то не было и національнаго единства: однажды возбужденныя страсти не такъ скоро улеглись; партіи Гвельфовъ и Гиббелиновъ боролись между собою, забывъ совершенно интересы родины, и домогались исключительно своихъ личныхъ цѣлей; нетолько городъ съ городомъ боролся, но въ каждомъ изъ нихъ существовала борьба партій аристократической и демократической; все это, естественно, порождало въ концѣ-концовъ тираннію и въ конецъ ослабляло политическій организмъ Италіи. Естественно, что это неутѣшительное положеніе вещей, это отсутствіе всякаго національнаго единства, эта все продолжающаяся порча іерархіи, столь же сильная, какъ и во всей

(*) См. Burkhardt — Das Zeitalter der Renaissance in Italien; также Vocht—Die Wiederbelebung des classischen Alterthums 1859. *Capponi—Geschichte* Florenz; Macchiavelli; Sismondi.

остальной западной Европѣ, эта безплодность схоластической науки, отъ которой нельзя было ожидать обновленія церкви, заставляло великіе умы эпохи глубже вдумываться въ современныя имъ событія, заставляло ихъ искать исхода изъ такого анормальнаго политическаго положенія.

Три знаменитыхъ итальянца XIV столѣтія стоятъ во главѣ этого обновляющаго направленія, и хотя они въ дѣятельности своей воодушевлены были только любовью къ Италіи, но принесли они тѣмъ не менѣе пользу всей западно-европейской цивилизаціи. Это были три флорентинца: Данте (1265—1326), Петрарка (1304—1374) и Бокаччіо (1313—1375). Всѣ трое дѣйствуютъ въ одномъ духѣ, какъ и мистики, противъ порчи іерархіи, противъ свѣтской власти папы, какъ главной причины несчастія Италіи, національнаго ея ничтожества и политическаго разложенія, противъ безплодности схоластической школьной науки. Для Европы, однако, всего плодотворнѣе въ ихъ дѣятельности было послѣднее направленіе—борьба противъ схоластики и обращеніе современниковъ къ забытымъ произведеніямъ древности. Это направленіе совершенно обновило науку относительно ея формы и содержанія. Ясность, простота, изящность и художественность изложенія сдѣлались отнынѣ отличительною чертою тогдашней итальянской литературы, и черезъ это она стала отличаться тѣми качествами, которыми такъ справедливо всегда гордились классическіе народы древности въ ихъ литературахъ; съ другой стороны, расширился кругъ понятій и воззрѣній современниковъ, такъ какъ открылся новый матеріалъ для мышленія. Богатыя сокровища, выработанныхъ древними идей, снова сдѣлались общимъ достояніемъ. Наконецъ, это новое направленіе, такъ называемое, возрожденіе, положило основаніе изученію природы—естественнымъ наукамъ, чрезъ знакомство съ древними классиками.

Данте еще стоитъ на почвѣ средневѣковыхъ воззрѣній, но относясь къ нимъ, какъ геніальный человѣкъ, онъ, самъ того не замѣчая, въ своихъ пламенныхъ стихахъ подрываетъ ихъ въ основѣ. Какъ Гиббелинъ, онъ изгнанъ былъ изъ родного города и умеръ въ Равеннѣ. Онъ еще стоитъ на почвѣ правовѣрія католическаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ противникъ *земнаго* имущества церкви, онъ не останавли-

вается даже передъ мыслью помѣстить въ своей поэмѣ, въ числѣ обитателей ада, нѣсколько папъ, между прочимъ и Бонифація VIII.

Великое значеніе въ итальянской литературѣ его „Божественной Комедіи“ заключается въ томъ, что онъ создалъ впервые литературный итальянскій языкъ; въ самомъ планѣ и формѣ своего эпоса онъ воскресилъ снова художественность и пластичность древне-классическихъ произведеній. Создавъ литературный языкъ, онъ какъ-бы тѣмъ отвѣтилъ на задушевное желаніе современной ему Италіи—воскресить національное чувство и единство, представивъ римскихъ поэтовъ образцами для изученія и для поэтическихъ произведеній; онъ, такимъ образомъ, указалъ своимъ современникамъ на новый матеріалъ для образованія.

Гораздо дальше пошелъ Франческо Петрарка (1304—1374), флорентинецъ, рожденный въ изгнаніи, такой же противникъ папства какъ и Данте, онъ громитъ въ своихъ „Канцонахъ“ современный Вавилонъ, т. е. Римъ, содѣлавшій своими богами не Юпитера и Палладу, а Венеру и Вакха, кумиры которыхъ и гордыя, до небесъ возвышающіяся, башни падутъ, по его словамъ, скоро передъ гнѣвомъ Всевышняго. Петрарка такой же патріотъ-итальянецъ, еще болѣе, впрочемъ, увлекавшійся, чѣмъ Данте; онъ поддерживалъ, между прочимъ, Коло-ди-Ріензи. За то онъ гораздо энергичнѣе возстаетъ противъ схоластики, выставляя древнихъ классиковъ, какъ единственные образцы вкуса, достойные литературнаго подражанія. Его идеаломъ былъ Цицеронъ; онъ собиралъ древніе рукописи. Его латинское эпическое произведеніе „Африка“, посвященное Сципіону Африканскому, болѣе уважалось современниками, чѣмъ его итальянскіе „Сонеты,“ въ которыхъ воспѣвалъ онъ свою возлюбленную Лауру. Кромѣ того, есть у него еще нѣсколько трактатовъ, касающихся папской власти. Его въ 1341 г. короновали, какъ поэта (poeta laureatus).

Третьимъ въ этомъ блестящемъ тріумвиратѣ поэтовъ XIV столѣтія былъ въ Италіи Джіовани Бокаччіо (1313—1375). Онъ присоединялъ къ изученію латинской древности еще греческую. У одного калабрца—Леонтіуса выучился онъ греческому языку и перевелъ Гомера на латинскій языкъ.

Страстный поклонникъ древности, онъ странствовалъ по всѣмъ монастырямъ Италіи и отыскивалъ въ забытыхъ и пыльныхъ монастырскихъ библіотекахъ древнія рукописи, которыя онъ переписывалъ и затѣмъ распространялъ. Въ Монте-Кассино нашелъ онъ Гомера и Платона, исписанные преданіями и богословскою полемикою. Ему же во Флоренціи было поручено объяснять Данте въ тамошней академіи. Его сочиненіе „Il. Decamerone",—собраніе маленькихъ разсказовъ, есть ничто иное, какъ ѣдкая сатира на современное духовенство, на его лицемѣріе, невѣжество, алчность и распутство. Онъ, можно сказать, основатель итальянской прозы.

Эти три поэта были, слѣдовательно, основателями новаго научно-литературнаго направленія; они возродили для Италіи ея древность; они разбили средневѣковый застой; они показали путь къ образованію національныхъ литературъ, и своими произведеніями въ привлекательной формѣ, всѣми читаемыми, гораздо болѣе сдѣлали противъ церкви, чѣмъ вся остальная оппозиція. Къ этому изученію римской древности, какъ своей національной, присоединилось къ XV столѣтію изученіе и греческой. Первый грекъ, котораго можно считать пропогаторомъ греческой литературы, былъ Еммануилъ Кризолорасъ; онъ былъ посланникомъ Іоанна Паллеолога на западѣ и умеръ въ Констанцѣ въ 1415 г. (*).

Засимъ извѣстны еще имена слѣдующихъ гуманистовъ въ Италіи: „Theodor Gaza" изъ Ѳессалоникъ, онъ переселился въ Италію послѣ 1430 г.; „Konst. Laskaris" происходилъ изъ царскаго рода (ум. 1493 г.); кардиналъ „Vessarion" (1395—1472); онъ подарилъ Венеціи свои богатыя рукописи: „Gemistus Pletho", поклонникъ Платона и учредитель академіи во Флоренціи (ум. 1451 г. въ Константинополѣ); „Demetrius Halebondyllas" изъ Аѳинъ, издатель Гомера (ум. 1488 г.): „Johann Argiropulos", коментаторъ Аристотеля и мн. др. Въ началѣ, это былъ своего рода не-

---

(*) См. Georg Vocht—Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Berlin, 1859 г.. также Burckhardt—Die Renaissance in Italien, и Tiraboschi — Storia della litteratura Italiana. Milano, 1828 г. Roscae—Leben Lorenzo *Medici;* Reumond—Lorenzo Medici 1874 г.

большой литературной кружокъ. Съ конца XIV столѣтія и преимущественно въ XV столѣтіи это направленіе сдѣлалось въ Италіи господствующимъ; это была частью мода, частью дѣйствительное, искреннее въ началѣ убѣжденіе тогдашняго интелигентнаго общества. Называли это направленіе гуманистическимъ, т. е. развивающимъ и облагораживающимъ нравственную природу человѣка. Называли тоже это направленіе—„humaniora studia“, „bonae litterae, littererarum restauratio“.

Можно въ числѣ гуманистовъ XIV и XV столѣтій еще назвать слѣдующія имѣна: „Giovanni di Ravenna“, другъ Петрарки, ум. въ 1397 г. и былъ учителемъ латинскаго языка и элоквенціи въ Падуѣ и Флоренціи; „Guarino“ изъ Вероны (1370—1460 г.); „Giovanni Aurispa“ (1363—1459); далѣе извѣстенъ собиратель древнихъ рукописей—„Braccio-lini“ (1380—1459 г.), въ Сан-Галленѣ нашелъ онъ „Institutiones Quintiliani“, нѣсколько книгъ „Argonautik“ Valeria Flakka съ примѣчаніями Asconii Pediani къ восьми рѣчамъ Цицерона; знаменитый гуманистъ „Lorenzo Valla“ (1400—1456 г.); извѣстный издатель „Aldus Manutius“ и менѣе извѣстные: „Brini Aretino“, „Nicolo Nicoli“, „Filelfo Politiano, Ticino“, послѣдователь Платоновской философіи и мн. др. Распространилась даже какая-то манія къ собиранію рукописей, ихъ почитали, какъ прежде мощи; основывались знаменитыя библіотеки, напримѣръ медиційская, св. Марка, Сапіенца въ Римѣ, основанная въ 1406 г. Иннокентіемъ VII; Ватиканская при Николаѣ V и др. Результатомъ этого направленія было, конечно, то, что народная рѣчь отодвинулась на второй планъ; Поджіо сожалѣлъ, напримѣръ, что Данте не писалъ своей „Божественной Комедіи“ по-латыни. Древность въ ту пору поглотила всѣ другіе интересы. Называли обыденные предметы древними названіями, современныя должности—классическими именами, напримѣръ кардиналовъ—сенаторами, монахинь—весталками, крестили дѣтей также классическими именами: Цицеронами, Маріями, Сципіонами и т. д.; представлялись преимущественно комедіи Теренція и Плавта; производились раскопки съ цѣлью отыскать художественныя произведенія классической эпохи,—*найдены были* Апполонъ Бельведерскій, Венера Ватиканская,

Лаокоонъ и мн. др. Итальянскіе князья наперерывъ старались привлечь ученыхъ къ своему двору, давая большія вознагражденія; держали ихъ при себѣ въ качествѣ секретарей и пословъ и т. д., чему, конечно, способствовали и политическія соображенія. Сама іерархія подпала этому направленію. Всѣ правительства этой эпохи поддерживали его, напримѣръ, Евгеній IV, Николай V, Пій II, Альфонсъ въ Неаполѣ, но въ собенности фамилія Медичи во Флоренціи, два брата Козимо и Лоренцо. Къ этой же эпохѣ, приблизительно, принадлежатъ славные имена представителей исскуствъ „Michel-Angelo Buonarotti", „Raphael Sanzio", „Tiziano", „Corredgio", и др.; поэты „Ariosto", съ его „Rolando Furioso", „Torquato Tasso" съ его „Освобожденнымъ Іерусалимомъ", и политикъ „Macchiavelli" съ его трактатомъ „Il Principe". Это направленіе хотя къ концу XV столѣтія и въ пало въ крайность, но имѣло и хорошія стороны; оно возродило Италію и обратило вниманіе современниковъ на давно забытую римскую исторію и культуру. По немногу стали забывать, изъ-за чего началось это гуманитарное движеніе и начали интересоваться исключительно внѣшнимъ, изящнымъ выраженіемъ рѣчи, забывъ совершенно народный ея характеръ. Реакція въ концѣ столѣтія была неизбѣжна, и мы скоро съ нею познакомимся. Распространилось это вліяніе на Францію, Испанію, Венгрію и Польшу, преимущественно черезъ молодежь. Въ Парижѣ уже въ 1452 г. Григорій Тмафернасъ, ученикъ Кризоларасъ, изучалъ греческій языкъ; но особенно сильно это направленіе сдѣлалось въ концѣ столѣтія и въ началѣ слѣдущаго; возникло оно съ итальянскихъ походовъ Карла VIII и при Францискѣ I. Извѣстны гуманисты этой эпохи, какъ-то: „Julius Caesar Scaliger" (1484—1558 г.), онъ былъ медикомъ во Франціи; далѣе извѣстны сынъ его „Joseph Justus Scaliger"; „Faber Stapulensis;" юристы: „Budé", „Jacob Cujas", „Henri Etienne" (1528—1598 г.) и его „thesaurus linguae graecae"; „Casaubonus", „Salmasius" и др.

Въ Испаніи представителемъ этого направленія былъ извѣстный кардиналъ Ximenez; въ Венгріи — „Матвѣй Корвинъ", Іоаннъ Витязь (Vitez) изъ Зредны, государственный *канцлеръ* и архіепископъ гор. Грана; Janus

Panonius; въ Польшѣ—„кардиналъ и Краковскій епископъ" Олесницкій; въ Англіи—знаменитый другъ Еразма Thomas Morus (1480—1535 г.); Johann Colet (1480—1536) и многіе другіе. Но особенно сильно было это вліяніе, какъ мы увидимъ, въ Германіи.

Политическая оппозиція.

Мы до сихъ поръ разобрали оппозицію противъ церкви и ея устройства, затѣмъ параллельно идущій съ нею переворотъ, происшедшій въ наукѣ, ея методахъ,—переворотъ, измѣнявшій постепенно средневѣковое міровоззрѣніе, пробудившій критику, свободу мысли и возставшій противъ безусловнаго подчиненія духовному авторитету. Это былъ протестъ съ одной стороны высоко-религіознаго чувства противъ искаженій нравственныхъ началъ христіанства; съ другой стороны—протестъ здраваго смысла противъ гнетущаго авторитета церкви. Эти протесты были симптомами приближенія новаго времени; они начались съ XIII столѣтія и только къ XV сдѣлались общественнымъ мнѣніемъ. До XIII столѣтія и церковь, и наука удовлетворяли всѣхъ, слѣдовательно это господство церкви, богословія надъ философіей, это преобладаніе духа надъ тѣломъ было желательно для тогдашняго общества. Это положеніе вещей его удовлетворяло, соотвѣтствовало его степени цивилизаціи, его развитію.

Свѣтская власть папы, духовный безусловный авторитетъ церкви, хотя, какъ мы уже говорили, основанъ былъ на ошибкѣ, на невѣрномъ пониманіи и искаженіи христіанскаго ученія, однако, до половины XII и XIII столѣтій онъ не былъ въ тягость современному обществу: ошибки въ принципѣ никто еще въ то время не сознавалъ. Этому духовному состоянію человѣчества, этимъ принципамъ соотвѣтствовала и внѣшняя форма, въ которую они облеклись и въ которыхъ они проявлялись, т. е. политическій и соціальный бытъ среднихъ вѣковъ. Какъ *принципъ*, такъ и форма всѣхъ въ то время

удовлетворяли, и половина XI столѣтія, XII вѣкъ и первая четверть XIII вѣка представляются намъ потому блестящимъ періодомъ средневѣковой жизни. Но лишь только начали колебаться основы средневѣковаго зданія, лишь только человѣчество достигло такого развитія, что начало понимать ошибки въ самихъ принципахъ; лишь только явилось сознаніе неудовлетворительности этихъ принциповъ, естественно и политическій, и соціальный бытъ должны были пошатнуться. Какъ основы средневѣковаго міровоззрѣнія начали колебаться съ конца XII и преимущественно въ XIII столѣтіи, такъ вмѣстѣ съ ними поколеблены были и политическая, и соціальная организація средневѣковаго общества.

Намъ, слѣдовательно, надо теперь разобрать эту внѣшнюю сторону, разобрать политическій и соціальный строй средневѣковаго общества, представить характеръ его въ блестящую эпоху его существованія и отмѣтить тѣ внутреннія причины и поводы, которые довели, къ XVI столѣтію, всѣ эти формы къ несостоятельности и полному разложенію.

Приступая къ этому разбору, я позволю себѣ напомнить то, что уже разъ говорилъ, а именно, что только въ обозрѣніи научномъ можно отдѣлять развивавшіяся въ то время въ различныхъ сферахъ оппозиціи, совершающіяся постепенно преобразованія въ понятіяхъ и формахъ, но что въ дѣйствительности между этими оппозиціями существовала тѣсная связь, полное взаимодѣйствіе, сливающія все въ одну общую картину.

Какъ все средневѣковое міровоззрѣніе представляло въ себѣ полное отрицаніе міровоззрѣнія древности, какъ въ области умственной и нравственной средніе вѣка стали въ полную противоположность къ древнимъ понятіямъ и воззрѣніямъ, такъ точно тоже замѣчаемъ мы въ средніе вѣка и въ области политической, государственной и соціальной.

Въ древности господствовала строго проведенная идея государства, которой приносилось въ жертву польза, благо, счастіе отдѣльнаго человѣка; въ древности человѣкъ ничего не значилъ, значилъ только гражданинъ, членъ общества или государства; отсюда и римская имперія—послѣдній продуктъ древней жизни и понятій—основана была на строжайшей *централизаціи власти*. Императоръ, какъ богъ на землѣ, былъ

источникомъ правосудія, законовъ, управленія; префекты въ провинціяхъ были только слѣпыми орудіями его воли и предначертаній. Христіанство разбило эти воззрѣнія; оно признало за человѣкомъ естественныя права; оно провозгласило ту истину, что всѣ мы братья, всѣ мы составляемъ одну христіанскую семью. Германцы, этотъ новый элементъ, выступившій на историческое поприще вмѣстѣ съ распространеніемъ христіанства, разбили идею государственной централизаціи и выработали и осуществили новыя государственныя соединенія.

Эта новая форма, въ которой выразилась средневѣковая жизнь подъ вліяніемъ христіанскихъ идей и германскаго племеннаго характера, была, такъ называемая, ленная, бенефиціальная или феодальная система,—система децентрализаціи въ противоположность древней централизаціи,—система, въ которой отдѣльному человѣку давался полный просторъ, въ противоположность древнему подчиненію личнаго—общему, частнаго—государству. Система эта установилась не вдругъ; нѣсколько столѣтій она развивалась, пока въ IX столѣтіи вполнѣ не осуществилась. Западная Римская имперія разлагалась отъ несостоятельности своихъ основныхъ принциповъ. Она боролась сперва съ германцами, потомъ призывала ихъ на службу, населяла ими границы имперіи. Потомъ новый наплывъ германскихъ племенъ заставлялъ отдавать имъ цѣлыя провинціи; все это, въ концѣ-концовъ, приводило къ полному распаденію имперіи и образованію отдѣльныхъ небольшихъ германскихъ государствъ въ прежнихъ римскихъ провинціяхъ, съ смѣшаннымъ населеніемъ римскимъ, галльскимъ, кельтскимъ и, господствующимъ, германскимъ, большею частью немногочисленнымъ. Германцы, вытѣсняемые, частью нуждою, частью увеличивающимся народонаселеніемъ, частью давленіемъ другихъ племенъ, литовскихъ и славянскихъ, переносили въ новозавоеванныя области свои порядки и свои формы. У нихъ, въ первобытныхъ ихъ мѣстопребываніяхъ, все было основано на земельной собственности; тоже самое замѣчаемъ мы теперь и въ новооснованныхъ ими, на грани среднихъ вѣковъ, государствахъ. Каждый свободный германецъ, участвовавшій въ этихъ завоеваніяхъ, получалъ извѣстный участокъ земли, такъ называемый „аллодъ“; прежнимъ

жителямъ оставлялась другая часть земли, которую они обработывали на различныхъ условіяхъ, болѣе или менѣе тягостныхъ, смотря по степени ихъ сопротивленія пришельцамъ. Предводитель, герцогъ, конунгъ переселившагося племени, конечно, получалъ значительно большій участокъ, обыкновенно все то, что принадлежало въ этой области императору. Такова была аллодіальная система, господствовавшая въ новооснованныхъ на развалинахъ западной Римской имперіи государствахъ — Франкскомъ, Вестготскомъ, Бургундскомъ и др. Въ случаѣ опасности всякій свободный германецъ, владѣлецъ аллода, долженъ былъ становиться въ ряды войска для защиты своего отечества. Но такое устройство было хорошо при патріархальной жизни германцевъ въ ихъ первоначальныхъ жилищахъ; новое положеніе дѣлъ, естественно, должно было измѣнить и прежнюю форму. Ступивъ однажды на путь завоеваній, нельзя было уже болѣе остановиться на половинѣ дороги; да и самое завоеваніе было актомъ, который долженъ былъ совершенно измѣнить прежнія патріархальныя условія средневѣковой жизни. Герцогъ, конунгъ, выбиравшійся сперва у германцевъ какъ военачальникъ въ случаѣ угрожавшей опасности и слагавшій съ себя это званіе послѣ минованія ея, теперь, при подобныхъ дальнихъ предпріятіяхъ и въ добавокъ въ новозавоеванной землѣ долженъ былъ сохранять долѣе свое званіе; къ тому же, познакомившись съ римскими законами и воззрѣніями, герцоги, естественно, стали смотрѣть на свое званіе съ точки зрѣнія римской, т. е. какъ на королевскую власть, въ чемъ ихъ поддерживало и христіанское духовенство, которому это было выгодно. Отсюда начали эти герцоги и конунги стремиться къ наслѣдственности, что, въ дѣйствительности, скоро и установилось, хотя по формѣ все-таки это званіе оставалось еще выборнымъ. Изъ взгляда герцоговъ и конунговъ на себя, какъ на властителей извѣстной завоеванной области, вытекала необходимость для нихъ имѣть свой блестящій дворъ, всю, однимъ словомъ, дворцовую обстановку. Наконецъ, для новыхъ завоеваній надо было имѣть постоянное войско: нельзя было это туземное ополченіе, съ патріархальнымъ характеромъ, собранное для защиты страны, а не для дальнихъ *завоеваній, употреблять* для завоевательныхъ цѣлей. Франки,

болѣе всего выдававшіеся изъ всѣхъ германскихъ племенъ, завоевали постепенно при Меровингахъ земли Бургундовъ и часть земель Вестготовъ, а ко времени Каролинговъ—весь западъ Европы, отъ Эбро до Эльбы, и отъ Нѣмецкаго моря до Неаполя (примѣрно); всѣ эти земли вошли къ тому времени въ составъ франкской монархіи. Конечно, такія завоеванія не могли дѣлаться съ помощью прежнихъ ополченій. Изъ этой необходимости имѣть всегда готовое войско для дальнихъ предпріятій и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ желанія герцоговъ придать своему двору подобающій блескъ, похожій на блескъ бывшаго двора римскихъ императоровъ, начала, мало по малу, развиваться ленная система со всѣми ея послѣдствіями и главнымъ образомъ съ богатою военною аристократіею,—система, которая постепенно отодвинула на второй планъ аллоды и аллодіальныхъ собственниковъ. Герцоги, превратившіеся теперь въ королей, давали своимъ приближеннымъ, болѣе способнымъ и оказавшимъ имъ болѣе поддержки въ предпріятіяхъ отвагою и геройствомъ, значительные участки земли изъ завоеванныхъ ими областей, или изъ государственныхъ земель, но не въ собственность, а въ пользованіе какъ „beneficium“ пожизненно или на время, съ правомъ ихъ отнять по истеченіи срока, или при измѣнившихся обстоятельствахъ, за что принимавшій такую землю дѣлался слугою герцога, его вассаломъ, давалъ ему присягу вѣрности, и при первомъ требованіи сюзерена обязанъ былъ являться на помощь къ нему съ войскомъ, собраннымъ изъ мѣстнаго населенія. Эти же крупные вассалы исправляли часто при дворѣ герцога различныя придворныя должности, какъ-то: „sénechal“ (управляющій домомъ), „connetable“ (конюшенный), „grand chancelier“ и др. и были вмѣстѣ съ тѣмъ представителями королевской власти въ уступленномъ имъ ленѣ или области, т. е. соединяли въ своихъ рукахъ и военную, и административную, и судебную власть. Для того, чтобы еще крѣпче привязать къ себѣ новозавоеванныя земли, меровингскіе короли весьма часто оставляли уже бывшихъ тамъ туземныхъ выборныхъ герцоговъ, но только въ качествѣ своихъ вассаловъ, какъ напримѣръ, герцоговъ баварскихъ, швабскихъ и франконскихъ въ Германіи.

Такимъ путемъ образовалось скоро цѣлое сословіе крупныхъ землевладѣтелей, которые въ началѣ были только владѣтелями земли и представителями короля, но которые вскорѣ достигли наслѣдственности въ этихъ областяхъ; они замѣнялись часто при дворѣ въ своихъ должностяхъ другими лицами, оставляя за собою только титулъ, и черезъ это сдѣлались скоро совершенно самостоятельными. Не имѣя возможности самимъ управлять всею областью и желая имѣть тоже блестящій дворъ, эти крупные вассалы, въ свою очередь, дѣлили свою область на меньшіе участки и отдавали ихъ на такомъ же основаніи, какъ сами получили, другимъ „феодаламъ", дѣлая ихъ, въ свою очередь, своими вассалами на томъ же основаніи, какъ они сами были вассалами королей. Отсюда образовались, такъ называемые, подвассальники (arrière-vassaux). Дворъ такого вассала представлялъ въ маломъ видѣ дворъ короля,—тѣже должности, тотъ же блескъ. Во главѣ своихъ arrière-vassaux являлся вассалъ на службу короля, по его требованію. Конечно, на ряду съ этими богатыми и могущественными землевладѣтелями не могли существовать мелкіе аллодіальные собственники; сильный сосѣдъ ихъ притѣснялъ, да и не могли они бросать свою маленькую земельную собственность, чтобы идти на войну въ далекія страны; отсюда предпочитали они пожертвовать свободою, которая ничего имъ не приносила и дѣлались вассалами своего болѣе богатаго сюзерена; они передавали ему свой „аллодъ" и получали его обратно уже какъ „феодъ". „Homo tuus sum", говорилъ при этомъ мелкій феодалъ своему сюзерену, и вступалъ въ рядъ его подвассальниковъ. Самые мелкіе изъ нихъ обращались въ родъ арендаторовъ на господской землѣ, съ опредѣленными условіями зависимости, не теряя, впрочемъ, своей личной свободы, какъ рабы, а только политическую. Сюзеренъ былъ его защитникомъ и судьею. Сама церковь имѣла своихъ вассаловъ, которые обработывали церковныя земли, и въ силу этого защищались ею на помѣщичьихъ правахъ.

Это феодальное устройство распространилось во всей западной Европѣ съ нѣкоторыми оттѣнками, о которыхъ я буду говорить позже, и сдѣлалось господствующимъ въ X *столѣтіи.* Только въ немногихъ странахъ, благодаря ихъ гео-

графической обособленности и мѣстнымъ условіямъ, сохранили свою политическую свободу и независимость нѣкоторыя общины или волости, какъ напр.: въ Швейцаріи, въ нынѣшней Голландіи и въ Фрисландіи. Такимъ образомъ феодальная система представляла цѣлую іерархію должностей и должностныхъ лицъ, основанную на поземельномъ владѣніи, обратившемся съ теченіемъ времени въ собственность и на обязательной военной службѣ. Каждый изъ вассаловъ и подвассальниковъ былъ сначала слугою своего сюзерена, но это считалось для него честью и нисколько не стѣсняло его личной свободы, а впослѣдствіи онъ дѣлался независимымъ на дѣлѣ обладателемъ своей области. Такимъ образомъ, вся Европа покрылась множествомъ независимыхъ владѣній, со своею администраціею, законами, судомъ, со своею монетою и войскомъ (*).

Всѣ феодалы признавали короля своимъ головою, но это признаніе было чисто фиктивное. Власть короля на нихъ же опиралась, слѣдовательно, онъ, какъ первый между равными (primus inter pares), зависѣлъ скорѣе отъ нихъ, чѣмъ повелѣвалъ ими. Король только и опирался на своихъ ленниковъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, королевскую власть слабою въ дѣйствительности, хотя и блестящею по наружности. Слѣдовательно, децентрализація, присущая германскому характеру, осуществилась къ X столѣтію; (у романцевъ идея централизаціи все-таки встрѣчалась сочувственнѣе).

Карлъ Великій своею энергіею умѣлъ еще поддерживать, благодаря отчасти возстановленію западной Римской имперіи, прежнюю централизацію, но послѣ него децентрализація одержала верхъ и господствовала въ Германіи всѣ средніе вѣка. Эта децентрализація, это разъединеніе, это множество поземельныхъ владѣтелей, имѣвшихъ въ своихъ рукахъ законодательную, административную и судебную власть въ своихъ феодахъ, имѣвшихъ силу поддержать свою самостоятельность и въ сущности ставившихъ государя отъ себя въ за-

(*) Les personnes sont si diverses, qu'on ne pourrait trouver au royaume de France deux chatelains qui de tous cas usassent d'une même coûtume. Chacun baron est souverain dans sa baronnie. Beaumanoir—Coutumes de *Beauvoisis*.

висимость, раздѣлили всю Европу среднихъ вѣковъ не на организованныя большія государства, а напротивъ, на множество мелкихъ владѣній, владѣтели которыхъ находились, по отношенію къ мѣстному герцогу или конунгу, въ частныхъ договорахъ, которые и нарушали подъ-часъ, опираясь на свою силу, если требованія герцога или конунга имъ не нравились. Государства въ томъ смыслѣ, какъ мы его теперь понимаемъ, не было; не было соединенія людей для взаимной пользы, для достиженія возможнаго благосостоянія и счастія на землѣ въ одинъ организмъ, гдѣ-бы отношенія членовъ между собою и къ высшей власти были строго опредѣлены, гдѣ-бы каждый, какъ частичка организма, дѣйствовалъ для общей пользы и гдѣ-бы общее охраняло права каждаго. Такого государственнаго организма въ средніе вѣка не существовало. Каждый владѣтель заботился о своихъ личныхъ интересахъ, а не объ общемъ государственномъ благѣ; общихъ законовъ для всей имперіи не было; отсюда частыя междуусобныя войны, каждый искалъ въ физической силѣ (Faustrecht) той защиты, которой не давалъ ему законъ. Такое разъединеніе угрожало бы Европѣ распаденіемъ на безчисленное множество самостоятельныхъ государствъ, стремящихся каждое къ своимъ цѣлямъ; угрожало бы анархіею, т. е. искорененіемъ свободы, именно того принципа, во имя котораго, будто-бы и была учреждена подобная децентрализація. Отъ этой анархіи однако спасла западную Европу церковь, которая въ этотъ вѣкъ господства духовнаго авторитета могла сдерживать страсти отдѣльныхъ феодаловъ, могла регулировать ихъ отношенія между собою и заставлять ихъ при всемъ стремленіи къ разъединенію все-таки признавать идею единства, вытекавшую изъ средневѣковаго христіанскаго міровоззрѣнія. Эти многочисленные владѣтели земельной собственности и во главѣ ихъ слабые короли считали себя членами одной большой христіанской семьи, одной всемірной христіанской монархіи, духовная глава которой есть папа — намѣстникъ Христа, свѣтскій же глава — императоръ священной Римской имперіи. Идея этого духовнаго единства признавалась всѣми безпрекословно; приказаніямъ церкви и папы подчинялись всѣ безусловно и этотъ нравственный авторитетъ сдерживалъ всѣхъ, хотя и были

примѣры неповиновенія (*). Политическая теорія среднихъ вѣковъ заключалась въ идеѣ единства черезъ папство и императорство, власть которыхъ, по понятіямъ того времени, исходила отъ Бога. Это было время господства теоріи двухъ мечей, о которой мы уже говорили (**). Великіе мыслители среднихъ вѣковъ говорили объ этой теоріи единства, какъ о непреложной истинѣ. Всѣ сходились на ней: приверженцы папства, также какъ и философы и поэты, гиббелины, какъ и гвельфы. Расходились только въ объемѣ власти папской и императорской; одни подчиняли папу императору, другіе, наоборотъ, протестовали противъ этого подчиненія. Да и это противорѣчіе явилось въ послѣдствіи; въ началѣ же всѣ убѣждены были, что обѣ власти стоятъ рядомъ на равной высотѣ. Имперія и христіанство, говорили тогда мыслители, имѣютъ одно начало и основаніе. Христосъ призналъ имперію, родившись при Августѣ и согласившись подвергнуться крестной смерти при немъ; если бы имперія не была законна, говорили они, то Христосъ не претерпѣлъ бы настоящей казни, слѣдовательно не было бы и искупленія. Такая теорія продолжала господствовать до XII вѣка, когда началась борьба между папскою и императорскою властью. Впрочемъ, и тогда еще никто не сомнѣвался въ вѣрности идеи о необходимости единой власти и единой монархіи; спорили только о томъ, чья власть выше; гиббелины подчиняли папу императору, гвельфы утверждали, что духовная власть, какъ представительница Бога на землѣ, даруетъ свѣтской власти мечъ и слѣдовательно какъ-бы узаконяетъ ее. Когда же въ XIII столѣтіи папство побѣдило, когда начался папскій гнетъ во всѣхъ отношеніяхъ и когда оппозиція, замолкнувшая было оффиціально, тайно продолжала дѣйствовать и подкапываться подъ вѣковой авторитетъ церкви, тогда и въ этомъ воззрѣніи на идею государства произошелъ значительный переворотъ. Этому перевороту чрезвычайно способствовали крестовые походы.

Крестовые походы были лучшимъ выраженіемъ средневѣковаго феодальнаго строя, со всею его поэзіею, отвагою, религіознымъ воодушевленіемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они были

(*) См. Jodel—Culturgeschichtsschreibung. Halle, 1878 г.
(**) См. James Bryce—пер. Winkler 1873 г.

и причиною паденія феодальнаго строя. Только первые походы были предприняты дѣйствительно подъ впечатлѣніемъ религіознаго энтузіазма, остальные только прикрывались религіею; побудительныя же причины къ нимъ были чисто политическаго свойства — востокъ, византійская имперія привлекали всѣхъ; итальянскія республики стремились туда изъ-за торговыхъ цѣлей; короли и рыцари—изъ-за территоріальныхъ пріобрѣтеній; папа — изъ-за мысли соединенія и подчиненія восточной церкви. Крестовые походы расширили кругозоръ тогдашняго общества, познакомивъ западную Европу съ неизвѣстными ей дотолѣ странами; они были причиною умственнаго развитія тогдашняго средневѣковаго общества и, главнымъ образомъ, измѣнили соціальный строй той эпохи, т. е. отношенія сословій между собою, о чемъ я буду имѣть случай еще говорить; они впервые развили идею національности и дали возможность усилиться королевской власти, дотолѣ весьма слабой. Къ этому времени въ идеѣ государственной замѣчается переворотъ, который въ XIII столѣтіи высказывается еще боязливо и какъ бы случайно, но который постепенно все болѣе и болѣе переходитъ въ общественное мнѣніе и дѣлается наконецъ господствующимъ; такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ воззваніяхъ Фридриха II Гогенштауфена (1212—1250 г.) къ нѣмецкимъ князьямъ уже проглядываетъ иногда мысль о необходимости защитить самостоятельность государства противъ захватовъ церкви (*). Тоже постоянно проглядываетъ и въ дѣйствіяхъ Людовика IX Святаго (1226—1270) (**), хотя все еще и покорнаго сына церкви, но не намѣреннаго, однако, жертвовать интересами своей страны и своего духовенства для интересовъ и выгоды римской іерархіи; на это же указываетъ и споръ между Бонифаціемъ VIII и французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ (1285—1314), споръ, въ которомъ король былъ сочувственно поддерживаемъ какъ своими баронами, такъ и духовенствомъ; наконецъ, того же характера и событія при Людовикѣ Баварскомъ (1328 — 1347 г.), когда папа Іоаннъ

(*) См. Willard-Bréholles V. 1. 309; также Schirrmacher—Kaiser Friedrich II.

(**) *См. Al.* Schmidt—Geschichte Frankreichs, I. 598 fol.

XXII отлучилъ его отъ церкви, а въ 1329 г. лишилъ его императорскаго достоинства и вмѣстѣ съ тѣмъ освободилъ отъ присяги ему всѣхъ его подданныхъ. Въ 1337 г. рейхстагъ объявилъ, что всѣ папскія распоряженія противъ императора незаконны, несправедливы, что церковная служба во всѣхъ церквахъ возстановляется и непослушные духовные, какъ измѣнники, должны быть наказаны. Курфюрсты въ 1338 г., собравшись въ Рензе (у Кобленца), постановили, (для огражденія чести имперіи), что избранный курфюрстами король не нуждается въ утвержденіи папы и затѣмъ это было постановлено и на рейхстагѣ (*). Въ 1367 г. англійскій парламентъ рѣшаетъ не платить папѣ дани. Это все факты, какъ симптомы времени, понятные во время церковной оппозиціи. Эти патріотическіе порывы, имѣвшіе цѣлью возвышеніе колебавшагося монархическаго принципа, скоро потомъ нѣсколько и ослабли, но для мыслителей, для теоріи они остались въ силѣ, развивались и одержали, наконецъ, полную побѣду къ XVI столѣтію. Столкновеніе между Бонифаціемъ и Филиппомъ побудило, наконецъ, мыслителей подумать объ отношеніяхъ церкви къ государству, съ цѣлью ихъ урегулированія, оставивъ въ сторонѣ существовавшую до тѣхъ поръ идею единства. Они вывели, наконецъ, новую государственную теорію, утвердивъ, что государство, какъ свѣтская организація, имѣетъ свое самостоятельное назначеніе отъ Бога, и что во всѣхъ интересахъ свѣтскихъ, территоріальныхъ и экономическихъ оно не подлежитъ никакому контролю. Такія теоріи были высказываемы, напримѣръ, Вильгельмомъ Оккамомъ „(disputatio super potestate praelatis ecclesiae atque principibus terrarum commissa". Goldast-Monarchia I. 13—18); Іоганномъ Парижскимъ (ум. 1306 г.): „tractatus de potestate regia et papali". Goldast; Данте около 1310 г. написалъ о томъ же трактатъ: „de monarchia". Ту же тему защищалъ и Марсиліо Падуанскій (ум. 1342 г.)—сочиненіе его „defensor pacis"; онъ ратуетъ за Лудовика Баварскаго (у Goldast'a).

Эти идеи, проводимыя въ литературѣ о самостоятельности государства, какъ божественнаго учрежденія, даже предоставлявшія королямъ судъ надъ духовными и право

*) См. *Staclin*—Würtembergische Geschichte III. 209.

облагать ихъ податями, уступая духовнымъ только пастырскую власть надъ душами; эти идеи одновременно съ расколомъ церковнымъ и, вообще, съ церковною оппозиціею и объясняютъ намъ всѣ приведенные мною факты, доказывающіе эманципацію государства отъ церкви. Но эти идеи, выдвигавшія впередъ автономію государства, какъ самостоятельнаго организма, выдвигали впередъ также и монархическую идею, давали просторъ королевской власти, какъ представительницѣ государства, королевской власти, которая была слаба посреди феодальной іерархіи, слаба въ сравненіи со всемогуществомъ церкви.

Распространеніе римскаго права, принятіе его повсюду королями, видѣвшими въ немъ для себя пользу; значеніе, пріобрѣтаемое повсюду, при дворахъ, юристами, образовавшимися на римскомъ правѣ, т. е. на строго монархическомъ началѣ, и рядомъ съ этимъ постепенно совершавшійся соціальный переворотъ, давали поводъ къ увеличенію и усиленію королевской власти, что было желаемо лучшими людьми того времени.

Въ XV столѣтіи эти монархическія идеи приняты были всякимъ, кто дорожилъ своимъ отечествомъ, кто желалъ общаго блага. Въ этомъ столѣтіи слышались такія рѣчи: ce qui plait au prince a force de loi; ci veut le roi, ci veut la loi. Въ сильномъ королѣ современники XV столѣтія видѣли единство, защиту противъ своеволія и произвола феодаловъ, видѣли порядокъ, а посему и могущество отечества.

Этотъ монархическій принципъ ставили такъ высоко, что для достиженія этой цѣли (ratio status) считали дозволенными всѣ средства; уважался умъ, разсчетъ, а не одна физическая сила, отвага, господствовавшія до тѣхъ поръ; признавали, что управлять государствомъ есть искусство, требующее большой подготовки и способностей. И эти теоріи, это укрѣпившееся въ общественномъ мнѣніи убѣжденіе въ единственномъ спасеніи отечества монархіею, нашли свое полное выраженіе въ лицѣ Людовика XI Французскаго, перваго короля-дипломата, и въ Фердинандѣ и Изабеллѣ Кастильской.

Филиппъ Коминъ, историкъ Людовика XI, съ благоговѣніемъ разсказываетъ о подвигахъ своего государя въ дипло-

матіи и коварствѣ; онъ удивляется торжеству изворотливости разума надъ физическою силою и простымъ геройствомъ.

Эти монархическія идеи, это стремленіе къ сильной государственной власти нашли и своего апологета въ лицѣ итальянца Macchiavelli.

Его долго не понимали, недоумѣвали надъ его сочиненіями; находили въ нихъ смѣшеніе разныхъ нравственныхъ началъ; свобода проповѣдуется имъ въ его „Discorsi"; въ „Il Principe"—деспотизмъ, коварство и жестокость и т. д. Говорили, что это сатира, говорили, что онъ хотѣлъ выгонять ядъ ядомъ, и т. п.

Между тѣмъ не такъ слѣдуетъ на него смотрѣть: Макіавелли былъ итальянецъ честный, добрый, умный, но не геній. Выросъ онъ въ безнравственной Италіи, подъ иностраннымъ господствомъ. Онъ хотѣлъ возрожденія своего отечества, освобожденія отъ иностраннаго ига, федераціи. Въ „Discorsi" онъ выражаетъ сочувствіе къ свободѣ республиканской; въ „Il Principe" онъ просто, какъ сатирикъ, пишетъ то, что есть, объективно. Онъ считаетъ зло преобладающимъ въ мірѣ и выражаетъ презрѣніе къ человѣчеству, потому что люди злы. Начитался онъ Аристотеля и Поливія. Государство для него—всепоглощающая сила, какъ въ древности; религія-же—только политическое орудіе; политика—искусство, а не наука; для него-цѣль всегда оправдываетъ средства; онъ не знаетъ права юридическаго, нравственнаго; папа для него врагъ, потому что мѣшалъ свободѣ. Отсюда у него является абсолютизмъ государственный, видоизмѣнившійся потомъ въ абсолютизмъ монархическій. Съ него началась новая теорія государственнаго управленія. Писалъ онъ для современниковъ, но значеніе его—общечеловѣческое (*).

(*) Укажемъ на заглавія нѣкоторыхъ главъ его „Il Principe":

Chap. XVII,—De la cruauté et de la clémence; s'il vaut mieux se faire aimer que de se faire craindre.

Chap. XVIII. — De quelle manière les princes doivent tenir leur parole.

Chap. *XIX.—Il faut éviter* de se rendre méprisable et odieux.

Соціальная оппозиція.

Мы говорили уже о политическомъ строѣ средневѣковаго общества и о причинахъ его распаденія. Мы видѣли, что феодальная форма, въ которую сложилась политическая жизнь средневѣковаго общества, угрожала обратить западную Европу въ безчисленное множество независимыхъ малыхъ и большихъ владѣній, со своими личными и мелкими интересами; результатомъ чего была бы полная анархія, т. е. уничтоженіе гражданской свободы, того принципа, во имя котораго вся феодальная система и сложилась. Этому окончательному разложенію политическому препятствовала, какъ мы видѣли, средневѣковая церковь, успѣвшая окончательно окрѣпнуть, благодаря феодальному строю, и сдѣлаться господствующею силою въ средніе вѣка (*).

Мы видѣли далѣе, что вслѣдствіе борьбы папства съ императорствомъ, стремившимся также къ всемірному господству, какъ преемникъ римскихъ цезарей, и вслѣдствіе постоянной порчи іерархіи, къ XIV столѣтію начала, мало по малу, выработываться сперва теорія, а потомъ и въ общественное мнѣніе стало проникать убѣжденіе въ томъ, что свѣтская власть, государство, есть учрежденіе божеское и слѣдовательно имѣетъ свое самостоятельное значеніе, наравнѣ съ духовною властью; что она не только не должна подчиняться духовной власти, но во многихъ случаяхъ даже стоитъ выше ея. Это отдѣленіе церкви отъ государства, эта мысль о необходимости тѣснаго сплоченія государственнаго

(*) *См. Das heilige* Römische Reich. von J. Bryce, пер. Vinkler'а 1873.

организма, для противодѣйствія господству церкви, развила въ общественномъ сознаніи постепенно убѣжденіе въ необходимости сильной центральной королевской власти и, такимъ образомъ, постепенно развила идею монархическаго принципа. Это убѣжденіе, что одно только монархическое начало можетъ дать полную гарантію свободы и вѣрную защиту каждому члену общества, что оно одно только и можетъ водворить порядокъ и единство, сдѣлалось, къ концу XV столѣтія, общественнымъ мнѣніемъ и стало прилагаться во всѣхъ государствахъ западной Европы, въ различныхъ, конечно, размѣрахъ. Людовикъ XI, французскій король, и Фердинандъ испанскій могутъ служить представителями этого практическаго осуществленія монархическаго принципа. Маккіавелли сдѣлался теоретикомъ, систематизаторомъ этой новой государственной идеи. Развитію этой идеи, усиленію королевской власти и проведенію монархическаго принципа способствовалъ рядомъ съ ними идущій соціальный переворотъ на западѣ, т. е. измѣненіе во взаимныхъ отношеніяхъ сословій между собою и измѣненіе въ самомъ положеніи и значеніи сословій.

Разборомъ этого соціальнаго переворота мы теперь и займемся.

Въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточились, къ концу XV столѣтія, всѣ разобранныя нами уже оппозиціи, какъ церковная, научная, такъ и политическая, почему я и оставилъ разборъ этого соціальнаго переворота подъ конецъ моего введенія, такъ какъ отъ яснаго его пониманія зависитъ и самое пониманіе эпохи реформаціи.

Разбирая выше постепенное развитіе феодальной системы въ западной Европѣ, я сказалъ, что ко времени ея полнаго учрежденія, господства и блеска все западно-европейское населеніе раздѣлялось на два сословія: одно—привилегированное, служилое сословіе, военная аристократія съ различными оттѣнками въ своихъ правахъ, такъ называемые вассалы, подвассальники (seigneurs, barons, freiherr, ritter, reichsritter), другое—зависимое, безъ всякихъ правъ, гораздо многочисленнѣе перваго—земледѣльческое, торговое, промышленное. Такое рѣзкое разграниченіе сословій образовывалось *постепенно, по* мѣрѣ перехода аллодіальнаго строя

въ феодальный, вслѣдствіе далекихъ завоевательныхъ походовъ и постоянныхъ войнъ.

Первоначально германцы, какъ ихъ рисуетъ намъ Тацитъ, были всѣ свободны и равны; хотя и были между ними нѣкоторые роды и семейства болѣе выдающіеся, но они не пользовались, сравнительно съ другими родами, бо̀льшими правами и преимуществами, а скорѣе отличались отъ другихъ умомъ, отвагою, всеобщимъ уваженіемъ, оказываемымъ имъ за доблестныя услуги отечеству. Всѣ германцы—члены племени, колѣна, пользовались въ началѣ среднихъ вѣковъ одинаковыми правами; всякій былъ членъ народнаго собранія; всякій долженъ былъ носить оружіе для защиты родины. Всѣ они были также равны и передъ судомъ; судей выбирали они сами; законодательствомъ служило старинное обычное право.

Общее равенство нарушалось только существованіемъ сословія рабовъ, образовавшихся изъ военно-плѣнныхъ. Но такихъ въ началѣ было не много. Съ возникновеніемъ же усиленныхъ переселеній германскихъ племенъ, при частыхъ завоеваніяхъ римскихъ провинцій число рабовъ—военно-плѣнныхъ, конечно, увеличилось значительно; къ этому же времени образовался еще одинъ классъ населенія, стоящій нѣсколько выше рабовъ—это, такъ называемые, „hörige"—оброчные крестьяне. Классъ этотъ возникъ слѣдующимъ образомъ: при завоеваніяхъ отнятая у побѣжденныхъ земля поступала въ собственность побѣдителей, но тѣ оставляли покореннымъ часть земли съ тѣмъ, чтобы они (hörige) воздѣлывали ее и платили побѣдителю извѣстный оброкъ, конечно, натуральною повинностью. Тѣже изъ прежнихъ жителей, которые не хотѣли вступать къ побѣдителямъ въ подобное подчиненное состояніе, продолжали войну, попадались въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ и обращались въ рабовъ съ лишеніемъ личной свободы.

Такимъ образомъ въ новооснованныхъ германскихъ государствахъ уже съ самаго начала образовались два или вѣрнѣе три сословія: 1) свободные германцы—владѣтели аллодіальныхъ участковъ; 2) побѣжденные туземцы, оброчные люди (hörige), обработывающіе ихъ участки и, наконецъ, 3) *безправные рабы*, разсматриваемые какъ вещь, которою господинъ

могъ самовольно распоряжаться, не имѣя только права лишать ихъ жизни.

Когда же завоеванія и походы, въ которыхъ долженъ былъ учавствовать каждый свободный германецъ, стали постояннымъ явленіемъ въ средневѣковой жизни и когда короли начали раздавать своимъ приближеннымъ земельные участки изъ завоеванныхъ въ бенефиціи областей, со всѣми на нихъ жившими земледѣльцами, когда, однимъ словомъ, начала возникать богатая и сильная военная аристократія, тогда естественно и въ средѣ равныхъ и свободныхъ до тѣхъ поръ германцевъ должно было произойти неравенство состоянія и общественнаго положенія. Это первая причина образованія сословій въ Германіи.

Между тѣмъ не каждый германецъ желалъ идти въ дальніе походы, бо̀льшая часть изъ нихъ предпочитала оставаться дома и обработывать свои поля, тѣмъ болѣе, что дальніе походы не только отнимали время, но и стоили денегъ, такъ какъ надо было вооружать себя на свой счетъ и содержать себя во время похода; особенно тяжело это стало, когда конница замѣнила пѣхоту. Такимъ нерасположеніемъ ленниковъ къ военной службѣ, графы,—королевскіе намѣстники, въ завоеванной области стали пользоваться; они соглашались освобождать каждаго ленника отъ военной повинности, съ условіемъ, чтобы тотъ становился къ нему въ положеніе вассала и обязывался бы платить ему опредѣленную подать или оброкъ за свой участокъ. Такимъ образомъ вассалъ терялъ юридическую свободу, а въ замѣнъ ея освобождался отъ тяжелой для него военной повинности и вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ себѣ вѣрную защиту въ лицѣ своего патрона.

И такъ, мы видимъ, что отдаленные походы и завоеванія, сдѣлавшіеся постояннымъ явленіемъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, послужили второю причиною возникновенія сословій въ Германіи.

Графы, злоупотребляя своею властью, даже силою заставляли свободныхъ аллодіальныхъ собственниковъ вступать въ такое зависимое положеніе. Они предъявляли постоянно увеличивающіяся требованія относительно военной повинности, что заставляло мелкаго собственника, для избѣжанія полнаго *раззоренія и нищеты*, обращаться въ положеніе оброчнаго *(hörige)*.

Другіе, упорно желавшіе сохранить свою свободу, доводимы были до того, что лишались и незначительнаго своего участка и должны были, какъ работники, батраки, вступать въ крѣпостное рабское отношеніе къ какому-нибудь крупному землевладѣльцу. Въ рукахъ графа, какъ королевскаго намѣстника, былъ и судъ надъ свободными германцами и такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи онъ могъ поддерживать свои интересы.

Какъ свѣтскіе крупные вассалы, такъ и церковь имѣла своихъ подвассаловъ, своихъ подданныхъ. Образовались они слѣдующимъ образомъ: 1) или собственникъ по духовному завѣщанію жертвовалъ въ пользу церкви свою землю для спасенія души, и тогда дѣти умершаго, какъ оброчные, обработывали участокъ отцовскій, нѣкогда свободный, или 2) для защиты отъ притѣсненія сильныхъ, для избѣжанія воинской повинности, собственники отдавали свой участокъ церкви и сами дѣлались ея оброчниками (*).

Такимъ образомъ уже въ IX столѣтіи исчезли свободные германскіе аллодіальные собственники; исчезло всякое равенство между ними. Изъ цѣлаго племени свободныхъ нѣкогда германцевъ выдѣлилась сперва богатая военная аристократія, затѣмъ мелкая, служилая и многочисленный классъ земледѣльцевъ, находившійся въ подчиненіи у крупныхъ вассаловъ, зависѣвшій отъ нихъ въ судебномъ отношеніи и платившій имъ извѣстную подать, либо работавшій на нихъ. Эти отношенія подчиненія, въ зависимости отъ степени закрѣпощенности, были трояКаго рода. Существовали „Freisassen" „Hörige" и „Leibeigene". Первые имѣли еще земельную собственость, но не свободную; на ней лежала извѣстная подать (zins). Они были лично свободны и могли поступать въ ряды войска и считались полноправными гражданами. Вторые—hörige не имѣли земельной собственности, но получали за опредѣленныя услуги отечеству землю для обрабатыванія и прокормленія; они тоже были лично свободны. Наконецъ, крѣпостные—leibeigene, и этотъ классъ сдѣлался

---

*) Около 840 г. епископство Аугсбургское имѣло до 4,000 дворовъ или участковъ, воздѣлываемыхъ подобными hörige, и до 420 участковъ, воздѣлываемыхъ крѣпостными.

самымъ многочисленнымъ, были совершенно во власти господина. Получивъ участокъ земли, такой крѣпостной обыкновенно работалъ на господина три дня и три дня на себя. Но при этомъ происходили большія злоупотребленія; господинъ выбиралъ лучшіе дни для себя, напримѣръ время сѣнокоса, такъ что часто приходилось работать на него по шести дней подъ-рядъ. Эти крѣпостныя отношенія были мѣстами болѣе, мѣстами менѣе суровы; болѣе суровы были они въ Богеміи, Моравіи, Силезіи, Помераніи, Гольштиніи и Мекленбургѣ, гдѣ славяне составляли нисшій классъ населенія. Здѣсь крѣпостныя отношенія переходили и на дѣтей; крѣпостной не могъ имѣть никакого движимаго имущества, если онъ былъ полевой работникъ; дѣти не наслѣдовали ему въ земельномъ участкѣ; безъ позволенія господина онъ не могъ уйти и начать другой какой нибудь промыселъ. Даже жениться, безъ разрѣшенія помѣщика, не имѣлъ онъ права.

Эти отношенія зависимости (freisassen и hörige) въ началѣ, т. е. еще въ IX столѣтіи, довольно сносныя и исполняемыя добросовѣстно съ обѣихъ сторонъ, обратились въ X и особенно въ XI столѣтіяхъ въ совершенное крѣпостное право. Защиты ни у кого искать нельзя было. Законный защитникъ фрейзаса былъ графъ, намѣстникъ области, но онъ-то, именно, ихъ и притѣснялъ; къ королю идти было далеко, да и тотъ противъ своеволія вассаловъ ничего не могъ предпринять; таково же было и положеніе höriger по отношенію къ своимъ патронамъ. Обитатели цѣлыхъ волостей, населенныхъ сперва свободными людьми, платившими только незначительную подать для освобожденія отъ военной повинности, обращены были постепенно въ оброчныхъ и затѣмъ въ крѣпостныхъ. Только въ странахъ, представляющихъ природную защиту и нѣкоторую географическую обособленность отъ остальнаго материка, удержалось свободное населеніе, именно: въ прирейнской долинѣ, въ Фрисландіи, въ Альпахъ, Швейцаріи и Тиролѣ. Особенно въ Германіи этотъ переходъ совершался быстро съ IX столѣтія, когда императоры, занятые своею борьбою съ папами въ Италіи, предоставляли феодаламъ дѣйствовать безнаказанно въ Германіи для усиленія своей власти.

Такимъ образомъ съ теченіемъ времени накоплялись въ

народѣ безчисленныя подати и барщинныя повинности подъ разными названіями. Умиралъ, напримѣръ, крестьянинъ—оброчный; помѣщикъ бралъ лучшее его платье, или лучшую скотину, или соотвѣтствующую сумму денегъ. Это называлось — „Sterbfall“, „Todfall“. Нѣкоторые изъ нихъ платили 4-ю, другія—6-ю, третьи—10-ю часть дохода церкви, и кромѣ того 9-ю часть помѣщику; это платилось деньгами или натурою и называлось: Fastnachtshühner“; „Halshühner“, „Haupthühner“, „Leibhühner“, „Gauhühner“, „Rauchhühner“ etc. Затѣмъ существовала еще подать, которая взималась съ жатвы, съ вина, съ домашняго скота, были еще барщинныя повинности, такъ называемыя „Frohnen“, особенно обременительныя для населенія (напримѣръ, la grenouille, во Франціи) и постоянно придумывались новыя, сперва случайныя, а затѣмъ дѣлавшіяся постоянными и впослѣдствіи обратившіяся въ обязательныя денежныя повинности; назывались они: „Jagdfrohnen“, „Forstfrohnen“, „Baufrohnen“ „Wachfrohnen“, „Kriegerfuhren“ и др.

За нихъ иногда помѣщики и платили вассаламъ, но такъ мало, что нисколько не покрывали ихъ расходовъ. Затѣмъ вносилась еще денежная повинность для избавленія отъ военной повинности; платилась она господину, бравшему эту повинность на себя. Существовали еще разные случайные налоги, обратившіеся также въ постоянные, напримѣръ, при посѣщеніи императора, при выдачѣ помѣщикомъ дочери замужъ, для выкупа его изъ плѣна и т. д.

Къ нимъ впослѣдствіи присоединился еще, такъ называемый, „Reichspfennig“, собираемый помѣщиками же, которые не упускали случая при этомъ попользоваться; покрывали они этимъ путемъ свои расходы по поѣздкамъ (путешествіямъ) на рейхстагъ. Изъ всего этого видно, что положеніе крестьянскаго сословія было весьма печально въ Германіи XV вѣка, и названія, которыя придавались крестьянамъ повсюду въ ту пору служатъ тому лучшимъ доказательствомъ; ихъ звали: „die armen Leute“, „der arme Kuntz“, „Jacque bonhomme“,—во Франціи, или „les pauvres gers“ и т. д.

Между этими двумя крайностями: полноправіемъ съ одной стороны и полнымъ безправіемъ—съ другой, крайностями, угрожавшими обратить Европу въ двѣ касты, изъ которыхъ одна,

представлявшая непроизводительную часть населенія, питалась бы на счетъ другой части — производительной, выдвигался, мало по малу, новый элементъ, которому суждено было обновить западную Европу, переродить ее на новыхъ началахъ. Новый элементъ этотъ—были города, городское сословіе, такъ называемое среднее или третье сословіе, „le tiers-etat“, которое постепенно росло въ своемъ значеніи и вліяніи и о которомъ въ концѣ прошлаго столѣтія аббатъ Sièyes могъ сказать: „le tiers état c'ést toute la nation, moins quelques privilégiés“.

Происхожденіе городовъ въ западной Европѣ было различное (*). Въ Италіи, напримѣръ, были города еще древняго происхожденія; въ Германіи, Франціи и Англіи были также нѣкоторые города, которыхъ построеніе относится ко времени римскихъ императоровъ, напримѣръ, „Augusta Vindelicorum“—Аугсбургъ, „Colonia Agrippina“—Кельнъ и др. Первоначальныя германскія племена не имѣли городовъ, питая нерасположеніе къ городской жизни; но съ теченіемъ времени, при постоянныхъ завоеваніяхъ и походахъ, они пріучились къ ней, и въ городахъ впослѣдствіи даже чище сохранились слѣды прежняго патріархальнаго быта и свободы древнихъ германцевъ. Города въ Германіи начали строиться или какъ резиденціи епископовъ, герцоговъ, королей, или какъ рынки—торговые центры или, наконецъ, какъ укрѣпленные пункты, замки—Burgen (наши остроги). Генрихъ I построилъ много городовъ въ Тюрингіи и Саксоніи для защиты страны отъ венгровъ. Всѣмъ такимъ пунктамъ, окруженнымъ стѣнами, давались разныя права и привилегіи для привлеченія сюда народонаселенія, но они все-таки состояли въ подчиненіи у какого нибудь крупнаго вассала, который имѣлъ судъ и управленіе надъ ними, или зависѣли отъ императора, который управлялъ ими посредствомъ своего Vogt'а — въ Германіи и Швейцаріи, носившаго во Франціи названіе—châtelain; въ Италіи—„podesta“. Эти привилегіи нѣсколько защищали свободу городовъ отъ корыстолюбія крупныхъ собственниковъ, тѣмъ болѣе, что произволъ ихъ, по отношенію къ го-

---

*) См. Andreas Heusler—der Ursprung der deutschen Stadtverfassung. 1872 г.

родамъ, начался тогда, когда городскія общины были уже довольно сильны, и подчинить ихъ власти феодаловъ было не легко.

Жителями городовъ были переселившіеся изъ деревни свободные германцы, привлеченные привилегіями, затѣмъ собственники той мѣстности, на которой городъ былъ построенъ, далѣе дворянство епископское или королевское, если городъ былъ резиденціею. Въ городѣ также жили и многіе дворяне, пріѣзжавшіе сюда изъ своихъ владѣній, такъ какъ тамъ жилось веселѣе. Наконецъ стекались въ города и гёриги, бѣжавшіе отъ притѣсненій помѣщиковъ. Гёригеръ былъ лично свободенъ, слѣдовательно, могъ, безъ позволенія своего господина, жить гдѣ хотѣлъ. Всѣ только-что названные жители средневѣковаго города составляли его патриціатъ, высшее сословіе, такъ называемые „Bürger“, изъ которыхъ впослѣдствіи нѣкоторымъ давалось при разныхъ случаяхъ дворянское достоинство. Но рядомъ съ этимъ высшимъ сословіемъ жило въ городахъ многочисленное нисшее сословіе: это были крѣпостные, которые спасались сюда отъ тяжелыхъ условій крѣпостнаго права, и если господинъ не требовалъ ихъ обратно въ продолженіи года, то они поступали подъ защиту города, безъ особыхъ правъ. Это, такъ называемые, „Pfahlbürger“. (Отсюда происхожденіе французскаго слова „faubourg“). Такимъ образомъ скоро образовалось городское сословіе съ двумя партіями — аристократическою (гильдіи) и демократическою (цехи), о которыхъ мы еще будемъ говорить. Эти городскія общины сосредоточивали въ рукахъ своихъ торговлю, промышленность; они собственно производили все то, что необходимо было для блестящей обстановки дворцовой жизни богатой военной аристократіи. Въ этихъ городахъ скоро развилось богатство, а вмѣстѣ съ достаткомъ и образованіе, а отсюда вытекало у городовъ желаніе политической независимости отъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ и отъ императорскихъ чиновниковъ. Это развитіе городскихъ общинъ и стремленіе городовъ къ самостоятельности началось ранѣе всего въ Италіи. Извѣстный ломбардскій союзъ, во главѣ котораго стоялъ Миланъ, боролся въ XII столѣтіи почти цѣлое столѣтіе съ Гогенштауфенами, при поддержкѣ папъ и вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы.

За ними были признаны всѣ права, и императоръ только по титулу остался главнымъ сюзереномъ Италіи. Въ Германіи и Франціи это возвышеніе городскихъ общинъ началось нѣсколько позднѣе. Въ ихъ судьбѣ XIII столѣтіе составляетъ переломъ (*). Крестовые походы и въ этомъ соціальномъ отношеніи имѣли огромное значеніе. Я уже говорилъ, что только первые крестовые походы были предприняты подъ вліяніемъ религіознаго энтузіазма; послѣдующіе же были вызваны другими, болѣе житейскими мотивами, соціально-политическаго характера. Папа хотѣлъ черезъ нихъ достигнуть подчиненія восточной церкви; рыцари — славы и территоріальныхъ пріобрѣтеній; остальныя торговыя республики — Венеція и Генуа — расширенія своей торговли и лучшей эксплуатаціи востока.

Походы эти кончились въ концѣ XIII столѣтія, а съ ними пали и всѣ политическія стремленія, которыми они

(*) Существуютъ въ наукѣ различныя мнѣнія относительно происхожденія средневѣковаго городскаго самоуправленія. Heussler въ своемъ сочинѣніи „Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung" 1872 г. въ т. IV говоритъ слѣдующее:

„In der deutschen Städtegeschichte steht als Centrum für alle weitern Fragen und Untersuchungen vor-und rückwärts die Thatsache da, dass seit dem XII und XIII Jahrhundert ein Rath vorhanden ist welcher mehr und mehr mit den bisherigen Stadtherren in Concurrenz tritt und ihnen bald in ruhiger Entwicklung, bald aber in offenem Kampf eine grössere oder geringere Selbstständigkeit und Freiheit in der städtischen Regierung abnöthigt".

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

„Aus was für Elementen aber dieser Rath herforgegangen ist und auf was für Factoren der alten Rechts und Verfassungsleben die von ihm geübten Regierungsrechte zurück zu führen sind, darüber wird gestritten".

Интересующихся этимъ вопросомъ отсылаю къ сочиненіямъ:

Eichorn.

Hegel—Geschichte der italienischen Städteverfassung, 1847.

Arnold—Verfassungsgeschichte der deutchen Freistädte, 1854.

Nitsch—Ministerialität und Bürgerthum, 1859.

Maurer—и др.

Мнѣніе же о томъ, что городское самоуправленіе средневѣковыхъ нѣмецкихъ городовъ есть ничто иное, какъ дальнѣйшее развитіе римскаго муниципалитета въ настоящее время въ наукѣ совершенно оставлено.

руководились, но остались неисчислимые результаты для торговли, которыми воспользовались города не только итальянскіе, но и всей западной Европы. Отъ знакомства съ востокомъ расширился кругозоръ понятій тогдашняго общества, вслѣдствіе знакомства съ новыми землями, народами, обычаями и учрежденіями. Купцы европейскіе стали проникать въ Идію и въ глубь Азіи и доходили даже до африканскихъ степей. Европа познакомилась, такимъ образомъ, съ новыми предметами потребленія, неизвѣстными дотолѣ, сдѣлавшимися скоро необходимостью для высшаго класса, какъ напримѣръ: шелковыя издѣлія, тростниковый сахаръ, разныя пряности и т. д. Все это послужило источникомъ дохода и обогащенія для городовъ и, въ тоже время, источникомъ разоренія для высшаго класса; жизненныя потребности возрастали, а частные доходы оставались все тѣже. Одновременно возвышалось значеніе городовъ и въ политическомъ отношеніи. Отправлявшіеся въ крестовый походъ рыцари и крупные вассалы давали весьма часто городамъ льготныя грамоты на самоуправленіе, черезъ выборныхъ своихъ согражданъ, такъ называемыя, „несудимыя грамоты“, т. е. грамоты, разрѣшавшія городамъ имѣть своихъ собственныхъ судей; получали они за то отъ городовъ или единовременно деньги или постоянно вносимую подать. Многіе изъ этихъ рыцарей и не возвращались домой, и наслѣдники ихъ не только теряли всякую власть надъ городами, но наоборотъ зависили еще отъ нихъ въ торговомъ и промышленномъ отношеніи. Другіе города получали отъ императоровъ за разныя имъ оказанныя услуги различныя привилегіи, пріобрѣтали независимость и дѣлались, такимъ образомъ, „Reichsunmittelbar“. Наконецъ во время междуцарствія было много примѣровъ того, какъ многіе города силою сами пріобрѣли себѣ независимость. Такимъ образомъ, изъ нихъ къ XIV столѣтію въ Германіи образовались, подобно итальянскимъ городамъ, независимыя республики съ собственнымъ судомъ и управленіемъ, признававшія только императора своимъ главою. Эти города внесли въ средневѣковый строй совершенно новое воззрѣніе. Средневѣковое феодальное общество было основано на войнѣ; военная слава, подвиги, отвага, физическая сила—вотъ что *уважалось, вотъ* что играло роль. Города внесли теперь

иной элементъ въ средневѣковую жизнь; они представляли мирное развитіе политической жизни; ихъ благосостояніе зависѣло отъ правильнаго, законнаго теченія дѣлъ, при которомъ могла развиваться торговля и промышленность и потому въ ихъ интересахъ было сохраненіе мира, а не военные подвиги.

Вотъ почему, напримѣръ, во время междуцарствія прирейнскіе города заключили союзъ для поддержки общаго спокойствія и мира и для защиты торговли и путей сообщеній. Кромѣ того и развитіе умственное было сильнѣе въ городахъ; нестѣсненные ни суевѣріями, ни предразсудками родовой аристократіи, горожане гораздо впечатлительнѣе относились къ каждой новизнѣ, къ каждому движенію свободной мысли. Изъ городовъ исходила оппозиція противъ средневѣковой церкви и науки; въ нихъ находила она себѣ постоянную поддержку. Значеніе городовъ, сила и могущество ихъ возрасли до того, что въ XIV столѣтіи они начинають повсюду (т. е. главнѣйшіе и сильнѣйшіе изъ нихъ) пріобрѣтать политическія права. Во всѣхъ государствахъ къ XIV столѣтію города получили, хотя сначала de facto, но не de jure, право представительства въ земскихъ думахъ—„Reichstage“—въ Германіи; въ парламентѣ—„house of commons„ въ Англіи; „états généraux“—во Франціи.

Вмѣстѣ съ достиженіемъ городами политическаго значенія, начинается у нихъ внутренняя борьба двухъ сословій—гильдій и цеховъ. Борьба эта кончилась различно, гдѣ побѣдой гильдій, гдѣ- цеховъ, обыкновенно сліяніемъ двухъ сословій, т. е. образованіемъ городской общины изъ двухъ элементовъ — аристократическаго и демократическаго. Въ Италіи сперва побѣдили цехи и изъ нихъ родилась впослѣдствіи тиранія. Но какъ бы то ни было, повсюду установлена была конституція, основанная совершенно на иныхъ началахъ, чѣмъ средневѣковый феодальный строй. Городская община могла существовать только при политическомъ и экономическомъ равенствѣ городскихъ сословій, при равенствѣ ихъ передъ судомъ, при господствѣ закона, а не своеволія, произвола, физической силы. Слѣдовательно эта новая политическая единица—городская община, выступившая на мѣсто прежняго феодальнаго строя, измѣнила совершенно прежнія

понятія и воззрѣнія и породила новый государственный принципъ. Изъ городовъ вышла новая идея монархическаго принципа, которая ревностно ими поддерживалась; всякій король, энергически выступавшій противъ своеволія феодаловъ, находилъ нравственную опору въ городахъ, потому что въ феодальномъ строѣ города видѣли враждебное себѣ начало. Французскіе короли потому только и могли усилить свою власть и ослабить феодаловъ, что привлекли на свою сторону города и съ помощью ихъ осилили общихъ враговъ; нѣмецкіе же императоры никогда не съумѣли этого сдѣлать. Вмѣстѣ съ идеею новаго государственнаго строя въ городахъ ранѣе развилась и окрѣпла оппозиція противъ церкви и проповѣдуемаго ею космополитизма; въ нихъ ранѣе развилось чувство національнаго самосознанія; въ нихъ и языкъ народный сталъ раньше развиваться, какъ литературный языкъ, къ чему отчасти способствовали въ большомъ количествѣ появлявшіяся въ то время городскія хроники (*).

Въ городахъ здравый практическій смыслъ современниковъ, не стѣсненный никакими предразсудками, впервые обратился къ изученію природы; въ городахъ же сдѣланы были и главнѣйшія открытія, какъ-то: пороха, компаса, книгопечатанія; уроженцемъ Генуи былъ и знаменитый Христофоръ Колумбъ. Города не только своею пропагандою и осуществленіемъ новой государственной идеи подкапывались подъ средневѣковой строй; они своимъ органическимъ устройствомъ измѣнили совершенно взаимныя отношенія и положеніе сословій. Для своей защиты города, конечно, нуждались въ войскѣ, оно и составилось изъ городскаго ополченія—пѣхоты. Пѣхота эта въ началѣ не могла имѣть на войнѣ большаго значенія противъ конныхъ латниковъ. Но когда въ городахъ изобрѣтенный порохъ получилъ свое первое приложеніе къ военному дѣлу съ половины XIV столѣтія (въ битвѣ при Créssy въ 1346 г.), тогда война сдѣлалась искусствомъ, спеціальностью,—латы ничего не могли уже помочь; явилось наемное войско—„Landsknechte“, спеціально занимавшіеся военнымъ ремесломъ, а тѣмъ самымъ все значеніе рыцарей пало. Такимъ образомъ цѣлое многочисленное сословіе военной аристократіи, съ

(*) *См.* Gervinus—Geschichte der neuen deutschen Litteratur.

извѣстными правами и привилегіями, въ силу новыхъ жизненныхъ началъ, уничтожалось само собой, силою обстоятельствъ. И такъ, мы видимъ, что къ XV столѣтію рядомъ съ феодальною іерархіею выдвигается новая единица, организованная на новыхъ началахъ и принципахъ, не совмѣстимая съ феодальнымъ строемъ, приводящая его къ полному разложенію и распаденію. Въ разныхъ государствахъ короли различно воспользовались этою единицею, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, что и придало различный характеръ дальнѣйшему развитію отдѣльныхъ западно-европейскихъ государствъ. Но какъ бы то ни было города и ихъ политическія права были къ XV столѣтію признаны повсюду. Видя осуществленіе политической организаціи городскихъ общинъ, и крестьянское сословіе стало искать облегченія своей участи; оно помнило, что нѣкогда оно было свободно и что только сила и злоупотребленія со стороны другихъ сословій довело ихъ до полной зависимости, до крѣпостнаго состоянія. Къ тому же господство капитала образовало дороговизну и отсюда вытекавшее неравенство состояній и положило начало возникновенію пролетаріата. Въ крестьянскомъ сословіи мы замѣчаемъ постоянно повторяющіяся оппозиціонныя движенія, все учащающіяся къ началу XVI столѣтія. Ненависть крестьянъ сперва направлена была только противъ своихъ помѣщиковъ, преимущественно противъ земельныхъ владѣній церкви; а за тѣмъ, съ возвышеніемъ городовъ и увеличеніемъ ихъ капиталовъ, ненависть эта обратилась и противъ городскихъ общинъ, одинаково съ помѣщиками эксплуатировавшихъ крестьянъ.

Это движеніе и броженіе въ крестьянскомъ сословіи однако не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ; оно облегчило его участь только до нѣкоторой степени; окончательно же голосъ его былъ услышанъ только въ 1789 г., когда всѣ феодальныя особенности были уничтожены. Но движенія эти тѣмъ не менѣе имѣли огромное вліяніе на реформацію; это были симптомы переходнаго времени и приближающейся новой эпохи; они придали и всему реформаціонному движенію особый характеръ и отпечатокъ.

Потому-то и мы теперь должны разобрать это крестьянское движеніе.

Не разомъ совершился переходъ отъ свободнаго состоянія земледѣльческаго класса къ крѣпостному. Дѣлалось это постепенно, при постепенномъ усиленіи вліянія, пріобрѣтаемаго военной аристократіею и духовенствомъ и при постоянныхъ возмущеніяхъ и возстаніяхъ крестьянъ. Свободному германцу было трудно свыкнуться съ мыслію, что участокъ, на которомъ онъ жилъ искони вѣковъ, не принадлежитъ ему или если и считался за нимъ, то долженъ онъ за него платить огромныя подати и нести барщинную повинность. Особенно сильно было это негодованіе въ церковныхъ земляхъ: отъ церкви были въ правѣ ожидать болѣе человѣчности на мѣсто суровой, черствой расчетливости. И дѣйствительно, мы въ современныхъ лѣтописяхъ постоянно наталкиваемся на описанія частыхъ возмущеній отдѣльныхъ общинъ, не только въ IX, но и въ X, и XI столѣтіяхъ; но тутъ, въ этихъ оппозиціонныхъ движеніяхъ не было еще никакого единства; возмущались при случаѣ, по поводу того или другаго налога; ихъ потому всегда скоро и успѣвали усмирять, иногда, впрочемъ, дѣлая небольшія уступки.

Но когда съ конца XII и въ XIII столѣтіи началась оппозиція противъ церкви и, наконецъ, въ самой церкви, эти идеи стали принимать въ народѣ оттѣнокъ коммунистическій и соціалистическій. Церковная оппозиція, какъ мы видѣли, началась изъ сравненія настоящаго положенія папства и іерархіи съ тѣмъ, чѣмъ они должны были бы быть, изъ сравненія ея свѣтской власти и земнаго богатства церкви съ ея настоящимъ духовнымъ призваніемъ и назначеніемъ. Лучшіе умы эпохи видѣли единственное спасеніе для церкви, единственную надежду на ея нравственное обновленіе—въ возвращеніи ея къ апостольскимъ временамъ, какъ напримѣръ: святой Бернардъ Клервойскій. А эти апостольскія времена христіанской общины рисовались современникамъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Во-первыхъ, уже нельзя было возвратиться къ апостольскимъ временамъ потому, что тогда христіанскія общины были маленькія корпораціи, лишенныя всякихъ политическихъ правъ и при томъ гонимыя и угнетаемыя; теперь же христіанство сдѣлалось принципомъ, на которомъ *была устроена* вся жизнь. Во-вторыхъ, невѣрно были ими

понимаемы слова Христа и самое устройство первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. На основаніи нѣкоторыхъ евангельскихъ изреченій объ отношеніи матеріальнаго благосостоянія къ духовному, о превосходствѣ втораго надъ первымъ и на основаніи нѣкоторыхъ, не совсѣмъ вѣрно понятыхъ, словъ и притчъ Спасителя и нѣкоторыхъ мѣстъ изъ дѣяній апостольскихъ, буквально понимаемыхъ, безъ связи съ предъидущимъ и съ другими фактами, уже въ періодъ Отцевъ церкви составилось понятіе, перешедшее и въ схоластическую эпоху, о томъ, что христіанская церковь временъ апостоловъ была основана на коммунистическихъ идеяхъ, что собственности въ ней не существовало и что вступленіе въ христіанскую общину связано было съ отказомъ отъ всякой частной собственности. Между тѣмъ Спаситель никогда не отрицалъ частной собственности, онъ порицалъ только безнравственное ея пріобрѣтеніе и своекорыстное ею пользованіе; онъ требовалъ любви къ ближнему, состраданія къ неимущему; Онъ требовалъ, чтобы любовь и дѣла милосердія уничтожали бездну между бѣднымъ и богатымъ. Въ первыхъ христіанскихъ общинахъ дѣйствительно и существовала общность употребленія имущества, но никогда не отрицался принципъ собственности. Между тѣмъ католическая церковь XV вѣка, которая должна была бы сгладить эту бездну между богатымъ и бѣднымъ, она сама-то сильнѣе всего и увеличивала ее. Потому-то въ церковной оппозиціи всегда и проглядывала идея, что церковь должна быть бѣдна, не должна владѣть никакой земельной собственностью. Секты Альбигойцевъ и Вальденцевъ потому только и нашли въ народѣ такое сочувствіе, что возставали противъ церковнаго имущества; этимъ же объясняется и громадный успѣхъ на первыхъ порахъ монашескихъ нищенскихъ орденовъ доминиканцевъ и францисканцевъ. Того же принципа держалась и крайняя партія францисканцевъ, такъ называемая fratricelli, spirituales, fra dolcino. Вотъ почему и нѣмецкіе мистики ставили основаніемъ своей докторины общность имущества, коммунизмъ.

Эти народные проповѣдники, ратовавшіе о возвращеніи апостольскихъ временъ, когда все было равно распредѣлено между всѣми, естественно развивали въ невѣжественномъ

народѣ самыя странныя идеи и стремленія. Увлекаясь этими духовными идеалами, крестьянское сословіе естественно начало мечтать о возможности осуществленія того идеальнаго времени, когда существовало полное равенство, не было ни князей, ни графовъ, ни бароновъ; а главное—не было богатыхъ, гнетущихъ ихъ епископовъ и аббатовъ. Только эта поддержка со стороны народа и дѣлала оппозицію опасною для церкви. Въ крестьянскихъ движеніяхъ съ XIV столѣтія мы повсюду видимъ эти коммунистическія черты. Виклифъ, Гуссъ, своею оппозиціею церкви, не думавшіе вовсе о соціальномъ переворотѣ, вызвали его однако потому, что крестьянское сословіе искало въ ихъ ученіяхъ именно того, что было для него пригодно и отвѣчало назрѣвшимъ его потребностямъ. Такого же характера были и движенія крестьянъ, такъ называемыхъ „Лоллардовъ", подъ предводительствомъ Джона-Балла и Уотъ Телера. Въ Таборитскомъ движеніи, вызванномъ Гуссомъ, мы встрѣчаемъ тѣже коммунистическія идеи. Устроена была ими община на горѣ, названной Ѳаворомъ; до 40,000 человѣкъ обоего пола поселилось на ней и устроило себѣ жизнь на коммунистическихъ началахъ. Потому-то свѣтская власть вездѣ и помогала духовной искоренять эти соціальныя стремленія, что видѣла въ этихъ народныхъ броженіяхъ весьма опасный для себя элементъ. Гусситское движеніе, хотя и было уничтожено, но идеи, его породившія, долго еще жили въ народѣ. Во всѣхъ народныхъ движеніяхъ этой смутной переходной эпохи, на грани XV и XVI столѣтій въ Германіи, замѣчаемъ мы тѣ же стремленія къ отрицанію и колебанію всякой земной власти.

Тѣмъ же характеромъ отличался и союзъ крестьянъ, такъ называемый, „der Bundshuh", образовавшійся въ 1513 г. въ нынѣшнемъ герцогствѣ Баденскомъ, вожаками котораго были Яковъ Гузеръ и Іостъ Фрица. Выражалось это соціальное движеніе съ сильною примѣсью рѣзкаго осужденія тогдашняго положенія церкви и въ народныхъ легендахъ того времени. Такова, напримѣръ, легенда, относящаяся къ 1476 г., героемъ которой былъ Іоганъ Никласгаузенъ (*).

(*) Главныя обвиненія, направленныя противъ него, на основа*ніи которыхъ онъ* былъ присужденъ къ смертной казни, состояли

Политическое состоянiе западно-европейскихъ государствъ наканунѣ реформацiи.

Мы до сихъ поръ разобрали переворотъ, происходившiй медленно въ средневѣковомъ мiровоззрѣнiи, — переворотъ, встрѣчавшiй иногда препятствiя, но тѣмъ не менѣе, по немногу разлагавшiй средневѣковый строй. Я говорилъ, что и религiозный и умственный кругъ понятiй западно-европейскаго общества къ XV столѣтiю расширился и требовалъ новыхъ идеаловъ и новыхъ для себя формъ; самый политическiй строй требовалъ обновленiя; идея монархическаго начала сдѣлалась всеобщею и силилась замѣнить собою прежнюю феодальную систему; новый элементъ, новое сословiе—городское возвысилось и сдѣлалось по преимуществу интелигентнымъ центромъ, гдѣ созрѣвали и откуда исходили новыя идеи и

въ слѣдующемъ, (привожу латинскiй текстъ главныхъ обвинительныхъ пунктовъ):

1) Quia dixerat sibi beatissimam Dei Genitricem semper intactam Virginem Mariam in albo habitu visibilem apparuisse dum pasceret gregem porcorum in campis, et ea quae vel ipse confixerat, vel suo a seductore acceperat, revelasse atque praecepisse, ut ea nomine ejus omni populo praedicaret.

2) Quod vitam clericorum publice arguebat, agerens Dei Matrem dixisse: annuntia populo fideli meo et dic quod Filius meus avaritiam, superbiam et luxuriam clericorum et sacerdotum amplius sustinere nec possit, nec velit. Unde nisi se quantocius emendaverint, totus mundus propter eorum scelera pereclitabitur.

3) Hussitarum haereseos imitabatur venenum, assereus nec decimas exagendas a populo, nec annuas census nisi quantum unusquisque sua sponte, cui et quando voluerit dare propter Deum.

4) Omnem quoque jurisdictionem ecclesiasticam conabatur supprimere et mandata sacerdotum non curare.

5) Quod constanter asserebat sibi Dominam nostram dixisse: dic omni populo quod Filius meus vult et mandat, quod omnia padagia, telonia, precariae, exactiones, praestationes, subventiones praelatorum principum atque Nobilium, simul ac cuncta gravamina pauperum penitus deponantur.

6) Quod venationes, piscationes, aquarum et nemorum usus cunctis fidelibus Christi pro uniuscujusque libitu deberent esse communes, pauperi sicut diviti et rustico sicut episcopo, vel principi.

См. начало монографiи В. В. Бауера, такъ называемая, „Реформацiя *императора Фридриха III*“.

воззрѣнія. Въ этихъ городахъ, какъ мы видѣли и сдѣланы были всѣ великія и знаменательныя открытія XIV и XV столѣтій, по существу своему измѣнившія, въ силу вытекавшихъ изъ нихъ послѣдствій, весь умственный и политическій строй тогдашняго европейскаго общества.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію политическихъ событій, разыгравшихся наканунѣ реформаціоннаго движенія, охватившаго Германію на грани XV и XVI столѣтій, я считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на огромныхъ политическихъ результатахъ, вытекавшихъ изъ этихъ міровыхъ открытій, какъ-то: пороха, книгопечатанія, компаса и т. д., на великое значеніе которыхъ я уже мимоходомъ указывалъ; излагать же эти открытія подробнѣе считаю лишнимъ, такъ какъ они всѣмъ извѣстны. Открытіе новаго морскаго пути въ Индію, также какъ и компаса, имѣло вліяніе на совершенное измѣненіе взаимныхъ отношеній государствъ между собою и ихъ положенія въ общей европейской семьѣ. На этомъ обстоятельствѣ мы должны остановиться подробнѣе, такъ какъ предметомъ дальнѣйшаго нашего изложенія и будетъ разборъ состоянія западно-европейскихъ государствъ въ началѣ XVI столѣтія, при всеобщемъ броженіи умовъ, охватившемъ всю Европу. Центромъ торговли въ средніе вѣка было Средиземное море; единственнымъ источникомъ торговли—была Индія, такимъ образомъ по Средиземному морю шла вся міровая торговля съ Востокомъ. Троякій существовалъ въ то время путь изъ Индіи: 1) по Инду, Аму-Дарьѣ, караваномъ до Каспійскаго моря, за симъ по Волгѣ, Дону — въ Черное море, откуда товары развозились венеціанскими и генуэзскими купцами по Европѣ. Второй путь лежалъ по Персидскому заливу по рѣкѣ Тигру до Багдада, откуда караванами до прибрежнаго города Яффы на Средиземномъ морѣ; наконецъ третій путь велъ по Аравійскому заливу, оттуда караваномъ до Александріи. Средиземное море служило, такимъ образомъ, главнѣйшимъ путемъ сообщенія торговли всей западной Европы. Это хорошо понимали современники, въ особенности начиная съ XIII столѣтія, и потому изъ-за господства на немъ пролито было не мало крови. Извѣстны, между прочимъ, походы Людовика IX, желавшаго обратить Средиземное *море* въ французское озеро. Въ зависимости отъ этого

торговаго центра и итальянскіе города въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ играли такую важную роль въ смыслѣ эсплуатаціи востока и между ними, въ особенности, Венеція, Генуа, Пиза, Амальфи. Рядомъ съ ними процвѣтали Регенсбургъ—главный складочный пунктъ на Дунаѣ, Майнцъ и Кельнъ на Рейнѣ. Открытіе новаго пути въ Индію Ваской-де-Гама—все это измѣнило: во-первыхъ, открылось новое поле для эксплуатаціи востока, что сразу значительно удешевило товары; во-вторыхъ, открытіе Америки перенесло центръ тяжести міровой торговли съ Средиземнаго моря на Атлантическій океанъ. Не было больше надобности теперь возить товары черезъ Багдадъ и Александрію, нѣсколько разъ перегружая ихъ съ кораблей на верблюдовъ; если можно было, нагрузивши ихъ однажды въ Индіи, ѣхать прямо въ Европу, не опасаясь болѣе, со времени открытія компаса, пускаться въ открытый океанъ. Можно было теперь получать не только всѣ колоніальные продукты, но и золото, и драгоцѣнные камни въ большомъ количествѣ прямо изъ Америки и съ береговъ Африки. Вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе итальянскихъ республикъ, основанное именно на этой міровой торговлѣ, полемъ эксплуатаціи которой, до тѣхъ поръ, служилъ бассейнъ Средиземнаго моря, стало теперь, съ конца XV столѣтія, тоже падать, и республики Генуа, Венеція, Пиза стали постепенно переходить изъ ряда первостепенныхъ, въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, государствъ, въ рядъ второстепенныхъ, утрачивая роль европейскихъ торговыхъ центровъ и дѣлаясь только локальными, мѣстными центрами, пока, наконецъ, совершенно не утратили прежняго своего значенія.

Мѣсто Италіи занимаютъ теперь Испанія и Португалія, впослѣдствіи же—Голландія и Англія. Эти государства бросились теперь на эксплуатацію новыхъ земель, каждый сообразно своему народному характеру. Португалія и Испанія эксплуатировали эти земли болѣе внѣшнимъ образомъ, прилагая мало физическаго и умственнаго труда къ этой экономической задачѣ, и потому скоро обогатившись на нихъ, они столь же скоро и растратили свои богатства, оказавъ на свои колоніи весьма незначительное культурное вліяніе; Голландія же и преимущественно Англія, организовали эксплуатацію своихъ колоній на *вполнѣ* правильныхъ началахъ, положивъ въ осно-

ваніе трудъ; почему заатлантическія ихъ колоніи и послужили причиною и главнымъ рычагомъ ихъ будущаго морскаго господства. Эти результаты различнаго отношенія къ эксплуатаціи колоніальныхъ земель высказались только нѣсколько столѣтій позже; въ разбираемую же нами эпоху первымъ результатомъ этихъ морскихъ открытій было—усиленіе и возвышеніе новыхъ государствъ, между прочимъ Испаніи, до тѣхъ поръ не игравшей никакой политической роли и своимъ вступленіемъ въ рядъ первостепенныхъ державъ обусловившей дальнѣйшую судьбу западно-европейскихъ государствъ.

По сему обзоръ состоянія западно-европейскихъ государствъ въ началѣ XVI столѣтія я и предполагаю начать съ Испаніи.

Историческая судьба Испаніи сложилась, сравнительно съ другими странами, нѣсколько иначе, что наложило на самый характеръ народа своеобразный отпечатокъ, равно какъ и на разнообразныя учрежденія страны. Римское господство на полуостровѣ продолжалось до начала V столѣтія. Затѣмъ вскорѣ въ нынѣшнюю Испанію хлынули полчища вандаловъ, свевовъ, алановъ; за ними двинулись туда вестготы. Всѣ эти этнографическіе слои германскаго происхожденія слились съ романскимъ и романизированнымъ кельтиберійскимъ населеніемъ и образовали, такимъ образомъ, одно огромное Вестготское королевство, занимавшее весь полуостровъ до рѣки Эбро. Оно просуществовало два столѣтія. Въ 710 г. явились въ Испанію арабы или мавры и въ битвѣ при Root Root Root Root

Фронтера въ Андалузіи въ 711 г. они оказались побѣдителями надъ мѣстнымъ населеніемъ. Послѣ этого мавры двинулись далѣе во Францію, но при Турѣ были разбиты и возвратились на полуостровъ и организовали на немъ Кордовскій калифатъ. Только въ Астуріи и Галиціи на сѣверо-востокѣ и сѣверо-западѣ Испаніи христіане, благодаря природнымъ защитамъ, могли удержать свою независимость. Эти маленькія христіанскія государства съ тѣхъ поръ и удержались тамъ до самаго конца XV столѣтія, въ постоянной борьбѣ съ невѣрными, защищая какъ свою независимость, такъ и вѣру своихъ отцевъ, постоянно расширяя при этомъ понемногу свои границы. Въ началѣ XI столѣтія эти государства—Леонъ, Наварра, Кастилія и Аррагонія занимали уже *почти половину* всего полуострова, оттѣсняя все болѣе и бо-

ніе мавровъ на югъ. Вся исторія Испаніи въ теченіи восьми столѣтій, съ VIII по XV, есть ничто иное, какъ упорная борьба христіанъ съ невѣрными, время блеска рыцарской отваги и поэзіи; любимымъ идеаломъ народнаго эпоса въ эту героическую эпоху сдѣлался, съ конца XI столѣтія, герой Сидъ. Борьба эта кончилась въ 1492 г. съ паденіемъ Гранады—послѣдняго оплота мавританскаго господства на полуостровѣ.

Причина такой продолжительной борьбы было—раздробленіе Испаніи, отсутствіе единаго государства, единой сильной центральной власти. Отсутствіе этой власти составляло, впрочемъ, въ то время характерную черту западно-европейскихъ государствъ. Эта раздробленность силъ и отсюда продолжительность борьбы и придало испанскому народному характеру и испанскимъ учрежденіямъ тотъ отличительный отпечатокъ, о которомъ я сейчасъ замѣтилъ. Эта постоянная борьба развила, правда, преобладаніе физической силы, жестокость, но за то, съ другой стороны, развило и отвагу, самостоятельность, поэтическій и религіозный энтузіазмъ. Въ Испаніи этотъ религіозный энтузіазмъ долго еще существовалъ послѣ того, какъ онъ совершенно исчезъ въ остальной Европѣ съ концомъ крестовыхъ походовъ. Борьба съ невѣрными считалась въ Испаніи священною войною, предпринимаемою въ защиту христіанской вѣры; священникъ съ крестомъ шелъ передъ сражающимися и, павшій въ битвѣ, окруженъ былъ ореоломъ мученика за вѣру Христа. Раздробленность силъ затягивала борьбу, но за то каждое государство развивалось самостоятельнѣе; каждый городъ, каждое сословіе, каждый отдѣльный человѣкъ въ виду постоянной опасности и необходимости самозащиты, пріобрѣталъ самостоятельность и сознаніе своей силы, а отсюда и своихъ правъ. Дворянство и городское сословіе были въ Испаніи сильнѣе, даже чѣмъ въ остальной Европѣ, но еще сильнѣе ихъ было духовенство, которое не только нравственно уважалось вѣрными сынами католической церкви, такъ какъ борьба была религіозная, но и матеріально было сильно и вліятельно. Благодаря этой продолжительной религіозной войнѣ, и духовенство въ Испаніи въ средніе вѣка далеко не отличалось такимъ нравственнымъ упадкомъ, какъ въ остальныхъ частяхъ

западной Европы; оно стояло тамъ на высотѣ своего призванія Конечно, при силѣ сословій королевская власть была чрезвычайно слаба, и короли, какъ и повсюду, въ то время были только первыми между равными. Они были предсѣдателями кортесовъ, состоящихъ изъ представителей духовенства, дворянства и городовъ; они имѣли исполнительную власть, но всегда находились подъ контролемъ сословій. У дворянъ было право уній противъ короля, въ родѣ той, которою они пользовались въ польскихъ конфедераціяхъ—право налагать свое veto на королевскія постановленія. Съ уменьшеніемъ внѣшней опасности со стороны мавровъ, все далѣе отодвигаемыхъ на югъ, при выработанныхъ уже у испанцевъ наклонностяхъ къ завоеваніямъ и военнымъ подвигамъ, упомянутыя мною государства начали направлять оружіе одно противъ другаго. Къ XV столѣтію уже мы на полуостровѣ находимъ два большихъ государства, поглотившихъ остальныя—Кастилію и Аррагонію, и только два, успѣвшихъ сохранить свою независимость—Португалію и Наварру. Въ этихъ государствахъ, какъ повсюду въ Европѣ въ то время, при слабости центральной королевской власти и при ослабленіи внѣшняго врага, сословія направили свое оружіе одно противъ другаго: сильнѣйшіе притѣсняли слабѣйшихъ, которые вступали въ союзы для самозащиты; порядокъ, справедливость, внутреннее спокойствіе совершенно исчезли. Возвышеніе королевской власти сдѣлалось здѣсь какъ и повсюду необходимостью для того, чтобы возвратить міръ и спокойствіе странѣ.

Это усиленіе монархическаго начала и замѣчается въ Испаніи съ конца XIV и начала XV столѣтій. Ему особенно способствовала тѣсная связь королевства Кастильскаго съ Аррагонскимъ вслѣдствіе брака въ 1469 г. Фердинанда Аррагонскаго (1479—1516 г.) съ Изабеллой Кастильской (1474—1504 г.). Союзъ этотъ былъ чисто личнымъ, но тѣмъ не менѣе имѣлъ онъ громадныя послѣдствія для Испаніи: начиная съ него Кастилія и Аррагонія совершенно слились въ политическомъ отношеніи (*).

---

*) Интересующихся исторіею Испаніи этой эпохи отсылаю къ *сочиненіямъ:* Petri Martyris Anglerii — opus epistolarum.

Руководимые совѣтами умнаго духовника Изабеллы, архіепископа Толедскаго, кардинала Хименеса, Фердинандъ и Изабелла всю жизнь свою зорко слѣдили за увеличеніемъ своей монархической власти и тѣмъ самымъ достигли и возвышенія Испаніи; она сдѣлалась первенствующей державой въ Европѣ XV столѣтія, какъ по внутренней организаціи, такъ и по своему матеріальному и территоріальному богатству. Слѣдить шагъ за шагомъ за политическою дѣятельностью Фердинанда Аррагонскаго, котораго Маккіавелли считалъ идеаломъ государя новаго времени,—здѣсь не мѣсто; я представлю только въ главныхъ чертахъ его дѣятельность, чтобы выяснить это внезапное возвышеніе Испаніи и ту роль, которую она съ этихъ поръ начала играть въ судьбѣ западноевропейскихъ государствъ (*).

Для возвышенія королевской власти необходимо было ослабить значеніе, вліяніе и независимость духовенства и власть дворянства, хотя бы и посредствомъ союза съ городскимъ сословіемъ. И вотъ мы видимъ, что Фердинандъ систематически приступаетъ къ выполненію этой задачи. Разными уступками со своей стороны онъ добивается отъ папы Сикста IV права назначать на вакантныя мѣста высшихъ духовныхъ лицъ. Этимъ онъ поставилъ духовенство въ зависимость отъ себя. Затѣмъ отъ папы же добивается онъ соединенія съ короной званія гросмейстера военно-духовныхъ орденовъ—алькантáра, калатрава и сантъ-яго-ди-компостелла. Богатства этихъ орденовъ были неимовѣрныя; теперь и самые ордена и ихъ матеріальныя имущества поставлены были, такимъ образомъ, въ зависимость отъ короны. Имѣя въ рукахъ своихъ денежныя средства, можно было увеличить войско и, упираясь на него, преслѣдовать свои государственныя цѣли и противодѣйствовать произволу и своеволію дворянства. Отъ послѣдняго скоро отнята была и судебная власть, учрежденіемъ королевскихъ судовъ, поставленныхъ также въ зависимость отъ правительства. Древнее учрежденіе Кастиліи, такъ называемая, Германдада—братство, союзъ городовъ противъ дворянства, было распро-

(*) Zurita—Annales de Arragon. Prescott—History of the reign of Ferdinand and Isabella. Ranke—Geschichte der römischen und Germanischen Völker.

странено и на Аррагонію и реорганизовано, чѣмъ правительство Фердинанда привлекло города на свою сторону и сдерживало произволъ высшаго сословія. Зависимость къ тому же духовно-рыцарскихъ орденовъ отъ короны,—орденовъ, которые состояли исключительно изъ дворянъ, способствовала еще болѣе къ укрощенію своеволія аристократіи.

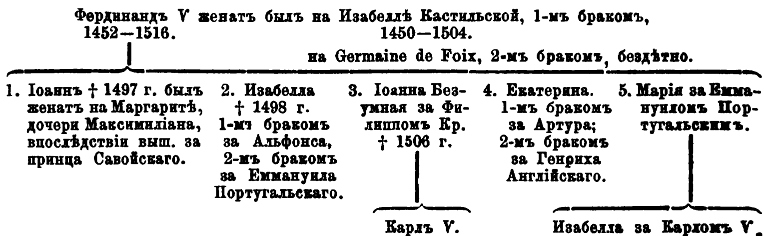
Современники сознаются, что эти мѣры въ короткое время водворили порядокъ на полуостровѣ; междуусобія прекратились; суды сдѣлались болѣе безпристрастными; выборъ должностныхъ лицъ болѣе удачнымъ; нисшій классъ смотрѣлъ съ довѣріемъ на короля, какъ на защитника противъ вѣковыхъ притѣсненій и гоненій другихъ сословій. Самое главное, однако, средство для усиленія королевской власти, имѣвшее впослѣдствіи весьма печальные результаты для Испаніи, была реорганизація инквизиціоннаго суда, предпринятаго Фердинандомъ, также по совѣту Хименеса. Судъ этотъ существовалъ и прежде. Теперь, подъ предлогомъ нравственнаго исправленія нечестивыхъ христіанъ и обращенія мавровъ и евреевъ въ христіанство, судъ этотъ былъ реорганизованъ и поставленъ въ зависимость отъ королевскаго правительства. Въ составъ судей поступали теперь духовныя лица, по назначенію отъ короля. Такъ называемый „великій инквизиторъ“ назначался изъ ордена доминиканцевъ; первое лицо, занимавшее эту должность, былъ Torquemada. Всѣ богатства въ Испаніи сосредоточены были преимущественно въ рукахъ мавровъ и евреевъ. Ихъ ненавидѣла масса,—отсюда постоянныя народныя возстанія противъ нихъ, которыми воспользовалось испанское правительство для того, чтобы обратить противъ нихъ страшныя орудія инквизиціи, и насильно, подъ предлогомъ обращенія ихъ въ христіанство, пріобрѣтать для короны и церкви ихъ неисчислимыя богатства. Послѣ паденія Гранады, въ 1492 г., часть мавровъ приняла христіанство; это, такъ называемые, мориски; другая, значительная часть ихъ выселилась за предѣлы Испаніи. Ихъ примѣру послѣдовали евреи, въ громадномъ количествѣ, до 500,000 человѣкъ, покинувшіе Испанію. Такимъ образомъ мы видимъ, что своими репрессивными мѣрами, по отношенію къ маврамъ и евреямъ, испанское правительство потеряло много силъ и богатства. Инквизиціонный судъ сдѣлался настоящимъ прав-

ственнымъ бичемъ для Испаніи (*) и нравственною связью между духовною и свѣтскою ея властью; въ то время, когда въ остальной Европѣ происходило пробужденіе отъ умственнаго гнета католической церкви, въ Испаніи свѣтская и духовная власть вступили въ тѣсный между собою союзъ и поддерживали другъ друга въ искорененіи своихъ враговъ. Судъ этотъ не только преслѣдовалъ смѣлыхъ религіозныхъ мыслителей, но скоро обратилъ свое оружіе и противъ опасныхъ политическихъ элементовъ, обвиняя ихъ въ ложномъ христіанствѣ. Правительство обогащалось, преслѣдуя богатыхъ евреевъ и морисковъ и конфискуя ихъ имущества. Простаго подозрѣнія, доноса, достаточно было для привлеченія къ духовному суду; запылали инквизиціонные костры съ величайшею торжественностью; весь дворъ королевскій стекался на эти такъ называемыя: auto-da-fe. Инквизиція убила въ зародышѣ всякую свободную мысль, всякое проявленіе умственной дѣятельности и поставила такимъ образомъ Испанію въ полную зависимость въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ отъ духовенства и тѣмъ нанесла ей умственную смерть. Фердинандъ за реорганизацію инквизиціоннаго суда, получилъ отъ папы титулъ „католическаго". Эти печальные результаты инквизиціи высказались только въ послѣдствіи; въ началѣ же царствованія Фердинанда Испанія дѣйствительно, какъ будто, возвысилась. Внутри водворился порядокъ, уваженіе къ сильной королевской власти, по крайней мѣрѣ, внѣшнее; оппозиція притихла, все сдерживалось новымъ монархическимъ началомъ. Съ этимъ же временемъ внѣшняго блеска и богатства испанской монархіи совпадаетъ и открытіе Колумбомъ Америки, окружившее ореоломъ славы царствованіе Фердинанда и возбудившее въ немъ желаніе принять участіе и въ европейской политикѣ, съ цѣлью увеличенія своей территоріи. Фердинандъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, былъ противникомъ Франціи, боясь ея завоевательной политики и желая присоединенія къ своей коронѣ

(*) Florente—въ своей Histoire critique de l'inquisitions d'Espagne. Paris 1815—1817, насчитываетъ до начала нынѣшняго столѣтія погибшихъ на кострѣ до 32,800 чел., до 18,000 in effigie и до 300,000 *подвергавшихся* пытками.

королества Наварры, склонявшагося къ Франціи. Съ этою же цѣлью вмѣшался онъ и въ итальянскія дѣла, чтобы и тамъ не допустить французскаго вліянія. О всемъ этомъ мы будемъ подробнѣе говорить впослѣдствіи; въ настоящее же время замѣтимъ только, что результатомъ его внѣшней политики было пріобрѣтеніе въ 1505 г.—Неаполя и Сициліи, подготовленіе присоединенія Миланскаго герцогства, совершившагося въ 1535 г. Всѣ эти области оставались за Испаніею до начала XVIII столѣтія. Въ этой завоевательной политикѣ Фердинанда Франція являлась злѣйшимъ соперникомъ Испаніи, что и было причиною того, что Фердинандъ началъ сближаться съ германскимъ Габсбургскимъ домомъ и съ Англіею, разсчитывая на ихъ помощь и поддержку противъ Франціи. Для этого онъ вступилъ не только въ союзы съ этими державами, но укрѣпилъ ихъ еще брачными узами. Брачные узы въ то время играли весьма важную политическую роль.

Изъ нихъ особенно важенъ бракъ Фердинанда съ Изабеллою, который, какъ мы видѣли, имѣлъ огромное значеніе не столько для самой Испаніи, сколько для всей Европы, положивъ начало союзу между Испанскимъ и Габсбургскимъ домомъ, связавъ ихъ общими интересами и сдѣлавъ испанско-габсбургскую политику главнѣйшимъ рычагомъ во всѣхъ европейскихъ событіяхъ до самаго конца XVII столѣтія. Я посему считаю необходимымъ изложить здѣсь родословную Испанско-Габсбургскаго дома, такъ какъ отъ усвоенія ея зависитъ ясное пониманіе дальнѣйшихъ политическихъ событій.

Изабелла умерла въ 1504 г., раньше мужа; старшій сынъ ея, Іоаннъ, умеръ въ 1497 г.; старшая дочь, Изабелла, въ 1498, поэтому Изабелла Кастильская назначила своей *наслѣдницей* Кастильской короны — вторую дочь, Іоанну

Безумную, бывшую замужемъ за Филиппомъ; но такъ какъ эта послѣдняя жила съ мужемъ въ Нидерландахъ, то регентомъ Кастиліи, послѣ смерти Изабеллы, сдѣлался мужъ ея Фердинандъ V, который это регенство хотѣлъ обратить въ полное владѣніе. Долгія были пререканія съ его зятемъ Филиппомъ; наконецъ, послѣдній самъ пріѣхалъ въ Испанію и здѣсь померъ въ 1506 г. Вдова его впала въ умственное растройство; Фердинандъ этимъ воспользовался, чтобы совершенно подчинить себѣ Кастилію. На основаніи достовѣрныхъ историческихъ изслѣдованій, можно въ настоящее время утверждать, что Іоанна вовсе не была такъ больна, чтобы не быть въ состояніи управлять Кастиліею; но отецъ выдавалъ ея за таковую, чтобы совершенно захватить власть въ свои руки. Какъ онъ ни старался, онъ не могъ, однако, добиться со стороны кастильцевъ признанія себя королемъ. Впрочемъ, это было и не нужно, такъ какъ старшій сынъ Іоанны, Карлъ, достигшій совершеннолѣтія, былъ признанъ кастильцами наслѣдникомъ короны, а по смерти матери,—королемъ Кастиліи; по смерти же Фердинанда, въ 1516 г., Карлъ I былъ признанъ, какъ прямой его наслѣдникъ, и королемъ Аррагоніи. Такимъ образомъ давно желанное соединеніе Кастиліи съ Аррагоніей совершилось. Съ тѣхъ поръ Испанія является объединенною. Значеніе Карла V болѣе европейское, чѣмъ испанское. Вся исторія первой половины XVI вѣка. вертится около него, потому я здѣсь скажу только нѣсколько словъ о немъ, какъ объ испанскомъ королѣ. Наслѣдовалъ онъ отъ дѣда огромное государство, въ составъ котораго входили: Испанія, ея заатлантическія колоніи, Неаполь и Силиція, протекторатъ надъ Португаліею, (самъ онъ былъ женатъ на португальской принцессѣ) и наконецъ Миланъ; отъ отца получилъ онъ большія области въ Германіи и Бургундіи—всѣ владѣнія эти составляли государство богатое и организованное, съ сильною королевскою властью, сдерживавшею общее неудовольствіе и съ многочисленнымъ, отлично дисциплинированнымъ войскомъ, лучшимъ въ то время въ Европѣ. Возникали, правда, кое-гдѣ возстанія, напримѣръ, извѣстное возстаніе Падилла, въ 1521 г., но съ нимъ скоро справились, и въ Испаніи, въ царствованіе Карла I, мы не встрѣчаемъ *болѣе серьезнаго* оппозиціоннаго броженія, такъ

сильно все было сдерживаемо тѣсною связью духовенства съ правительствомъ. За то общаго европейскаго интереса Испанія, съ XVI столѣтія, намъ болѣе уже не представляетъ. Давленіе инквизиціи свыше убило въ ней всякую жизненную силу; только правительство Испаніи играло роль въ европейскихъ политическихъ сплетеніяхъ; народъ же прозябалъ тогда, какъ и нынѣ, подъ гнетомъ духовенства.

Карлъ I, одаренный большими задатками, пріѣхалъ молодымъ еще человѣкомъ въ Испанію; но взглянулъ онъ на предстоявшую ему задачу слишкомъ широко; у него не было даже времени для выполненія на практикѣ своихъ обширныхъ политическихъ плановъ, да и не понималъ онъ своего истиннаго призванія. Вотъ почему его правленіе, отъ котораго всѣ ожидали необыкновеннаго блеска для Испаніи, не оправдало вовсе возлагаемыхъ на него надеждъ. Если я сказалъ, что въ теченіи двухъ столѣтій Испанія играетъ первенствующую роль въ Европѣ, то я разумѣлъ только испанское правительство. Народъ же безмолвно проливалъ кровь за выполненіе несбыточныхъ и ложныхъ плановъ своего повелителя—утописта Карла V. О немъ мы будемъ еще имѣть случай говорить подробнѣе, когда перейдемъ къ изложенію собственно реформаціоннаго періода.

Мы приступили къ разбору политическаго состоянія западно-европейскихъ государствъ на грани XV и XVI столѣтій, къ разбору измѣненій, происшедшихъ въ отношеніяхъ и въ положеніи этихъ государствъ между собою.

Мы видѣли, что Фернандъ и Изабелла, воспользовавшись господствовавшимъ въ то время убѣжденіемъ въ необходимости сильной центральной власти, успѣли усилить королевскую власть и возвысить черезъ то Испанію, выдвинувъ ее въ рядъ первостепенныхъ европейскихъ государствъ пріобрѣтеніемъ Неаполя, Сициліи и позднѣе Ломбардіи и приготовить ей блистательную будущность, посредствомъ выгодныхъ, въ политическомъ отношеніи, брачныхъ союзовъ.

Переходя теперь къ разбору политическаго состоянія Франціи на грани XV и XVI столѣтій, мы видимъ, что и тамъ разсчетливая и суровая политика короля-дипломата Людовика XI съумѣла восторжествовать надъ вѣковою *самостоятельностью* крупныхъ феодаловъ, съумѣла усилить ко-

ролевскую власть и обратить нѣкогда непокорныхъ и своевольныхъ вассаловъ въ послушныхъ царедворцевъ и слугъ престола, видѣвшихъ въ благосклонности короля залогъ блеска и счастія для своего дома.

Всѣ земли или области французской территоріи, стоявшія до тѣхъ поръ фактически въ полной независимости отъ короля, были, по очереди, теперь присоединены къ коронѣ, и ихъ владѣтели обращены или въ простыхъ королевскихъ намѣстниковъ, или вовсе лишены были управленія, съ сохраненіемъ, правда, прежнихъ титуловъ и извѣстной части прежнихъ ихъ доходовъ. Одна только Бретань оставалась по прежнему неприсоединенною, и Людвикъ XI, никогда не прибѣгавшій къ силѣ, а достигавшій всегда своихъ цѣлей хитростью и дипломатіею, завѣщалъ сыну своему, Карлу VIII, присоединить къ коронѣ этотъ послѣдній оплотъ средневѣковаго разъединенія и феодальной обособленности. Съ усиленіемъ и осуществленіемъ новой идеи государства, какъ единаго политическаго организма, съ общими для всѣхъ его поданныхъ интересами, естественно явилось во Франціи стремленіе къ расширенію ея территоріи, съ цѣлью доведенія ея до естественныхъ ея границъ.

Какъ Фердинандъ Аррагонскій стремился къ сліянію Аррагоніи съ Кастиліею, къ пріобрѣтенію Наварры и Португаліи и образованію единаго государства на Пиринейскомъ полуостровѣ, такъ точно и Людовикъ XI стремился расширить Францію до ея естественныхъ предѣловъ—до Рейна и Юры. Такъ какъ въ стремленіи этомъ къ территоріальному расширенію Франціи Людовикъ XI находилъ врага въ лицѣ герцога Карла Смѣлаго Бургундскаго, то отсюда, естественно, возникаетъ у него тайная и явная борьба съ сильнымъ и богатымъ Бургундскимъ герцогствомъ, нѣкогда незначительнымъ, но послѣдовательною политикою, начиная съ XIV столѣтія, обратившимся въ богатое и могущественное государство. Образовалось оно изъ сліянія различныхъ областей вассальныхъ, частью Франціи, частью Германіи, по восточной границѣ Франціи, расположенныхъ полосою отъ нѣмецкаго моря до Юры и Роны, за исключеніемъ Лотарингіи и по бассейну рѣкъ нижняго Рейна, Шельды, Мааса, Мозеля, Сены и Дуба.

Всю жизнь свою Людовикъ XI велъ тайную полити
противъ Карла Смѣлаго, то поддерживая возмущавшія
противъ него Фландрскія общины, то подстрекая швейца
цевъ нынѣшнихъ сѣверозападныхъ кантоновъ противъ сил
наго сосѣда. Въ этой борьбѣ съ швейцарскими кантона
Карлъ Смѣлый и погибъ въ битвѣ при Нанси, въ 1477 год
оставивъ наслѣдницею своихъ богатыхъ земель единстве
ную дочь Марію, бывшую тогда уже невѣстою Максиміла
сына тогдашняго германскаго императора Фридриха I
Смерть Карла Смѣлаго послужила для Людовика XI жела
нымъ предлогомъ предъявить свои права на большую час
Бургундскаго герцогства, въ качествѣ сюзерена вымерша
дома Бургундскихъ Валуа.

Максимиліанъ, съ своей стороны, стремившійся, какъ
увидимъ впослѣдствіи, также къ увеличенію родовыхъ
мель своего дома, протестовалъ противъ такого требован
считая себя законнымъ наслѣдникомъ всѣхъ бургундски
земель,—отсюда началась между ними борьба.

Этотъ бургундскій вопросъ сдѣлался съ тѣхъ поръ гл
нѣйшимъ политическимъ вопросомъ XVI и послѣдующи
столѣтій. То былъ не одинъ вопросъ о владѣніи той и
другой областью, а скорѣе вопросъ чисто политическа
свойства.

Этотъ вопросъ долженъ былъ рѣшить, кому господст
вать въ западной Европѣ: французскому ли дому Валуа и
нѣмецкому дому Габсбурговъ. И тотъ, и другой домъ ст
мились къ политическому преобладанію въ Европѣ.

Такъ какъ Габсбургскій домъ, какъ мы уже видѣ
брачными узами соединился съ испанскимъ домомъ, а Карлъ
по женской линіи, былъ обладателемъ Испаніи, по му
ской же линіи обладателемъ германскихъ габсбургски
земель, германскаго императорскаго титула и бургундска
наслѣдства, то этотъ бургундскій вопросъ разрѣшался
сущности борьбою между французскимъ домомъ Валуа, вп
слѣдствіи Бурбонами и Испанско-Германскимъ Габсбургски
домомъ. Я намѣренно останавливаюсь дольше на этом
антагонизмѣ Франціи и Германіи, зародышъ котора
кроется въ царствованіи Людовика XI, потому, что нам
постоянно придется о немъ говорить, такъ какъ полит

ческая исторія западной Европы, до самой половины XVIII столѣтія, основана исключительно почти на этомъ антагонизмѣ.

Людовикъ XI, начавшій эту борьбу съ Габсбургами, т. е. съ Максимиліаномъ, не дожилъ до конца ея, завѣщавъ сыну своему, Карлу VIII, и своимъ преемникамъ эту политику ослабленія и униженія Испанско-Габсбургскаго дома

Сынъ Людовика XI, Карлъ VIII (1483—1498 г.), совершенно не походилъ на отца; одаренный отъ природы слабостью физическою, онъ и въ умственномъ отношеніи совершенно не могъ сравниться съ своимъ отцемъ.

При этой физической слабости, при отсутствіи всякихъ политическихъ дарованій и при совершенной необразованности, (онъ едва могъ читать), Карлъ VIII между тѣмъ былъ властолюбивъ, тщеславенъ и постоянно искалъ внѣшняго блеска. Будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ заставлялъ себѣ читать о подвигахъ Александра Македонскаго, Юлія Цезаря, средневѣковыхъ рыцарей и мечталъ, вступивъ на престолъ, совершить подвиги, о которыхъ будетъ говорить вся Европа. Такому посредственному уму, такому безпочвенному мечтателю завѣщалъ Людовикъ XI продолженіе своихъ послѣдовательныхъ, строго обдуманныхъ плановъ — пріобрѣтеніе Бретани, послѣдней еще самостоятельной феодальной области во Франціи, и борьбу съ Максимиліаномъ изъ-за бургундскаго наслѣдства.

Вся феодальная аристократія, даже ближайшій родственникъ Карла VIII, его дядя, принцъ Людовикъ Орлеанскій, по смерти Людовика XI и при вступленіи на престолъ недальновиднаго его сына, Карла VIII, возстали противъ него, защищая Бретань, гдѣ умеръ въ то время послѣдній ея герцогъ, оставивъ единственную дочь Анну.

Они считали этотъ моментъ самымъ удобнымъ для возвращенія себѣ отнятыхъ Людовикомъ XI правъ и привилегій. Враги французскаго правительства, новаго монархическаго его начала, соединились съ Максимиліаномъ; казалось первое время, что все съ такимъ трудомъ созданное Людовикомъ XI рушится при всеобщемъ возстаніи всѣхъ враждебныхъ элементовъ. Но таковъ уже неизбѣжный историческій законъ, что новое начало, какъ бы оно ни было слабо, все-таки рано

или поздно должно восторжествовать надъ отживающимъ старымъ началомъ.

Въ этой борьбѣ стояли лицомъ къ лицу средневѣковый феодализмъ и новая монархическая идея, и, не смотря на полную неспособность Карла VIII, онъ все-таки подъ конецъ восторжествовалъ надъ соперникомъ, гораздо болѣе его даровитымъ.

Бретань подчинилась французской коронѣ; Карлъ VIII женился на дочери послѣдняго бретанскаго герцога, Аннѣ, и этимъ бракомъ узаконилъ это сліяніе Бретани съ Франціею. Феодалы, потерпѣвъ полное пораженіе, сознали невозможность бороться съ монархическимъ началомъ и охотно промѣняли свою независимость на блестящее положеніе при дворѣ французскаго короля.

Оставалось теперь покончить съ другимъ врагомъ Франціи, съ Максимиліаномъ, отнявъ у него изъ бургундскаго наслѣдства все то, что, по феодальнымъ законамъ, должно было отойти къ Франціи.

Но Карлу VIII эта борьба казалась слишкомъ неблагодарною, слишкомъ ничтожною; онъ жаждалъ необыкновенныхъ подвиговъ, европейской славы; онъ стремился къ великимъ военнымъ предпріятіямъ и, подстрекаемый нѣкоторыми изъ своихъ совѣтниковъ, рѣшился перенести борьбу съ Габсбургскимъ домомъ на другое поле, обѣщавшее ему болѣе блеску, болѣе выгоды, болѣе видную роль—именно въ Италію. Поэтому поспѣшилъ онъ заключить съ Максимиліаномъ миръ въ 1493 г., въ Сенлисѣ, по которому онъ отказывался отъ притязаній отца своего на большую часть бургундскаго наслѣдства, оставивъ за собою только маленькое герцогство Дижонъ и, уступивъ Максимиліану область Франшъ-Конте и права сюзерена надъ Фландріею и Артуа. Онъ смотрѣлъ на этотъ миръ, конечно, только какъ на временное перемиріе, разсчитывая унизить и ослабить Габсбургскій домъ другими путями и тѣмъ самымъ безъ всякаго труда пріобрѣсти и остальныя бургундскія земли.

Между тѣмъ Габсбургскій домъ, въ родѣ котораго уже въ то время была наслѣдственна корона Германіи, носилъ, кромѣ того, и титулъ королей Италіи и императоровъ священной Римской имперіи. Титулъ этотъ хотя и утратилъ

въ то время почти все свое значеніе, но имѣлъ еще какое-то обояніе, пользовался еще нѣкоторымъ уваженіемъ и престижемъ въ глазахъ современниковъ и давалъ императорамъ нѣкоторое фактическое вліяніе въ Италіи. Къ тому же вся сѣверная и средняя Италія считалась въ зависимости отъ императора, какъ отъ своего сюзерена—короля Италіи. Это подчиненіе, эти титулы, какъ мы еще увидимъ, были только одною формою, утратившею почти совсѣмъ прежнее свое значеніе; даже и въ самой Италіи вліяніе императора ограничивалось одною, весьма незначительною гиббелиновскою партіею.

Но не такъ смотрѣлъ на это Карлъ VIII.

Для него, при его мечтательномъ характерѣ, при его стремленіяхъ къ славѣ и завоеваніямъ, императорство все еще являлось въ его средневѣковомъ значеніи; ему хотѣлось воскресить времена Карла Великаго, господствовать на всемъ западѣ; для этого ему необходимо было ослабить габсбургское вліяніе въ Италіи, подчинивъ его себѣ. Изъ Италіи уже мечталъ онъ перейти на Балканскій полуостровъ, изгнать турокъ изъ Европы и закончить походы свои у гроба Господня.

Всѣ эти фантастическія мечты Карла VIII не осуществились; они имѣли одинъ только результатъ, именно тотъ, что борьба между двумя соперничествующими домами—Валуа и Габсбургами была перенесена въ Италію. Отсюда открывается цѣлый рядъ итальянскихъ походовъ, прерываемыхъ перемиріями и вновь возгоравшихся въ теченіе всей первой половины XVI столѣтія.

Войны эти, какъ мы увидимъ позже, послужили только къ усиленію Испанско-Габсбургскаго дома.

Политическое положеніе Италіи какъ нельзя лучше способствовало этому вмѣшательству въ итальянскія дѣла иностранной державы.

До XII столѣтія власть германскихъ королей, королей Италіи, императоровъ священной Римской имперіи еще была сильна въ Италіи; сѣверная и средняя Италія базпрекословно еще подчинялись поставляемымъ ими намѣстникамъ.

Римъ признавалъ главенство германскаго короля, какъ императора священной Римской имперіи и нерѣдко послѣдній вмѣшивался въ самый выборъ папы и указывалъ избра-

рателямъ на то или другое желательное для него лиı
Только на югѣ Италіи, Неаполь и Сицилія, сохранили еı
свою независимость, сперва какъ часть восточной Византі
ской имперіи, затѣмъ какъ самостоятельное норманское в
ролевство. Когда въ концѣ XII столѣтія, съ рукою послѣдн
норманской принцессы Констанціи, Неаполь и Сициı
перешли въ домъ нѣмецкихъ Гогенштауфеновъ, тогда ве
Аппенинскій полуостровъ подчинился вліянію германски
императоровъ.

Это преобладаніе императорской власти въ Италіи в
звало, какъ мы уже неоднократно замѣчали, антагонизı
между свѣтскою и духовною властью, въ лицѣ папъ, стр
мившихся также къ господству въ Италіи и во всей запа
ной Европѣ.

Отсюда началась съ XII столѣтія вѣковая борьба меж
императорами и папами, результатомъ которой въ XIII ст
лѣтіи было, какъ мы видѣли, совершенное ослабленіе и уни
тоженіе значенія и вліянія германскихъ императоровъ
Италіи. Неаполь и Сицилія были отняты у Гогенштауфенов
послѣдній изъ нихъ, Конрадинъ, погибъ даже на плахѣ. Н
неаполитанско-сицилійскомъ престолѣ возвысилась династ
сперва Анжуйская, за нею Аррагонская, признавъ ленн
зависимость отъ папы.

Сѣверная и средняя Италія, признавая германскаго имп
ратора, только по формѣ, своимъ сюзереномъ, покрылась ма
сою маленькихъ независимыхъ городовъ, со своимъ сам
управленіемъ, со своими избранными должностными лица
и съ республиканскимъ устройствомъ правленія. Италія бы
такъ сказать, предоставлена самой себѣ; иностранное госп
ство и вліяніе стараніями папъ и партіею гвельфовъ бы
постепенно совершенно уничтожено. Слѣдовавшіе за Гог
штауфенами императоры, напримѣръ, Генрихъ VII Люкс
бургскій, Людовикъ Баварскій являлись иногда въ Итал
желая возвратить утраченное ими вліяніе, но это были
походы единичные, недостигавшіе никогда желанной цѣли
нисколько неизмѣнявшіе установившихся отношеній. Пріобр
теніе себѣ Италіею фактической, если и не юридической, н
зависимости отъ Германіи могло бы въ то время, при ед
нодушіи всѣхъ элементовъ въ странѣ, составить изъ всѣ

отдѣльныхъ итальянскихъ республикъ одно цѣлое, единое государство. Но тогда былъ вѣкъ феодализма, вѣкъ стремленія къ сепаратизму, а не къ объединенію, время, въ которое мечта энтузіазта въ родѣ Арнольда Бреаніанскаго въ XII вѣкѣ или Cola di Rienzi въ XIV вѣкѣ о возстановленіи блестящей эпохи римской республики не выходили изъ предѣловъ фантазіи, и кромѣ небольшаго кружка друзей и приверженцевъ не находили сочувствія въ массѣ.

Къ тому же папство, которое могло бы представлять, если не политическую, то во всякомъ случаѣ духовную связь между всѣми этими маленькими итальянскими республиками и поддерживать знамя національнаго единства, папство само въ то время нравственно разлагалось все болѣе и болѣе, утрачивало общее уваженіе и должно было, наконецъ, даже искать пріютъ въ Авиньонѣ, на французской территоріи.

Въ предоставленныхъ такимъ образомъ самимъ себѣ маленькихъ итальянскихъ республикахъ, не сдерживаемыхъ извнѣ ни политическою властью императора, ни нравственнымъ вліяніемъ папъ, начался періодъ внутреннихъ междуусобій, періодъ борьбы аристократической партіи съ демократическою изъ-за политическихъ правъ, изъ-за правъ участія въ управленіи республикою, изъ-за раздѣла власти между сословіями.

Эту борьбу въ итальянскихъ республикахъ можно сравнить съ борьбою партій въ древнемъ Римѣ и Греціи. Результатомъ этой борьбы не было достиженіе въ Италіи желаемаго политическаго равенства, а напротивъ—возвышеніе отдѣльныхъ личностей, такъ называемыхъ „тирановъ", которые, не принимая часто никакого титула и оставляя номинальную власть за республикою, тѣмъ не менѣе управляли всѣми дѣлами роднаго своего города, по своему произволу и въ интересахъ своей династіи. Такимъ образомъ, къ XVI столѣтію господствовали на полуостровѣ слѣдующія династіи. Въ Феррарѣ, Моденѣ и Реджіо съ половины XV столѣтія, съ титуломъ герцоговъ, господствуетъ домъ Эсте. Появленіе этого фамильнаго рода относится къ 1196 г.; до него господствовала въ этихъ республикахъ фамилія Торелли съ 1067—1196 г.

Въ Миланѣ, съ 1395 г., съ титуломъ герцоговъ выдается домъ Висконти, съ 1447 г.—домъ Сфорца.

Въ Мантуѣ и Монфератѣ въ это время госпо
ствовалъ домъ Гонзаго.

Въ Веронѣ—домъ Делла Скала.

Въ Падуѣ—Каррара, въ Пармѣ и Піаченцѣ—дом
Корреджіо, а потомъ съ XVI столѣтія—Фарнезе, съ XVI
столѣтія—Бурбоны.

Во Флоренціи за это время выступаетъ домъ Медич
Изъ этого дома въ концѣ XV столѣтія особенно выдаетс
извѣстный меценатъ Лоренцо Медичи, такъ называемый „
Magnifico", обратившій Флоренцію въ современные Аѳины.

Тоскана была республикою съ 1208 г.; съ половины XV
столѣтія правители ея получаютъ титулъ „великихъ герц
говъ Тосканскихъ".

Каждый изъ этихъ владѣтелей стремился, съ одной ст
роны, къ расширенію своей территоріи, съ другой сторон
къ огражденію союзами своей самостоятельности и своей д
настіи въ виду собственнаго безсилія.

Каждый изъ нихъ дѣйствовалъ жестоко со своими подда
ными, казнями и заточеніями, преслѣдуя всякую оппозиці
Италія покрылась цѣлою сѣтью разнообразнѣйшихъ со
зовъ, дѣйствовавшихъ большею частью тайными путями-
кинжаломъ, ядомъ и деморализовавшихъ все населеніе Итал
своимъ деспотическимъ правленіемъ внутри и своею внѣшне
эгостическою политикою.

Соперничество между разнообразнѣйшими по силѣ и вел
чинѣ республиками внутри Италіи имѣло развѣ одинъ толь
хорошій результатъ, а именно—подержку со стороны тирано
новаго гумманистическаго направленія, охватившаго въ ту эп
ху высшіе слои итальянскаго общества, поддержку, оказыва
мую этому направленію правителями, конечно, болѣе изъ тщ
славія, изъ желанія блеснуть другъ передъ другомъ, чѣмъ из
убѣжденія. Это было единственнымъ хорошимъ результатом
разрозненности Италіи, который однако не искупалъ той ужа
ной деморализаціи, къ которой этотъ сепаратизмъ привел
итальянское общество XV вѣка и который заставлялъ, как
мы видѣли, даже лучшихъ людей той эпохи, напримѣр
Маккіавелли, смотрѣть на человѣка, какъ на созданіе п
преимуществу злое и испорченное, дѣйствующее иног
добродѣтельно, но всегда по разсчету.

Церковная область въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій стараніями папъ Сикста IV, Инокентія VIII и особенно— воина на папскомъ престолѣ—Іюлія II, расширила свои предѣлы присоединеніемъ различныхъ областей, какъ напримѣръ: Болоньи, Урбино, Перуджіо до границъ, занимаемыхъ ею съ тѣхъ поръ до нашихъ дней—до 1860 года.

На югѣ господствовала, въ Неаполѣ и Сициліи, Аррагонская королевская династія, родственная Фердинанду Католическому—королю Аррагоніи.

Чѣмъ сильнѣе были эти итальянскія республики новыми территоріальными пріобрѣтеніями, тѣмъ сильнѣе становилась вражда и соперничество между ними; каждая изъ нихъ хотѣла господствовать на полуостровѣ; каждая имѣла въ виду свои династическіе интересы; каждая прибѣгала къ крайнимъ средствамъ, для достиженія желаемой ею цѣли.

Общей національной политики въ Италіи XV вѣка не было; была политика венеціянская, миланская, неаполитанская; союзы заключались съ Испаніею, Германіею, даже съ Турціею противъ единоплеменниковъ.

Это раздробленіе Италіи, этотъ разладъ и политика эгоизма подали желанный поводъ Карлу VIII вмѣшаться въ итальянскія дѣла съ цѣлью упрочить, какъ онъ мечталъ, свое вліяніе въ Италіи, возвысивъ черезъ то Францію и ослабивъ Габсбургскій домъ.

Подстрекаемый честолюбивымъ и властолюбивымъ Людовикомъ Моро изъ фамиліи Сфорца, управлявшимъ въ ту пору Миланомъ въ качествѣ опекуна своего племянника, Карлъ VIII предъявилъ свои права на Неаполитанскій престолъ въ качествѣ наслѣдника дома Анжу, который несправедливымъ образомъ отстраненъ былъ отъ него Аррагонскимъ домомъ.

Этимъ походамъ въ 1494 г. въ Неаполь и начался рядъ итальянскихъ походовъ Карла VIII, о которыхъ мы уже упоминали. Преемникъ Карла VIII, Людивикъ XII (1498—1515), къ этимъ притязаніямъ на Неаполь присоединилъ еще притязанія на Миланъ, какъ потомокъ древнихъ Visconti, которыхъ незаконно вытѣснили Сфорца.

Въ борьбѣ этой, конечно, былъ заинтересованъ и Фердинандъ Католикъ, зорко слѣдившій за тѣмъ, чтобы Франція не *усиливалась: заинтересованы* были и императоры Габ-

сбургскаго дома, стремившіеся къ тому же изъ-за отношеній къ Бургундіи и кромѣ того, все еще носившіе титулъ королей Италіи, слѣдовательно считавшіе себя защитниками и покровителями ея.

Потому въ борьбу эту послѣдовательно вмѣшалась сперва Испанія, затѣмъ и Германія.

Фердинандъ Испанскій такъ умно велъ свои дѣла, что безъ особыхъ усилій и затратъ съ его стороны, онъ, какъ мы видѣли, въ 1505 г. пріобрѣлъ Неаполь и Сицилію, которыя съ тѣхъ поръ и остались за Испаніею до начала XVIII столѣтія; когда-же въ лицѣ Карла V, внука Фердинанда, соединились корона Испаніи съ императорскою короною, тогда французкому дому Валуа пришлось бороться въ Италіи съ весьма опаснымъ врагомъ. Какъ Карлъ V былъ представителемъ испанско-габсбургскихъ интересовъ, такъ преемникъ Людовика XII, Францискъ I (1515—1547), былъ представителемъ интересовъ французскаго дома Валуа. Имъ обоимъ ихъ предшественниками была завѣщана эта борьба въ Италіи; между ними на поляхъ Ламбардіи въ теченіи четверти столѣтія рѣшался вопросъ, кому господствовать въ Италіи и вмѣстѣ съ тѣмъ и въ западной Евронѣ—Габсбургскому-ли дому или дому французскихъ Валуа?

Объ этомъ послѣднемъ фазисѣ итальянскихъ войнъ, т. е. о борьбѣ Франциска I съ Карломъ V, мы еще будемъ говорить, такъ какъ она вліяла на политическій ходъ и развитіе реформаціи.

Мнѣ остается теперь, заканчивая изложеніе перваго періода моего настоящаго курса—„періода подготовительнаго", сдѣлать только краткій обзоръ политическаго состоянія Германіи въ началѣ XVI столѣтія, именно той страны, гдѣ сильнѣе чѣмъ въ другихъ странахъ западной Европы проявлялась въ то время вся несостоятельность средневѣковаго порядка вещей, гдѣ сильнѣе было броженіе умовъ, гдѣ политическое положеніе было гораздо болѣе ненормально и гдѣ потому и революція началась ранѣе.

Почему я реформацію назвалъ „революціею", я изложу въ своемъ мѣстѣ, приступая къ 2-му періоду нашего курса—къ періоду реформаціи.

*Этотъ обзор*ъ политическаго состоянія Германіи на ка-

кунѣ реформаціи и будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить переходомъ къ изложенію исторіи реформаціонный эпохи.

Мы видѣли, что во всѣхъ этихъ итальянскихъ событіяхъ Германія играла весьма жалкую роль; откуда-же происходила ея слабость? Почему Германія утратила въ Европѣ прежнее свое значеніе временъ Оттоновъ и Гогенштауфеновъ?

Разъясненіе этого вопроса весьма важно, какъ для яснаго пониманія самой реформаціи, такъ и тогдашняго положенія Германіи.

Около полутороста лѣтъ послѣ смерти Карла Великаго, возстановившаго западную Римскую имперію, короновавшагося королемъ Италіи императорскою короною священной Римской имперіи, эти титулы и связанное съ ними господство въ Италіи и значеніе въ западной Европѣ перешли на нѣмецкихъ королей. Извѣстно, что въ 962 году Оттонъ I Великій, король Германіи, короновался въ Миланѣ королемъ Италіи, а въ Римѣ—императорскою короною.

Это пріобрѣтеніе Италіи, какъ ни опровергаютъ это германскіе историки-патріоты, напримѣръ Sybel и Guisebrecht, послужило не на пользу для Германіи въ политическомъ отношеніи.

Первое время, еще при Оттонахъ и Генрихѣ III дѣйствительно это пріобрѣтеніе придавало извѣстный блескъ Германіи; но начавшійся скоро антагонизмъ между папою и императоромъ окончился не въ пользу послѣдняго.

Занятые итальянскими дѣлами, обращая исключительное вниманіе на поддержку своего значенія въ Италіи, императоры не имѣли почти времени заниматься германскими дѣлами; большая часть изъ нихъ и жила почти постоянно въ Италіи и весьма рѣдко наѣзжала въ Германію. Этимъ равнодушіемъ къ германскимъ дѣламъ во время борьбы папства съ имперіею воспользовались, какъ нельзя лучше, нѣмецкіе вассалы и князья, для достиженія полной политической самостоятельности. Сами папы, желая вредить императору, поддерживали эти сепаративныя стремленія князей, и стоитъ вспомнить борьбу Гвельфовъ съ Гогенштауфенами, чтобы убѣдиться въ этихъ папскихъ проискахъ.

Гвельфская партія сдѣлалась папскою партіею, не изъ за *приверженности* къ папамъ, а потому только, что она съ

папами имѣла общаго врага—Гогенштауфеновъ, или такъ называемую Гиббелиновскую—императорскую партію. Борьба эта кончилась въ XIII столѣтіи, съ паденіемъ Гогенштауфеновъ. Результатомъ ея было—совершенное ослабленіе и уничтоженіе императорской власти и значенія въ Италіи.

Власть эта сдѣлалась идеальною, отвлеченною, не основанною ни на какомъ фактическомъ подчиненіи. Италія пріобрѣла свою полную независимость. Императоры должны были покориться тяжкой дѣйствительности и довольствоваться номинальнымъ титуломъ, безъ всякаго реальнаго значенія.

Они должны были ограничиться одной Германіею. Между тѣмъ и тутъ обстоятельства совершенно измѣнились во время вѣковой борьбы между папствомъ и императорствомъ.

Крупные вассалы воспользовались этою борьбою для своихъ цѣлей и своей выгоды.

Поддерживая то императора, то папу, они пріобрѣтали разныя привилегіи, права, территоріальныя увеличенія владѣній, дѣлавшія ихъ почти совершенно независимыми отъ центральной королевской власти въ своей области, гдѣ они имѣли и право суда, и право законодательства, и право независимой администраціи, при своемъ собственномъ ополченіи; императоры не достигли своей цѣли въ Италіи, а между тѣмъ утратили власть свою и въ Германіи.

Она обратилась въ союзъ незначительныхъ, но самостоятельныхъ государствъ, по теоріи признававшихъ надъ собою единую власть императора, но на дѣлѣ подчинявшихся волѣ его настолько, насколько она совпадала съ ихъ собственною выгодою.

Децентрализація, разъединеніе Германіи, господствовавшее до сихъ поръ, было тогда самою силою вещей, такъ сказать, узаконено.

Князья, герцоги, графы помышляли только объ округленіи, правдами и неправдами, своей территоріи; (это такъ называемая Territorialpolitiq), чтобы усилиться еще болѣе и удержать за собою независимость.

Видя и чувствуя свое безсиліе и императоры, начиная съ конца XIII столѣтія, съ Рудольфа Габсбургскаго, подобно князьямъ, помышляли только о личныхъ интересахъ, о выгодахъ своей династіи, для чего они пользовались средне-

вѣковымъ толкованіемъ своего титула и остатками своей власти, но, конечно, не для общихъ интересовъ имперіи; однимъ словомъ, они заимствовали у князей ихъ территоріальную политику.

Особенно счастлива и удачна была въ этомъ отношеніи политика дома Люксембургскаго, вступившаго въ лицѣ Генриха VII, въ 1308 году, послѣ Рудольфа Габсбургскаго на Германскій престолъ и впослѣдствіи породнившагося съ Габсбургами и передавшаго имъ свою политику,

Этотъ домъ, видя невозможность увеличивать свою территорію въ предѣлахъ Германской имперіи, старался это дѣлать внѣ Германіи, что все болѣе и болѣе отвлекало его его прямыхъ германскихъ интересовъ и предоставляло Германію самой себѣ.

Такимъ образомъ въ то время, когда въ остальной Европѣ централизація дѣлала все большіе и большіе успѣхи, напримѣръ во Франціи, въ Испаніи,—въ Германіи совершался прямо, противуположный процессъ. Тамъ. нѣкогда сильная, центральная власть все болѣе ослабѣвала и обратилась наконецъ совершенно въ номинальную власть, сохранивъ только при этомъ свой прежній громкій титулъ. Сильные князья, не находя противодѣйствія со стороны императора, продолжали свою политику присоединеній, притѣсняли слабѣйшихъ князей, отстаивавшихъ свою независимость, притѣсняли имперскіе города, желая и ихъ подчинить своему вліянію. Отсюда возникаютъ союзы городовъ противъ императора, напримѣръ: Рейнскій, Швабскій и другіе союзы мелкаго имперскаго дворянства—Reichsritter, Reichsadel; отсюда постоянныя междоусобія—Fehden, самоуправство, совершенная беззащитность и отсутствіе безопасности, отсутствіе правильнаго суда,—отсюда и общая война. Между тѣмъ тогдашній императоръ Фридрихъ III равнодушно къ этому относился. Онъ заботился о пріобрѣтеніи родовыхъ земель въ Германіи и внѣ Германіи не силою, а хитрою политикою и брачными союзами, подготовляя своему дому блестящую будущность.

Онъ присылалъ даже къ намъ, къ царю Іоанну Васильевичу III, пословъ съ брачными предложеніями, желая заключить союзъ противъ Польши.

Онъ женилъ сына своего Максимиліана на Маріи Бур-

гундской и устроилъ бракъ между внукомъ своимъ Филиппомъ и Іоанною Безумною.

А между тѣмъ Германія теряла область за областью. На югѣ воевала она съ турками, на сѣверѣ—съ Польшею и Тевтонскимъ орденомъ. Италія была въ рукахъ у Франціи. Швейцарія была независима. Франція угрожала Бургундіи.

Внутри Германіи—отсутствіе общихъ національныхъ интересовъ и полный хаосъ.

Вотъ политическое и внутреннее состояніе Германіи на канунѣ реформаціи, на грани, такъ называемаго, реформаціоннаго періода.

РЕФОРМАЦІОННАЯ ЭПОХА.

›ды, „богословскій и народный", реформаціи въ Германіи.

Иы до сихъ поръ разбирали періодъ подготовительный, :оторомъ я съ намѣреніемъ довольно долго остановился му, что отъ яснаго пониманія всѣхъ вопросовъ, волноıихъ тогдашнее общество, зависитъ вѣрное пониманіе и ѣдующихъ событій.

Іеревороты происходятъ не внезапно и не случайно: они ıются результатами причинъ, коихъ зародыши таятся въ ļшествующихъ вѣкахъ, въ предшествующемъ развитіи. ļа несостоятельность существующаго порядка вещей доаетъ высшихъ размѣровъ, тогда переворотъ становится ıнуемымъ и естественнымъ, какъ естественно паденіе съ ·ва вполнѣ созрѣвшаго плода.

Че Лютеръ, не Цвингли или Кальвинъ произвели презованіе въ существовавшемъ церковномъ устройствѣ— ›рму эту произвелъ вѣкъ, произвело само общество. Не ıая воля одного человѣка создаетъ то или другое полое вещей. Историческія личности служатъ только энерскимъ выраженіемъ того, что составляетъ цѣль и завѣтстремленія ихъ современниковъ; они ясно и опредѣıо высказываютъ то, что смутно сознается всѣми. Эти ıости умѣютъ находить средства, нужныя для цѣли; отъ въ особенности уяснить окончательно, въ чемъ сотъ эта цѣль.

:лѣдовательно понять Лютера и другихъ реформаторовъ, *ть ихъ дѣйствія*, понять самую реформацію мы можемъ

только тогда, когда вникнемъ въ событія предшествующихъ столѣтій. Вотъ почему такъ долго останавливался я на подготовительномъ періодѣ.

Такъ какъ въ средніе вѣка церковь обнимала всѣ проявленія человѣческой жизни и политическіе, и соціальные, и научные интересы, то естественно, что всякое броженіе въ какой-бы ни было изъ этихъ сферъ отражалось прежде всего на церковныхъ вопросахъ. Реформація, охватившая Германію въ началѣ XVI столѣтія, была одновремено и религіозною, и политическою, и соціальною революціею; но такъ какъ изъ всѣхъ стремленій къ преобразованіямъ болѣе ясно высказались религіозныя требованія, и дѣйствительно они одни только и осуществились до нѣкоторой степени, тогда какъ остальныя требованія остались неразрѣшенными, то по этому мы и привыкли совершенно невѣрно смотрѣть на эту революцію XVI столѣтія въ Германіи только какъ-бы, исключительно, на религіозную реформу. Дальнѣйшія наши бесѣды разъяснятъ, что къ возникшему сначала религіозному движенію присоединились впослѣдствіи и даже выступили на первый планъ чисто политическіе и соціальные мотивы. Никогда нельзя было-бы поднять массу исключительно изъ-за однихъ только религіозныхъ догматовъ, часто даже вполнѣ отвлеченнаго свойства (каковы, напримѣръ, догматы о свободѣ воли, о благодати, объ общемъ священствѣ), если-бы съ этими догматами не были тѣсно связаны соціальные и политическіе интересы. Вслѣдствіе тѣсной связи средневѣкой жизни съ церковью, естественно, что первая оппозиція выразилась въ церковной оболочкѣ и потому первый фазисъ реформаціи носитъ на себѣ характеръ чисто богословскій; народъ, нѣсколько позднѣе, примкнувъ къ этой оппозиціи, придалъ ей и большую силу и большее значеніе, и только гораздо позднѣе присоединившіяся къ ней разнообразныя политическія комбинаціи, придали всей реформаціи чисто политическій характеръ, потому-то я и назову первый періодъ реформаціи „богословскимъ", второй—„народнымъ" и наконецъ послѣдній—„правительственнымъ", „политическимъ".

Во всѣхъ государствахъ западной Европы, какъ мы видѣли, броженіе умовъ къ началу XVI столѣтія было сильно; *повсюду вы*сказывалось громко и тайно недовольство суще-

ствующимъ порядкомъ вещей; принципъ церковнаго авторитета и господства падалъ въ общемъ уваженіи вмѣстѣ съ папствомъ и вмѣсто него начала возвышаться идея національнаго монархическаго государства. Въ Испаніи, Франціи и отчасти Англіи, при силѣ правительства, даже при внутреннихъ междуусобіяхъ, совершался постепенно, конечно, переходъ къ новому порядку вещей; въ одной Германіи, при ея раздробленіи и разъединеніи, при отсутствіи сильной центральной власти, всѣ попытки и планы къ преобразованіямъ, предложенные лучшими людьми эпохи, разбивались объ эгоизмъ и властолюбіе князей и тщеславіе императоровъ, оставляя одно общее чувство раздраженія и неудовлетворенности. Ни соборы XV столѣтія, стремившіеся къ преобразованію церкви, ни земскія думы, стремившіяся къ преобразованію политическаго устройства имперіи, не привели ни къ какимъ результатамъ.

Все было поколеблено и не только ничего новаго не создано, но даже и въ пути къ созданію новаго не могли согласиться.

Въ Германіи мы видимъ, слѣдовательно, что дисгормонія между общественными факторами, между дѣйствительностью и идеалами достигла своихъ высшихъ размѣровъ; тамъ созрѣлъ плодъ вполнѣ, потому тамъ естественно и должна была гроза разразиться ранѣе. Слѣдовательно, не вѣрно мнѣніе нѣкоторыхъ нѣмецкихъ историковъ-патріотовъ, утверждавшихъ, что реформація, ратовавшая за свободу мысли и слова противъ гнетущаго авторитета церкви, только и могла явиться въ Германіи, у народа, отличительная черта котораго заключается будто-бы въ способности болѣе глубоко вникать во всѣ отвлеченные вопросы человѣческаго бытія; вѣдь Гуссъ, Виклифъ ранѣе говорили тоже, что и Лютеръ, хотя и не были нѣмцами. Самъ Лютеръ говорилъ про себя и своихъ приверженцевъ: „мы всѣ гусситы“, указывая этимъ на связь, существующую между его ученіемъ и ученіемъ предшествовавшихъ ему реформаторовъ.

Реформація явилась въ Германіи ранѣе, потому, что сложившіяся тамъ религіозныя, государственныя и соціальныя условія ранѣе требовали переворота.

Общее *неудовольство* порождало раздраженіе въ сослові-

яхъ противъ церкви и высшей власти; никто еще не зналъ чего онъ хочетъ, къ чему стремится; ни одно сословіе не уяснило себѣ программы дѣйствій, никто не сознавалъ, что всѣ жалобы имѣютъ въ сущности одинъ корень и одно основаніе, но всѣ сознавали, что живутъ наканунѣ неизбѣжнаго переворота; общей цѣли не было въ общественномъ сознаніи,—Лютеръ, самъ того не сознавая, указалъ на эту цѣль. Во всѣхъ слояхъ общества господствовало броженіе умовъ, хотя это броженіе и прикрывалось наружною тишиною и спокойствіемъ; но то была тишина передъ бурею. Не доставало одной искры, чтобы воспламенить этотъ горючій матеріалъ; не доставало человѣка, который-бы одаренъ былъ способностью сдѣлаться истолкователемъ того, что смутно понимала и сознавала вся нація во всѣхъ ея слояхъ.

Такимъ историческимъ дѣятелемъ, такимъ истолкователемъ назрѣвшихъ потребностей общества является въ эту эпоху Лютеръ; такою искрою, брошенною въ этотъ горючій матеріалъ, является его споръ съ римскою куріею изъ-за индульгенцій.

Мартинъ Лютеръ былъ лучшимъ выраженіемъ этой переходной, тревожной эпохи, со всѣми ея противорѣчіями, со всѣми сочетаніями противоположныхъ элементовъ. Вышедши изъ нисшаго слоя общества, Лютеръ сохранилъ всю чистоту и безъискуственность, весь здравый смыслъ, всю правдивость веселость и рѣзкость, даже суровость человѣка изъ народной среды. Онъ самъ говоритъ про себя (въ своихъ Tischreden) „ich binn eines Bauern Sohn, mein Vater, Grossvater, Ahnherr sind rechte Bauern gewesen".

Вмѣстѣ съ тѣмъ соединялъ онъ въ своемъ характерѣ рѣзкій отпечатокъ, какъ монахъ, средневѣковой богословской школы. Въ немъ, какъ будто, слились старое направленіе съ новымъ; жизнь его представляетъ постоянную, безсознательную борьбу между этими двумя началами: невидимая, прирожденная ему сила, влекла его впередъ, а разумъ, благоразуміе и богословская наука постоянно его удерживали.

Съ одной стороны мы видимъ тюрингенскаго крестьянина, весельчака по характеру и по воззрѣніямъ и, рядомъ съ этимъ тотъ же самый человѣкъ является намъ съ сильными наклонностями къ мистицизму, къ серьезному созерцанію жизни.

исполненной лишеній и страданій; при дѣтской чистотѣ и скромности встрѣчаемъ мы въ немъ иногда страстное, вызывающее на бой, упрямство; при добродушномъ, благоразумномъ воззрѣніи на человѣческія нужды и дѣянія—черствую, непреклонную строгость монаха (*).

Краткій очеркъ жизни его объяснитъ намъ всего лучше его характеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно вырабатываемое имъ ученіе.

Родился онъ 10 ноября 1483 г. въ Германіи; отецъ его былъ бѣдный работникъ въ сланцевыхъ, аспидныхъ, шиферныхъ каменоломняхъ, переходившій со своимъ многочисленнымъ семействомъ, для заработковъ, съ мѣста на мѣсто. Во время одного изъ такихъ передвиженій и родился Мартинъ Лютеръ въ окрестностяхъ города Ейслебена. Отецъ его, человѣкъ необыкновенной энергіи, доходившей до суровости, былъ въ высшей степени религіозенъ и потому самому—заклятый врагъ развращенныхъ монаховъ.

Онъ претерпѣвалъ всевозможныя лишенія, чтобы дать дѣтямъ нѣкоторое образованіе, конечно, смотря на послѣднее съ утилитарной, хлѣбной стороны.

Тяжела была первая юность Лютера. Бременемъ ложилась на него и на родителей горькая дѣйствительность; въ школѣ, въ городѣ Мансфельдѣ, гдѣ онъ началъ свое ученіе, затѣмъ въ Магдебургѣ, куда онъ поступилъ въ 1497 г. въ францисканскую школу, — затѣмъ, наконецъ, въ Ейзенахѣ, онъ долженъ былъ выпрашивать себѣ милостыню и кор-

---

*) Въ числѣ источниковъ протестантскаго лагеря по исторіи реформаціи въ Германіи можно указать на слѣдующіе: Sleidanus—de statu religionis et reipublicae Carlo V imperatore. Seckendorf—Commentarius de Lutheranismo 1688. Luthers Werke, издающіяся въ Ерлангенѣ съ 1825 года. Luthers Briefe, изданіе de Wette 1825. Löscher—Vollständige Reformations acta, изд. 1720 г. Собраніе всѣхъ сочиненій реформаторовъ XVI столѣтія подъ общимъ заглавіемъ: Corpus Reformatorum. Весьма драгоцѣннымъ пособіемъ можетъ служить капитальное сочиненіе Ranke — Geschichte des Reformations Zeitalter. Кромѣ того, есть еще источники католическаго лагеря, каковы напримѣръ: Cochlaei — Commentarii de actis et scriptis Lutheri 1549. Surius—Commentarius brevis rerum gestarum ab anno 1500—1574 и до 1586 г. изд. Isselt'омъ. Mainbourg (іезуитъ)—*Histoire du Luthéranisme* 1686.

миться подаяніемъ добрыхъ людей. Но уже тогда, какъ разсказываютъ, Лютера не оставляло высокое религіозное чувство, проявлявщееся еще конечно въ дѣтской формѣ и вынесенное имъ изъ родительскаго дома („Ich wollte gerne fasten, wachen, beten, gute Werke thun damit ich meine Sünden bezahlte“, говоритъ онъ).

Въ 1501 г. Лютеръ поступилъ въ Эрфуртскій университетъ, одинъ изъ лучшихъ въ то время, въ которомъ процвѣтало новое гумманистическое направленіе. Отецъ предназначалъ его къ юридической карьерѣ; онъ и сталъ заниматься правомъ, но безъ охоты: его влекло куда-то, въ совершенно другія сферы. Его и гумманистическія науки, т. е. древніе языки и древности не привлекали,—онъ ими занимался какъ средствомъ для другой цѣли. Его привлекало богословіе; онъ сталъ изучать отцевъ церкви, особенно блаженнаго Августина, посланія апостола Павла, сочиненія мистиковъ: Таулеръ, Сузо, Эккарда—не для оппозиціи противъ церкви, но изъ высокаго религіознаго чувства.

Къ этому-же времени созрѣваетъ въ немъ желаніе идти въ монастырь, отказаться отъ міра, вопреки желанію отца. Существуетъ преданіе о внезапной смерти его друга, убитаго возлѣ него молніею, что окончательно, будто, заставило его рѣшиться поступить въ монастырь; однако прямыхъ на то указаній нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, если это и было такъ, то смерть его друга была не причиной, а послужила только поводомъ для его рѣшенія, которое привело, конечно, къ ссорѣ съ его отцемъ.

Онъ вступилъ въ августинскій орденъ въ 1505 г. и вступилъ онъ съ полнымъ сознаніемъ совершоннаго поступка, желая въ монашеской жизни вымолить себѣ спасеніе души.

Это былъ тяжелый въ нравственномъ отношеніи для него періодъ жизни. Онъ исполнялъ во всей точности монашескіе обѣты, истязая себя, проводя ночи и дни въ молитвѣ и постѣ и все это съ такою строгостью, какъ онъ самъ выражается впослѣдствіи, „какъ будто бы желая завоевать себѣ разомъ царство небесное“ (in den Himmel stürmen wollte). Этотъ аскетизмъ оставилъ на немъ отпечатокъ монашеской суровости, непреклонности взгляда и неуступчивости къ чужимъ воззрѣніямъ, свойства *характера, проявлявшіяся* впослѣдствіи и въ его дѣйствіяхъ.

Но не смотря на эти истязанія и строгость жизни, монашество его все-таки нравственно неудовлетворило; измученному и больному ему приходила мысль, что всѣ эти истязанія тщетны; тогда бросался онъ на книги, ревностно изучалъ ихъ, но, исходя изъ средневѣковыхъ схоластическихъ воззрѣній, не находилъ и въ нихъ никакого нравственнаго утѣшенія.

Его мучилъ вопросъ, конечно, всегда важный въ христіанской догматикѣ, но особенно тогда выступившій на первый планъ, при общей несостоятельности церковныхъ формъ— вопросъ о человѣческой грѣховности. Его мучило чувство невозможности спастись отъ наказаній и мученій путемъ, предписаннымъ тогда церковью; онъ устрашался гнѣва Бога, являвшагося ему Богомъ мщенія и воздаянія и никакъ не могъ удовлетвориться умилостивленіемъ Бога внѣшними дѣлами. Потому то онъ все болѣе и болѣе вчитывался въ блаженнаго Августина, коего отрицаніе внѣшности и внутреннее пониманіе религіи приходилось ему по сердцу. Изъ него онъ заимствовалъ положеніе, сдѣлавшееся впослѣдствіи основаніемъ его ученія, что одна вѣра въ Бога и въ совершонное Христомъ искупленіе спасаетъ человѣка. Взглядъ этотъ на спасительное дѣйствіе одной вѣры, не сопровождаемой и добрыми дѣлами, его успокоилъ. Staupitz—викарный его монашескаго ордена, укрѣпилъ его еще въ этомъ мнѣніи, указавъ ему на соотвѣтствующія мѣста въ Священномъ Писаніи. Этотъ выработанный имъ съ такимъ трудомъ и мученіями взглядъ, былъ гораздо важнѣе, чѣмъ онъ могъ казаться сначала, чѣмъ сознавалъ это самъ Лютеръ. Этотъ взглядъ не былъ ересью; онъ вѣдь основанъ былъ на апостолѣ Павлѣ и блаженномъ Августинѣ; а между тѣмъ онъ разрушалъ совершенно современное ему церковное зданіе, построенное, какъ мы уже говорили прежде, на одной внѣшности, на одной формальности, прикрывавшей и извинявшей всѣ человѣческіе проступки. Проповѣдывать такую истину, возвратить церкви утраченную ею вѣру, возвратить христіанству его первоначальное, забытое всѣми нравственное, внутреннее значеніе, значило поднять бурю, значило подкапываться подъ основаніе установившагося, хотя уже значительно колебавшагося средневѣковаго зданія.

Но Лютеръ самъ этого еще не сознавалъ; онъ продолжалъ еще считать себя вѣрнымъ сыномъ католической церкви, не сознавая, что онъ уже, въ принципѣ, съ нею разошелся. Между тѣмъ, выработанное имъ воззрѣніе такъ и осталось бы при немъ и заглохло бы быть можетъ въ монастырѣ, если бы судьба не вызвала Лютера на другое поприще, гдѣ онъ словомъ, вытекающимъ изъ глубины убѣжденной души, могъ дѣйствовать на другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ развивать далѣе свои воззрѣнія.

Это случилось въ 1508 г., когда онъ черезъ посредство Staupitz'а былъ призванъ въ виттенбергскій университетъ на каѳедру философіи, а затѣмъ и богословія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приглашенъ былъ въ университетскую и дворцовую церковь курфюрста Саксонскаго въ качествѣ проповѣдника. Съ застѣнчивостью выступилъ онъ на церковную каѳедру и тотчасъ-же обратилъ на себя всеобщее вниманіе.

Впечатлѣніе производилъ онъ всегда огромное; не новизною ученія привлекалъ онъ молящихся, а тѣмъ, что слова, имъ произносимыя, вытекали изъ глубины души, тѣмъ, что въ каждомъ его словѣ видно было, на сколько оно продумано и прочувствовано, насколько оно добыто трудомъ и долгою нравственною борьбою.

Между тѣмъ Лютеръ, не сознавая, что онъ, въ принципѣ, уже отпалъ отъ господствующей церкви, продолжалъ углубляться въ изученіе Священнаго Писанія, особенно посланій апостола Павла къ Римлянамъ, сочиненій блаженнаго Августина, нѣмецкихъ мистиковъ, изъ которыхъ издалъ съ предисловіемъ сочиненіе неизвѣстнаго мистика подъ заглавіемъ: „die deutsche Theologie“.

Въ 1510 году отправился Лютеръ въ Римъ, неизвѣстно по порученію-ли своего ордена, или по собственному стремленію, развившемуся въ немъ еще въ юности. Невѣрно существующее мнѣніе, что это путешествіе отшатнуло его отъ папства; еще долго послѣ него его мы видимъ въ полномъ подчиненіи церковному авторитету и даже впослѣдствіи, въ началѣ его явной оппозиціи, онъ постоянно отличаетъ современное ему положеніе папства отъ того положенія, которое оно должно было-бы занимать во главѣ церкви. Во время своего путешествія въ Римъ онъ продолжалъ ревностно

исполнять всѣ требованія католической церкви и хотя видѣлъ вблизи ея порчу, она въ то время изъ него еще не сдѣлала реформатора.

Такъ жилъ Лютеръ до 1517 года, проповѣдывая съ церковной каѳедры и читая лекціи богословія въ университетѣ. Онъ имѣлъ вліяніе не только на своихъ учениковъ, но и на товарищей своихъ, на прихожанъ и даже на окрестныхъ жителей Виттенберга; онъ сдѣлался любимцемъ Саксонскаго курфюрста и много способствовалъ нравственному усовершенствованію своихъ согражданъ. Лютеръ, слѣдовательно, представлялъ въ то время въ маломъ видѣ всю Германскую націю; какъ она, такъ и онъ въ душѣ уже порвалъ съ прошедшимъ и создалъ себѣ новое религіозное міровоззрѣніе, самъ того не сознавая. Малѣйшій поводъ долженъ былъ вызвать его на бой. Случай этотъ скоро представился.

Съ 1517 года начинается его общечеловѣческая дѣятельность. Мы уже говорили о догматѣ индульгенціи, составившемся постепенно и хотя отвергаемомъ постоянно на соборахъ XV столѣтія, все-таки удержавшемся въ церковной практикѣ.

Какъ-бы въ насмѣшку надъ возбужденнымъ общественнымъ мнѣніемъ папство, съ начала XVI столѣтія до 1517 г., 5 разъ объявляло такое всеобщее прощеніе грѣховъ за деньги, именно въ 1500, 1501, 1504, 1509 и 1517 годахъ.

Папы Александръ VI и Юлій II нуждались въ деньгахъ вслѣдствіе своихъ обширныхъ политическихъ плановъ.

Они дѣйствовали, руководствуясь безстыднымъ принципомъ дворецкаго Инокентія VIII—Буркгарда, который говорилъ, что Богъ не желаетъ смерти грѣшника, а напротивъ желаетъ, чтобы онъ жилъ и много платилъ.

Въ февралѣ 1513 года на папскій престолъ вступаетъ Левъ X, изъ фамиліи флорентинскихъ Медичи, человѣкъ въ высшей степени образованный, но лишенный всякаго нравственнаго чувства. Смотря на религію совершенно индеферентно, онъ считалъ ее необходимою только для массы, чтобы держать ее въ повиновеніи; для высшаго-же образованнаго класса считалъ онъ ее совершенно излишнею роскошью, говоря, что всякій образованный человѣкъ можетъ избрать *себѣ любую* философскую систему, которая вполнѣ

ему замѣнить религію. Время проводилъ онъ въ кругу уч ныхъ гумманистовъ эпохи, художниковъ и литераторовъ вполнѣ пренебрегалъ своими высокими религіозными обязан ностями.

Полагая всякую антицерковную оппозицію невозможно по закрытіи въ 1512 году Латеранскаго собора, уничтожи шаго окончательно всѣ постановленія Базельскаго собор папа считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы оповѣсти новое всеобщее прощеніе грѣховъ за деньги, которыя пре назначались для постройки базилики св. Петра въ Римѣ.

Начата она была при Юліи II. Левъ X хотѣлъ сдѣлать это соборъ восьмымъ чудомъ свѣта.

Имѣя въ виду эту финансовую операцію, онъ и издал въ 1517 году буллу о всеобщемъ прощеніи грѣховъ.

Единственнымъ средствомъ для борьбы съ подобными зл употребленіями была-бы сильная центральная власть; но в Германіи ея не было. Самъ императоръ былъ на сторон папъ; курфюрстъ Майнцкій Альбрехтъ Бранденбургск предложилъ себя даже въ качествѣ главнаго коммисара п продажѣ индульгенцій въ его эпархіи, гдѣ онъ состоялъ пр масомъ; онъ соединялъ съ этой операціею собственный ра счетъ.

Съ этой цѣлью пригласилъ онъ для проповѣди и пр дажи индульгенцій въ свою эпархію доминиканца Тецел (въ мірѣ Bartholomaeus Rauch), который и взялся за э дѣло, не прибѣгая впрочемъ къ тѣмъ особеннымъ злоуп требленіямъ, въ которыхъ обвиняли его впослѣдствіи пр тестанты.

Ареною его проповѣди и продажи индульгенцій былъ г родъ Лейпцигъ съ окрестностями; началъ онъ съ город Ютербока, вблизи Виттенберга, гдѣ жилъ въ то время Лю теръ. На листѣ, на которомъ напечатанъ былъ текстъ индул генціи, изображался доминиканецъ съ крестомъ, терновым вѣнцомъ и пылающимъ сердцемъ; на верху по угламъ изобр жено было по рукѣ Спасителя, прикованной гвоздемъ, вни по угламъ—по прикованной ногѣ; на одной сторонѣ лис была надпись: „папа Левъ X“ и краткая молитва съ сл дующею надписью: “это длина и ширина ранъ Спасител *приближься* грѣшникъ, за то ты получишь прощеніе грѣхо

на 7 лѣтъ". На другой сторонѣ этого листа изображался крестъ съ надписью: „Этотъ крестъ, увеличенный въ 40 разъ, представляетъ ростъ распятаго Спасителя; кто приложится къ нему, тотъ обезпеченъ на 7 дней отъ внезапной смерти, отъ болѣзни и отъ удара.

Конечно полученіе такой индульгенціи связано было съ предшествующею исповѣдью и послѣдующимъ причастіемъ; но естественно, что такое легкое полученіе за деньги индульгенціи было поводомъ къ весьма равнодушному отношенію къ исповѣди; да и самая проповѣдь приводила къ чисто внѣшнему пониманію раскаянія; прощались грѣхи впередъ, искупались такимъ образомъ отъ чистилища.

Лучшіе люди эпохи этимъ возмущались; священнѣйшее таинство церкви подвергалось кощунству; припоминали соборныя постановленія противъ этихъ злоупотребленій. Возмущалось и національное чувство—финансовыя богатства Германіи эксплуатировались, кровныя ея деньги переходили за Альпы для поддержки роскоши папскаго двора.

Лютеръ взглянулъ на это дѣло не съ этой внѣшней практической стороны. Эта продажа индульгенцій разрушала все пріобрѣтенное имъ съ такимъ трудомъ, послѣ сильной нравственной борьбы.

Онъ училъ и проповѣдывалъ вѣру, любовь, внутреннее усовершенствованіе; онъ требовалъ внутренняго сознанія грѣховности своей и утѣшенія путемъ вѣры и вдругъ уполномоченный церкви открыто проповѣдуетъ совершенно внѣшнее пониманіе таинства Христова искупленія.

Понятно, что онъ молчать не могъ. Онъ прибилъ къ дверямъ собора въ Виттенбергѣ извѣстные 95 тезисовъ, выясняющія значеніе раскаянія, исповѣди, причащенія и указывающія на злоупотребленія продавцевъ индульгенцій, отличая при этомъ строго ученіе церкви отъ примѣненія его на практикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вызывалъ желающихъ на богословскій споръ, но никто не явился.

Между тѣмъ тезисы съ быстротою молніи распространялись по Германіи; появились опроверженія на нихъ; началась полемика. Все это, собственно говоря, не представляло еще ничего новаго,—между орденами въ средніе вѣка постоянно бывали ссоры; такъ сначала и взглянули многіе на это дѣло,

напримѣръ Гуттенъ; другіе смотрѣли на это, какъ на возмущеніе общественнаго мнѣнія, возникшее по поводу продажи индульгенцій. Никто, и самъ Лютеръ, не подозрѣвалъ приближавшейся бури.

Но таковъ уже историческій законъ, что при подобномъ броженіи всякое, даже незначительное, само по себѣ, обстоятельство вызываетъ переворотъ; около него все группируется. Сами враги Лютера заставляли его постоянно, съ каждымъ днемъ идти далѣе, чѣмъ онъ самъ желалъ въ своемъ оппозиціонномъ направленіи, пока наконецъ не довели его до рѣшенія порвать навсегда съ папствомъ и католическою церковью.

Изъ всѣхъ политическихъ сочиненій того времени особенно выдавались сочиненія Гохстратена и Екка—ингольштадскаго профессора, знаменитѣйшаго богослова и діалектика того времени и Сильвестра Пріеріаса—вице-канцлера, доминиканца цензора. Лютера представляли въ этихъ сочиненіяхъ еретикомъ, противникомъ папства, требовали его казни.

Особенно настаивалъ на этомъ Еккъ, сравнивая его съ Гуссомъ. Между нимъ и Лютеромъ состоялся знаменитый диспутъ въ Лейпцигѣ. Но еще до его начала имѣлъ Лютеръ colloquium съ папскимъ нунціемъ кардиналомъ Каэтаномъ въ октябрѣ 1518 года въ Аугсбургѣ. Свиданіе это ни къ чему не привело, такъ какъ Лютеръ не хотѣлъ отступиться отъ своего взгляда, а Каэтанъ не могъ доказать ему ложность его положенія, продолжая тѣмъ не менѣе считать его еретикомъ.

Лютеръ тайно бѣжалъ изъ Аугсбурга и послалъ папѣ аппеляцію въ надеждѣ на его правильный судъ, озаглавивъ ее—appellatio a papa male informato ad papam melius informandum". На Лейпцигскомъ диспутѣ въ 1519 году противниками Екка были Лютеръ и извѣстный виттенбергскій богословъ, докторъ Карльштадтъ.

Практическаго результата и этотъ диспутъ не имѣлъ никакого, такъ какъ противники стали на совершенно различныхъ почвахъ и не могли никакъ вслѣдствіе этого понять другъ друга. Лютеръ оспаривалъ основное положеніе *католической* церкви, что главенство папы восходитъ будто

черезъ апостола Петра до самаго Христа и доказывалъ, что главенство римскаго епископа произошло чисто историческимъ путемъ.

Еккъ же, не имѣя возможности прямо опровергнуть его, старался заставить его высказаться относительно соборныхъ постановленій и главнымъ образомъ относительно богословскихъ положеній Гусса, признанныхъ католическою церковью еретическими и заставилъ его наконецъ признаться въ нѣкоторой солидарности съ послѣднимъ.

Для Лютера лично этотъ диспутъ имѣлъ значеніе въ томъ смыслѣ, что онъ далъ ему возможность публично изложить свое религіозное міровоззрѣніе и тѣмъ самымъ впервые, можетъ быть, сознательно отнестись къ своимъ богословскимъ положеніямъ.

Послѣ этого диспута для самаго Лютера стало ясно, что отнынѣ для него немыслимы болѣе никакія отношенія къ Риму и что полный разрывъ съ католическою церковью становится для него неизбѣжнымъ. Общественное мнѣніе послѣ диспута было сильно возстановлено противъ Екка; сторону Лютера горячо приняла гумманистическая партія—почти все тогдашнее молодое поколѣніе въ Германіи.

Лютеръ находилъ нравственную поддержку и въ другѣ своемъ Меланхтонѣ, родомъ изъ города Бретена въ нынѣшнемъ Баденскомъ королевствѣ, профессорѣ греческаго языка въ Виттенбергскомъ университетѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ гумманистовъ эпохи; человѣкъ вполнѣ преданный наукѣ, отличавшійся необыкновенномъ мягкимъ, спокойнымъ характеромъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ порывистой, бурною натурою Лютера.

Скорѣе сочувственно относилось къ нему и дворянское сословіе въ лицѣ знаменитаго своего представителя—Ульриха фонъ Гутена. Между тѣмъ, по настояніямъ Екка, въ іюнѣ 1520 года издана была папою противъ Лютера и его ученія такъ называемая „bulla execrabilis“, которая встрѣчена была далеко не сочувственно въ Германіи. Въ Саксоніи, напримѣръ, ее вовсе не опубликовали, благодаря дружественнымъ отношеніямъ къ Лютеру курфюрста Фридриха Мудраго.

Ободренный общественнымъ мнѣніемъ, которое все смѣлѣе возвышало свой голосъ, заступаясь за новое ученіе, Лю-

теръ выпустилъ два религіозно-политическихъ воззванія, изъ которыхъ первое озаглавлено имъ: „Воззваніе къ христіанскому дворянству нѣмецкой націи“, а второе—„О вавилонскомъ плѣненіи и о христіанской свободѣ“. Въ этихъ двухъ политическихъ сочиненіяхъ онъ смѣло выступаетъ обличителемъ вѣковыхъ притѣсненій и злоупотребленій церкви, указываетъ на ложность нѣкоторыхъ догматовъ католической церкви и ставитъ всемогущество христіанской вѣры выше благочестивыхъ дѣлъ, внушаемыхъ внѣшнимъ благочестіемъ.

10 декабря 1520 г. онъ рѣшается даже во главѣ толпы студентовъ Виттенбергскаго университета предать публичному сожженію папскую буллу.

Это послѣднее его дѣйствіе имѣло громадныя послѣдствія для дальнѣйшей его дѣятельности.

Теперь онъ самъ находился подъ вліяніемъ народнаго движенія, теперь все было порвано съ Римомъ. Для папства безуспѣшно все испробовавшаго противъ него, оставалось теперь одно—обратиться къ свѣтской власти и въ ней искать себѣ опоръ противъ новаго ученія.

Германскій императоръ считался защитникомъ церковнаго авторитета; естественно потому, что въ этомъ внутреннемъ религіозномъ спорѣ, охватившемъ всю Германію въ началѣ XVI вѣка, ему приходилось высказаться въ пользу той или другой партіи, и самый исходъ этой религіозной борьбы, казалось, много зависѣлъ отъ того, на чей сторонѣ станетъ императоръ.

Между тѣмъ въ политическомъ мірѣ въ ту пору произошла перемѣна весьма знаменательная, которая способствовала развитію начавшагося богословскаго спора и придала ему характеръ политическій тѣмъ, что привлекла къ нему всѣ недовольные въ народѣ элементы.

Въ январѣ 1519 г. умеръ императоръ Максимиліанъ. Въ началѣ церковной оппозиціи онъ радовался дѣяніямъ Лютера, такъ какъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ съ папой; но впослѣдствіи онъ долженъ былъ искать примиренія съ папой изъ-за вопроса о престолонаслѣдіи для своего внука Карла въ Германіи.

Онъ зналъ, что Франція выскажется противъ этой кандидатуры; въ Германіи ей поддержки тоже не было, над

было, слѣдовательно, заручиться согласіемъ папы. Начались между императорскимъ дворомъ и Римомъ переговоры, которые велъ тотъ-же Каэтанъ; онъ просилъ у императора денегъ на турецкій походъ; Максимиліанъ обязался ему помочь, если папа, въ свою очередь, поможетъ ему въ вопросѣ о престолонаслѣдіи для Карла. Однакожъ денегъ на турецкій походъ германскій рейхстагъ не далъ, требуя сперва отстраненія церковныхъ злоупотребленій, отъ которыхъ страдала вся Германія; вопросъ о престолонаслѣдіи для внука Максимиліана, Карла, тоже не былъ рѣшенъ.

Максимиліанъ скоро послѣ этого умеръ.

Промежутокъ между его смертью и выборомъ новаго императора весьма способствовалъ Лютерову дѣлу.

Палатинскій намѣстникъ императора, управлявшій на югѣ Германіи, не хотѣлъ впутываться въ религіозную борьбу; Фридрихъ же Мудрый, управлявшій на сѣверѣ, былъ явный покровитель Лютера.

Къ тому-же возбужденное общественное мнѣніе при выборной агитаціи только еще увеличивало произведенное Лютеромъ броженіе.

Въ іюнѣ 1519 г. собрались всѣ князья во Франкфуртѣ-на-Майнѣ для выбора императора.

Но за долго еще до выбора происходила страшная агитація со стороны иностранныхъ кандидатовъ на императорскій престолъ; слѣдуетъ замѣтить, что императорство не было связано съ нѣмецкою королевскою короною; оно иногда и соединялось съ нею по обычаю, но не по закону. Были примѣры, что въ германскіе императоры выбирались иностранные принцы, напримѣръ Ричардъ Корнвалійскій (братъ Генриха III англійскаго короля былъ избранъ императоромъ 13 января 1257 г. и 17 мая того-же года короновался въ Ахенѣ), Альфонсъ Аррагонскій и другіе. Слѣдовательно, и теперь мы не должны удивляться, что явились иностранные претенденты на императорскій престолъ.

Императорство въ то время уже не имѣло прежняго значенія, прежней фактической власти; но тѣмъ не менѣе сохранило еще средневѣковое свое обояніе и представляло еще весьма выгодный титулъ для лицъ, стремившихся къ преобладанію въ Европѣ.

Въ то время претендентами на германскій императорскій престолъ были: Генрихъ VIII — англійскій король, Францискъ I—французкій король и внукъ Фердинанда Католическаго Карлъ I—испанскій король.

Денегъ претенденты эти не жалѣли; для достиженія своей цѣли подкупали курфюрстовъ и ихъ совѣтниковъ (это называлось „Handasalbe—ручная мазь); нельзя точно разсчитать, сколько тысячъ гульденовъ стоило каждому кандидату его кандидатура, но что несмѣтныя суммы были по этому случаю въ оборотѣ,—это достовѣрно(*). Былъ еще одинъ кандидатъ—курфюрстъ саксонскій, Фридрихъ Мудрый, покровитель Лютера, но онъ отклонилъ кандидатуру по старости лѣтъ и, понимая трудное время, переживаемое Германіею, хотя папа видимо черезъ своихъ агентовъ поддерживалъ его изъ своихъ, конечно, цѣлей.

Камерарій папы, ловкій придворный, мильтицъ, явился къ Фридриху съ золотой розой въ знакъ особеннаго благоволенія папы.

Генрихъ VIII тоже скоро прекратилъ свои домогательства на кандидатуру, не желая тратить понапрасну денегъ и имѣя весьма мало шансовъ на успѣхъ; такъ что, собственно, только о двухъ кандидатахъ и трактовали избиратели, собравшіеся во Франкфуртъ. Сохранилась объ этомъ выборѣ брошюра Сабина. Она хотя ничто иное, какъ риторическое произведеніе, написанное долго спустя послѣ избранія императора, но тѣмъ не менѣе вѣрно и пластично рисуетъ намъ тогдашнее настроеніе умовъ.

Мы сопоставимъ здѣсь высказываемыя тогда современниками мнѣнія объ обоихъ кандидатахъ на германскій императорскій престолъ.

Францискъ I былъ въ то время сильнѣйшій монархъ въ Европѣ. Франція была объединена; королевская власть въ

---

*) См. сочиненіе Rössler—Die Kaiserwahl Carls V. Gachard—Rapport sur les archives de Lille, pag. 16.

Въ одномъ нѣмецкомъ источникѣ, касающемся избранія Карла V императоромъ, мы встрѣчаемъ слѣдующее мѣсто: «Für seine Erwählung musste Karl über eine Million Gulden bezahlen Kaiser Max im Jahre 1518 zugesagt hat fur die Wahl sienes Enkels an Pensionen jährlich *70,400 florin* und einmal bei der Krönung 504,065 florin.

ней сильна. Онъ уже успѣлъ высказаться блистательными дѣяніями. Итальянскіе его походы были всѣмъ еще памятны. Въ битвѣ при Мариніано онъ разбилъ непобѣдимыхъ дотолѣ швейцарцевъ и занялъ Миланъ (*).

Про него говорили, что онъ съумѣетъ и съ турками справиться, если его выберутъ императоромъ.

Все это пріобрѣло ему славу полководца и великаго государственнаго человѣка, хотя впослѣдствіи оказалось, что Францискъ была личность блестящая, но не великая, настоящій типъ француза—веселая, воспріимчивая, открытая натура, но безъ всякой выдержки; онъ сразу располагалъ къ себѣ, но неспособенъ былъ къ твердому выполненію разъ намѣченной цѣли.

Одно, за чѣмъ онъ всю жизнь свою зорко слѣдилъ, это была его королевская власть, о которой онъ имѣлъ высокое понятіе, что ему и ставили въ укоръ, также какъ и его стремленіе къ абсолютизму, его крутое обращеніе со всякою оппозиціею, съ парламентами, его суровое собираніе податей и т. д.

Это, говорили, не согласно съ „древней нѣмецкою свободою"; къ тому же говорили,—„онъ иностранецъ", хотя это опять опровергали другіе, говоря, что „Франки—нѣмецкаго происхожденія".

Другой претендентъ на императорскій престолъ находился въ совершенно другомъ положеніи.

Онъ едва достигъ въ то время 19-ти лѣтъ. Еще ничего не совершилъ онъ выдающагося. Его имя только и происхожденіе давали ему право на германскій престолъ.

Внѣшность Карла тоже не особенно располагала въ его пользу.

Отъ матери унаслѣдовалъ онъ серьезный, мрачный, сдержанный, даже меланхолическій характеръ — отличительная черта испанскихъ Габсбурговъ.

Руководимый въ Испаніи совѣтниками своего дѣда Фердинанда V, Карлъ до этого монента еще и не успѣлъ ни въ чемъ высказать своихъ способностей.

Только позднѣе увидѣли, что подъ этой серьезной и зам-

(*) *См. N. Vaucher*—Esquisses d'histoire suisse. Lausanne, 1883.

кнутой въ себѣ оболочкою скрывается умъ недюженный и необыкновенныя политическія дарованія.

Карлъ впослѣдствіи только высказался вполнѣ, какъ человѣкъ, своею неутомимою дѣятельностью, своимъ терпѣніемъ и выдержкою, своею способностью всѣмъ жертвовать для достиженія высокой задуманной цѣли.

Если онъ въ Испаніи первое время молчалъ и соглашался со своими совѣтниками, то только потому, что хотѣлъ, подъ руководствомъ опытныхъ людей, научиться самому механизму управленія; но высокія идеи уже тогда зрѣли въ его молодой головѣ.

Идеи эти были — высокое понятіе о королевской власти, о своемъ призваніи, о власти, дарованной ему отъ Бога. Онъ уже тогда зналъ и предвидѣлъ возможность быть выбраннымъ на германскій престолъ и уже за ранѣе обдумывалъ свое значеніе, какъ императора, которому онъ хотѣлъ возвратить прежній, средневѣковый его блескъ, утраченный его предками; онъ тогда уже мечталъ о всемірной монархіи, для достиженія которой работалъ онъ всю свою жизнь.

Слѣдовательно, Карлъ стоялъ совершенно на средневѣковой почвѣ, хотя и призванъ былъ играть первенствующую роль въ переходное время, на грани новой исторіи.

Онъ не усвоилъ себѣ понятія о національномъ государствѣ, а все еще носился съ космополитическими идеями всеобщей монархіи, съ единою властью и единою вѣрою. Но все это выяснилось въ немъ только позже; во время же его избранія ничего достовѣрнаго не было извѣстно относительно его личнаго характера.

Что же говорило за него? что заставляло избирателей стоять за его кандидатуру?

Во-первыхъ, его молодость, его родство съ Максимиліаномъ, который все-таки былъ популяренъ и память котораго не хотѣли оскорбить избраніемъ его политическаго противника Франциска I; его габсбурскія владѣнія тоже связывали Карла съ Германіею; затѣмъ не хотѣли также разрушить столько лѣтъ существовавшее соединеніе нѣмецкаго королевства съ императорствомъ, что было бы позоромъ для германскаго имени, уступивъ этотъ титулъ императора другому государству и тѣмъ самымъ уступивъ ему и гегемонію въ Европѣ.

Наконецъ, и это было главное, при молодомъ королѣ нѣмецкіе курфюрсты и князья надѣялись сохранить свои прежнія права и пріобрѣсти себѣ еще новыя привилегіи, надѣялись,—однимъ словомъ, удержать вѣковой сепаратизмъ, которому была обязана Германія своимъ федеративнымъ устройствомъ. Фридрихъ Мудрый рѣшилъ колебанія избирателей, давъ свой голосъ за Карла.

Между тѣмъ папа продолжалъ интриговать; въ сущности онъ не желалъ видѣть на императорскомъ престолѣ ни Карла, ни Франциска, опасаясь обоихъ; оффиціально же онъ обѣщалъ поддерживать того и другаго, но втайнѣ подстрекалъ Фридриха Мудраго принять корону.

Послѣ долгихъ переговоровъ, наконецъ, въ началѣ 1520 г. Карлъ былъ выбранъ единогласно императоромъ.

Но для обезпеченія себя, своихъ правъ и привилегій и для огражденія Германіи отъ испанскаго господства, такъ какъ Карлъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и испанскимъ королемъ, нѣмецкіе князья рѣшились составить выборную грамоту, такъ называемую, „Wahlcapitulation", значительно ограничившую, какъ мы увидимъ, правленіе Карла.

Посланники Карла съ своими полномочіями жили въ окрестностяхъ Франкфурта, въ городкѣ Höchst'ѣ, и только когда они дали свое согласіе на всѣ параграфы этой выборной грамоты, избраніе Карла V было оффиціально провозглашено въ Германіи. Депутація отправилась въ Испанію за Карломъ; въ октябрѣ 1520 года пріѣхалъ Карлъ въ Ахенъ на коронацію, а въ 1521 году назначилъ земскую думу въ городѣ Вормсѣ, для представленія чиновъ имперіи.

Въ чемъ же состояла эта Wahlcapitulation, носившая на сѣверѣ Германіи названіе „Handveste" (*)?

Въ ней заключалось 16 основныхъ параграфовъ, которые всѣ клонились къ огражденію власти императора и къ расширенію правъ и привилегій нѣмецкаго Reichsritterschaft'а. Вотъ эти параграфы: 1) Карлъ обязывался учредить, такъ называемый, „R ichsregiment" изъ курфюрстовъ и фюрстовъ; 2) долженъ былъ разрѣшать съѣзды курфюрстовъ для своихъ и имперскихъ нуждъ; 3) долженъ былъ запрещать всѣ

---

*) См. Goldast—Reichszatzungen. Statuta II. I.

союзы дворянства и подданныхъ противъ курфюрстовъ и князей; 4) большія купеческія товарищества, управляющія своими самостоятельными капиталами, должны быть уничтожены постановленіемъ „Рейхштендовъ“; 5) запрещается императору вступать въ союзы съ иностранцами или съ членами имперіи, безъ согласія на то курфюрстовъ; 6) запрещается безъ ихъ согласія всякое отчужденіе имперскихъ земель; 7) запрещается императору во время войны вводить въ имперію иностранное войско, безъ разрѣшенія курфюрстовъ; 8) безъ разрѣшенія и согласія имперскихъ соловій и особенно курфюрстовъ нельзя начать войну; 9) нельзя безъ согласія и вѣдома курфюрстовъ налагать податей и налоговъ и собирать рейхстаги; 10) никакой штандъ безъ суда не можетъ быть объявленъ въ опалѣ; 11) выморочные лены должны быть оставляемы на содержаніе имперіи и императора; 12) не разрѣшается императору собирать рейхстагъ внѣ предѣловъ Германской имперіи; 13) имперскія и дворцовыя должности должны быть замѣщаемы природными нѣмцами; 14) оффиціальный языкъ долженъ быть въ имперіи нѣмецкій или латинскій; 15) не разрѣшается призывать кого бы то ни было на судъ внѣ предѣловъ имперіи и, наконецъ, 16) императоръ обѣщаетъ защищать церковь и папу; но тутъ же прибавлено; „императоръ уничтожаетъ все, что введено папою противъ конкордатовъ“. Надо замѣтить, что всегда при выборѣ императора въ Германіи писались „Wahlcapitulationen“, но никогда съ такимъ содержаніемъ.

Императоръ, такимъ образомъ, являлся только какимъ-то Schattenkönig и при томъ въ такую смутную для Германіи эпоху; все приносилось въ жертву интересамъ курфюрстовъ, а не націи.

Важенъ этотъ документъ въ различныхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, мы видимъ изъ него, что національный элементъ начинаетъ въ Германіи выясняться и обезпечивать себя отъ пришлаго—испанскаго; во-вторыхъ, онъ указываетъ на возникновеніе новаго сильнаго элемента въ государствѣ — Reichsregiment'а—курфюрстскаго сословія съ его монополіями по отношенію ко всѣмъ остальнымъ сословіямъ имперіи и, наконецъ, вставкою о конкордатѣ (въ 16 параграфѣ Wahlcapitulation) правительство становилось оффиціально скорѣе на сторону Лютера *и реформаціи*, чѣмъ папы и существующей церкви.

Такимъ образомъ избранъ былъ Карлъ V.

Съ его избраніемъ императорство основывается на такомъ территоріальномъ могуществѣ, какого еще у него никогда не было.

Въ составъ имперіи входили теперь: габсбургско-австрійскія земли, закрѣпленныя договорами; бургундскія земли съ богатою почвою и цвѣтущими городами; Испанія съ Неаполемъ и Сициліею; американскія колоніи, постоянно увеличивающіяся и весьма важныя въ торговомъ отношеніи; кромѣ того еще притязанія на Богемію и Венгрію. Такой власти даже Гогенштауфены никогда не имѣли, и Карлъ V, по справедливости, могъ сказать, что въ его имперіи солнце никогда не заходило. Средневѣковое, уже отживающее императорство въ послѣдній разъ при Карлѣ V, какъ бы передъ смертью своею, является вновь въ полномъ своемъ могуществѣ и блескѣ, до того еще небывалыхъ. Еще никогда въ рукахъ императора не было сосредоточено такой огромной родовой власти; еще никогда не было на императорскомъ престолѣ такого серьезнаго, сдержаннаго, разсчетливаго человѣка, какимъ былъ Карлъ V. Какъ будто передъ своимъ концомъ средніе вѣка собираютъ свои послѣднія силы противъ приближающагося новаго времени, противъ наплыва новыхъ идей и воззрѣній.

И не смотря на все это, и такая необыкновенная, геніальная личность, какъ Карлъ V, не могла устоять противъ историческаго хода вещей. Выборъ его принятъ былъ съ восторгомъ въ Германіи всѣми партіями; со всѣхъ сторонъ обращались къ нему съ посланіями и брошюрами политическаго характера, выражавшими pia desideria различныхъ сословій имперіи. Все волненіе и броженіе народное выразилось въ этихъ посланіяхъ; всякое сословіе, всякій отдѣльный человѣкъ высказывалъ въ нихъ свои завѣтныя желанія (*).

Курфюрсты уже высказались въ „Handveste“, — они желали и требовали утвержденія ихъ олигархіи, обращенія Гер-

(*) См. Panzer — Annalen der älteren der Litteratur; а также Strauch — II, 79—Ulrich von Hutten. „Klageschreiben“ an Kaiser, также у Burenhard II, 68—81.

маніи въ нѣсколько независимыхъ самостоятельныхъ государствъ подъ слабымъ подчиненіемъ императору. Инаго требовало мелкое нѣмецкое дворянство и города, постоянно страдавшіе отъ властолюбія и завоевательныхъ стремленій курфюрстовъ.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, этотъ боецъ за свободу и величіе Германіи, писалъ Карлу V жалобу на интриги папства противъ него, за разоблаченія имъ церковныхъ злоупотребленій, производимыхъ католическою іерархіею, за указанія на эксплуатацію Римомъ Германіи и за его желаніе возвеличить Германію. Онъ не скрываетъ, что своими сочиненіями хотѣлъ достигнуть измѣненія существовавшаго дотолѣ порядка вещей и что онъ и далѣе будетъ писать въ томъ же направленіи.

Онъ высказываетъ надежду, что Карлъ V употребитъ свою власть на возстановленіе значенія Германскаго королевства, что онъ вмѣстѣ съ націею возьмется за реформу религіозную и политическую и, черезъ это, возвратитъ германской націи утраченное ею значеніе въ ряду европейскихъ государствъ.

Волненіе и раздраженіе противъ главнаго и общаго врага—іерархіи, были такъ сильны въ то время въ Германіи что самъ Лютеръ, всегда чуждый до той поры политической агитаціи, подчинился ей и, увлекаясь общимъ настроеніемъ издалъ въ іюнѣ 1520 г. политическую брошюру, которая имѣла огромное вліяніе на современниковъ.

О ней мы уже вкратцѣ упоминали; это — его политическая брошюра, озаглавленная—„An Kaiserliche Majestat und den christlichen Adel teutscher Nation von des christlichen Standes Besserung“. Здѣсь взываетъ онъ къ императору и князьямъ, умоляя ихъ прекратить рабство, въ которомъ Германія пребываетъ по отношенію къ папѣ. Папство, по его мнѣнію, не имѣетъ нравственнаго и богословскаго основанія также какъ и вся церковная іерархія; опредѣленнаго священства не должно быть; всякій крещенный христіанинъ можетъ быть, по его мнѣнію, священникомъ. Такъ какъ папство не должно существовать, то не можетъ оно и претендовать на господство надъ свѣтскою властью. Далѣе исчисляетъ Лютеръ всѣ злоупотребленія іерархіи, выставляетъ эксплуатацію ею Германіи; требуетъ, чтобы отобрали у нея все ея

недвижимое имущество; требуетъ допущенія брака для духовенства; обращаетъ вниманіе на необходимость народнаго образованія на основаніи Библіи, вмѣстѣ съ тѣмъ предлогалъ онъ мѣры и для возвышенія нравственнаго уровня народа.

Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ разошлось до 4000 экземпляровъ этой брошюры. За этимъ сочиненіемъ вскорѣ, въ октябрѣ того же года (1520 г.), издалъ онъ и другое—„о вавилонскомъ плѣненіи церкви", въ которомъ представляетъ Христову церковь какъ бы въ плѣну у папства; затѣмъ еще третье—„wider die Bulle des Antichrist" въ отвѣтъ на опубликованную папскую буллу execrabilis, о которой мы тоже упомянули.

Безтактность папы и заключалась именно въ изданіи буллы отрѣшенія надъ Лютеромъ какъ разъ въ этотъ моментъ всеобщаго возбужденія общественнаго мнѣнія. Всѣ увидѣли тогда въ Германіи, что римская курія, какъ бы, смѣется надъ національнымъ негодованіемъ; всѣ увидѣли тогда, что Римъ преслѣдуетъ именно того человѣка, который смѣло рѣшился выступить противъ вѣками гнетущаго всѣхъ церковнаго строя, тяжелымъ бременемъ лежавшаго на Германіи.

Всѣ поняли тогда, что дѣло Лютера есть ихъ національное—нѣмецкое дѣло; что Лютеръ, хотя и боецъ на богословскомъ полѣ, но что его врагъ—свѣтская власть церкви, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и общій врагъ Германіи въ политическомъ отношеніи. Всѣ нѣмецкія партіи, какихъ бы ни было оттѣнковъ, сгруппировались тогда вокругъ него. Лютеръ сталъ получать приглашенія, особенно отъ мелкаго дворянства пріѣхать въ ихъ замки и укрыться тамъ отъ преслѣдованій; они предлагали ему даже съ оружіемъ въ рукахъ заступиться за его идеи; но Лютеръ отклонилъ это предложеніе.

Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, Сильвестръ фонъ-Шаумбургъ и Францъ фонъ-Сикингенъ были его горячіе приверженцы; первый—какъ пламенный ораторъ, послѣдніе—какъ вліятельные люди среди нѣмецкаго дворянства.

Почему же особенно мелкое дворянство стояло такъ за дѣло Лютера? Вѣдь не догматы же ихъ привлекали.

Привлекали ихъ выгоды экономическія, независимость отъ епископовъ, секуляризація ихъ имуществъ. Наконецъ Лютеръ удовлетворялъ національнымъ стремленіямъ Германіи.

Въ то время въ Германіи всѣхъ занималъ вопросъ, какъ же отзовется Карлъ V на всѣ эти серьезныя затрудненія, возникшія въ его имперіи; пойметъ ли онъ всю трудность своего положенія, станетъ ли онъ на вѣрную дорогу?

Это были знаменательные вопросы по своимъ послѣдствіямъ для всей дальнѣйшей судьбы западной Европы.

Если онъ станетъ во главѣ этого движенія—вся Европа ему подчинится; если же онъ станетъ противодѣйствовать ему—для Германіи наступитъ старый разладъ и чужестранная, испанская зависимость—такъ думали лучшіе люди эпохи.

Приходили они къ такимъ выводамъ изъ сравненія взаимныхъ отношеній романскихъ и германскихъ племенъ къ Риму.

Романскіе народы всей своею исторіею связаны были съ Римомъ; для нихъ зависимость отъ Рима была продолженіемъ прежней зависимости римской эпохи; между тѣмъ для Германіи эта зависимость была всегда чуждою, навязываемою ей извнѣ и потому всегда антинаціональною; отъ этой связи съ Римомъ Германія всегда страдала и даже въ блестящую эпоху императорства, именно вслѣдствіе этихъ отношеній къ Риму, національные, нѣмецкіе интересы всегда страдали, всегда стояли на второмъ планѣ.

Къ XVI же столѣтію разладъ этотъ между національными нѣмецкими интересами и Римомъ достигъ еще высшей степени; броженіе политическое, связанное въ то время съ религіознымъ, требовало неизбѣжно исхода; въ такомъ страшномъ хаотическомъ положеніи Германія далѣе оставаться не могла. Страдала она, главнымъ образомъ, отъ того, что въ ней не была выработана ни опредѣленная форма правленія, ни правильная финансовая система, ни судебное, ни военное устройство; земскій миръ не соблюдался; не было въ имперіи единой высшей власти; императоръ былъ слабъ; сословія вѣчно враждовали между собою; князья вооружались противъ мелкаго дворянства; города вели съ ними постоянную борьбу; свѣтскіе и духовные князья жили между собою въ разладѣ, а нисшее сословіе возстановлено было противъ всѣхъ остальныхъ. И ко всему этому присоединилось въ Германіи въ то время религіозное движеніе, источникъ котораго лежалъ въ національномъ самосознаніи,—движеніе со временемъ *развившееся* въ явное возстаніе противъ папства.

Это было трудное для Германіи время; важностью наступившей минуты проникнуты были всѣ, сознавая, что настало время разрѣшенія вполнѣ назрѣвшихъ религіозныхъ, соціальныхъ и политическихъ вопросовъ.

Въ такомъ настроеніи находилась Германія, когда только-что избранный императоръ—двадцати-лѣтній еще юноша, прибылъ въ августѣ 1520 года изъ Испаніи въ родовые свои нидерландскія земли и оттуда, въ октябрѣ, явился въ Ахенъ на коронацію.

Взоры всей Германіи были на него обращены; отъ него одного ожидали спасенія отъ общаго хаоса, обновленія Германіи. Я уже сказалъ, что въ то время Карлъ V ничѣмъ себя еще не успѣлъ выказать. Онъ былъ молодъ, серьезенъ не по годамъ. Не многіе еще его знали близко, но эти немногіе, не смотря на сдержанность Карла, могли убѣдиться, что въ этомъ молодомъ человѣкѣ были зрѣлыя уже идеи, и что политическія его убѣжденія были уже вполнѣ сформированы.

Мы видѣли, что Карлъ V росъ уже, проникаясь убѣжденіемъ въ высокомъ своемъ назначеніи и призваніи; онъ имѣлъ чрезвычайно высокое понятіе о королевской власти, дарованной ему, какъ-бы, свыше. Для него императорство прибавляло только блеску его положенію, но не могущества, которое у него и безъ того уже было. Карлъ V смотрѣлъ на императорство съ средневѣковой еще точки зрѣнія, какъ на всемірное господство въ христіанствѣ. Если бы онъ и смотрѣлъ раціональнѣе на свою власть, то этнографическія условія его монархіи все-таки влекли бы его неизбѣжно къ космополитизму.

Онъ бы и не могъ вести національной политики: слишкомъ разнообразны были интересы его монархіи; да онъ, въ сущности, и не понималъ національности,—его въ Германіи называли испанцемъ, въ Испаніи—нѣмцемъ, хотя онъ плохо говорилъ на нижнегерманскомъ языкѣ.

Онъ былъ, по своему воспитанію, по своимъ взглядамъ, настоящій космополитъ, потому и стремился онъ всю жизнь къ осуществленію всемірной монархіи. Всѣ разнообразныя государства, входящія въ составъ имперіи, и всѣ ихъ интересы подчинялъ онъ насильно своей всемірной политикѣ;

для него никогда и не существовало національныхъ интересовъ. Наполеонъ I говорилъ про Карла V, что онъ был глупецъ, что онъ упустилъ удобный моментъ, чтобы встат во главѣ націи и разомъ сокрушить усиливавшихся князе и свѣтскую власть папъ и образовать въ центрѣ Европ монархію, которой бы уже никто не могъ воспротивиться.

Между тѣмъ привязанность Карла V къ средневѣковом міровоззрѣнію и заставляла его съ этой же точки зрѣні смотрѣть и на церковь, и на папство.

Онъ понималъ одну только единую всемірную монархію съ единою вѣрою, представляемою папою; это не значило что онъ всегда согласенъ былъ съ папскою политикою; эт значило только, что онъ никакъ не могъ вообразить себ церкви безъ абсолютнаго единства въ лицѣ намѣстника апостола Петра. Этотъ взглядъ его объяснялся не набожностью, онъ, какъ и большинство современниковъ своихъ, смотрѣлъ н религію чисто внѣшнимъ образомъ, какъ на нравственно начало, необходимое для массы, съ которымъ надо обращаться какъ съ политическимъ орудіемъ.

Карлъ V, по своимъ воззрѣніямъ, по своимъ идеалам принадлежалъ другому вѣку и не могъ потому понят насущныхъ потребностей своей эпохи, не могъ понять н ваго, возникающаго направленія, которое шло совершенно в разрѣзъ съ его міросозерцаніемъ.

Дальнѣйшій ходъ событій разъяснитъ намъ еще бол его характеръ и отношенія его къ европейскимъ вопросам ставшимъ въ то время на очереди и ожидавшимъ отъ нег какъ отъ могущественнаго монарха всего запада, своего разрѣшенія.

Вернемся теперь къ политическимъ событіямъ реформаціонной эпохи. Мы дошли въ своемъ обозрѣніи до 1521 г. до Вормскаго земскаго собранія, созваннаго Карломъ V дл представленія чиновъ и для рѣшенія возникшаго въ имперіи религіознаго спора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и до Вормскаг эдикта, направленнаго противъ Лютера. О немъ мы ещ будемъ говорить. Отъ разрѣшенія на этомъ собраніи лютеровскаго вопроса зависѣла теперь дальнѣйшая политическа судьба Германіи. Всѣ недовольные элементы въ государств сгруппировались теперь, какъ мы видѣли, около Лютера, не

потому, что всѣхъ интересовали догматическіе вопросы, имъ возбужденные, но потому, что эти вопросы были въ связи съ жизненными, насущнѣйшими интересами націи, потому, что поддержать Лютера—значило для Германіи отрѣшиться отъ вѣковой зависимости отъ Рима и обратиться въ самостоятельное національное—нѣмецкое государство.

Мы видѣли, что Карлъ V не понялъ своего положенія; мы видѣли, что если бы онъ съумѣлъ отвѣтить на возлагаемыя на него со всѣхъ сторонъ надежды и всталъ бы во главѣ народнаго движенія, онъ возвеличилъ-бы тѣмъ Германію, образовавъ изъ нея сильное, могущественное государство. Мы объяснили также, почему Карлъ V не могъ понимать своей политической роли.

Теперь для насъ станетъ яснымъ, почему, явившись въ 1521 году въ Германію на Вормскій сеймъ, безъ яснаго пониманія нѣмецкаго народа, безъ пониманія его стремленій и желаній, безъ сознанія, что Лютерово дѣло—его національное дѣло, онъ взглянулъ на все броженіе въ Германіи, какъ на средство только для своихъ космополитическихъ цѣлей.

Въ это время созрѣвала и готова была возобновиться новая борьба между Францискомъ I и имъ,—борьба, унаслѣдованная обоими отъ предковъ, борьба, какъ мы видѣли, начавшаяся еще въ XV столѣтіи изъ-за соперничества между домами Валуа и Габсбурговъ.

Карлъ V готовился къ войнѣ съ Францискомъ I; онъ его намѣревался вытѣснить изъ занятой имъ сѣверной Италіи, возстановить померкшій уже давно блескъ и вліяніе императорства въ Италіи; онъ хотѣлъ отнять у него всѣ земли, сохраненныя еще Франціею изъ бургундскаго наслѣдія и ослабить тѣмъ могущество дома Валуа до такой степени, чтобы онъ и помышлять не могъ о преобладаніи въ Европѣ.

Въ сравненіи со всѣми этими великими политическими замыслами, дѣло Лютера и все возникшее въ Германіи религіозно-національное движеніе, котораго онъ себѣ не могъ уяснить, казалось, конечно, Карлу V дѣломъ пустымъ, не важнымъ и не достойнымъ серьезнаго вниманія. Оно его только отчасти занимало, потому что представляло возможность *посредствомъ* него дѣйствовать на папу. Папа Левъ X

былъ въ то время союзникомъ Франциска I; поддержать Лютера—значило для Карла V разгнѣвать папу и связать его еще сильнѣе съ Франціею; тогда какъ, уничтоживъ Лютера и всю церковную оппозицію, онъ могъ разсчитывать на благодарность къ себѣ папы, могъ разсчитывать на то, что тотъ, разорвавъ союзъ съ Франціею, примкнетъ къ его политическимъ планамъ.

Вотъ, слѣдовательно, чѣмъ руководился Карлъ V въ то время, когда вся Германія ожидала отъ него своего обновленія. Всѣ направленные къ нему воззванія патріотовъ и представителей движенія, о которыхъ мы говорили, всѣ жалобы на безвыходное положеніе Германіи, если правительство само не возьмется за реформы, приняты имъ были совершенно равнодушно. Онъ явился въ Вормсъ, уже предрѣшивъ окончательно, что папской буллѣ, отрѣшавшей Лютера отъ церкви, надо дать законную силу; и хотя онъ и долженъ былъ уступить общимъ требованіямъ и вызвать на судъ Лютера, для выслушанія его защиты, но его рѣшеніе, по отношенію къ нему, тѣмъ не менѣе было вполнѣ уже заранѣе опредѣлено. Онъ не остановился даже передъ оффиціальномъ обманомъ, отмѣтивъ эдиктъ, произносившій государственную опалу надъ Лютеромъ заднимъ числомъ, т. е. 8-мъ мая вмѣсто 26-мъ—день объявленія императорскаго эдикта противъ Лютера.

Своими репрессивными мѣрами, направленными противъ Лютера и религіознаго движенія въ Германіи, Карлъ V достигъ своей цѣли—союза съ папой; онъ надѣялся, что этотъ эдиктъ всѣхъ успокоитъ, что возникшее броженіе утихнетъ само-собою и все придетъ въ надлежащій порядокъ. Успокоенный относительно Лютерова дѣла, уѣхалъ онъ въ Испанію руководить начавшимися военными дѣйствіями въ Италіи.

Но всѣ разсчеты его оказались невѣрными. Дипломатическіе переговоры могутъ быть весьма искусно ведены, все можетъ казаться напередъ предвидѣннымъ; политическія комбинаціи могутъ казаться весьма ловко и хитро разсчитанными, но народнаго движенія, народныхъ силъ разсчитать напередъ нельзя; народное движеніе нельзя выразить *въ цифрахъ* и заранѣе располагать имъ изъ кабинета или

дипломатической канцеляріи,—народному движенію, когда оно вполнѣ созрѣло, можно только подчиниться или пасть въ борьбѣ съ нимъ. Такъ было и съ Карломъ V. Сдѣлавъ съ перваго-же шага ошибку, онъ все свое царствованіе боролся съ результатами этой ошибки и, подъ конецъ жизни, долженъ былъ сознаться, что всѣ его замыслы были не вѣрны.

Мы потомъ разберемъ борьбу его съ Францискомъ I въ Италіи. Теперь займемся дѣлами Германіи и посмотримъ, что происходило тамъ послѣ отъѣзда императора и на сколько императорскій эдиктъ объ опалѣ Лютера принесъ пользы.

Послѣ избранія Карла V императоромъ, Нюренбергъ сдѣлался его мѣстопребываніемъ въ Германіи.

Для управленія текущими дѣлами императоръ обновилъ составъ „Рейхсрегимента", у котораго была довольно ограниченная власть; въ важныхъ случаяхъ рѣшеніе дѣлъ зависѣло отъ курфюрстовъ, земской думы или даже восходили эти дѣла до императора.

Въ средѣ многихъ членовъ Reichsregiment'а замѣтно было въ то время уже нѣкоторое сочувствіе новому ученію, особенно проявлялось оно у пфальцграфа Фридриха.

Намѣстникомъ своимъ въ Германіи Карлъ V оставилъ брата Фердинанда—испанца по воспитанію, не чувствовавшаго никакой связи съ Германіею и не понимавшаго ея интересовъ. За то вполнѣ понималъ онъ свое безсиліе водворить порядокъ въ имперіи и слить всѣ ея разрозненные элементы; къ тому-же чувствовалъ онъ, что при энергическихъ мѣрахъ, зло, пожалуй, еще увеличится, по этому предпочиталъ онъ бездѣйствовать.

Извѣстно, напримѣръ, что курфюрстъ Майнцкій не разрѣшилъ даже въ то время францисканскимъ монахамъ проповѣдь въ своей эпархіи противъ Лютера, убѣжденный, что это только еще разовьетъ ересь и потому Лютерово ученіе не встрѣчало часто никакого сопротивленія.

Примѣру курфюрста Майнцкаго слѣдовали многіе правители въ Германіи; понятно, что новое ученіе безпрепятственно пускало все болѣе и болѣе глубокіе корни.

Сочиненія Лютера и его приверженцевъ распространялись, не смотря на церковное и правительственное запрещенія. Вся почти богословская и полемическая литература

этой эпохи принадлежитъ Лютеровскому лагерю и развиваетъ еще далѣе его основныя положенія.

Къ тому же 1 декабря 1521 года умеръ Левъ X и ему въ преемники избранъ былъ Утрехтскій епископъ Адріанъ VI, бывшій наставникъ Карла V. Сидѣлъ онъ на папскомъ престолѣ съ января 1522 года по сентябрь 1523 года. Хотя онъ и былъ въ принципѣ противникъ Лютера, но сознавалъ тѣмъ не менѣе необходимость реформъ для церкви. Онъ осуждалъ нравственное паденіе церкви со строгостью высокоразвитаго доминиканскаго монаха. При вступленіи своемъ на папскій престолъ, онъ выразилъ твердое намѣреніе коренньмъ образомъ преобразовать церковь. Онъ все время своего пребыванія на папскомъ престолѣ вполнѣ честно относился къ этому обѣщанію, глубоко убѣжденный въ томъ, что только порча самой церкви была причиною возникшаго раскола. Онъ не понималъ, что тутъ дѣло шло о принципѣ. Онъ и намѣревался приступить къ исправленію церкви, къ нравственному ея обновленію, начиная съ высшей іерархіи и уже кое-какія мѣры были имъ съ этою цѣлью приняты, но это только возбудило противъ него сильное неудовольствіе и негодованіе со стороны всей римской куріи. Имѣя въ виду это преобразованіе церкви, онъ и обратился къ Рейхсрегименту, прося его черезъ своего нунція, чтобы Вормскій императорскій эдиктъ, объявившій опалу Лютеру, былъ-бы выполненъ въ Германіи со всею строгостью закона.

За это обѣщался онъ, съ своей стороны, приступить къ преобразованію церкви.

Между тѣмъ на невиннаго, честнаго старца обрушилось теперь все, что его предшественники совершили худаго въ управленіи церковью. Его требованіе, направленное въ „Reichsregiment", отклонили, ссылаясь на нежеланіе прибѣгать къ репрессивнымъ мѣрамъ, на неудобство преслѣдованія Евангельскихъ истинъ, проповѣдуемыхъ Лютеромъ; напоминали ему о бывшихъ конкордатахъ и требовали отъ него созванія церковнаго собора, на которомъ, впрочемъ, имѣли бы право засѣдать и свѣтскія лица, для обсужденія неудовлетворительнаго положенія церкви.

Ко всему этому прибавляли еще, что они не въ силахъ *поддерживать* императорскій эдиктъ, такъ какъ весь гер-

манскій народъ стоитъ за Лютера; затѣмъ слѣдовали еще 100 gravamina—жалобы на злоупотребленія церкви и при этомъ въ угрожающемъ тонѣ высказывалась мысль, что если въ скоромъ времени церковь не будетъ исправлена, само правительство приметъ мѣры къ ея исправленію.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и императорскій эдиктъ встрѣтилъ такой же отпоръ въ Германіи, какъ и папская „bulla execrabilis" 1520 г. Само правительство было безсильно остановить движеніе, возбужденное Лютеровымъ ученіемъ; оно предпочло слѣдовать выжидательной политикѣ, разсчитывая на то, что народныя страсти сами собою улягутся.

Намъ, слѣдовательно, нечего больше заниматься правительствомъ имперіи въ этомъ вопросѣ, такъ какъ не отъ него зависѣлъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла.

Замѣтимъ здѣсь только, что всѣ старанія Адріана VI, направленныя къ реформѣ церкви и въ Италіи, ничѣмъ не кончились и онъ въ 1523 г. уже сошелъ въ могилу съ горькимъ разочарованіемъ въ невозможности осуществленія своихъ благихъ стремленій на пользу церкви. Ему пришлось сознаться, что не въ силахъ онъ бороться съ историческимъ ходомъ событій.

Обратимся теперь къ народу, къ общественному мнѣнію въ Германіи реформаціонной эпохи, которое нашло свое полное выраженіе въ тѣхъ 100 gravamina—жалобахъ, о которыхъ мы только-что упоминали.

Мы видѣли, что великія надежды и ожиданія, возлагаемыя на Карла V нѣмецкимъ народомъ, были обмануты.

Всѣ теперь поняли, что отъ него нельзя ожидать реформъ, въ которыхъ такъ нуждалась Германія; всѣ теперь увидали, что императоръ вмѣстѣ съ папою стоитъ за старый порядокъ вещей. Естественно, что явилось въ народѣ стремленіе, при господствовавшемъ уже общемъ возбужденіи умовъ, произвести необходимыя реформы и преобразованія своими собственными силами, не дожидаясь того, чтобы за нихъ взялось правительство.

Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключалось все несчастіе Германіи. При смутныхъ, незрѣлыхъ еще мысляхъ и планахъ преобразованій, стоящихъ на очереди, при частныхъ интересахъ каждаго отдѣльнаго сословія, каждаго отдѣльнаго

класса населенія, не было въ то время въ Германіи человѣка, который бы могъ руководить этимъ движеніемъ, который могъ бы, ставъ во главѣ его, направить его къ извѣстнымъ опредѣленымъ цѣлямъ.

Вотъ причина, почему возникшее однажды движеніе, которое, при хорошемъ руководствѣ, могло бы принести и хорошіе плоды,—лишенное всякаго руководителя и единства въ направленіи, бросилось на крайности, выродилось, какъ мы увидимъ сейчасъ, въ соціальную революцію, которая, въ теченіе нѣскольких лѣтъ, терзала всю Германію и увлекла въ свой круговоротъ весьма много хорошаго, національнаго и разумнаго, порожденнаго реформаціею, и самой реформаціи придало совершенно иной характеръ, чѣмъ она имѣла въ началѣ.

Лютеръ во время этого движенія находился въ тюрингенскихъ лѣсахъ, въ замкѣ курфюрста саксонскаго Фридриха Мудраго—Вартбургѣ, недалеко отъ города Ейзенаха, куда онъ по приглашенію курфюрста, скрылся отъ преслѣдованій.

Но и самъ Лютеръ не въ состояніи былъ бы руководить этимъ движеніемъ; онъ былъ слишкомъ богословъ и догматикъ, чтобы съумѣть справиться съ народною массою и ея бурными стремленіями; онъ самъ въ началѣ подпалъ вліянію общаго энтузіазма, но вскорѣ испугался результатовъ этого движенія и изъ приверженца его, сталъ его явнымъ противникомъ.

Время свое въ Вартбургѣ проводилъ Лютеръ въ переводѣ Библіи на нѣмецкій языкъ. И до него существовали переводы отдѣльныхъ мѣстъ изъ Библіи, но они были скорѣе библіографическими рѣдкостями. Лютеръ—первый предпринялъ громадный трудъ перевести полную Библію на родной, національный языкъ. Хотя и у него встрѣчаются отдѣльныя ошибки, невѣрно переведенныя мѣста, но все-таки его переводъ является самымъ полнымъ, самымъ правильнымъ имѣвшимъ громадное религіозное и даже культурное вліяніе на Германію. Отчего происходило такое вліяніе его перевода? Гдѣ искать этому причину? Зависѣло это отъ того, что Лютеръ впервые переводилъ Библію на чисто-народный нѣмецкій языкъ, что переводилъ онъ не отдѣльныя слова текста *а старался* вникать въ самый духъ подлинника и передать

его на родномъ языкѣ, причемъ невольно чувствовалось духовное единеніе переводчика съ читателемъ.

Патріархальность, простота, естественность, поэтическіе порывы древности понималъ Лютеръ лучше всякаго ученаго филолога-лингвиста, такъ какъ самъ вышелъ изъ народа и потому лучше другаго могъ подпасть этому настроенію простой, безъискусственной среды.

Онъ отлично усвоилъ себѣ народный инстинктъ, народное чутье, которыхъ никакъ нельзя пріобрѣсти изъ книгъ, которые скорѣе можно притупить въ себѣ долголѣтнимъ чтеніемъ литературныхъ произведеній.

Оттого-то переводъ Лютера Библіи и носитъ на себѣ характеръ чисто народнаго языка,—есть произведеніе народнаго духа.

Правда, при этомъ и трудился онъ не мало, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся еще черновыя его работы.

Новый Завѣтъ, переводъ котораго дался ему легче перевода Ветхаго, оконченъ былъ въ 1523 году; Ветхій же Завѣтъ оконченъ имъ былъ только 10 лѣтъ спустя. При переводѣ послѣдняго помогали ему нѣкоторые филологи, напримѣръ, Бугенгагенъ, Іустусъ Іонасъ, Меланхтонъ и нѣкоторые раввины.

Языкъ Лютера, какъ тюрингенца, представляетъ нѣкоторую смѣсь нижне и верхненѣмецкаго языка; литературная заслуга этого перевода состоитъ именно въ томъ, что онъ для всей Германіи сдѣлалъ языкъ перевода, средненѣмецкій языкъ, литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ.

Это единство языка одно только и оставалось въ Германіи послѣ утраты политическаго и церковнаго единства. Но переводъ Библіи Лютеромъ имѣлъ еще и общеевропейское значеніе. Впервые въ руки народа передано было чистое ученіе Библіи безъ всякихъ комментаріевъ отъ лица существовавшей католической церкви; такимъ образомъ, естественно, грань между привилегированнымъ духовнымъ сословіемъ, комментировавшимъ до сихъ поръ Священное Писаніе и читавшимъ его народомъ, должна была неминуемо пасть.

Теперь уже духовные не могли болѣе составлять и обнародывать новые догматы, а міряне принимать ихъ на слово. Библія—единственный источникъ религіозныхъ вѣрованій на-

рода, проникала теперь, благодаря Лютеру, во всѣ слои общества; сдѣлалась въ каждомъ домѣ, въ каждой хижинѣ настольною книгою. Конечно, отсюда вытекала возможность и многихъ ложныхъ толкованій Библіи; всякій могъ толковать ее по своему, согласно своимъ понятіямъ. Этотъ переводъ служилъ для нѣмецкаго народа умственною и нравственною связью во всѣ времена политическихъ невзгодъ и чужеземнаго господства.

Библія сдѣлалась теперь книгою для чтенія въ семьяхъ, какъ бы семейною хроникою—все туда вписывалось, что касалось религіозно-нравственной жизни семьи; она сдѣлалась великимъ залогомъ нравственнаго образованія народа.

Высшіе слои нѣмецкаго народа подпали со временемъ французскому вліянію; въ низшихъ слояхъ—оставалась Библія, какъ нравственная, объединяющая связь всего нѣмецкаго народа, какъ хранительница національнаго духа. Позднѣйшіе реформаторы нѣмецкой литературы, какъ, напримѣръ, Лессингъ вышли изъ этой среды, воспитанной на Библіи, которая, помимо своего религіозно-нравственнаго содержанія, имѣла еще весьма важное значеніе для Германіи, какъ литературный памятникъ народнаго языка.

Это вліяніе Библіи не оставалось безъ послѣдствій даже и для католиковъ.

Въ то время какъ Лютеръ вдали отъ свѣта, въ тишинѣ прелестнаго Тюрингенскаго лѣса, занимался, по призванію, переводомъ Библіи, народное движеніе, предоставленное самому себѣ, развивалось все далѣе и далѣе и принимало все болѣе и болѣе соціальный оттѣнокъ, предвѣщавшій о близости неминуемаго соціальнаго переворота.

Оно и понятно—старое средневѣковое зданіе было разрушено; новое еще не было создано; все было поколеблено и ни у кого еще не было ясной опредѣленной цѣли, къ которой слѣдовало стремиться; никто не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чѣмъ слѣдуетъ замѣнить и подкрѣпить расшатанныя основы средневѣковой жизни.

Въ Виттенбергѣ между тѣмъ возникла цѣлая школа реформаторовъ, шедшихъ гораздо далѣе Лютера; имъ образъ дѣйствія Лютера казался слишкомъ осторожнымъ и умѣреннымъ; *они желали* огнемъ и мечемъ достигнуть того, чего

умѣренные реформаторы желали добиться мирнымъ путемъ. Свобода религіознаго культа, провозглашенная Лютеромъ, дала полный просторъ разнузданности и дикому фанатизму массы, съ остервененіемъ набросившейся на ненавистный ей церковный, вѣковой гнетъ.

Реформація приняла совершенно соціальный характеръ и обратилась въ полную анархію; сила физическая стала торжествовать. Всплыла наружу вся та темная сила, которая всегда появляется въ минуты полнаго разложенія общества и государственнаго строя; тѣ темныя личности, которымъ нечего было терять, потому что у нихъ ничего не было, но которыя надѣялись въ общемъ хаосѣ достичь весьма многаго.

Фанатическая толпа врывалась въ церкви, останавливала богослуженіе, хватала прелатовъ, безчинствовала надъ святыней; по всей Германіи стали шнырять толпы оборванныхъ голодныхъ монаховъ, вносившихъ развратъ и полную деморализацію и въ безъ того деморализованное общество. Общій хаосъ господствовалъ повсюду.

Въ различныхъ частяхъ Германіи крестьяне, не находя никакой опоры у слабаго правительства противъ произвола и притѣсненій со стороны крупнаго и мелкаго дворянства, не находя иного выхода изъ тяжкаго своего экономическаго положенія, рѣшились прибѣгнуть къ насилію, къ оружію, для того, чтобы улучшить свой матеріальный и экономическій бытъ.

Повсюду вспыхиваютъ отдѣльныя возстанія, чисто соціальнаго характера; они хотя и были скоро усмиряемы, но тѣмъ не менѣе ясно указывали на приближеніе великой соціальной бури.

Одинъ изъ выдающихся представителей этого народнаго движенія, Францъ фонъ-Сикингенъ, поплатился даже жизнью въ борьбѣ своей съ Трирскимъ эпископомъ, при неудачной осадѣ эпископскаго замка Ландштула, въ 1523 году.

Эта неудача задержала взрывъ общаго возстанія на нѣнѣкоторое время. Толпы анабаптистовъ (*), подъ преводитель-

(*) Секта анабаптистовъ преобразовалась впослѣдствіи въ секту менонитовъ по имени Menno Simons, умершаго въ 1561 году.

Существовала также секта антитринитаріевъ или унитаріевъ, вышедшихъ *большею частью* изъ Италіи. Главные представители этой

ствомъ Ѳомы Мюнцера, стали бродить по южной Германіи, проповѣдуя объ отмѣнѣ духовной и свѣтской власти и, о водвореніи какого-то царствія Божія на землѣ, въ которомъ бы господствовало общее равенство.

Ученіе ихъ быстро распространилось по всѣмъ сосѣднимъ съ Германіею землямъ. Политическія требованія, ясно выражаемыя въ Германіи крестьянскими партіями того времени, сводились къ извѣстнымъ 12 статьямъ, за выполненіе которыхъ готовы они были выступить съ оружіемъ въ рукахъ.

Главнѣйшія изъ этихъ статей касались свободнаго пользованія крестьянами охотой, рыбной ловлей, лѣсными участками, уничтоженія крѣпостнаго права, уменьшенія платы обязательныхъ податей, права выбора пастора, Евангельской проповѣди и т. п.

Самъ Лютеръ, всегда стоявшій далеко отъ всякаго народнаго, соціальнаго движенія, испугался, увидавъ, какое направленіе приняла реформація, какъ сильно разыгрались народныя страсти и, подъ вліяніемъ страха передъ наступающимъ соціальнымъ кризисомъ, круто повернулъ на сторону правительства и въ рѣзкой политической брошюрѣ, озаглавленной: „Противъ убійцъ и разбойниковъ-крестьянъ", набрасывается на нихъ со всею желчью разочарованнаго въ своихъ надеждахъ реформатора.

Союзъ нѣмецкихъ князей, во главѣ котораго были, между прочимъ, курфюрстъ Іоаннъ Саксонскій и ландграфъ Филиппъ Гессенскій, вступили въ Тюрингію и при городѣ Франкенгаузенѣ (15 мая 1525 года) одержали полную побѣду надъ плохо дисциплинированными толпами поселянъ, шедшихъ на битву съ пѣніемъ гимновъ на устахъ.

Продолжительныя и повсемѣстныя казни были послѣдствіями неудавшхся крестьянскихъ возстаній въ Германіи; послѣ чего экономическое и соціальное положеніе крестьянъ и за-

---

секты были: Іоаннъ Campanus, ум. въ 1574 г., Людвигъ Hetzer, ум. въ 1529 г., и Михаилъ Servedo, ум. въ 1553 году.

Они получили свою организацію черезъ Laelius Socinus, ум. въ 1562 г., и Faustus Socinus, ум. въ 1604 году.

Распространилась секта антитринитаріевъ преимущественно въ *Польшѣ и Трансильваніи.*

висимость ихъ отъ помѣщиковъ стали, разумѣется, только еще болѣе тягостными.

Правительственный періодъ реформаціи въ Германіи.

Мы разобрали до сихъ поръ первые два періода реформаціоннаго движенія въ Германіи—періодъ чисто богословскій и затѣмъ періодъ соціальнаго, народнаго движенія,—періодъ, въ которомъ всѣ интересы Германской націи были затронуты и въ продолженіе котораго всѣ стремились къ осуществленію неясно и смутно еще сознаваемаго лучшаго порядка вещей. Наряду съ весьма умѣренными требованіями, какъ религіозными, такъ и связанными съ ними политическими, въ этотъ второй періодъ впервые стали появляться и радикальныя требованія.

Вслѣдствіе всѣмъ сдѣлавшагося доступнымъ слова Божія на родномъ языкѣ, явились и различныя его религіозныя толкованія, породившія разнообразныя секты.

Вслѣдствіе отсутствія въ этомъ соціальномъ движеніи единодушія и единства, всѣдствіе силы соціальной партіи и разрушительнаго ея начала, всѣ умѣренные элементы въ Германіи соединились съ консервативными и уничтожили эту угрожающую всѣмъ опасность анархіи.

Не только интеллигенція, представляемая въ городскомъ сословіи, охладѣла теперь къ умственному и религіозному броженію, какъ къ источнику анархіи, но и на самихъ реформаторовъ эти радикальныя движенія оставили свои слѣды и произвели свое вліяніе.

Лютеръ, увидавъ какое направленіе приняла реформація, во многомъ отказался отъ своихъ первоначальныхъ воззрѣній; въ немъ выработался какой-то духъ нетерпимости, не сносившій ни противорѣчій, ни малѣйшаго различія во взглядахъ. Онъ сталъ теперь горячо ратовать, между прочимъ, противъ Цвингли, швейцарскаго реформатора, несогласнаго съ нимъ въ пониманіи таинства причащенія, позабывъ, что его собственное ученіе родилось изъ критики, изъ свободнаго отъ всякаго давленія отношенія къ церковнымъ и религіознымъ вопросамъ. Онъ сталъ ратовать теперь и противъ по-

литическаго броженія, противъ мелкаго нѣмецкаго дворянства и крестьянскаго сословія, и для спасенія своего ученія отъ гибели и искорененія вмѣстѣ съ радикальнымъ движеніемъ, сталъ искать теперь защиты у правительствъ и такимъ образомъ всему своему церковному устройству придалъ монархическій характеръ, въ противоположность, какъ мы увидимъ послѣ, церковному устройству швейцарскихъ реформаторовъ.

Вотъ почему я и назвалъ послѣдній періодъ реформаціи, къ которому мы теперь и переходимъ, правительственнымъ періодомъ; начинается онъ, примѣрно, съ 1526 года.

Все, что такъ живо и страстно высказывалось въ народномъ періодѣ реформаціи, правда весьма многое и радикально, все это теперь было заглушено и подчинено интересамъ нѣмецкихъ князей, территоріальныхъ владѣтелей.

Народъ охладѣлъ послѣ крестьянскихъ войнъ къ реформатору и къ самой реформаціи и только слѣдующее поколѣніе, да и то не во всей Германіи, сознательно и по убѣжденію держалось новаго ученія.

Такимъ образомъ реформація, провозглашенная во имя свободы совѣсти, во имя высокаго и возвышеннаго пониманія христіанства, облекаясь теперь въ форму, т. е., выражаясь въ церковномъ устройствѣ, сдѣлалась новымъ рычагомъ для политическихъ стремленій князей.

Что-же въ сущности выигрывали князья черезъ реформацію?

Давно уже, какъ я говорилъ, съ XIII столѣтія крупные князья стремились не только къ округленію своихъ территорій, но и къ полной самостоятельности въ нихъ. Они стремились, сами того не замѣчая, къ раздробленію Германіи, къ образованію изъ единой монархіи союза слабо-связанныхъ между собою государей, соединяющихся только въ случаѣ общей опасности. Для достиженія этого они все XIV и XV столѣтіе домогались ослабленія императорства и дѣйствительно достигли этого; выборною граматою они еще закрѣпили эту зависимость императора отъ дворянства. Для полнаго торжества своихъ стремленій нѣмецкимъ князьямъ недоставало только въ ихъ территоріяхъ полнаго подчиненія *имъ вольныхъ* городовъ и мелкаго имперскаго дворянства;

а главное—недоставало имъ уничтоженія независимости церковной іерархіи отъ свѣтской власти и, если можно, даже—пріобрѣтенія церковнаго имущества—секуляризаціи его.

Реформаціонное церковное устройство въ этомъ отношеніи удовлетворяло ихъ стремленіямъ; съ паденіемъ католическаго церковнаго устройства церковныя имущества въ Германіи дѣлались государственными имуществами, т. е. ими распоряжался князь—владѣтель области, въ которой они находились; духовенство же, какъ независимая отъ князя корпорація, зависящая только отъ папы, исчезала и замѣнялась духовенствомъ, зависимымъ отъ князя.

Церковное управленіе—консисторія, состоявшая изъ богослововъ и свѣтскихъ членовъ, находилась въ рукахъ князя; сложная духовная юрисдикція, постоянно вмѣшивавшаяся въ свѣтскую сферу, прекращалась, и князь становился полноправнымъ судьей всѣхъ возникавшихъ духовныхъ процессовъ и дѣлъ.

Такимъ образомъ власть князей увеличивалась, территорія и доходы ихъ тоже; къ тому же пріобрѣталась ими и политическая независимость отъ папы.

Съ увеличеніемъ власти и матеріальныхъ средствъ, князья могли надѣяться, что и города, и мелкое дворянство, рано или поздно, имъ подчинятся. Слѣдовательно, реформація въ томъ видѣ, какъ она организовалась, послужила къ увеличенію власти князей и къ политическому раздробленію Германіи. Конечно, не одни эти мотивы руководили ею въ то время, но они имѣли весьма большое вліяніе на дальнѣйшее ея развитіе.

Потому-то я и говорилъ, что Карлъ V, не понявъ національнаго движенія, упустилъ удобный моментъ въ 1521 г., для того, чтобы осуществить политическое преобразованіе Германіи и достигнуть тѣмъ самымъ ея возрожденія.

Ставъ въ то время во главѣ движенія, когда еще нѣмецкіе князья не успѣли направить реформацію въ свою пользу, онъ: во-первыхъ, эманципировался бы отъ папства, и во-вторыхъ, опираясь на сочувствующее ему среднее сословіе—на города и мелкое дворянство, успѣлъ бы уничтожить самостоятельность князей и утвердить свою неограниченную власть во всей объединенной Германіи.

Теперь же, при усиленіи князей черезъ реформацію и при новыхъ, отъ нея возникшихъ, политическихъ отношеніяхъ, сдѣлать это было невозможно, и всякая попытка къ тому была бы равносильна возбужденію религіозной войны, при сильномъ преобладаніи политическихъ элементовъ, каковою и была 30-ти-лѣтняя война.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что реформаціонное церковное устройство послужило къ усиленію раздробленія Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ само страдало отъ этого раздробленія.

Въ составъ вновь образовавшейся консисторіи входили разные члены, соперничество между ними было неизбѣжное, отсюда—различное преобладаніе въ ней разнообразныхъ элементовъ, различное разрѣшеніе правъ князей, пасторовъ, церковной общины, распри между различными нѣмецкими правительствами; общаго уложенія церковнаго выработаться при этомъ, конечно, не могло; существовали даже различные взгляды на протестанскіе догматы, раздѣлявшіе протестантовъ на такъ называемыхъ „ортодоксовъ" и либераловъ.

Но неужели вся реформація кончилась такимъ чисто формальнымъ, политическимъ результатомъ; неужели все кончилось въ Германіи замѣною папскаго авторитета авторитетомъ консисторіи и князя? — Нѣтъ, кромѣ этого видимаго результата, реформація имѣла несомнѣнно еще и невидимый результатъ, чисто нравственный,—реформаціею человѣчество сдѣлало шагъ впередъ, шагъ, которому должно было теперь подчиниться отчасти и католичество.

Не смотря на то, что реформація послужила и политическимъ цѣлямъ, она тѣмъ не менѣе сняла съ христіанскаго ученія ту, наложенную на него вѣками, кору, которая изъ великихъ Христовыхъ истинъ дѣлала простой вопросъ формы, внѣшности, которая не дозволяла нравственно воспитывать человѣчество, и изъ христіанства отстраняла внутреннее его значеніе, т. е. всю его сущность. Вмѣстѣ съ тѣмъ реформація дала необыкновенный просторъ человѣческому разуму; такія личности, какъ Баконъ Веруламскій и Декартъ могли явиться только въ обществѣ, прошедшемъ черезъ реформацію. Лютеръ, Цвингли и Кальвинъ строили все свое зданіе *на народной* школѣ, на народномъ образованіи, на проповѣди

на родномъ языкѣ, на чтеніи Библіи на понятномъ для народа языкѣ.

Школою проведена была вся реформа; школою возвысился нравственный уровень народа, школою же въ молодомъ поколѣніи вселилась та высокая нравственность, которой училъ Христосъ и которая для своего обнаруженія не нуждается ни въ какихъ формахъ. Это сильное орудіе— школу, заимствовали у протестантовъ впослѣдствіи, и враги ихъ, іезуиты, и хотя дѣйствительно и достигли большихъ результатовъ въ реакціонномъ смыслѣ, но уже воротить человѣчество къ старымъ воззрѣніямъ, къ старому порядку вещей, не были въ силахъ.

Какъ реформація въ самой Германіи послѣ народнаго движенія приняла форму правительственную, такъ точно и императоръ, который могъ бы еще въ то время, понявъ тогдашнее положеніе дѣлъ, устроить Германію по своему желанію, глядѣлъ на все это движеніе, какъ на орудіе для своихъ политическихъ цѣлей и высшихъ космополитическихъ соображеній. Онъ смотрѣлъ на это движеніе, какъ на оппозицію противъ папства и радовался случаю имѣть въ рукахъ оружіе противъ папы.

Онъ началъ, какъ мы видѣли, войну съ Франціею, прерываемую перемиріями; ему весьма выгодно было имѣть папу на своей сторонѣ въ этой упорной борьбѣ Валуа съ Габсбургами изъ-за преобладанія въ Италіи и въ западной Европѣ. Руководствуясь этой антинаціональною политикою, онъ сразу, въ 1521 году, становится въ крайне натянутыя отношенія къ протестантамъ и объявляетъ даже надъ Лютеромъ государственную опалу, которая, впрочемъ, никѣмъ почти не соблюдается. Между тѣмъ, уже въ 1526 году, на Шпейерскомъ собраніи онъ даетъ приказаніе брату своему Фердинанду, намѣстнику имперіи, дѣлать всевозможныя уступки протестантамъ, такъ какъ папа Климентъ VII вступилъ въ то время въ тѣсный союзъ съ Франциском I противъ императора.

Въ 1529 и 1530 годахъ императоръ, помирившись съ Францискомъ и папою (миръ въ Камбрэ и Барселонѣ), уже снова энергически выступаетъ противъ протестантовъ и, въ *1530 году, въ Аугсбургѣ*, требуетъ соединенія ихъ съ като-

лическою церковью. Все это объясняется непониманіемъ имъ великаго національнаго значенія реформаціи для Германіи.

Этими постоянными колебаніями онъ, конечно, ничего не достигаетъ,—протестантство между тѣмъ все усиливается и распространяется даже далеко за предѣлы Германіи; протестанты-же для защиты новаго ученія заключаютъ даже политическій союзъ, такъ называемый „шмалькальденскій союзъ" протестантскихъ князей, въ которомъ участвуютъ и нѣкоторые изъ католическихъ князей.

Цѣль этого союза была—защита правъ и вольностей князей противъ деспотизма императора.

Новая опасность со стороны Франціи, соединившейся съ Турціею, для одновременнаго нападенія съ востока и запада, заставила императора, не смотря на свои угрозы протестантамъ въ 1530 году, заключить съ ними въ 1532 году религіозный миръ въ Нюренбергѣ и предоставить имъ право безнаказанно исповѣдывать новое ученіе въ своей территоріи, обѣщая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ скоромъ времени уговорить папу къ созыву собора для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ и для соглашенія обѣихъ партій.

За эти уступки имъ онъ требовалъ отъ нихъ помощи противъ турокъ, уже прошедшихъ Венгрію и подступавшихъ подъ Вѣну. Протестанты дѣйствительно помогли императору; турки были отбиты. Императоръ, успокоенный этимъ соглашеніемъ съ протестантами, которое онъ, впрочемъ, разсматривалъ только какъ временное перемиріе до болѣе удобнаго момента для искорененія ереси, отправился въ Испанію, съ цѣлью начать новую войну противъ Франціи и Турціи, нападавшей на Испанію и Италію съ сѣверныхъ береговъ Африки.

Во время этого 12-ти-лѣтняго отсутствія императора, въ теченіе котораго онъ только на весьма короткое время пріѣзжалъ въ Германію, реформація приняла тотъ правительственный характеръ, о которомъ мы говорили, и вслѣдствіе того къ новому ученію стало переходить множество князей, владѣтельныхъ герцоговъ, которые видѣли въ реформаціи свою политическую выгоду; даже много духовныхъ владѣтелей секуляризовали свои земли, обращаясь въ свѣтскихъ *герцоговъ* и графовъ. Протестантская партія такимъ обра-

зомъ, все болѣе и болѣе усиливалась и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтала самосознаніе и политическое значеніе. Она, напримѣръ, возвратила герцогу Виртембергскому его герцогство, которое отнято было у него въ наказаніе императоромъ и передано намѣстнику имперіи Фердинанду; она наказала герцога Брауншвейгскаго за притѣсненіе протестантовъ; она повсюду поддерживала малѣйшее стремленіе къ принятію новаго ученія и дѣйствительно казалось въ то время, что вся Германія сдѣлается со временемъ протестантскою страною.

Не намѣстникъ императора, не рейхсрегиментъ были высшею властью въ то время въ имперіи, а союзъ шмалькальденскихъ князей и во главѣ ихъ ландграфъ Гессенскій Филиппъ и курфюрстъ Саксонскій Іоаннъ Фридрихъ, племянникъ Фридриха Мудраго. Какъ ни желалъ и ни уговаривалъ императоръ протестантовъ соединиться и согласиться съ католиками на соборѣ, протестанты не хотѣли посылать туда своихъ богослововъ; что, впрочемъ, съ ихъ стороны было вполнѣ послѣдовательно; устраиваемыя colloquia между протестантскими и католическими богословами тоже не удавались.

Даже съ врагомъ Карла V, съ Францискомъ I, протестанты вели переговоры о взаимной помощи въ случаѣ опасности со стороны императора.

Протестантство стало, такимъ образомъ, силою, такъ что и внутренніе безпорядки въ Германіи, напримѣръ, появленіе вновь анабаптистовъ въ Мюнстерѣ и организованная тамъ Матисеномъ и Іоанномъ Лейденскимъ духовная республика была уничтожена только благодаря энергіи шмалькальденскаго союза, а не слабаго правительства. За то желаніе императора заставить избрать своего брата Фердинанда въ наслѣдники престола встрѣтило такія затрудненія, что только послѣ долгихъ переговоровъ и уступокъ шмалькальденцы на это согласились. Императоръ сознавалъ, что протестантство прямо ослабляетъ его власть, но онъ ничего не могъ предпринять рѣшительнаго противъ нихъ, такъ какъ постоянныя войны съ Франціею и Турціею отвлекали его отъ германскихъ дѣлъ; онъ даже два раза ходилъ въ это время въ Африку.

Обладая такой силой, протестанты могли бы, наконецъ,

добиться и признанія своихъ правъ; но мало было единодуш въ ихъ лагерѣ.

Подъ вліяніемъ богословскихъ споровъ уже начинали у нихъ распри, временемъ все усилившіяся; наконецъ и п литическія тенденціи не у всѣхъ были одинаковыя. Меж протестантами уже начинала образовываться императорск партія, которая, въ союзѣ съ императоромъ, надѣялась, к нечно, выиграть болѣе, чѣмъ въ оппозиціи съ нимъ,—къ эт партіи принадлежалъ, главнымъ образомъ, Морицъ, герцо Саксонскій, даже вышедшій впослѣдствіи изъ шмалькал денскаго союза.

Понятно, что при подобной опасности со стороны сп тившагося, хотя и не совсѣмъ единодушнаго протестантст императоръ на время только затаилъ противъ нихъ злобу старался различными уступками удержать ихъ въ пови веніи до окончанія войны съ Франціею и Турціею.

Необыкновенный, неожиданный для него самаго успѣ похода 1543 и 1544 годовъ приблизилъ Карла V къ е цѣли. Онъ заключилъ въ 1544 году миръ въ Креспи, ни го не потребовавъ отъ Франціи, кромѣ возвращенія отн тыхъ ею у имперіи земель.

Послѣ этихъ блестящихъ военныхъ подвиговъ пріѣха Карлъ V въ Германію, чтобы покончить съ религіознымъ политическимъ броженіемъ въ имперіи и чтобы нанести пр тестантамъ окончательный ударъ.

Реформація въ сѣверной Швейцаріи.

Мы переходимъ теперь къ реформаціонному движенію къ разбору совершившагося отпаденія отъ католическ церкви въ Швейцаріи,—странѣ, которая въ этнографическом отношеніи заключала въ себѣ элементы столько же герма скіе, сколько и романскіе и которая посему и поставляетс мною на грани перехода реформаціоннаго движенія отъ Ге маніи къ романскимъ народамъ.

Политическая самостоятельность Швейцаріи въ XV ст лѣтіи давно уже существовала de facto, хотя юридически и пр *числялась она* еще къ имперіи. Максимиліанъ I, по Базел

скому миру 1499 года, почти узаконилъ совершенное отдѣленіе Швейцаріи отъ Германской имперіи

Результаты этой продолжительной самостоятельности были однако, въ нравственномъ отношеніи, не выгодны для Швейцаріи. Поставлена она была между тремя соперниками—Франціею, императоромъ и папою.

Каждый изъ нихъ старался привлечь Швейцарію на свою сторону; каждый изъ нихъ старался расположить въ свою пользу швейцарскіе кантоны для полученія разрѣшенія вербовать въ нихъ солдатъ въ виду постоянныхъ войнъ. Города швейцарскіе, деревни, волости, цѣлые кантоны съ ихъ управленіями состояли на жалованьи у одной изъ иностранныхъ державъ; ежегодно посылали они молодежь въ чужіе края на борьбу за чужія интересы. Этимъ путемъ не только деморализировалось кантональное управленіе, естественно и сама молодежь нравственно развращалась, такъ какъ отъ количества платы, предлагаемой вербовщиками, зависила та или другая политическая окраска; сегодня бились молодые швейцарцы за одинъ принципъ, за одни національные интересы, завтра—за другіе; возвращаясь на родину, они проживали въ распутствѣ жалованье, полученное въ походѣ, зная, что деньги имъ снова легко будетъ заработать.

Утрачивалась такимъ образомъ у цѣлыхъ поколѣній любовь къ родинѣ, къ домашнему очагу, привязанность къ роднымъ горамъ и долинамъ.

Католическая церковь въ своемъ нравственномъ паденіи, конечно, не могла спасти общественной нравственности; напротивъ, она еще поддерживала общую деморализацію, такъ какъ папа нуждался самъ въ швейцарцахъ и потому не отставалъ отъ соперниковъ своихъ въ предложеніяхъ богатаго вознагражденія за вербовку. Швейцарія всегда была большою дорогою изъ Германіи въ Италію; теперь постоянныя сношенія съ послѣдней еще больше увеличились.

Понятно поэтому, что итальянскій гуманизмъ рано здѣсь распространился, привлекая лучшіе умы въ городахъ къ изученію древности.

Представителемъ классическаго направленія въ Швейцаріи можетъ считаться Генрихъ Велфлинъ, латинизированное имя котораго было Lupulus.

Вслѣдъ за гуманизмомъ явилось весьма либеральное отношеніе и направленіе въ пониманіи религіозныхъ и церковныхъ вопросовъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ Швейцаріи развитіе научное и религіозное въ кругу лучшихъ людей эпохи въ началѣ XVI столѣтія было нисколько не ниже, чѣмъ въ Германіи въ туже эпоху, съ тою только разницею что здѣсь вопросы религіозные и церковные не были такъ тѣсно связаны, какъ это было въ Германіи, съ политическими вопросами. И совершенно вѣрны поэтому слова швейцарскихъ реформаторовъ, говорившихъ, что при всемъ ихъ уваженіи къ Лютеру, они должны тѣмъ не менѣе сознаться, что все то, что встрѣчается у нихъ общаго съ нимъ въ религіозномъ культѣ, было ихъ убѣжденіемъ еще задолго до знакомства ихъ даже съ именемъ Лютера.

Въ этой средѣ гуманистовъ и подъ вліяніемъ ихъ либеральныхъ богословскихъ воззрѣній выросъ и образовался реформаторъ Швейцаріи—Ульрихъ Цвингли, родившійся въ 1484 году въ деревнѣ Вильдгаусъ, въ Топенбургской области, въ нынѣшнемъ кантонѣ Санъ-Галленъ. Сынъ мѣстнаго волостнаго старшины, зажиточнаго землевладѣльца, Цвингли выросъ въ достаткѣ, если не въ роскоши. Отсюда все глубокое различіе въ жизненной обстановкѣ его съ Лютеромъ, имѣвшей такое важное вліяніе на развитіе характеровъ этихъ двухъ реформаторовъ.

Сопоставивъ рядомъ эти двѣ личности, мы легче выяснимъ себѣ все глубокое различіе ихъ характеровъ. Вь Лютерѣ мы съ молодости замѣчаемъ какое-то мистическое направленіе; онъ стремится замолить свои грѣхи; Цвингли же выступаетъ въ жизнь безъ горя; онъ растетъ посреди республиканскаго устройства, въ которомъ отецъ его пользуется общимъ уваженіемъ. Лютеръ бросается на изученіе мистиковъ и отцевъ церкви; Цвингли изучаетъ древнихъ классиковъ; оба разрываютъ съ существующею церковью, но Лютеръ—послѣ ужасной нравственной борьбы, которой Цвингли никогда не испыталъ.

Цвингли дошелъ до тѣхъ же выводовъ, какъ и Лютеръ, путемъ критики, воспитавъ себя на раціонализмѣ древнихъ писателей, путемъ сравненія истиннаго христіанства съ ложнымъ тогдашнимъ положеніемъ католической церкви.

Первое образованіе получилъ онъ подъ руководствомъ своего дяди, затѣмъ учился онъ въ Бернѣ и Базелѣ подъ руководствомъ Велфлина и Ѳомы Виттенбаха, замѣчательнаго богослова того времени, тоже принадлежавшаго къ новому, гуманистическому направленію. Кромѣ того, Цвингли долгое время находился подъ вліяніемъ литературнаго кружка Эразма.

Въ 1499 г. уѣхалъ онъ въ Вѣну, откуда вернулся онъ въ Базель уже вполнѣ гуманистомъ и, подъ вліяніемъ Виттенбаха, рѣшился заняться богословіемъ.

Въ 1506 г. былъ онъ приглашенъ, въ качествѣ еще католическаго священника, въ швейцарскій городъ Гларусъ, гдѣ и пробылъ въ этомъ званіи 10 лѣтъ. Здѣсь, собственно, и началъ онъ готовиться къ будущей своей роли; онъ практичнѣе сталъ смотрѣть на обыденную жизнь, до того времени остававшуюся для него, какъ гуманиста, чуждою.

Въ бытность свою здѣсь священникомъ, онъ впервые понялъ націо нальныя и политическія язвы родины, исцѣлить которыя наравнѣ съ религіозными и церковными—онъ сдѣлалъ жизненною своею задачею. Въ первые годы его священства мы видимъ въ немъ еще настоящаго гуманиста, о чемъ свидѣтельствуютъ его письма; онъ интересуется изданіями Цицерона, Саллюстія, Сенеки, Горація; онъ искренно радуется пораженію, такъ называемыхъ, „обскурантовъ" въ Германіи, привѣтствуетъ направленную противъ нихъ сатиру Рейхлина—„epistolae obscurorum virorum", занимается съ молодыми людьми латинскомъ языкомъ. Въ это же время начинаетъ онъ серьезно изучать и греческій языкъ.

Тутъ открывается ему совершенно новый міръ: онъ въ состояніи, наконецъ, читать Евангліе въ подлинникѣ.

Такимъ образомъ доходитъ Цвингли до чистаго пониманія христіанства, не какъ Лютеръ послѣ изученія схоластики, мистиковъ и отцевъ церкви, а прямо изучая источникъ съ безъискуственностію гуманиста.

Въ то время мало духовныхъ было въ состояніи читать Библію въ подлинникѣ; Цвингли же зналъ ее наизусть.

Въ его тогдашнихъ проповѣдяхъ уже замѣтно было удаленіе отъ воззрѣній католической церкви, хотя самъ онъ еще не сознавалъ разрыва. Въ качествѣ полковаго священника сопро-

вождалъ онъ своихъ соотечественниковъ въ Италію, въ 1512 году, и присутствовалъ, въ 1515 г., въ битвѣ при Marignano, при позорѣ швейцарцевъ. Всѣми силами старался онъ противодѣйствовать установившемуся у швейцарскихъ волонтеровъ обычаю постоянно наниматься на службу различныхъ иностранныхъ государствъ, что носило названіе „Reislaufen“.

Съ 1516—1518 гг. находимъ мы его священникомъ при каппелѣ, воздвигнутой въ честь Божіей Матери, носящей названіе „Maria Einsiedeln“. Здѣсь находилась чудотворная икона, привлекавшая массы богомольцевъ. Онъ начинаетъ тутъ проповѣдывать о прощеніи грѣховъ не путемъ внѣшней обрядности, а черезъ внутреннее, чистосердечное раскаяніе. Его проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе. Одни радовались, найдя, наконецъ, истолкователя своихъ назрѣвшихъ религіозныхъ сомнѣній, другіе недовѣрчиво покачивали головою, не ожидая ничего хорошаго отъ этихъ смѣлыхъ, необычныхъ рѣчей молодаго реформатора.

Цвингли, стоя еще въ то время на церковный почвѣ и не рѣшаясь еще явно порвать съ Римомъ, старался возбудить въ самомъ католическомъ духовенствѣ интересъ къ церковной реформѣ и съ этой цѣлью не скрывалъ своихъ религіозныхъ воззрѣній отъ кардиналовъ, эпископовъ, прелатовъ. Онъ только горько ошибся, думая, что можно было достигнуть обновленія церкви путемъ частныхъ преобразованій.

Всевозможныя злоупотребленія въ церкви, масса суевѣрій въ народѣ такъ тѣсно переплелись съ искреннею вѣрою, господствовавшею еще въ то время почти повсемѣстно, что нельзя было ничего преобразовать, не обновивъ всего церковнаго зданія съ самаго его основанія. Съ 1519 г. переселился Цвингли въ Цюрихъ. Въ то время францисканскій монахъ Самсонъ началъ торговать индульгенціями въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ кантонахъ; Цвингли удалось настоять на томъ, чтобы его выслали изъ Швейцаріи.

Между тѣмъ Римъ, какъ мы видили, нуждался постоянно въ швейцарскомъ наемномъ войскѣ, поэтому онъ заискивалъ передъ кантональными управленіями. Викарный эпископъ даже съ похвалой высказывался объ усердіи Цвингли въ управленіи его паствою.

Въ 1521 г. явились въ Швейцарію французскіе вербов-

щики солдатъ; одинъ только кантонъ Цюрихъ, по настоянію Цвингли, отклонилъ всѣ ихъ выгодныя предложенія; когда же явились папскіе вербовщики, онъ уже не могъ удержать своихъ соотечественниковъ.

Вскорѣ явился папскій легатъ съ требованіемъ предать сожженію всѣ еретическія книги, содержащія лютеровское ученіе и объявившій всѣхъ приверженцевъ новаго ученія еретиками. Въ отвѣтъ на это кантонъ Цюрихъ постановилъ, чтобы ничего не проповѣдывалось новаго, но чтобы все религіозное ученіе основано было на чтеніи и толкованіи Ветхаго и Новаго Завѣта. Этимъ постановленіемъ они выражали свою солидарность съ Цвингли. Одновременно и начинается приведеніе въ исполненіе Цвингліевыхъ проповѣдей: уничтожаются посты, разрѣшается духовнымъ вступать въ бракъ; изъ церквей выносятся иконы, кресты, свѣчи и органы.

Рѣшившись на такое коренное преобразованіе въ церкви, Цвингли въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ рѣзко отличался отъ Лютера.

Въ то время, какъ Лютеръ сохранялъ въ церковной догматикѣ и въ церковномъ богослуженіи все то, что прямо не противорѣчило Библіи, Цвингли все отстранялъ, что прямо не находило себѣ оправданія въ Священномъ Писаніи, желая вернуться къ простѣйшей формѣ первобытнаго христіанства.

На догматъ евхаристіи смотрѣлъ Цвингли не болѣе какъ на символъ воспоминанія о Тайной Вечери и духовнаго общенія Христа съ апостолами.

Въ этомъ онъ тоже расходился съ Лютеромъ, который не отрицалъ дѣйствительнаго присутствія Христа въ самомъ таинствѣ евхаристіи. Это коренное различіе во взглядахъ на таинство повело впослѣдствіи къ сильному обостренію отношеній между Цвингли и Лютеромъ, который видѣлъ въ этомъ взглядѣ какъ бы отступничество отъ Христа и потому, подъ вліяніемъ гнѣва на Цвингли, онъ оттолкнулъ его братски протянутую руку.

„Большой совѣтъ“ въ Цюрихѣ не смотря на возникшія смуты въ церкви, вслѣдствіе задуманныхъ преобразованій, постановилъ, чтобы Цвингли по прежнему училъ чистое слово Божіе.

Такимъ *образомъ*, свѣтское управленіе, мало по малу, за-

хватывало въ свои руки церковныя дѣла, церковную администрацію; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ преобразованій: въ церкви вводится на мѣсто латинскаго языка народный языкъ; церковныя имущества употребляются на школы; монашескіе обряды уничтожаются; монастыри пустѣютъ; всякія церковныя церемоніи и процессіи отмѣняются; причастіе дается мірянамъ подъ обоими видами.

Въ Швейцаріи между кантонами начался разладъ. Старѣйшіе кантоны какъ-то: Люцернъ, Цугъ, Швицъ, Ури, Унтервальденъ и присоединившіеся къ нимъ—Фрейбургъ и Валлисъ крѣпко держались стараго порядка вещей.

Того-же направленія держалась и патриціанская олигархія въ Швейцаріи, такъ какъ съ реформою теряла она свои доходы, пенсіоны и земельную собственность, вслѣдствіе демократическаго направленія реформы.

Все-же, что въ деревнѣ и городѣ думало демократически, естественно стояло за реформу, проводимую Цвингли.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что и въ Швейцаріи религіозная борьба становилась на чисто политическую почву. Цвингли это хорошо понималъ и потому, преобразовавъ церковь, онъ хотѣлъ преобразовать и союзное управленіе и управленіе каждаго отдѣльнаго кантона.

Онъ первый задумалъ дать всѣмъ швейцарскимъ кантонамъ общее уложеніе, которое существуетъ и по нынѣ. Съ этою цѣлью онъ хотѣлъ сломить долголѣтнее преобладаніе кантона Uri надъ другими кантонами; придавъ бòльшимъ кантонамъ подобающее имъ значеніе, соотвѣтствующее ихъ силѣ, могуществу и степени народнаго образованія въ нихъ.

Отсюда ясно, что для кантона Uri реформа, задуманная Цвингли, была равносильна ереси и революціи; защита же старой католической церкви—была защитою собственной власти и политическаго положенія.

Пять первобытныхъ кантоновъ, о которыхъ мы только-что упоминали, соединились съ Австріею, исконнымъ врагомъ Швейцаріи; протестантскіе же кантоны, допустившіе у себя распространеніе ученія Цвингли, соединились съ имперскими городами Страсбургомъ и Констанцемъ. Соперники, послѣ продолжительныхъ стычекъ и перемирій, столкнулись наконецъ при швейцарскомъ городѣ Капеллѣ въ 1531 г. Здѣсь про-

тестантская партія потерпѣла полное пораженіе. Въ этой же битвѣ погибъ и Цвингли, горячо отстаивавшій интересы протестантской партіи.

Слѣдовательно, мы видимъ, что и въ Швейцаріи, какъ и въ Германіи, все церковное и политическое устройство предоставлено было волѣ отдѣльной мѣстной власти; и тамъ, и тутъ не было единой, сильной государственной власти, чтобы направить государственные вопросы къ единой, общей государственной цѣли.

Отъ безсилія борющихся внутри страны партій, отъ невозможности ни для одной изъ нихъ побороть остальныя, какъ въ Швейцаріи, такъ и въ Германіи происходилъ общій разладъ, оказывавшій вліяніе на правильный ходъ государственнаго организма. Итакъ, мы видѣли, что Цвингли своею реформою выдвинулъ принципъ преобладанія городской общины, завѣдывающей всѣми церковными вопросами въ мѣстной области.

Швейцарія, въ этомъ отношеніи, первая возбудила этотъ вопросъ и довела его до практическаго осуществленія.

Реформація въ южной Швейцаріи.

Проникла реформація и въ романскую Швейцарію, но тамъ приняла она нѣсколько иной оттѣнокъ, обусловленный отчасти самою личностью реформатора. Гильомъ Фарель изъ Французской области Дофинэ и проповѣдникъ Viret были первыми предвозвѣстниками новаго ученія въ нынѣшнихъ французскихъ кантонахъ Швейцаріи и подготовили почву для будущей реформаторской дѣятельности Кальвина въ Женевѣ. Родился Іоаннъ Кальвинъ въ 1509 г., въ Нуйонѣ, въ Пикардіи. Въ Женевѣ поселился онъ въ 1536 г. и сдѣлался настоящимъ основателемъ реформатской церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и учредителемъ республиканскаго устройства въ Женевѣ.

Его крайняя суровость и пуританскіе нравы, которые онъ проповѣдывалъ, скоро навлекли на него гоненія въ особенности со стороны высшихъ классовъ.

Онъ даже долженъ былъ на время удалиться изъ Женевы чтобы успокоить народное волненіе, возбужденное его рефор-

маторскою дѣятельностью. Женева всецѣло обязана Кальі своимъ процвѣтаніемъ и значеніемъ.

Она сдѣлалась такимъ же центромъ реформаціонной жі на югѣ, какимъ былъ Виттенбергъ на сѣверѣ.

Ученіе Кальвина, въ томъ видѣ, какъ онъ его разв въ своемъ „Наставленіе христіанской жизни", вполнѣ нос на себѣ характеръ и личныя особенности своего основат

Онъ отличался необыкновенною рѣзкостью, безпощад строгостью къ себѣ и другимъ, непоколебимою твердос: но умъ его былъ крайне односторонній и потому, естестве: подъ вліяніемъ сильнаго религіознаго чувства, реформа: ская дѣятельность сдѣлала изъ него фанатика.

Суровость его по отношенію къ общественнымъ прав доходила до того, что онъ запрещалъ всякія обществен: развлеченія, даже самыя невинныя, какъ-то: театраль: представленія, концерты, танцы и проч. Нетерпимость Ка вина къ чужимъ богословскимъ мнѣніямъ не остановила даже передъ рѣшимостью подвергнуть публичной казнѣ кострѣ своего богословскаго противника Серве (Servet),] ходившагося съ нимъ въ нѣкоторыхъ догматахъ.

По воззрѣніямъ своимъ на догматъ евхаристіи Кальв занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между Цвингли и Лютерс

Единственное серьезное различіе въ догматическомъ у ніи Кальвина отъ прочихъ реформаціонныхъ богословскі сектъ, заключается въ догматѣ „о предопредѣленіи", ко рый Кальвинъ первый строго установилъ въ христіанс догматикѣ.

Въ основѣ церковнаго устройства кальвинистской цер находился синодъ, состоявшій изъ „совѣта старшинъ", высшей степени сурово управлявшаго всѣми духовными лами; вся законодательная церковная власть была въ рукахъ.

Кальвинизмъ изъ французскихъ кантоновъ Швейцаріи р пространился въ особенности на югѣ Франціи; привержев этого ученія приняли здѣсь названіе „гугенотовъ", отъ і мецкаго: „eidgenossen", т. е., „присяжные союзники".

Проникнувъ въ Нидерланды изъ Франціи, кальвиниз послѣ кровавой борьбы одержалъ верхъ тамъ въ сѣверны *провинціяхъ*, въ нынѣшней Голландіи; слѣдствіемъ чего бы

введеніе въ этихъ провинціяхъ республиканскихъ учрежденій и независимость отъ испанскаго господства.

Имѣлъ кальвинизмъ вліяніе и на пресвитеріянскую церковь въ Англіи и въ особенности въ Шотландіи, гдѣ демократическія основы его высказались во всей своей рѣзкости.

Реформація у южныхъ европейскихъ народовъ.

Мы переходимъ теперь къ краткому очерку реформаціоннаго движенія на югѣ, въ южно-европейскихъ странахъ—въ Испаніи, Италіи и Франціи и прослѣдимъ характерныя его особенности, отличающія его рѣзко отъ реформаціоннаго движенія на сѣверѣ.

Для болѣе нагляднаго выясненія этого различія, считаю необходимымъ здѣсь припомнить характерныя особенности реформаціоннаго броженія у сѣверныхъ племенъ и сопоставить ихъ съ основными чертами, которыя мы отмѣтимъ при изложеніи реформаціоннаго движенія у романскихъ племенъ.

У германскихъ народовъ связь съ Римомъ хотя и была вѣковая, всегда была чуждою народу, и хотя въ то время еще національные вопросы не были жгучими вопросами дня, но все-таки инстинктивно всегда чувствовалось всѣми тайное неудовольствіе отъ римской зависимости,—не удовольствіе, которое росло съ каждымъ столѣтіемъ, и къ XVI столѣтію, при развитіи самосознанія массы, превратилось въ общее всѣмъ требованіе отдѣленія отъ Рима.

Къ тому же нравственное паденіе католической іерархіи и рядомъ съ нимъ постоянно увеличивавшійся умственный гнетъ церкви надъ всѣми отправленіями средневѣковой жизни развивали еще болѣе существовавшую въ германской народности ненависть къ источнику этого гнета,—къ римской куріи.

Естественно, что борьба съ Римомъ у германскихъ племенъ была національною борьбою, близкою каждому по тѣмъ или другимъ соображеніямъ.

Этими, вѣками созданными, отношеніями къ Риму, глубокимъ различіемъ германской и римской культуръ и объ-

ясняется то обстоятельство, что у германскихъ племе
реформація должна была, рано или поздно, одержать вер
если и не быть признанною господствующею религіею
той или другой формѣ. Реформація въ Германіи, благода
этимъ историческимъ условіямъ, должна была сдѣлат
равноправною съ католичествомъ.

Изъ всѣхъ государствъ этой германской расы, Герман
собственно, болѣе другихъ страдала и зависѣла отъ Ри
потому-то, естественно, болѣе и ненавидѣла его во всѣ
слояхъ; тамъ народное движеніе было всего сильнѣе, и п
раздробленіи Германіи не могло быть въ началѣ сдержа
извнѣ правительствомъ.

Въ Англіи, Даніи и Швеціи, гдѣ центральная вла
все-таки была сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, правительс
воспользовались новымъ ученіемъ для своей выгоды и у
личили, такимъ образомъ, свою монархическую власть чер
принятіе протестантства. Данія и Швейцарія только съ эт
времени и начинаютъ играть роль въ исторіи.

Въ Англіи королевская власть тоже увеличилась, бла
даря реформаціи.

Въ Германіи, какъ мы видѣли, благодаря ей, усилил
отдѣльные князья и установилось гибельное для государс
раздробленіе.

Великія, провозглашенныя реформаціею истины, въ нача
религіознаго броженія нѣсколько исказились, какъ ск
облеклись въ форму и были приспособлены къ земны
интересамъ. Свобода совѣсти, убѣжденій, была призна
хоть и не осуществлена; государство развилось въ са
стоятельный организмъ.

Шагъ несомнѣнно былъ сдѣланъ впередъ, но не так
къ какому стремились реформаторы.

Церковь, сперва подчинявшая себѣ государство, бы
теперь сама подчинена ему, а между тѣмъ вопросъ о гра
цахъ этого подчиненія не былъ ни разу вполнѣ разрѣш
и до сихъ поръ онъ волнуетъ Европу,—до сихъ поръ жд
своего окончательнаго разрѣшенія.

Въ сѣверной Германіи реформація заключала въ с
элементъ монархическій; въ Швейцаріи—она выдвинула
*вое полити*ческое начало—церковную общину.

Тамъ „summum jus circa sacrum“ имѣлъ государь, здѣсь—община

Между тѣмъ у романскихъ народовъ реформація не имѣла и не могла имѣть такого значенія. Романскіе народы тѣснѣе связаны были съ Римомъ; зависимость ихъ отъ Рима была древнѣе, и христіанскій періодъ казался имъ продолженіемъ языческаго; къ тому же пышная, даже театральная внѣшность, приданная христіанскому культу Римомъ, говорившая больше чувству, чѣмъ разуму, была совершенно необходима для романскихъ народовъ; она вполнѣ соотвѣтствовала ихъ національному характеру, ихъ темпераменту и пылкому воображенію, развившимся, при извѣстныхъ географическихъ условіяхъ, тогда какъ она оставалась совершенно чуждою холодному разсудочному характеру германскаго народа.

Поэтому, естественно, что нравственная связь съ исходящимъ изъ Рима католичествомъ была сильнѣе у романцевъ, чѣмъ у германцевъ (*) и, не смотря на это, въ XV и XVI столѣтіяхъ, замѣчаемъ мы и у романцевъ религіозное броженіе весьма сильное.

Существенное различіе въ его правленіяхъ отъ реформаціоннаго движенія у германцевъ заключается въ томъ, что оно ограничилось у романцевъ только высшимъ и среднимъ сословіями; въ массу же не переходило; реформація у нихъ никогда не была народнымъ движеніемъ, а пустила корни исключительно въ образованномъ классѣ и обратилась, такимъ образомъ скорѣе въ литературное, гуманистическое направленіе, а потому и не могла добиться признанія въ цѣлой націи и была скоро побѣждена другими теченіями.

Какое же было глубокое, нравственное паденіе церкви, если и тутъ, на римской, такъ сказать, почвѣ явилась сильная антицерковная оппозиція!

Изъ всѣхъ романскихъ государствъ въ Испаніи реформаціонное движеніе выразилось слабѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, хотя и тамъ, въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій,

---

(*) Одинъ путешественникъ разсказываетъ, что, участвуя въ южной Италіи въ одной церковной процессіи, онъ впервые дѣйствительно понялъ всю необходимость для жителей юга пышнаго, чувственнаго католическаго культа.

мы замѣчаемъ въ образованномъ классѣ и даже въ правительствѣ нѣкоторую оппозицію противъ современнаго церковнаго устройства, и раздаются отдѣльные голоса, настойчиво требующіе реформы; но эта оппозиція носила въ Испаніи совершенно особый характеръ.

Въ Испаніи подъ реформаціей всегда понимали отстраненіе церковныхъ злоупотребленій, лучшую администрацію- т. е. напримѣръ: назначеніе людей достойныхъ и нравственныхъ на духовныя должности; сущности же самой реформаціи, т. е. провозглашенія новаго принципа подъ понятіемъ реформаціи въ Испаніи никогда не понимали.

Въ этомъ реформаторскомъ смыслѣ и дѣйствовали испанскіе духовные на Тридентскомъ соборѣ, въ январѣ 1562 г. (3-ья сессія засѣданій собора), и достигли нѣкотораго обновленія католической церкви.

Было, впрочемъ, и въ Испаніи нѣсколько лицъ, какъ видно теперь изъ новаго, открытаго за послѣднее время, архивнаго матеріала, увлекавшихся идеями нѣмецкой реформаціи.

Они увлекались идеями нѣмецкихъ мистиковъ; въ средѣ монаховъ и монахинь встрѣчали эти идеи особенное сочувствіе; но стараніями инквизиціи и духовной цензуры, опубликовавшей обширнѣйшій „index prohibitorum librorum“, это направленіе было скоро уничтожено, да оно и не могло имѣть большаго значенія, какъ крайне исключительное и не народное (*).

Даже въ самой Италіи реформація пустила глубокіе корни, выразившись преимущественно въ антицерковной оппозиціи.

Отличалась она отъ такой же оппозиціи, одновременно развившейся въ Германіи, тѣмъ, что тутъ, въ Италіи, среди самаго духовенства и даже высшей его іерархіи явилось стремленіе къ нравственному обновленію церкви, конечно, съ цѣлью противодѣйствія новому протестантскому ученію.

Явился здѣсь цѣлый рядъ новыхъ монашескихъ орденовъ, положившихъ себѣ задачею—нравственное возвышеніе духовнаго сана путемъ образованія; таковъ, напримѣръ, орденъ театиновъ, основанный при папѣ Павлѣ IV въ 1540 году, или—

(*) См. Maurenbrecher—Studien und Skizzen zur Reformations *Zeit* 1874, и его же Kirchenreformation in Spanien.

путемъ благочестія, какъ, напримѣръ, духовная община, такъ называемыхъ, „отцевъ ораторійцевъ", основанная Филиппомъ Нерійскимъ, съ цѣлью ухода за больными, нравственнаго улучшенія жизни и проч.

Приблизительно къ этому же времени относится въ католическомъ мірѣ основаніе и, такъ называемаго, „общества сердобольныхъ братьевъ" извѣстнымъ португальцемъ Іоанномъ de'Dio, а также и—общины сестеръ милосердія „soeurs de charité," основанной вдовою Ле-Гра въ 1624 году, при содѣйствіи знаменитаго католическаго сподвижника Санъ-Винцентъ де-Поль (St. Vincent de Paul). Далѣе извѣстна также „община урсулинокъ"—„les soeurs Ursulines", основанная въ 1537 году Анджелою Брестіанскою для воспитанія дѣвицъ.

Всѣ эти духовныя общины и новые монашескіе ордена должны были нравственно обновить католичество, очистить его отъ тѣхъ, вѣками образовавшихся въ немъ, язвъ и гибельныхъ злоупотребленій, на которыя такъ справедливо указывала реформація, не оставшаяся безъ отголоска и въ самой Италіи, вблизи отъ вѣчнаго города.

Одновременно съ этимъ благочестивая дѣятельность Карла Борромео, умершаго въ 1587 году, въ Миланѣ, была направлена къ обращенію еретиковъ въ католичество въ южныхъ склонахъ Альпъ, тогда какъ Женевскій епископъ Францискъ де-Саль, умершій въ 1622 году своими религіозно-мистическими сочиненіями, изложенными въ общедоступной формѣ, старался нравственно вліять на своихъ современниковъ.

За то во Франціи реформаціонное движеніе было весьма сильное, правда ограничиваясь только высшимъ и среднимъ классами населенія.

Оно приняло здѣсь, какъ и въ Италіи, скорѣе гуманистическое направленіе, въ чемъ много способствовала ему критика въ л. ицѣРабелэ, 1483—1553, и впослѣдствіи—Монтень, 1533—1592.

Отголоски альбигойской и вальденской ереси всегда продолжали существовать во Франціи, въ особенности на югѣ.

Еще до 1517 г. Лефевръ (Faber Stapulensis), профессоръ въ Сорбоннѣ, выступилъ съ ученіемъ объ оправданіи черезъ вѣру (лютеровская тема). Онъ перевелъ Библію на французскій языкъ въ 1523 году. Въ томъ же духѣ дѣйствовалъ и

ученикъ его Фарель въ Женевѣ. Извѣстны также имена: эпископа Бриссонэ, явно выступавшаго за Лютера, также и Русель—духовника королевы Наварской Маргариты, и Беркинъ—переводчика Еразма.

Францискъ I не противодѣйствовалъ реформаціонному движенію. Блестящій, отважный, славолюбивый, вѣтренный, онъ смотрѣлъ на религію только, какъ на необходимую форму. Гуманистическое направленіе при немъ сильно развилось, а вмѣстѣ съ нимъ и искусство, и литература. Все это его привлекало и занимало; онъ еще не понималъ ни результатовъ, ни цѣли реформаціоннаго движенія, да это и было трудно, такъ какъ не было съ этомъ движеніи въ то время ни настоящаго руководителя, ни центра (*).

Повторяли мысли нѣмецкихъ реформаторовъ, появлялись книги въ ихъ духѣ—это была новая гуманистическая струя, много способствовавшая подготовкѣ почвы для сѣмянъ реформаціоннаго ученія.

Католическая реакція.

Мы прослѣдили до сихъ поръ реформацію въ Германіи, Швейцаріи и у романскихъ народовъ.

Это было революціонное время въ религіозномъ, умственномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Это была борьба чистаго разума противъ угнетавшаго его нѣсколько столѣтій церковнаго авторитета, побѣда надъ оковами, наложенными церковью надъ всѣми проявленіями человѣческой жизни.

Всѣ основанія, на которыхъ зиждился средневѣковый порядокъ вещей, были разрушены; вмѣсто слѣпаго послушанія авторитету папы и іерархіи провозглашена была свобода совѣсти и мысли; вмѣсто зависимости государства отъ церкви была провозглашена идея равноправности государства и даже подчиненія ему церкви.

(*) См. Béza — Histoire ecclésiastique des églises réformées. Anvers, 1580. Polenz — Geschichte des französischen Calvinismus. Mémoires de Talannes, Montlue, Vielville (collection *Petitot*). Ranke—Französische Geschichte.

Если нѣкоторыя идеи, проповѣдуемыя въ началѣ реформаціи, и не осуществились вполнѣ, какъ, напримѣръ,—свобода совѣсти и вѣротерпимости и если не были строго опредѣлены и разграничены права церкви и государства и оставлено это было въ наслѣдіе послѣдующимъ вѣкамъ, то все же значительный шагъ впередъ былъ сдѣланъ и положено начало, новому развитію, новой эпохѣ въ человѣчествѣ.

Естественно, что папство, какъ представитель стараго, отживающаго порядка вещей, не могло добровольно уступить новому реформаціонному началу.

Первое время еще происходили въ немъ колебанія, появлялись буллы противъ отдѣльныхъ еретиковъ, открывались помѣстные соборы, назначались богословскія colloquia.

Но затѣмъ уже, въ виду все усиливающейся опасности, папство приняло твердое рѣшеніе—бороться всѣми, зависящими отъ него, мѣрами съ реформаціею, какъ только ясно сознало, что реформація провозгласила новый, опасный для него принципъ, подкапывающійся подъ все средневѣковое зданіе.

Въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтія, при самомъ папскомъ дворѣ замѣчается переворотъ въ его политикѣ по отношенію къ реформаціонному движенію. Въ самой іерархіи замѣтна какая-то новая, обновляющая жизнь, струя, какъ всегда бываетъ послѣ сильныхъ ударовъ извнѣ, подобно тому, какъ и въ XIII столѣтіи ордена францисканов и доминикановъ поддержали на время церковь противъ оппозиціи.

Конечно, современники объясняли всю реформацію внѣшнимъ паденіемъ церкви, отсутствіемъ истиннаго религіознаго чувства въ духовенствѣ, и потому лучшіе представители тогдашней католической іерархіи и старались воскресить въ духовенствѣ, вдохнуть въ него эту утраченную имъ добродѣтель.

Этимъ обновляющимъ духомъ повѣяло прежде всего отъ испанскаго духовенства, менѣе остальныхъ испорченнаго, и отъ лучшихъ представителей итальянскаго духовенства.

Эти личности, какъ мы видѣли, стремились обновить церковь, возродить монашество въ его первоначальной чистотѣ. Началось движеніе среди монашескихъ орденовъ; были установлены строгія правила, напримѣръ во вновь учрежден-

номъ орденѣ „Camaldoli“, отдѣлившемся отъ францисканскаго ордена.

Одновременно стремилась католическая церковь и къ открытію семинарій для прелатовъ, но вмѣсто этого семинаріи эти скоро обратились въ разсадники будущихъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, куда принимались, исключительно, молодые люди изъ высшаго дворянства.

Учреждена была, между прочимъ, „congregatio de Somasca“ для воспитанія и призрѣнія сиротъ. Много учреждалось въ то время госпиталей въ городахъ, напримѣръ, въ Веронѣ, Комо, Феррарѣ и другихъ.

Та же цѣль—воспитаніе дѣтей и сиротъ, проповѣдь и нравственный примѣръ—руководила учредителями и ордена Барнабитовъ, но ограниченность средствъ и нѣкоторыя побочныя обстоятельства не дали имъ возможности достичь значительныхъ результатовъ. Папство, впрочемъ, въ началѣ и на этотъ отрадный симптомъ, на эту обновляющую струю въ монашествѣ смотрѣло равнодушно и скорѣе недовѣрчиво. Монахи въ разное время много причинили горя папству, напримѣръ, монашескіе ордена францисканцевъ, доминиканъ и августиновъ.

Но вотъ явился орденъ, въ силѣ котораго папство должно было скоро убѣдиться. Онъ на долго поддержалъ папство въ послѣдующіе вѣка и былъ главнымъ рычагомъ послѣдовавшей реакціи, къ изложенію которой мы теперь и переходимъ—это былъ, такъ называемый, знаменитый „іезуитскій орденъ“, возникшій въ Испаніи.

Въ Испаніи, какъ мы знаемъ, въ то время еще сохранялось средневѣковое рыцарство, поддерживаемое тамъ постоянною борьбою съ невѣрными, съ морисками; эта борьба вмѣстѣ съ тѣмъ развивала и религіозный энтузіазмъ въ народѣ.

Изъ Испаніи вышелъ основатель новаго ордена — Донъ-Иниго Лопецъ де-Рекальдо, изъ замка Лайола, происходившій изъ древняго дворянскаго рода.

Родился онъ въ 1491 году. Онъ съ молодости воодушевленъ былъ стремленіемъ къ рыцарской славѣ, къ великимъ рыцарскимъ подвигамъ и отличался необыкновеннымъ религіознымъ энтузіазмомъ. Выросъ онъ при дворѣ Фердинанда

Католика, потомъ посѣщалъ дворъ и Карла V. Въ 1521 году онъ былъ раненъ при защитѣ города Памплуны въ наварской области, осажденной французами. Рана эта на всегда лишила его возможности продолжать военную службу. Во время своего леченія онъ зачитывался книгами религіознаго содержанія, житіями святыхъ и христіанскихъ сподвижниковъ. Фантазія его, и безъ того сильная, успѣла еще сильнѣе разыграться отъ этого чтенія и, сознавая свою неспособность къ военнымъ подвигамъ, онъ рѣшился вполнѣ посвятить себя религіознымъ подвигамъ, надѣясь совершить великія дѣла подобно святымъ, претерпѣвая еще большія, чѣмъ они, лишенія и принося еще большія жертвы. Ему являлись видѣнія. Оправившись отъ болѣзни, онъ роздалъ все свое состояніе бѣднымъ и рѣшился отправиться въ Палестину. По дорогѣ туда онъ претерпѣвалъ страшныя душевныя страданія, подобно Лютеру, но Лютеръ вышелъ изъ волнующихъ его сомнѣній изученіемъ отцовъ церкви, тогда какъ Лайола находилъ себѣ утѣшеніе въ богатой своей фантазіи. Онъ рѣшился, наконецъ, порвать совершенно съ прошедшимъ и начать новую жизнь, посвященную всецѣло служенію Богу. Лайола такимъ образомъ искалъ спасенія въ дѣлахъ, Лютеръ же—въ вѣрѣ.

Отправился онъ въ Палестину проповѣдовать невѣрнымъ. Въ 1523 году, какъ паломникъ, въ лишеніяхъ уѣхалъ онъ изъ Испаніи.

Отсутствіе богословскаго образованія не давало ему возможности выступить въ качествѣ проповѣдника, но такъ какъ онъ былъ крайне религіозно настроенъ и страстно желалъ проповѣдывать, то и рѣшился, по возвращеніи въ Испанію, не смотря на свои годы, посѣщать богословскіе факультеты въ испанскихъ университетахъ Барселонѣ, Алькала Саламанкѣ, и тамъ началъ, такъ сказать, съ азбуки; потомъ продолжалъ онъ свои занятія въ Сорбоннѣ. Сдружился онъ въ Парижѣ съ Ленезомъ, Пьеромъ Лефевръ, Родригезомъ, Францомъ Ксавье, Салмерономъ, Бобадиллой и другими.

Въ 1534 году далъ онъ обѣтъ на Монматрѣ, въ церкви св. Маріи, жить въ нищетѣ, порвать со свѣтомъ, обращать невѣрныхъ въ католичество и слѣпо повиноваться церкви, т. е. папѣ. Такимъ образомъ дѣятельность его принимала *уже практическій* характеръ.

Вмѣстѣ съ нимъ многіе изъ его друзей и учениковъ тоже дали одинаковый съ нимъ обѣтъ—слѣпаго повиновенія церкви и начали свою проповѣдническую дѣятельность, гдѣ бы ни пришлось,—на улицахъ и площадяхъ.

Папа далъ имъ свое благословеніе, отправляя ихъ въ миссію среди невѣрныхъ.

Но Игнатій понималъ, что пока не будетъ правильной организаціи среди его товарищей, нельзя будетъ достигнуть великой, предположенной имъ цѣли.

Въ 1538 году явился онъ въ Римъ и представилъ папѣ выработанный имъ уставъ своего общества, названнаго имъ „Campagnia Jesu“ или „Societas Jesu“. Это былъ не орденъ, а скорѣе воинство Іисуса, выступившее противъ царства сатаны. Обязательно было для членовъ его: безбрачіе, бѣдность, вполнѣ безпрекословное подчиненіе папѣ; они стали вполнѣ слѣпыми орудіями въ его рукахъ; они сами себя называли „cadaver et lignum“ и указывали на возникновеніе ордена, какъ на перстъ Божій—„hic est digitus Dei“, говорили они (*).

Послѣ нѣкотораго колебанія папа утвердилъ этотъ уставъ (1540 года 17 сентября), но съ нѣкоторыми ограниченіями, напримѣръ, ограничено было число членовъ ордена цифрою 60, что, впрочемъ, скоро было отмѣнено. Они стали въ дѣйствительности воинствующею церковью—„ecclesia militans“.

Іезуиты соединяли въ себѣ всѣ отличительныя черты другихъ орденовъ, могущія еще въ то время поддержать и спасти колебавшуюся церковь—проповѣдь, исповѣдь и школьное обученіе религіи.

Къ этому всему присоединялось еще у іезуитовъ—политическое направленіе, такъ как въ ихъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ папство вполнѣ сливалось съ церковью и потому поддерживать церковь—значило для нихъ поддерживать властолюбіе папы.

Такимъ образомъ началась дѣятельность іезуитовъ съ крайняго аскетизма, сдѣлавшись скоро чисто практическою. Они не хотѣли быть монашескимъ орденомъ, не хотѣли называть

(*) См. Huber, профессоръ Мюнхенскаго университета, его сочиненіе: „Les jésuites, traduit par Alfred Marchand“ 2 tomes. Paris, *Sand., 1875.*

своихъ мѣстопребываній—монастырями; они освобождены были отъ обязательной молитвы и всякихъ монастырскихъ занятій; не имѣли установленной одежды, ходили даже въ партикулярномъ платьѣ, однимъ словомъ—жили какъ солдаты въ лагерѣ, постоянно готовые къ переходамъ.

Познакомимся теперь съ уставомъ ордена и его устройствомъ, тогда намъ будетъ ясна и та сила, которою онъ обладалъ.

Уставъ составленъ былъ Лайолой, но дополненъ и нѣсколько измѣненъ Лайнезомъ и эта послѣдняя редакція собственно и была главною и сохранилась въ теченіи всего существованія ордена.

Организація ордена носила на себѣ характеръ строго военный и монархическій, съ другой стороны, она имѣла и аристократическій отпечатокъ, такъ какъ выборъ генерала и все законодательство принадлежало генеральному собранію ордена, состоявшему изъ важнѣйшихъ его членовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ организація ордена имѣла и демократическія черты, такъ какъ всякій іезуитъ могъ за заслуги ордену восходить до высшихъ степеней.

Во главѣ ордена былъ „генералъ", которому все должно было безпрекословно повиноваться, такъ какъ дисциплина была главнымъ рычагомъ успѣха.

Члены ордена должны были вполнѣ подчинить свою волю воли своего генерала; этотъ послѣдній обязанъ былъ придерживаться законовъ, но въ границахъ ихъ могъ дѣйствовать совершенно самостоятельно.

Должность эту занималъ онъ пожизненно, развѣ онъ самъ заставитъ себя низложить.

При немъ находился admonitor и 4 ассистента; первый изъ нихъ долженъ былъ за нимъ наблюдать, послѣдніе были его ближайшими совѣтниками.

Пріему въ нисшую степень ордена предшествовалъ двухлѣтній новиціатъ - искусъ; условіемъ для поступленія было—пріятная внѣшность, даже красивая наружность, привлекательность, здоровье, пріятная рѣчь. Не допускались въ члены ордена — еретики или вообще запятнавшіе себя ересью, преступники, члены другихъ орденовъ, лица женатые, рабы, умалишенные и обладающіе тѣлесными недостатками. Однако,

допускались и тутъ исключенія, такъ какъ все зависѣло отъ воли начальника.

Члены ордена могли быть свѣтскіе или духовные, сообразно съ этимъ и предшествовавшій поступленію искусъ для нихъ мѣнялся.

Въ эти два года искуса должно было произойти во вновь поступившемъ совершенное убіеніе всякаго самостоятельнаго мышленія, всего живаго и инвидуальнаго.

Испытанные „novici", дѣятельность которыхъ должна была происходить въ свѣтѣ, дѣлались свѣтскими „coadjutor'ами" и исполняли свѣтскія обязанности, нанимались въ качествѣ прислуги, управляющихъ помѣстій и домовъ, поваровъ и т. п.

Они давали три обѣта: послушанія, бѣдности и цѣломудрія. „Novici" духовные начинали послѣ 3-хъ обѣтовъ свое ученіе, какъ „scholastici". Жили они въ коллегіяхъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ректора.

Два года употребляли они на изученіе риторики и литературы, философіи, физики и математики. Затѣмъ уже ихъ подвигали въ духовные „coadjutores" и дѣлались они членами ордена, исправляя какую-нибудь обязанность при іезуитскихъ школахъ.

Послѣ этого они приступали къ изученію богословія, въ продолженіи отъ четырехъ до шести лѣтъ и потомъ уже только удостоивались священническаго сана.

Духовные „coadjutores" могли быть дѣлаемы ректорами и прокураторами; ихъ употребляли на важныя дѣла ордена, какъ помощниковъ, такъ называемыхъ, „professi". Имѣли они доступъ въ конгрегацію, какъ депутаты, съ правомъ голоса, кромѣ въ вопросѣ о выборѣ генерала ордена. Если они оказывались способными и дѣльными, то предстояло имъ повышеніе въ „professi 3-хъ и 4-хъ обѣтовъ".

Права и обязанности, такъ называемыхъ, „professi 3-хъ обѣтовъ" были тѣ же, что и у coadjuto'ровъ съ присоединеніемъ только обязанности обученія юношества.

Къ этому классу относились члены ордена, находящіеся внѣ его, духовныя и свѣтскія лица, живущія въ свѣтѣ, ходившія въ обыкновенной одеждѣ, даже женатыя, совершенно не дающія повода подозрѣвать, что они принадлежали къ ордену.

Сами іезуиты гордились, что въ ихъ спискахъ значились высокопоставленныя духовныя и свѣтскія лица; они назы-

вали въ числѣ ихъ, напримѣръ, Фердинанда II и III, Сигизмунда III, польскаго короля, и Максимиліана I, баварскаго короля. Даже женщины числились въ ихъ спискахъ, напримѣръ, мать императора Рудольфа II.

„Professi 4-хъ обѣтовъ“ составляли, какъ бы, ядро ордена, они были настоящіе и совершеннѣйшіе іезуиты, это были „nostri“ въ противоположность „externi“, т. е. „professi 3-хъ обѣтовъ“. Ихъ было не много: на 100 „professi 3-хъ обѣтовъ“ примѣрно приходилось не болѣе 2-хъ „professi 4-хъ обѣтовъ“. Они не могли быть моложе 43 лѣтъ, должны были отличаться добродѣтелью и ученостью, и подвергались еще предварительно двухъ-годовому испытанію. Этотъ 4-й обѣтъ обязывалъ ихъ къ особенному послушанію папѣ и къ миссіи среди невѣрныхъ и еретиковъ. Особенная ихъ, сравнительно съ другими, обязанность заключалась въ руководствѣ совѣстью, въ качествѣ духовниковъ, сильныхъ міра сего.

Ими замѣщались всѣ высшія должности въ орденѣ. Эти три класса образовали, какъ бы, концентрическіе круги вокругъ генерала ордена.

Іезуиты должны были точно изучать способности, характеръ и темпераментъ каждаго, поступающаго въ орденъ. Въ іезуитскихъ школахъ развита была система доносовъ.

Іезуитъ долженъ былъ вполнѣ проникнуться мыслью и волею своего начальника, долженъ былъ считать истиннымъ и справедливымъ все то, что тотъ приказывалъ; слова начальника должны были приниматься, какъ слова самого Христа. Всякій членъ ордена долженъ былъ въ рукахъ начальника обратиться въ „трупъ и посохъ старца“— „si cadaver essent vel similiter senis baculus“.

Слѣдовательно, полная духовная власть была необходимымъ условіемъ для всякаго подчиненнаго іезуита по отношенію къ начальнику.

Уложеніе ордена іезуитовъ изложено было въ такъ называемыхъ „Constitutiones“. Первая редакція устава составлена была Игнатіемъ Лайолой; въ окончательную же форму, присоединивъ къ ней „declarationes“, привели ее Лайнезъ и Сальмеронъ.

Всѣ изданія устава, до римскаго изданія 1606 г. и ліонскаго 1607 г., были сохраняемы въ тайнѣ; лучшее изданіе,

но не полное собраніе всѣхъ документовъ, относящихся до ордена, есть изданіе, появившееся въ Прагѣ, въ 1757 г., и называющееся: „institutum societatis Iesu auctoritate congregationis generalis". Кромѣ того, есть еще — „monita privata societatis Iesu", первое изданіе появилось въ Краковѣ, въ 1612 г. Существуетъ еще нѣсколько изданій и новыхъ редакцій, появившихся въ теченіе XVII столѣтія.

Эти дополнительныя изданія называются, въ противоположность краковскому изданію — „aurea monita" или „secreta". Трактуютъ они объ инструкціяхъ въ важныхъ дѣлахъ ордена.

Іезуитскій орденъ пользовался разнообразными привилегіями, какъ то: раздачею индульгенцій, exemptiones, неподсудностью эпископамъ, какъ самихъ членовъ, такъ и ихъ имущества; имѣли іезуиты право проповѣди, не испрашивая на то разрѣшенія мѣстнаго эпископа, право исповѣди и причащенія желающихъ; занимались они торговыми оборотами, открывали даже банкирскія конторы. Сами папы сдѣлали изъ этого учрежденія—государство въ государствѣ. Іезуиты захватили власть въ руки и само папство должно было скоро имъ подчиниться. Вся католическая церковь проникласъ скоро іезуитскимъ духомъ. Противъ нихъ возникали первое время борьба и оппозиція другихъ орденовъ, но они были непоколебимы, благодаря своей твердой и послѣдовательной политикѣ.

Іезуиты, обладая пріятною, вкрадчивою внѣшностью, проникали во всѣ слои общества, состоя духовниками высокопоставленныхъ лицъ и, такимъ образомъ, пріобрѣтали громадное нравственное и политическое вліяніе на современниковъ. Они узнавали такимъ путемъ на исповѣди величайшія политическія тайны, причемъ постоянно разрѣшали своимъ духовнымъ дѣтямъ, такъ называемое—„reservatum mentale" и тѣмъ самымъ направляли ихъ къ желаемой для іезуитскаго ордена цѣли.

Образовалось нѣсколько коллегій іезуитскаго ордена, напримѣръ, „collegium Romanum", „Germanicum" и другія, которыя повсюду распространяли сѣмена іезуитскаго ученія и поддерживали колебавшійся авторитетъ главы католическаго міра.

Какъ гранитное непоколебимое зданіе является орденъ

іезуитовъ и его устройство, котораго не могли разрушить ни внѣшнія давленія, ни даже внутреннее разложеніе церкви. „C'est le plus grand chef-d'oeuvre de l'esprit humain en fait de politique", сказалъ про него энциклопедистъ д'Аламберъ, котораго далеко нельзя заподозрить въ пристрастіи.

Сила этого зданія основана была на одномъ принципѣ— строгаго подчиненія генералу и наоборотъ, строгаго наблюденія и контроля надъ генераломъ и всѣми начальниками со стороны всѣхъ членовъ ордена.

Въ этой организаціи не было мѣста свободной волѣ и индивидуальной дѣятельности; характеръ каждаго члена былъ извѣстенъ и руководимъ свыше; всякій шагъ контролировался; всякое дѣйствіе извѣстно было всѣмъ. Одна идея руководила всѣми, одна мысль воодушевляла всѣхъ — интересъ ордена. Личныя мнѣнія, личная цѣль и воля здѣсь не существовали.

Такая организація, служившая лучшимъ воплощеніемъ идеи единства, дѣлала сильнымъ орденъ съ внѣшней стороны; за то съ внутренней дѣйствовала разрушительно, такъ какъ, стѣсняя и убивая всякую самобытную духовную дѣятельность, она дѣлала невозможнымъ всякое развитіе, всякое движеніе впередъ и удерживала все общество на одномъ духовномъ уровнѣ, который становился все ниже, чѣмъ выше была образовательная среда современнаго общества.

Одно время іезуиты пользовались, хотя и не совсѣмъ справедливо, славою лучшихъ учителей образованнаго католическаго міра.

Преданные исключительному служенію церкви и главѣ его папѣ, они могли служить честно и съ чистымъ убѣжденіемъ этой идеи, пока жива была вѣра въ непогрѣшимость главы церкви; но лишь только ошибочность этого принципа была сознана, а они все-таки по обѣту должны были ей служить, конечно и совѣсть членовъ ордена завѣдомо должна была быть насилована.

Мы уже приступили къ разбору католической реакціи, выразившейся въ обновленіи католической церкви, въ стараніи лучшихъ людей эпохи вдохнуть въ испорченное церковное устройство высоко-христіанскій духъ, утраченный въ немъ въ теченіи столѣтій. Мы видѣли, что намѣренія католической церкви были честныя и благородныя, когда она

учреждала новыя конгрегаціи и ордена театиновъ, барнабитовъ и др., что честныя эти намѣренія выражались въ высокихъ примѣрахъ самопожертвованія, христіанской любви и милосердія, одушевлявшихъ общество и іерархію италіанскую и испанскую; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видѣли также что то были все-таки стремленія внѣшнія, не касавшіяся основныхъ и коренныхъ, столь необходимыхъ преобразованій церкви, а имѣвшія въ виду только устраненіе нѣкоторыхъ недостатковъ, удерживая старую, обветшалую организацію.

Отжившій средневѣковый принципъ безусловнаго авторитета папства и іерархіи оставался нетронутымъ во всѣхъ этихъ стремленіяхъ.

Именно этотъ-то принципъ, который былъ разрушенъ или скорѣе поколебленъ протестантствомъ, это внѣшнее пониманіе христіанства, это отсутствіе воспитанія человѣчества въ тѣсной связи съ христіанской нравственностью, противъ чего возставали разумъ и истинное религіозное чувство, эти основные недостатки католической церкви и были сохранены, потому что отреченіе отъ нихъ было равносильно отреченію отъ авторитета и господства папства и іерархіи.

Естественно, что при всѣхъ благородныхъ стремленіяхъ отдѣльныхъ личностей, все зданіе католической церкви не могло быть спасено, такъ какъ принципъ ея былъ уже отжившимъ, не удовлетворявшимъ болѣе степени развитія современнаго человѣчества. То что было хорошаго и полезнаго въ средніе вѣка, то уже теперь болѣе не годилось.

Если, напримѣръ, въ XIII столѣтіи при минутной вспышкѣ оппозиціи, но при незрѣлости общественнаго мнѣнія, церковь могла еще спасти ордена францисканцевъ и доминиканъ и осуществить лучшій порядокъ въ администрѣціи, то въ XVI столѣтіи, это оказывалось уже болѣе невозможнымъ, когда наука процвѣтала, когда критика развивалась и когда каждый или, по меньшей мѣрѣ, большинство могли ясно доказать неосновательность папскихъ притязаній и папскихъ догматовъ. Само папство поняло въ то время, что оно уже не можетъ безусловно господствовать надъ человѣчествомъ; что величайшій врагъ его и есть свобода мысли, не стѣсненная никакими оковами; что прошло уже время младенчества общества, когда *ему можно* было навязывать всякіе догматы и требовать слѣ-

наго повиновенія; что настаетъ теперь періодъ господства разума.

Папству предстояло либо отречься отъ своего положенія и примириться съ силою обстоятельствъ, либо, отстаивая отживающее начало—средневѣковое міровоззрѣніе, вступить въ упорную борьбу съ юнымъ, еще не окрѣпнувшимъ направленіемъ, какъ съ революціоннымъ началомъ, и спасти для себя половину христіанскаго міра, если уже невозможно было сохранить власть надъ всѣмъ христіанствомъ.

И такъ сильно было еще это зданіе средневѣковой церкви, и такъ юно и слабо было еще новое начало, что на эту борьбу потребовалось нѣсколько столѣтій, даже и въ наше время борьба эта далеко незакончена.

Но отстаивая старое средневѣковое міровоззрѣніе, свое господство свѣтское и духовное, папство, естественно, должно было объявить войну всѣмъ проявленіямъ, мнѣніямъ, убѣжденіямъ, взглядамъ и вѣрованіямъ, порожденнымъ новою эрою на какомъ бы поприщѣ они не высказывались въ религіи, политикѣ или соціальномъ быту.

Для папства и католической іерархіи протестантство включало въ себѣ всю сумму вредныхъ и опасныхъ для него идей, какъ результатъ дѣятельности свободной мысли и человѣческаго разума, который оно думало побороть.

Но вслѣдствіе того, что цѣли папства были совершенно земными, такъ какъ стремились они къ свѣтской власти и господству, то и самая борьба изъ-за нихъ приняла чисто земной, свѣтскій характеръ, только прикрытый религіею.

Папство стало поддерживать тѣ правительства, которыя боролись со свободою мысли, и противодѣйствовать тѣмъ, которыя держались національной политики.

Оно обратилось совершенно въ политическую партію, въ партію застоя, въ партію враждебно дѣйствовавшую противъ всякаго прогресса, противъ всякаго свободнаго движенія мысли на какомъ-бы поприщѣ они не проявлялись.

Сплотивъ оставшуюся ему вѣрною часть Европы строго опредѣленными Тридентскими постановленіями, гдѣ всѣ вѣрованія и дѣйствія были точно обозначены, гдѣ каждому малѣйшему сомнѣнію и неповиновенію угрожали инквизиція и проклятіе, папство успѣло организовать эту партію, все-

лить въ нее единодушіе къ предстоящей борьбѣ и, какъ вѣнецъ всего ново-организованнаго зданія, успѣло пріобрѣсти въ орденѣ іезуитовъ воинство, которое всецѣло посвятило себя идеи утвержденія папскаго господства во вселенной.

Я изложилъ уже въ общихъ чертахъ устройство ордена; мы видѣли, что этотъ орденъ по цѣли и организаціи своей сдѣлался политическою партіею, направленною къ достиженію политическихъ цѣлей къ усиленію папской власти.

Намъ надо теперь прослѣдить, въ частности, отдѣльныя государства въ періодъ католической реакціи.

Вся Европа раздѣлилась во второй половинѣ XVI столѣтія на два враждебныхъ лагеря—на протестантство, разрозненное, съ различными оттѣнками и системами, раздѣленное на лютеранство, на епископальную церковь, на кальвинизмъ, одинаково ненавидящія папство и дающія хотя нѣкоторый просторъ человѣческой мысли, человѣческой свободѣ, разуму, признающія человѣческое достоинство,—и на католичество, объединенное, казавшееся сильнымъ единодушіемъ, руководимое одною волею папы, однимъ интересомъ папскаго авторитета и имѣвшее столь искусныхъ и дѣятельныхъ политиковъ, каковыми были іезуиты.

Борьба казалась неровною, но побѣда все-таки, въ концѣ концовъ, осталась за протестантствомъ потому, что оно было представителемъ новаго начала, которое, въ силу своей жизненности и историческаго закона, должно было рано или поздно одержать верхъ надъ отживающимъ старымъ началомъ.

Въ первомъ протестантскомъ лагерѣ стояли всѣ протестантскія государства, хотя и часто въ ссорѣ другъ съ другомъ, но согласныя въ необходимости борьбы противъ общаго врага—католической церкви; ко второму лагерю принадлежали католическія страны: Испанія, Франція, Италія, германскій императоръ, нѣкоторые католическіе нѣмецкіе князья и Польша.

Изъ всѣхъ этихъ католическихъ государствъ сильнѣе и могущественнѣе другихъ была Испанія.

Изъ всѣхъ государствъ она болѣе другихъ сочувствовала папскимъ интересамъ, сдѣлала ихъ своими собственными и чрезъ то явилась представительницею періода католической *реакціи въ* лицѣ своего короля Филиппа II.

Папство хотя и ненавидѣло Испанію изъ-за ея вліянія въ Италіи, но невольно должно было тѣмъ не менѣе опереться на нее изъ чувства самосохраненія. Мы и начнемъ обзоръ отдѣльныхъ государствъ въ эпоху реакціи съ Испаніи.

Филиппъ II (1556—1598 г.), сынъ и пріемникъ Карла V, во всѣхъ его владѣніяхъ, исключая Германіи, принялся во второй половинѣ столѣтія за ту же задачу, которую тщетно старался провести отецъ его въ первой половинѣ, но еще съ большею энергіею, твердостью, жестокостью.

Онъ хотѣлъ провести церковно-свѣтскій деспотизмъ, выработанный обновленнымъ папствомъ во всей его строгости. Это была великая. но не сбыточная идея.

Провести абсолютизмъ монархическій, установленный въ Испаніи, во всѣхъ частяхъ монархіи, не смотря на различіе національностей и религій, и затѣмъ, опираясь на эту силу, повести обновленную церковь къ всемірному господству—такова была сложная политическая задача Филиппа II. Съ необыкновенною энергіею предался онъ этой мысли и этой цѣли. Полстолѣтія вопросъ колебался, побѣдитъ-ли онъ или нѣтъ?

Всю западную Европу оплетаетъ онъ своею политикою; всю жизнь свою вездѣ являлся онъ на помощь возстановленію католической церкви: въ Англіи, во Франціи; вездѣ его ожидали неудачи: въ Англіи въ то время царствовала могущественная Елизавета; во Франціи Генрихъ II усиливалъ свою власть и Филиппъ II долженъ былъ, несмотря на довольно выгодный для Испаніи миръ въ Шато-Камбрези въ 1559 году, впослѣдствіи все-таки уступить французской политикѣ.

Въ то-же самое время Нидерланды добились своей самостоятельности, а Испанія, гдѣ была введена инквизиція и утверждено было господство духовенства, еще въ продолженіе правленія Филиппа II, пала безвозвратно въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ и обратилась въ совершенное ничтожество въ политическомъ отношеніи, изъ котораго эта, господствовавшая надъ всѣмъ западомъ въ XV и XVI столѣтіяхъ страна, до сихъ поръ не можетъ выйти.

Когда его отецъ, Карлъ I вступилъ на престолъ Испаніи, политическаго единства въ ней не было, не говоря уже о націо-

нальномъ, котораго у нея и до сихъ поръ вполнѣ нѣтъ. Кастилія и Аррагонія существовали со своими самостоятельными правами; различныя провинціи отличались своеобразными привилегіями; на югѣ преобладали восточные элементы, на сѣвѣрѣ господствовали еще чисто древніе — иберійскіе, съ мѣстными жителями басками.

Карлъ началъ объединеніе, но встрѣтилъ, конечно, оппозицію, особенно возстала Аррагонія; идея свободы, независимости проникали во всѣ слои общества; начались возстанія въ городахъ: въ Валенсіи, Сарагоссѣ, Барселонѣ.

Извѣстно, напримѣръ, возстаніе въ 1520 и 1521 году подъ предводительствомъ Падиллы. Карлъ наконецъ побѣдилъ.

Власть его была строго монархическая, но онъ не успѣлъ провести этой монархической идеи ни въ Германіи, ни въ Нидерландахъ.

Сознавъ, наконецъ, всю несбыточность своего космополитическаго идеала всемірной монархіи, онъ въ 1555 году отрекся отъ престола и удалился въ горную испанскую область Эстрамадуру, для того, чтобы въ тиши монастырской келіи въ монастырѣ св. Юста окончить свои дни въ занятіяхъ механикой.

Карлъ I передалъ испанскій престолъ сыну своему Филиппу II. Это была могущественнѣйшая монархія въ Европѣ.

Испанія, испанскія колоніи, Миланъ, Сицилія, Неаполь, Нидерланды, Португалія съ 1580 года, Франшъ-Конте входили въ составъ ея. Эта была монархія, которую въ Европѣ еще считали въ то время первенствующею и которой одной только и боялись Турки.

Обладала она въ то время лучшими войсками и лучшими полководцами, какъ напримѣръ, Альба, Донъ-Жуанъ, Рекверенцъ, Спинола; кромѣ того и лучшимъ флотомъ, гаванями, колоніями съ неисчерпаемыми богатствами, съ богатѣйшими торговыми центрами въ Нидерландахъ; а будущіе политическіе враги Филиппа были тогда еще слабыми государствами.

Конечно, уже и въ то время симптомы ложной системы начинали проявляться въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи; такъ напримѣръ, Испанія страдала отъ эксплуатаціи губернаторовъ, которые истощали страну; колоніи страдали отъ того-же; *правленіе было* военно-духовное; цѣль его было—эксплуатація,

обогощеніе властей, а не развитіе всѣхъ экономическихъ и нравственныхъ силъ страны.

Происходило это отъ неправильной организаціи. Но то были слабыя стороны, высказавшіяся вполнѣ только впослѣдствіи.

И эта сильная, при вступленіи на престолъ Филиппа II, монархія доводится до ничтожества, до нищеты въ одно царствованіе!

Гдѣ искать этому причину?

Филиппъ II далеко уступалъ въ дарованіяхъ и способностяхъ своему отцу Карлу V.

Онъ не имѣлъ той энергіи духа и мысли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ отличался онъ необыкновеннымъ упрамствомъ; онъ задавался одною мыслью, держался за нее какъ за догматъ и ничто не было въ силахъ отвлечь его отъ нея.

Къ этому еще присоединилась у него склонность къ абсолютизму, своенравная привычка не сносить ни малѣйшаго противорѣчія.

Недовѣрчивый къ другимъ, вѣрующій только въ самаго себя, холодный, боязливый, застѣнчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ гордый и отталкивающій, жестокій, заносчивый, онъ нигдѣ не былъ любимъ.

Между тѣмъ онъ былъ весьма дѣятельный, но эта дѣятельность была совершенно безцѣльная.

Онъ много писалъ, лично давалъ приказанія, думая, что можно управлять народами изъ кабинета или канцеляріи.

Его занимали всю жизнь двѣ мысли—абсолютное испанское единство, которое онъ хотѣлъ провести во всей своей монархіи и возстановленіе всеобщаго господства католической церкви.

Онъ не понималъ, что отецъ его того-же хотѣлъ, но не достигъ.

Въ Испаніи онъ свою идею абсолютной духовной монархіи еще могъ провести, такъ какъ отецъ его уже все для этого подготовилъ; связь между абсолютизмомъ свѣтскимъ и духовнымъ была, такимъ образомъ, при немъ окончательно осуществлена въ Испаніи.

Съ тѣхъ поръ Испанія не могла болѣе отдѣлаться отъ вліянія духовенства, покорнаго монарху,—послушному сыну папы.

Въ его царствованіе въ Испаніи существовали: 58 архіепископствъ, 684 эпископствъ, 11,400 монастырей, 23,000 различныхъ духовныхъ корпорацій, 46,000 монаховъ, 14,000 монахинь, 312,000 клериковъ, болѣе 400,000 духовныхъ чиновъ при 80,000 свѣтскихъ и 367,000 прочихъ чиновниковъ.

Слѣдовательно, въ Испаніи была масса непроизводительныхъ элементовъ, даже само духовенство понимало эту аномалію.

Отсюда и духовная и матеріальная смерть для Испаніи; отсюда сосредоточеніе богатства въ непроизводительныхъ рукахъ; не было у нея богатаго крестьянства, ни промышленно-торговаго класса; торговля, морскія гавани пали; все захватили иностранцы; Испанію ожидали нищество и разореніе.

Первый ударъ для приложенія своей политической системы Филиппъ II нанесъ Нидерландамъ. Это была протестантская страна съ почти республиканскимъ устройствомъ, слѣдовательно ему враждебная по своему духу.

Около Нидерландъ въ то время сгруппировались всѣ юныя и свѣжія элементы и потому эта борьба и получила общеевропейское значеніе. Мы здѣсь не можемъ, по недостатку времени, подробно разбирать всѣ фазисы этой упорной и продолжительной войны за независимость Нидерландъ. Мы можемъ только указать на внутреннее значеніе этой борьбы и отмѣтить только главные ея моменты.

Еще въ правленіе Карла V Нидерланды были чуть ли не богатѣйшею страною въ Европѣ по своимъ цвѣтущимъ торговымъ центрамъ, какъ напримѣръ Антверпенъ,—по богатой разнообразной своей промышленности и мѣстному производству въ особенности шерстяному. Сами физическія и топографическія условія страны выработали въ населеніи необыкновенную стойкость и терпѣніе; въ вѣчной борьбѣ съ природой, съ морскою стихіею изъ-за клочка земли, Голландцы въ теченіи столѣтій привыкли къ упорному физическому труду, привыкли цѣнить этотъ трудъ и дорожить его результатами—все это развивало въ нихъ горячую любовь къ отчизнѣ и закаляло ихъ характеръ, тѣсно связывало *ихъ интересы*.

Наравнѣ съ чисто физическими условіями страны дѣйствовали и нравственныя и умственныя въ томъ же объединяющемъ духѣ.

Умственное развитіе Нидерландъ во времена Карла V не уступало уровню развитія передовыхъ странъ западной Европы. Туда одновременно почти съ Германіею и Англіею проникли сѣмена реформаціоннаго ученія и значительно расширили тамъ умственный кругозоръ современниковъ. Еще при Карлѣ V 17 тогдашнихъ нидерландскихъ провинцій, притѣсняемыя цѣлымъ рядомъ суровыхъ имперскихъ мѣръ, направленныхъ противъ нѣкоторыхъ, присвоенныхъ, ими вольностей и привиллегій, неоднократно выражали неудовольствіе; происходили даже отдѣльные мятежи, напримѣръ въ городѣ Гентѣ; но при Карлѣ V, вспыхивающія то здѣсь, то тамъ народныя движенія противъ иноземнаго испанскаго владычества, скоро прекращались, такъ какъ самъ Карлъ V по рожденію былъ нидерландецъ и потому онъ многое имъ прощалъ, чувствуя невольно нравственную съ ними связь и питая къ нимъ естественную симпатію.

Иныя совсѣмъ были отношенія къ Нидерландамъ Филиппа II, по рожденію и въ душѣ истаго испанца, всегда смотрѣвшаго на Нидерланды не болѣе какъ на одну изъ многочисленныхъ подвластныхъ ему провинцій.

Онъ скоро возстановилъ противъ себя все населеніе Нидерландъ, нескрываемымъ презрѣніемъ къ ихъ національнымъ обычаямъ, къ ихъ народному быту, развившемуся благодаря вѣковымъ политическимъ правамъ, которыми они до той поры безпрепятственно пользовались; какъ напримѣръ: независимымъ судомъ, національнымъ войскомъ и чиновничествомъ, правомъ самимъ утверждать подати для всей страны и др. Филиппъ II сразу рѣзко измѣнилъ политику Испаніи по отношенію къ Нидерландамъ.

Онъ захотѣлъ провести и тамъ свою политику абсолютной духовной католической монархіи, о которой мы уже говорили.

Съ этою цѣлью назначилъ онъ свою двоюродную сестру Маргаритту Пармскую, женщину способную, отличавшуюся твердымъ характеромъ, правительницею Нидерландъ и предложилъ ей поселиться въ Брюсселѣ, учредивъ при ней „го-

сударственный совѣтъ“ изъ первыхъ сановниковъ края :
подчинивъ его суровому кардиналу Гранвеллѣ. Для под
держки силою оружія этого совѣта, Филиппъ двинулъ в
предѣлы Голландіи сильное испанское войско, что вызвал
конечно, серьезное негодованіе со стороны мѣстнаго населені

Одновременно съ этимъ учреждено было въ Нидерлан
дахъ 14 новыхъ епископствъ, подчиненныхъ тому же яром
защитнику папскаго авторитета—Гранвеллѣ.

Все это было, конечно, сдѣлано безъ согласія мѣстных
чиновъ, отъ которыхъ прежде зависѣло управленіе странок

Гранвелла для поддержки католичества скоро добилс
у папы новой буллы о введеніи инквизиціоннаго суда в
Голландіи и самъ назначенъ былъ „великимъ инквизиторомъ
съ неограниченными полномочіями. Неистовства его побу
дили правительство въ 1564 году удалить его изъ Нидер
ландъ, когда противъ него возстали 3, впослѣдствіи знаме
нитыхъ патріота—Вильгельмъ Оранскій, бывшій тогда на
мѣстникомъ Голландіи, Эгмонтъ—намѣстникъ Фландріи :
графъ Горнъ.

Филиппъ II, тѣмъ не менѣе, и по отозваніи Гранвеллы
продолжалъ свою церковную политику въ Голландіи, жела
провести тамъ постановленія Тридентскаго собора. Чтобы
характеризовать отношенія Филиппа II къ католичеств
можно привести данный имъ отвѣтъ Графу Эгмонту, при
сланному въ Мадридъ въ 1565 году государственнымъ совѣ
томъ и Маргаритой для установленія modus vivendi съ ка
толиками.

„Я лучше соглашусь“, говорилъ Филиппъ II, „тысяч
разъ умереть и лишиться послѣдней пяди земли въ моем
государствѣ, нежели позволить малѣйшее измѣненіе въ ре
лигіи“. Слова эти онъ неоднократно подтверждалъ своим
репрессивными мѣрами по отношенію къ протестантамъ, при
водимыми въ дѣйствіе суровою инквизиціею. Эта безпощад
ная строгость вмѣсто того, чтобы вернуть въ лоно католи
ческой церкви отпавшихъ отъ нея протестантовъ, имѣл
діаметрально противоположные результаты.

Она возбудила всеобщее негодованіе въ странѣ, въ виду
постоянно пылающихъ костровъ и безчисленныхъ казней, еще
*болѣе способ*ствовавшихъ укорененію протестантскаго ученія.

Многіе, воспитанные въ правилахъ католической религіи, возмущенные до глубины души дѣйствіями инквизиціи, мѣняли вѣру отцевъ и примыкали къ все усиливающемуся лагерю протестантовъ; къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Вильгельмъ Оранскій.

Протестантство находило себя приверженцевъ преимущественно въ богатомъ, торговомъ среднемъ сословіи въ Нидерландахъ. Дворянство-же оставалось большею частью католическимъ, но и оно рѣшилось положить наконецъ преграду грозящей Нидерландамъ нравственною и умственною смертью— инквизиціи.

Въ ноябрѣ 1565 г. около 400 дворянъ подписали, такъ называемый, „Компроиссъ", съ цѣлью противодѣйствія инквизиціи и поддержки другъ друга въ случаѣ религіозныхъ преслѣдованій.

Скоро ходатайствовали они передъ правительствомъ объ отмѣнѣ инквизиціоннаго суда.

Извѣстенъ эпизодъ изъ этой эпохи религіознаго броженія въ Нидерландахъ.

Когда толпа дворянъ явилась въ апрѣлѣ 1566 года въ Брюсселѣ ко дворцу, въ которомъ жила правительница, то послѣдняя, стоя у окна, перепугалась, увидавъ такую громадную толпу народа, собравшуюся на площади. Въ это время одинъ изъ стоявшихъ возлѣ нея придворныхъ успокоивалъ ее, говоря: „ce ne sont que des gueux". Это презрительное прозваніе, данное протестующимъ дворянамъ, сдѣлалось съ той поры ихъ политическимъ лозунгомъ, и послужило девизомъ для ихъ союза. Они сами стали называть себя „гезами", и носили съ тѣхъ поръ постоянно съ собою нищенскую суму и посохъ. Этимъ хотѣли они выразить свою преданность королю, доходящую даже до нищенской сумы.

Между тѣмъ всѣ ходатайства ихъ остались безъ послѣдствій. Казни протестантовъ продолжались, а съ ними вмѣстѣ все увеличивалось и число переходящихъ въ протестантство.

Во многихъ мѣстахъ открыто совершалось богослуженіе по протестантскому обряду.

Долго сдерживаемое народное негодованіе наконецъ разразилось въ открытое возстаніе.

Народныя толпы бросились избивать католическихъ пре-

латовъ и монаховъ, раззорять церкви и монастыри и безчинствовать надъ святыней.

Въ 3 дня раззоренно было до 400 церквей и моленень. Эти крайности и неистовства расходившейся толпы, вымѣщавшей теперь на католикахъ долголѣтнія истязанія инквизиціи, заставили всѣхъ благоразумныхъ людей отшатнуться отъ приверженцевъ новаго ученія.

Этимъ разногласіемъ въ протестантскомъ лагерѣ воспользовалось правительство, чтобы усмирить мятежниковъ.

При мадридскомъ дворѣ существовали двѣ партіи, различно смотрѣвшія на событія въ Нидерландахъ.

Одна изъ нихъ, и въ главѣ ея стояла правительница Маргаритта Пармская, думала усмирить Нидерланды мѣрами кротости, различными компромиссами съ протестантами.

Другая же партія, во главѣ которой стоялъ испанскій полководецъ Альба, совѣтовала Филиппу II принять немедленно самыя крутыя мѣры противъ мятежниковъ и путемъ насилія искоренить въ Нидерландахъ ересь.

Его взглядъ одержалъ верхъ, и онъ назначенъ былъ начальникомъ отборнаго испанскаго войска, посланнаго въ августѣ 1567 г. для усмиренія Нидерландъ. Его появленію въ Нидерландахъ предшествовалъ всюду наводимый имъ страхъ.

Населеніе бѣжало задолго еще до прибытія Альбы съ его отрядомъ.

Голландія лишилась такимъ образомъ до 100,000 купцовъ и ремесленниковъ, перенесшихъ свои торговые обороты въ Англію. Потеря ихъ для страны была, конечно, невозвратимая въ экономическомъ отношеніи. Вся цвѣтущая до того времени торговля и промышленность Нидерландъ надолго погибла.

Выдающіеся патріоты того времени, сознавая всю невозможность, оставаясь на родинѣ, спасти отчизну отъ испанской тиранніи, пересилились за границу. Такъ поступилъ и Вильгельмъ Оранскій, переѣхавшій въ Германію, гдѣ скоро около него образовался тѣсный кружокъ патріотовъ, рѣшившихся пожертвовать жизнью для спасенія родины отъ испанскаго ига.

Несмотря на всѣ увѣщанія своего друга Вильгельма Оранскаго, уговорившаго молодаго Эгмонта послѣдовать его при

мѣру, послѣдній не захотѣлъ покинуть родины и остался дожидать прибытія Альбы и испанцевъ въ полной увѣренности, что его не постигнетъ несчастіе.

Между тѣмъ едва успѣлъ Альба, обладавшій неограниченными полномочіями отъ Филиппа II, явится въ Брюссель, какъ Эгмонта арестовали въ его собственномъ дворцѣ вмѣстѣ съ его другомъ графомъ Горномъ.

Они оба были обвинены въ государственной измѣнѣ вновь учрежденнымъ „совѣтомъ о мятежахъ“ (5 Іюня 1568 г.)

Казнь Эгмонта была только началомъ цѣлаго ряда такихъже свирѣпыхъ казней, которыми правительство надѣялось привести къ безмолвной покорности несчастный нидерландскій народъ.

Совѣтъ, учрежденный Альбою, прозванъ былъ въ нидерландахъ „кровавымъ совѣтомъ“.

Вездѣ сооружены были висѣлицы и эшафоты; вездѣ пылали костры, на которыхъ гибли протестанты. Альба обложилъ народъ небывалыми еще податями и налогами и тѣмъ нанесъ смертельный ударъ цвѣтущей торговлѣ Нидерландъ.

Между тѣмъ на берега Голландіи стали нападать легкіе отряды морскихъ „гезовъ“, наносившихъ большой вредъ сильному испанскому флоту. Они, въ апрѣлѣ 1572 г., захватили нѣсколько портовыхъ городовъ и оттуда грозили испанскому войску.

Въ то же время Вильгельмъ Оранскій, собравшій во время своего отсутствія вокругъ себя многочисленныхъ приверженцевъ, былъ избранъ сѣверными провинціями Нидерландъ, въ штадгальтеры—правители.

Опасность для испанцевъ все возрастала.

Между тѣмъ неистовства, произведенныя испанскими войсками въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ въ Гарлемѣ и Нарденѣ, возбудившія противъ нихъ все населеніе, побудили наконецъ испанское правительство отозвать Альбу изъ Нидерландъ.

Слѣдить дальше за борьбою изъ-за независимости Нидерландъ, мы, по недостатку времени, не можемъ. Остается намъ теперь еще сдѣлать краткій обзоръ періода реакціи въ Англіи и Швеціи въ эту эпоху.

Переходя теперь къ реакціи въ Англіи, мы отмѣтимъ

только характерныя особенности англиканской церкви, получившей права гражданства при Генрихѣ VIII (1509—1547).

Реформація въ Англіи проведена была свыше, правительствомъ, королемъ, въ душѣ католикомъ, но властолюбивымъ и упрямымъ, который не хотѣлъ подчиняться папскому авторитету.

Кромѣ двухъ крайнихъ партій — строго-католической и строго-протестантской, существовала въ 30-хъ годахъ XVI столѣтія въ Англіи еще средняя, умѣренная партія, стремившаяся связать, конечно, нелогично—религіозное ученіе предковъ съ ученіемъ новыхъ евангелистовъ.

Такого рода люди, не обладавшіе строго выработанными религіозными убѣжденіями, религіозные догматы которыхъ представлялись въ довольно неопредѣленномъ видѣ, конечно, охотно готовы были подчиниться въ дѣлѣ религіи велѣніямъ свыше, особенно когда правительство бралось за это энергически, когда внѣ всякихъ богословскихъ толкованій имъ предписывали вѣрить въ установленные свыше догматы. Опираясь преимущественно на эту, колебавшуюся въ религіозныхъ догматахъ среду, Генрихъ VIII организовалъ англиканскую церковь, отличающуюся отъ католической единственно въ вопросѣ о „suprematie"—главенствѣ церкви.

Дѣйствовалъ онъ очень энергически, разоряя монастыри и католическія церкви и секуляризируя церковныя имущества въ пользу государства.

Но система эта съ нимъ и умерла.

Трудно было правительству сохранить надолго это ложное положеніе въ религіозныхъ вопросахъ, надо было либо снова подчиниться Риму, либо опереться на протестантовъ.

Англійское правительство и протестанты въ одномъ только сходились—въ ненависти къ папской власти.

Ссориться они не могли изъ чувства самосохраненія; какъ правительство, такъ и сильная протестантская партія въ Англіи нуждались въ обоюдной поддержкѣ; соглашеніе поэтому было для нихъ необходимо, и дѣйствительно уступки были сдѣланы съ обѣихъ сторонъ.

Плодъ этого соглашенія и есть такъ называемая въ Англіи: „high church".

Главный организаторъ ея, сподвижникъ Генриха VIII,

возведенный имъ въ санъ архіепископа кентерберійскаго,— Ѳома Кранмеръ.

Онъ былъ богословъ, оставаясь при этомъ царедворцемъ, отсюда желаніе въ немъ слить точку зрѣнія богословскую съ интересами королевской власти.

Онъ и придалъ англиканской церкви характеръ чисто монархическій, сохранивъ въ ней столь необходимую для королевской власти пышную и сложную церковную организацію.

Это былъ характеръ совершенно подходящій для подобнаго компромисса между протестантскими догматами и монархическимъ началомъ. Онъ и достигъ въ своемъ церковномъ устройствѣ возможной средины между римскою и женевскою церквами. Вотъ основные пункты различія англиканской (high church) церкви отъ католической:

1) сохранено въ англиканской церкви епископство, но не какъ божеское учрежденіе, переданное преемственно отъ временъ апостольскихъ, посредствомъ рукоположенія, а только какъ необходимый церковный институтъ;

2) сохранены молитвы, установленныя вѣками, но не на латинскомъ, а на родномъ языкѣ;

3) сохранена для церковнослужителей бѣлая одежда, какъ символъ нравственной чистоты;

4) отвергаются англиканскою церковью святые, какъ посредники между Богомъ и людьми, но посвящаются нѣкоторые дни памяти великихъ людей, отличившихся своими заслугами и пожертвовавшихъ жизнью за вѣру Христову;

5) исповѣдь мирянъ духовнымъ отмѣняется, но дозволяется каяться умирающему и получать прощеніе отъ священника.

Вообще англиканская церковь говоритъ болѣе разуму и менѣе чувству, чѣмъ католическая; за то она все-таки менѣе отвлеченна, менѣе говоритъ исключительно разуму, чѣмъ реформатская. Но главный основной пунктъ, на которомъ опиралась вся англиканская церковь, тотъ пунктъ, который придалъ ей строгій монархическій характеръ, былъ пунктъ о „suprematie“ надъ церковью англійскаго короля. Границы его власти никогда точно не были обозначены. Отсюда возникали постоянные богословскіе споры по этому вопросу, писались безчисленные богословскіе трактаты на эту тему,

всѣ богословы сходились только въ одномъ, а именно въ томъ, что король послѣ Христа первый глава въ англиканской церкви.

Отъ короля зависѣло разрѣшеніе всѣхъ богословскихъ споровъ, свѣтская и духовная юрисдикція, установленіе даже церковныхъ догматовъ, назначеніе и смѣна епископовъ и всей церковной іерархіи.

Епископы были не болѣе какъ духовными чиновниками и, слѣдовательно, не нуждались въ рукоположеніи, а прямо назначались правительственною свѣтскою властью.

Недоразумѣніе по этому поводу возникло только впослѣдствіи, при воцареніи Елисаветы.

Богословы стали задавать себѣ вопросъ, какимъ образомъ главою церкви можетъ оказаться женщина?

Это недоразумѣніе было разрѣшено тѣмъ, что назначеніе на духовныя должности, въ томѣ числѣ и въ санъ епископа, стало зависѣть съ тѣхъ поръ отъ коммисіи епископовъ, но утвержденіе предложенныхъ ею кандидатовъ все-таки зависѣло отъ королевы.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что вся организація англиканской церкви имѣла чисто монархическій характеръ.

Ни паписты, ни кальвинисты не были довольны этимъ авторитетомъ короля въ церковныхъ дѣлахъ: одни совершенно его отрицали, другіе переносили его на папу.

Но такъ какъ большинство въ Англіи было все-таки довольно этимъ компромиссомъ, то оно и удержалось, тѣмъ болѣе, что строгихъ протестантовъ и строгихъ католиковъ было въ ней мало, да и эти немногіе были разрознены.

Къ тому же самая форма, въ которой явилась англиканская церковь, была чисто оффиціальною, уничтожавшею въ многихъ даже всякое истинное религіозное чувство.

Отсюда развился въ Англіи какой-то индеферентизмъ: и католичество, и протестантство, находившіе поддержку въ разныхъ придворныхъ кружкахъ, оставляли народъ одинаково равнодушнымъ.

Это религіозное настроеніе англійскаго народа ясно выразилось впослѣдствіи, когда сынъ Генриха VIII, Эдуардъ VI назначилъ себѣ въ преемницы Іоанну Грей, обѣщая, что она *будетъ* защищать протестантство, и также равнодушнымъ

оставался онъ въ религіозномъ отношеніи, присягая нѣсколько позже католичкѣ—Маріи Тюдоръ.

Мы здѣсь отмѣтили только основныя черты и особенности догматическаго ученія англиканской церкви въ отличіе отъ католической и протестантской.

Излагать же подробно исторію Англіи въ эпоху реакціи мы, по недостатку времени, не можемъ.

Для насъ важно было только выяснить сущность церковной реформы, осуществленной въ Англіи Генрихомъ VIII, положившей начало будущему политическому могуществу Англіи.

Въ заключеніе этого обзора реакціи у сѣверныхъ протестантскихъ народовъ, мы прослѣдимъ главнѣйшіе моменты католической реакціи въ Швеціи.

Реформація введена была въ Швеціи при Густавѣ Вазѣ. Съ нею связаны были и величіе Швеціи и сила ея монархической власти.

При сыновьяхъ Густава Вазы казалось, что такъ удачно начатое возвеличеніе Швеціи скоро будетъ утрачено вслѣдствіе неспособности его преемниковъ.

Старшій сынъ его, Эрикъ XIV (1560—1568 года), былъ сверженъ съ престола народнымъ возстаніемъ и погибъ въ темницѣ отъ яда, поднесеннаго ему по приказанію его брата Іоанна, котораго тоже народное возстаніе возвело на престолъ подъ именемъ Іоанна III (1568—1592 г.). Послѣдній былъ женатъ на Екатеринѣ, дочери польскаго короля Сигизмунда I.

Подъ вліяніемъ супруги онъ склоненъ былъ къ католичеству и въ тайнѣ желалъ бы для Швеціи сліянія католичества съ лютеранствомъ (*).

Любимымъ его чтеніемъ были отцы церкви и сочиненія, проводившія идею сліянія церквей.

Вступивъ на Швецкій престолъ, онъ сблизился съ католическою церковью, написалъ даже литургію по обряду католической церкви, весьма схожую съ литургіею, одобренною Тридентскимъ соборомъ. Онъ тайно дозволялъ іезуитамъ являться въ Стокгольмъ и поручилъ имъ завѣдываніе однимъ учебнымъ заведеніемъ.

---

*) См. Theiner — Schweden und seine Stellung zum heiligen Stuhl, 1838.

Конечно, все это не могло пройти незамѣченнымъ въ Римѣ.

Антоній Поссевинъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ и образованнѣйшихъ іезуитовъ того времени, былъ посланъ папою въ Швецію, въ 1578 году, чтобы попытаться возвратить совершенно къ римской церкви шведскаго короля.

Однакожъ король не во всѣхъ пунктахъ соглашался съ папою. Онъ требовалъ, напримѣръ, богослуженія на родномъ языкѣ, причастія для міранъ подъ обоими видами, разрѣшенія духовнымъ вступать въ бракъ, секуляризаціи церковнаго имущества.

Въ догматическомъ же отношеніи король во всемъ соглашался съ Поссевинымъ, который обѣщался передать папѣ требованія, выражаемыя шведскимъ королемъ, какъ conditio sine qua non слiянія церквей.

Затѣмъ король принялъ такъ называемую „professio fidei“ по тридентской формулѣ и получилъ отъ Поссевина „absolutionem“ и причастіе подъ однимъ видомъ.

Торопился Іоаннъ III добиться отъ представителя папы причастія, такъ какъ его мучила совѣсть со времени смерти брата.

Поссевинъ донесъ обо всемъ папѣ, который не соглашался ни въ чемъ уступать шведскому королю и требовалъ отъ него безусловнаго подчиненія.

Съ этимъ категорическимъ заявленіемъ папы и вернулся Поссевинъ вторично въ Швецію.

Между тѣмъ и лютеранская партія не дремала въ Швеціи. Протестантскіе князья предупреждали короля [illegible] [illegible] и даже [illegible], чтобы онъ не [illegible] Поссевина.

Пріѣхалъ Поссевинъ вторично въ Швецію уже на этотъ разъ въ свѣтскомъ платьѣ и привезъ съ собой множество католическихъ богослужебныхъ книгъ. [illegible] папы и его требованія полнаго подчиненія римской церкви.

Король, однако, не согласился на доводы Поссевина, частью не желая признавать безпрекословно [illegible], частью изъ боязни возмутить своихъ [illegible] и потерять корону.

Вскорѣ іезуиты, ничего на этотъ разъ не добившись, должны были уѣхать изъ Швеціи, подъ предлогомъ свирѣпствовавшей тамъ чумы. Между тѣмъ нерасположеніе короля къ іезуитамъ, вызванное ихъ неуклончивыми требованіями скорѣйшаго рѣшенія религіознаго вопроса, все усиливалось и находило поддержку въ его дяди, герцогѣ Карлѣ Зюдерманландскомъ.

Только королева и послѣ ея смерти сынъ ея Сигизмундъ остались вѣрными католичеству, и на нихъ однихъ іезуитская партія основывала всѣ свои надежды на сліяніе церквей.

Этотъ Сигизмундъ (1592—1600), воспитанный матерью полькою въ строгомъ католичествѣ, еще при жизни отца. по смерти Стефана Баторія въ 1586 году, былъ избранъ въ польскіе короли, какъ единственная отрасль Ягеллоновой династіи.

Католики возлагали на него большія надежды; они разсчитывали, что когда онъ со временемъ вступитъ на шведскій престолъ и соединитъ такимъ образомъ въ своемъ лицѣ короны Швеціи и Польши, то постарается снова ввести католичество въ Швецію.

Протестантская же партія въ Швеціи была сильно встревожена этою угрожающею опасностью въ будущемъ.

Отпуская его въ Польшу въ 1587 году, протестантская партія въ Швеціи потребовала отъ него въ видѣ гарантіи письменнаго обѣщанія, въ томъ, что онъ ничего не измѣнитъ въ церковномъ устройствѣ, сдѣлавшись королемъ Швеціи, и не дастъ въ королевствѣ возможности католикамъ занять выдающихся должностей.

Въ 1592 году, когда умеръ его отецъ Іоаннъ III и Сигизмундъ слѣдовательно фактически присоединилъ къ польской коронѣ и корону шведскую, отъ него вторично потребовали подобныхъ же завѣреній относительно свободнаго исповѣдыванія лютеранскаго культа. Ему не довѣряли и имѣли на то основанія. Сигизмундъ по своему скрытному, фальшивому характеру, не внушалъ къ себѣ довѣрія въ своихъ подданныхъ.

Онъ явился въ Швецію въ іюлѣ 1593 года изъ Польши, окруженный блестящею католическою свитою. При немъ даже постоянно находился папскій нунцій Маласпина.

Папа сильно разсчитывалъ на Сигизмунда для проведенія католичества въ Швецію; онъ прислалъ ему даже цѣлую программу дѣйствій и снабдилъ его значительными суммами денегъ, для скорѣйшаго утвержденія въ его королевствѣ католицизма.

Онъ совѣтовалъ ему, между прочимъ, замѣщать епископскія вакансіи исключительно католиками, основать въ Стокгольмѣ іезуитскую коллегію, или по крайней мѣрѣ взять съ собою въ Польшу для довершенія ихъ образованія нѣсколько способныхъ шведовъ.

Король не имѣлъ, однако, съ собой преданнаго ему войска, на которое онъ могъ бы опереться, да и не хотѣлъ онъ сразу уже слишкомъ энергически дѣйствовать въ пользу папы, изъ боязни возбудить противъ себя неудовольствіе шведовъ.

Между тѣмъ окружающіе его католики побуждали его рѣшительно высказаться въ занимавшемъ ихъ религіозномъ вопросѣ.

Но всѣ надежды, возлагаемыя папою на исходъ религіозной борьбы, разбились объ энергію шведовъ. Для нихъ лютеранство сдѣлалось національнымъ вопросомъ,—вопросомъ, отъ рѣшенія котораго зависило дальнѣйшее самостоятельное политическое существованіе Швеціи и свобода отъ иноземнаго, ненавистнаго имъ польскаго господства.

Въ виду угрожавшей серьезной опасности отъ порабощенія національныхъ шведскихъ интересовъ чуждыми Швеціи католическими—польскими, существовавшая тамъ въ то время многочисленная средняя, умѣренная партія, допускавшая нѣкоторые компромиссы съ католиками, отступила на второй планъ и вполнѣ предоставила поле дѣйствія лютеранской партіи.

Еще до пріѣзда Сигизмунда въ Швецію, члены шведскаго государственнаго совѣта признали дядю его, герцога Карла Зюдерманландскаго, въ отсутствіи племянника правителемъ Швеціи и постановили на синодѣ, собравшемся въ 1593 году въ Упсалѣ, что евангелическое ученіе, введенное въ Швецію Густавомъ Вазою, должно быть господствующею вѣрою въ странѣ.

Скоро за этимъ всѣ высшія духовныя мѣста были замѣщены ярыми лютеранами и такимъ образомъ лютеранство *стало снова* понемногу господствовать въ Швеціи.

Между тѣмъ нація смотрѣла на короля, какъ на чужаго и видѣла въ его дядѣ Карлѣ Зюдерманладнскомъ своего желаннаго правителя.

Сигизмундъ былъ, такимъ образомъ, какъ бы изолированъ. Онъ присягнулъ однакожъ предъявленнымъ ему лютеранами требованіямъ, правда, послѣ нѣкотораго колебанія и засимъ, по совѣту іезуитовъ, короновался. Но одновременно съ этимъ онъ издалъ протестъ въ пользу католиковъ и даже сдѣлалъ имъ нѣкоторыя уступки. Тогда во главѣ оппозиціи противъ короля сталъ его дядя Карлъ, уже явно протягивавшій руку къ коронѣ. Однако и у короля была сильная партія, особенно въ Финляндіи.

Сигизмундъ въ 1598 году вторично явился въ Швецію съ твердымъ намѣреніемъ поддержать въ ней католическую реакцію, въ чемъ ему сочувствовала Испанія, надѣявшаяся чрезъ Швецію вліять на сѣверныя государства.

Вопросъ шелъ, такимъ образомъ, теперь о господствѣ католичества на Балтійскомъ морѣ; онъ получалъ такимъ образомъ чисто европейское значеніе.

Сигизмундъ встрѣтился съ возмутившимися противъ него шведами, подъ предводительствомъ его дяди Карла, при городѣ Стангебро, въ 1598 году. Онъ былъ побѣжденъ и удалился въ Данцигъ. Карлъ же Зюдерманландскій вступилъ на шведскій престолъ въ 1602 году, подъ именемъ Карла IX.

Мы такимъ образомъ довели исторію германо-романскаго міра приблизительно до конца XVI столѣтія.

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ:

Такъ называемая «Реформація императора Фридриха III».

Политическій памфлетъ конца XV столѣтія.

I.

Начиная съ Кохлея (*), Θомы Мурнера (**) и другихъ католическихъ писателей XVI столѣтія до современныхъ намъ историковъ реформаціи ультрамонтанскаго оттѣнка (***), Эразмъ и Лютеръ выставляются главнѣйшими виновниками не только религіознаго движенія, но и всѣхъ народныхъ волненій XVI столѣтія въ Германіи, угрожавшихъ поколебать существовавшій политическій и соціальный строй имперіи.

Монахи говорили (****) про Эразма, что онъ „снесъ яйцо, которое Лютеръ высидѣлъ", выражая тѣмъ взглядъ консервативной партіи и политику папскаго двора, полагавшаго

(*) Joh. Cochlaei — Commentaria de actis et scriptis M. Lutheri, chronographice ex ordine ab anno Dom. 1517 usque ad annum 1547 inclusive, fideliter conscripta. Mogunt. 1549. Paris 1565. Colon. 1568. Особенно смотри ad annum 1523.

(**) Von dem grossen lutherischen Narren, wie ihn Doctor Murner beschworen hat. Strassburg 1522. Zürich 1848 edit. Kurz.

Герцогъ Георгъ Саксонскій, противникъ новаго ученія, въ письмѣ къ ревностному приверженцу реформаціи, ландграфу Филиппу Гессенскому, приписываетъ вину крестьянскихъ возстаній единственно лютеранскимъ проповѣдникамъ. См. Rommel-Philipp der Grossmüthige, Landgraf von Hessen. 1830. Giessen II. 83.

(***) Geschichte des deutschen Volkes v. J. Janssen. Freiburg 1879 — 81.

(****) Epist. Erasmi Joh. Caesario 17 Cal. Jan. 1524. Erasmi epist. omnes Lugd. Bat. 1706. № 719. Ego peperi ovum, Lutherus exclusit; mirum vero dictum Minoritarum istorum.... Ego posui ovum gallinaceum, Lutherus exclusit pullum longe dissimillimum.

строгихъ критическихъ пріемахъ, пролила новый свѣтъ и на періодъ реформаціи.

Трудами своими ученые доказали, что религіозное броженіе умовъ и расколъ въ западной церкви въ XVI столѣтіи не были явленіями случайными, вызванными злоупотребленіями со стороны іерархіи, но что это было время кризиса въ развитіи западно-европейскаго общества, время революціи, протеста здраваго смысла и свободной мысли противъ вѣковой, гнетущей опеки духовнаго авторитета, естественное, логическое послѣдствіе предъидущаго развитія.

Нѣмецкимъ историкамъ, по преимуществу, принадлежитъ эта заслуга вѣрнаго и научнаго освѣщенія всей исторіи XVI вѣка и правильной постановки вопросовъ, подлежащихъ еще изслѣдованію; при этомъ нельзя не замѣтить, что даже первостепенные ученые не удержались отъ патріотическаго увлеченія и видятъ въ реформаціи, въ этомъ протестѣ разума и свободной мысли противъ церковнаго авторитета — проявленіе истиннаго германскаго, національнаго характера и превосходства германской расы надъ славянской и романской, какъ бы преднамѣренно забывая, что еще задолго до Лютера раздавались голоса Гусса, Іеронима Пражскаго, Савонаролы, Якова ле-Февра (Faber Stapulensis) и др. (*).

Весь германо-романскій міръ проживалъ со второй половины XV столѣтія періодъ кризиса, въ которомъ постепенно разлагалось все средневѣковое міровоззрѣніе съ его вѣрованіями, учрежденіями, понятіями и медленно развивались новыя стремленія, новыя идеи, искавшія себѣ соотвѣтствующія формы въ практической жизни. Если столкновеніе стараго, отживающаго міровоззрѣнія съ новымъ, нарождавшимся, ранѣе и сильнѣе всего произошло въ Германіи и произвело тамъ революцію, пересоздавшую всю западную Европу, то причина этого явленія таится не въ превосходствѣ германскаго національнаго характера надъ романскимъ, а единственно въ томъ обстоятельствѣ, что въ Германіи, вслѣдствіе

(*) Напримѣръ Bluntschli—Geschichte des allgemeinen Statsrechts. München 1864. стр. 5. „die kirchliche Reform war vornehmlich ein Werk des *deutschen* Charakters und des *deutschen* Geistes“.

Ranke—Deutsche Geschichte 4 Aufl., стр. 165 et passim.

разныхъ историческихъ условій, плодъ созрѣлъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ.

Средневѣковое міровоззрѣніе, основанное въ противоположность древности, на идеи торжества міра духовнаго надъ физическимъ, духа надъ матеріею, способствовало развитію преобладанія духовной власти надъ свѣтскою, преобладанія церкви, какъ внѣшней формы духовнаго бытія человѣка, надъ государствомъ.

Общественное мнѣніе въ началѣ добровольно и охотно подчинилось церкви, которой нравственное вліяніе было благодѣтельно и, во всякомъ случаѣ, менѣе тягостно власти, коей всѣ достоинства и преимущества заключались въ одномъ физическомъ превосходствѣ; въ церкви находили оплотъ противъ грубой и невѣжественной силы, въ ней находили защиту и покровительство противъ безчеловѣчнаго произвола.

Но съ теченіемъ времени, уже начиная съ XIII столѣтія, этотъ авторитетъ, которому въ началѣ добровольно подчинялись люди, іерархія стала разсматривать какъ естественное свое право, требуя белусловнаго повиновенія; папство не хотѣло болѣе играть роли защитницы, а хотѣло быть повелительницею человѣчества.

Преобладаніе церкви превратилось въ господство надъ міромъ не только въ духовномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи; подъ ея гнетущимъ контролемъ и опекой находилась вся жизнь западно-европейскихъ народовъ—и образованіе, и наука, и мысль, и совѣсть каждаго отдѣльнаго человѣка, равно какъ и всѣ государственныя и соціальныя условія жизни.

Въ тѣ времена то только считалась нравственнымъ, что не противорѣчило установленнымъ іерархіею правиламъ, то только разумнымъ, что подтверждало установленные іерархіею догматы, то только законнымъ, что не вредило интересамъ той же іерархіи. Власть духовная, по принципу, обратилась въ политическую и, отклоняясь все болѣе и болѣе отъ высокаго, неземнаго, своего призванія, впадала въ противорѣчіе съ проповѣдуемымъ ею ученіемъ, утрачивала постепенно уваженіе въ обществѣ и вступила съ нимъ, наконецъ въ явную борьбу.

Оппозиція общества, подготовлявшаяся вѣками, въ поло-

винѣ XV столѣтія сдѣлалась всеобщею; убѣжденіе въ несостоятельности церковнаго устройства проникло во всѣ слои населенія; разладъ между церковью и обществомъ достигъ крайнихъ предѣловъ и предвѣщалъ приближающуюся катастрофу.

Потребность въ искренности, теплотѣ, правдѣ въ церкви высказывалась передовыми людьми въ литературѣ и смутно чувствовалась народомъ (*).

Въ то время какъ феодальный строй постепенно разлагался подъ вліяніемъ умственнаго развитія и измѣнившихся условій жизни, въ то время какъ народное самосознаніе искало новыхъ формъ и идеаловъ, одна церковь стояла неподвижно съ присвоеннымъ ею себѣ однажды авторитетомъ и являлась, какъ господствующее начало въ государственной и политической жизни, главнѣйшимъ препятствіемъ къ преобразованіямъ и улучшенію быта, главнѣйшимъ врагомъ всякаго прогресса.

Понятно по сему, что всѣ партіи какого-бы ни было оттѣнка, стремившіяся къ пересозданію отживающаго феодальнаго государственнаго строя, слились въ одну оппозицію противъ невыносимой опеки церкви надъ совѣстью, мыслью, государственною и частною жизнью; понятно, что революціонное броженіе, охватившее въ XV столѣтіи всю западную

---

*) Это настроеніе въ народѣ, это отыскиваніе имъ согрѣвающаго душу элемента въ религіи, не удовлетворявшуюся пышными, наружными формами существующей церкви, выражается, со второй половины XV вѣка, въ увеличивающемся паломничествѣ къ разнымъ святымъ мѣстамъ, въ обрѣтеніи мощей святыхъ, непризнаваемыхъ церковью и т. д.,—симптомахъ, доказывающихъ, не развитіе суевѣрія и невѣжества, какъ думаютъ нѣкоторые писатели, а скорѣе не умѣлое, никѣмъ не руководимое желаніе удовлетворить потребностямъ религіознаго чувства. Въ наукѣ до сихъ поръ еще весьма мало обращено вниманія на изученіе этой психологической стороны до реформаціоннаго періода и обыкновенно повторяются установившіяся однажды мысли, что Лютеръ и другіе реформаторы первые пробудили заглохшее религіозное чувство въ народѣ. Сочиненіе Gothein — Politische und religiöse Volksbewegungen vor der Reformation. Breslau, 1878—есть слабая попытка къ подобному психологическому анализу, срав. также Kolde—Friedrich der Weise und die Anfänge der Reformation. Erlangen 1881.

Европу, направленное къ политическому и соціальному переустройству, выразилось въ формѣ антицерковной.

Необходимо было прежде всего, если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить главнаго врача, стоящаго преградой на пути развитія.

Неудачный исходъ соборовъ въ Пизѣ, Констанцѣ и Базелѣ, созванныхъ въ первой половинѣ XV столѣтія съ цѣлью преобразованія церкви, хитрая политика папъ, умѣвшая путемъ примиреніи со свѣтскою властью парализировать всѣ соборныя постановленія и возстановить свой прежній гнетъ и свое прежнее господство, тяжкимъ бременемъ ложившихся особенно на Германію—все это вселяло въ общественномъ мнѣніи убѣжденіе, что отнынѣ можно ждать улучшеній не отъ папъ и іерархіи и не отъ свѣтской власти, заключившей союзъ съ папствомъ, а отъ самаго народа.

Продолжительныя пренія на соборахъ, смѣлыя рѣчи оппозиціи, агитація, производимая приверженцами разныхъ партій, проекты къ лучшему переустройству церкви и государства,—совершенно естественно развивали во всѣхъ слояхъ интересъ не только къ церковнымъ, но и политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Въ то время какъ на соборахъ прелаты подвергали строгой критикѣ церковное устройство и порядки, курфюрсты, князья, графы, мелкая аристократія, города, однимъ словомъ вся свѣтская знать на многочисленныхъ съѣздахъ обсуждала и спорила объ основахъ современнаго имъ государственнаго организма, объ отношеніяхъ церкви къ государству, сословій къ центральной власти, о лучшемъ устройствѣ войска и финансовъ. Къ тому же явная и тайная пропаганда гусситскихъ, въ особенности таборитскихъ ученій, колебавшихъ не только престолъ папъ, но и свѣтскихъ государей, приводила въ броженіе необразованную массу и возбуждала въ ней несбыточныя и фантастическія надежды.

О броженіи, господствовавшемъ съ половины XV вѣка въ Германіи, можно судить по постоянно увеличивающемуся числу брошюръ, памфлетовъ, „летучихъ листковъ" (fliegende Blätter, Zeitungen), обсуждавшихъ жгучіе вопросы эпохи, по ѣдкости народныхъ пѣсенъ, по радикальному направленію народныхъ пѣсенъ, радикальному направленію народныхъ проповѣдниковъ.

Сохранилось, правда, весьма мало образчиковъ нѣмецкой публицистики того времени, но это малое такъ глубоко проникнуто реформаціоннымъ духомъ, сознаніемъ необходимости переворота, что возбуждаетъ въ изслѣдователѣ той эпохи живѣйшій интересъ. Только глубокимъ изученіемъ этихъ симптомовъ приближающагося переворота, только тщательнымъ анализомъ отживающаго, замирающаго порядка вещей, мы можемъ понять зародыши и развитіе новой жизни, начавшейся съ XVI столѣтія и лежащей въ основѣ новѣйшей германо-романской образованности.

Понятно, что оппозиція существовавшему порядку въ церкви и государствѣ выражалась различно, смотря по степени развитія среды, въ которой она возникла; но въ какой бы формѣ она ни проявлялась, въ болѣе или менѣе грубой, она одинаково направлена была противъ тѣхъ же самыхъ недуговъ общественной жизни, противъ іерархіи, ея разврата распущенности, невѣжества, противъ вмѣшательства ея въ сферу свѣтской власти, противъ ненормальности всего государственнаго строя, основаннаго на преобладаніи церкви.

Въ этой оппозиціи второй половины XV столѣтія въ Германіи мы можемъ отмѣтить два направленія, ярко выступающія наружу: именно—оппозицію народную, низшихъ слоевъ общества, и оппозицію интеллигенціи, изъ коихъ каждая проявляется съ нѣкоторыми особенными оттѣнками. Обѣ онѣ идутъ параллельно, взаимнодѣйствуя другъ на друга, заимствуя другъ у друга краски и черты и, переработывая ихъ по своему, разбиваютъ сообща старый порядокъ и развиваютъ еще безсознательно, безъ опредѣленной системы, новые взгляды и воззрѣнія.

Народная оппозиція высказывалась въ безчисленныхъ произведеніяхъ народнаго творчества, поэтическихъ и прозаическихъ, характеръ которыхъ измѣнялся постепенно, переходя отъ сдержаннаго неудовольствія и жалобы къ ѣдкой сатирѣ, въ которой въ довольно грубой формѣ проявлялся здравый народный смыслъ, юморъ и сарказмъ (*).

(*) Сохранилось весьма немного пѣсенъ XV вѣка чисто политическаго характера; что таковыхъ было много въ то время, доказываетъ весьма интересное мѣсто изъ саксонской хроники Шпанген-

Большая часть народныхъ пѣсень того времени, какъ лирико-эпическаго характера, такъ и дидактическаго, большая часть прозаическихъ произведеній, не говоря уже о такъ называемыхъ „Fastnachtspiele“, отличаются этимъ сатирическимъ оттѣнкомъ, стремленіемъ осмѣять современный церковный, политическій, соціальный строй, выставить превосходство здраваго смысла простаго человѣка надъ извращенною логикою нравственно и умственно испорченнаго привилегированнаго сословія.

Сюда относятся напримѣръ, „der Pfaffe von Kalenberg“ Филиппа Франкфурта, Narrenschiff“ (первое изданіе 1494 г.) Севастьяна Брандта, „Till Eulenspiegel“ (первое изданіе 1483 г.), комическія произведенія Fastnachtspiele (*),—одного изъ плодовитѣйшихъ писателей XV вѣка, Розенблюта (Rosenblüt) и его подражателя Фольца (Hans Folz), наконецъ „Reincke Fuchs“ (1498 г.), въ которомъ народный юморъ и сарказмъ получили, такъ сказать, свое классическое выраженіе (**).

Народная оппозиція высказывалась однако противъ современнаго строя не только однимъ путемъ насмѣшекъ и сатиры; она проявлялась и въ болѣе положительной формѣ въ про-

---

берга (Cyriaxus Spangenberg—Sächsische Chronika. Frankf. aM. 1585 стр. 557), которое мы приводимъ здѣсь, заимствовавъ его изъ сочин. Kurtz — Geschishte der deutschen Literatur. 1857. Leipzig. 2 изд. I. 592. Daher wurden diese Zeit (1482) Lieder gemacht und gesungen, darinnen die Oberkeit erinnert und ermahnt ward, in der Regierung Gleichmäsigkeit zu halten, den Adel nit zu viel Freyheit und Gewalt zu verhengen, den Bürgern iu Stetten nit zu viel Pracht und Geprangs zu verstatten, das gemeine Bawervolk nit über macht zů beschweren, die Strassen rein zů halten (т. е. обезпечить сообщенія отъ разбойничьихъ нападеній, отъ рыцарей-грабителей), und jedermann Recht und Billigkeit wiederfahren zů lassen. Von welchen Liedern sind noch etliche Gesetzlin vorhanden, so etwan von alten Leuten, diė sie in irer Jugend von iren Eltern gehört, gesungen werden. Шпангенбергъ жилъ отъ 1528—1604.

(*) Особенно—Vom babst, cardinal und von bischoffen, и des Türken Fastnachtspiel.

(**) Смотри- Kurtz - Geschichte der deutschen Litteratur, 2 Auflage 1857. I. 3-ter Zeitraum 582 и слѣд.

Gervinus—Geschichte der deutschen Dichtung. 4 Ausgabe 1853. II томъ стр., 252 и слѣд.

повѣдяхъ и политическихъ сочиненіяхъ, пропагандировавшихъ необходимость насильственнаго переворота, необходимость порвать со старымъ, исторически сложившимся, строемъ и создать новый на болѣе раціональныхъ началахъ.

Къ такимъ народнымъ проповѣдникамъ принадлежитъ, напримѣръ, Johann Beheim или der Böhme, въ народѣ извѣстный болѣе подъ именемъ der Pfeifer von Niklashausen (*).

Въ деревнѣ Никласгаузенъ, на рѣкѣ Тауберѣ, во владѣніяхъ епископа Вюрцбургскаго (въ нынѣшнемъ великомъ герцогствѣ Баденскомъ), жилъ въ семидесятыхъ годахъ XV столѣтія молодой парень, бобыль, нанимавшійся у крестьянъ то въ работники, то въ пастухи, нерѣдко потѣшавшій своихъ односельцевъ искусною игрою на свирѣли (отсюда и его прозвище).

Около 1476 года онъ началъ проповѣдывать крестьянамъ, что на выгонѣ, гдѣ онъ пасетъ стада, ему являлась Богородица и сподобила его откровеніемъ о приближающейся карѣ Божьей. „Настало время тяжкихъ испытаній“, говорилъ онъ слушателямъ; „гнѣвъ Божій скоро обрушится надъ человѣчествомъ, особенно надъ духовенствомъ; духовная и свѣтская власть въ совершенномъ упадкѣ; свѣтскіе властители притѣсняютъ народъ; они не должны владѣть большимъ чѣмъ простой человѣкъ; право рыбной ловли и охоты должно одинаково принадлежать всѣмъ; пошлины, барщина и подати должны быть отмѣнены, равнымъ образомъ и десятина; іерархія утопаетъ въ роскоши и развратѣ, заражено алчностью и высокомѣріемъ; духовные пользуются слишкомъ большими доходами, они должны имѣть не болѣе одного прихода. Горе духовенству! если оно не исправится, погибель его неминуема.

Папская власть, по словамъ Іоанна Богемскаго, не имѣетъ никакого основанія; церковныя отлученія и проклятія не имѣютъ смысла; чистилище существуетъ только въ воображеніи духовныхъ.

Молва о новомъ пророкѣ быстро распространялась среди

(*) Annales Hirsaugienses—Joannis Trithemii Spanheimensis, abbatis Herbipolensis. sub anno 1476. Ullmann - Reformatoren vor der Reformation I. 350 seg.

низшаго сословія; проповѣди его привлекали все большее число слушателей; въ скоромъ времени, не только изъ окрестностей, но даже изъ отдаленнѣйшихъ селъ и мѣстечекъ средней и южной Германіи стали стекаться въ Никласгаузенъ толпы народа; броженіе усиливалось и вынудило наконецъ правительство принять энергическія мѣры. Смѣлый проповѣдникъ былъ схваченъ солдатами епископа Вюрцбургскаго и впослѣдствіе сожженъ. Нюрнбергскій анналистъ Крейцеръ прибавляетъ—„я полагаю, что онъ мыслямъ своимъ научился у какого-нибудь ученика Гусса".

Кромѣ подобной устной пропаганды насильственнаго переворота шла и пропаганда письменная, обращавшаяся къ той же самой народной массѣ и проводившая столь же радикальныя мысли, какъ и проповѣди Іоанна Богемскаго.

Хотя памфлеты эти печатались обыкновенно безъ обозначенія года и имени автора, мы можемъ однако сказать съ достовѣрностью, что составителями ихъ были люди съ нѣкоторымъ образованіемъ, люди близко знакомые съ нуждами народа, страдавшіе вмѣстѣ съ нимъ, жившіе его жизнью и потому служившіе естественными истолкователями его надеждъ и ожиданій.

Къ такимъ политическимъ памфлетамъ радикальнаго направленія, конца XV столѣтія и начала XVI, относятся знаменитыя: „Реформація императора Сигизмунда" и „Реформація Фридриха III.

Въ настоящей статьѣ представляется разборъ и въ виду рѣдкости документа, переводъ текста „Реформаціи Фридриха III".

II.

Вотъ почти дословный его переводъ: **„Императора Фридриха III Реформація священной Римской имперіи Германской націи, представленная на земскомъ собраніи въ Майнцѣ въ 1441 году".**

Предисловіе къ двѣнадцати основнымъ и тринадцатой заключительной статьѣ.

Боже всемогущій и вѣчный, Тебѣ подобаетъ слава, честь и благодареніе за Твою безмѣрную благость и милосердіе.

коихъ Ты насъ столь щедро сподобилъ, освободивъ насъ отъ дракона тьмы, въ коей мы и отцы наши столь долго невѣдая пребывали. Ты величественно явилъ и засвидѣтельствовалъ свои чудеса предъ твоими бѣдными созданіями: слѣпымъ—Ты даровалъ намъ зрѣніе; нѣмымъ далъ языкъ; Ты воскресилъ мертвыхъ и они опять стали живы; и всѣ чудесныя дѣянія, которыя по божественной Твоей силѣ сотворилъ Ты, когда ходилъ по землѣ, всѣ совершивъ и для насъ, бѣдныхъ созданій Твоихъ.

Посему по истинѣ должны мы Тебя хвалить,чтить и благодарить за святыя Твои и горькія страданія и смерть, и за багряную кровь Твою, которую Ты пролилъ на древѣ Святаго Креста, дабы насъ избавить отъ вѣчной смерти.

Боже вѣчный, мы должны по крайней силѣ нашей величать и возносить Твою божественную славу и молить о милости и оставленіи грѣховъ нашихъ, дабы чистымъ сердцемъ и умомъ хвалить и славить Твое божественное величіе во всѣхъ дѣлахъ поступать по Твоей божественной волѣ и здѣсь на землѣ содѣлаться причастниками благодати, которую Ты столь милосердно намъ даровалъ.

Для того же, чтобы мы могли правильно ею воспользоваться, три вещи намъ нужны: первая—истинная братская любовь: какъ ты желаешь, чтобы другой съ тобой поступалъ такъ и ты съ нимъ поступай; вторая—истинное и вѣрное послушаніе отъ Тебя поставленнымъ властямъ: третья—правосудіе и охрана всѣхъ правъ, также порядка и уставовъ какъ это отчасти изложено въ нижеслѣдующихъ двѣнадцати статьяхъ, въ ихъ декларацiяхъ и объясненiяхъ и въ заключительной тринадцатой статьѣ съ ея декларацiей и объясненiями.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

„Добрые христіане, высокаго и низкаго званія, собранные Богомъ въ священной Римской имперіи Германской націи, узрите благость, ниспосланную намъ Богомъ такъ милостиво въ наши дни. Онъ отверзъ намъ сокровищницу своей божественной милости. Если мы не будемъ Ему за это возносить хвалу и благодареніе, то мы недостойны имени *христіанъ*. Теперь ясно, какъ день, что духовные, заманчи-

выми и лукавыми рѣчами своими лишали насъ нашего законнаго наслѣдія, ослѣпляли нашихъ предковъ и уговаривали ихъ покупать царство небесное цѣнами отцовскаго наслѣдства. Какъ будто Богъ продаетъ свое царство цѣною того, что Самъ даровалъ намъ для насущнаго пропитанія.

Обманывая насъ и выманивъ у нашихъ предковъ сладкими и обманными рѣчами ихъ достояніе, которое могло бы идти на содержаніе женъ и воспитаніе дѣтей, они видятъ теперь, что мы уже не имѣемъ такихъ даровъ или не желаемъ болѣе ихъ давать и осмѣливаются, возбуждая ежедневныя ссоры и открытую войну, наносить ущербъ нашему достоянію, (на сколько мы его еще сохранили), даже силою отнимаютъ его у насъ и нашей братьи, чтобы довести насъ до совершенной нищеты.

Обсудите и обдумайте это хорошенько вѣрные христіане знатнаго и низкаго рода, богатые и бѣдные, старые и молодые, возможно-ли далѣе терпѣть и переносить все это!

Я желалъ бы знать, кому приносятъ пользу высокіе сановники церкви; мало того, они потѣшаются надъ нашими женами и дочерьми и дѣлаютъ изъ нихъ блудницъ. Желалъ бы я также услышать отъ кого нибудь, что Христосъ Спаситель, будучи на землѣ, упомянулъ когда-либо о монахахъ и монахиняхъ. Кому этотъ народъ можетъ приносить пользу? Прелаты ведутъ свою безнравственную жизнь открыто и безъ стыда, и никто ихъ за это не осмѣливается наказывать; монахи же и монахини желаютъ скрыть свой образъ жизни, но время этого не терпитъ и обнаруживаетъ все. Посему нѣтъ надобности вамъ извиняться во всѣхъ вашихъ дѣяніяхъ, ваши продѣлки извѣстны болѣе, чѣмъ вы полагаете.

Если вы выдадите бѣднымъ, нуждающимся и избраннымъ дѣтямъ Божьимъ ихъ отцовское наслѣдіе, которое вы имъ должны предъ Богомъ, то тогда, можетъ быть, Господь смилостивится надъ вами и даруетъ вамъ сознаніе вашихъ дѣяній. Если-же вы предпочтете лучше раздавать ваше достояніе блудницамъ и плутамъ, чѣмъ дѣтямъ Божьимъ и тѣмъ, кому вы обязаны это по справедливости, то будьте *увѣрены: Богъ воз*дастъ вамъ по заслугамъ; вся христіан-

ская община въ Имперіи изнемогаетъ подъ вашимъ гнетомъ и давяеніемъ. Уже скоро настанетъ время, когда ваше имущество, какъ имущество враговъ, будетъ подѣлено подобно захваченной добычи; какъ вы угнетали общину христіанскую, такъ и она на васъ возстанетъ и не найдете вы нигдѣ спокойнаго убѣжища".

Затѣмъ слѣдовали двѣнадцать главныхъ статей, предполагаемыхъ ко введенію и утвержденію въ Священной Имперіи въ слѣдующемъ порядкѣ:

1-я статья.

Всѣ духовные во всей Римской Имперіи Германской націи, должны быть организованы соотвѣтственно ихъ истинному призванію и утверждаемы, не взирая на родъ, происхожденіе, связи или по какимъ-либо другимъ постороннимъ и практическимъ соображеніямъ; единственно для восхваленія Бога они должны быть сохранены въ необходимомъ числѣ, для того чтобы и міряцинъ могъ воспринять и проникнуться Словомъ Христа.

2-я статья.

Всѣ князья въ Имперіи Германской націи, высшаго и нисшаго званія, равно какъ и графы, бароны, рыцари, благородные, признаваемые Имперскимъ уложеніемъ, должны всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, по своему положенію и происхожденію, соблюдать достоинство своего званія, какъ это будетъ Имперіею опредѣлено и постановлено; чтобы каждый самъ созналъ долгъ и обязанности своего званія, чтобы бѣдный крестьянинъ не былъ обремененъ и чтобы уважались его человѣческое достоинство и свобода.

3-я статья.

Всѣмъ имперскимъ, вольнымъ и княжескимъ городамъ, равно какъ и всѣмъ прочимъ общинамъ и волостямъ въ Священной Римской Имперіи, Германской націи, сколько ихъ насчитываютъ и признаютъ, должны быть опредѣлены и постановлены ихъ права и обязанности, не принимая въ соображеніе ихъ древнихъ привилегій, обычаевъ или заведеннаго порядка, единственно на основаніи христіанской

свободы, человѣческаго достоинства, здраваго природнаго смысла, чтобы всѣмъ людямъ было равномѣрно и не обременительно. Чрезъ это общее благо получитъ свое подобающее признаніе.

4-я статья.

Всѣ князья, съ Римскаго Императора начиная до самаго послѣдняго, графы, бароны, рыцари, благородные, равно какъ духовные всѣхъ званій, города, общины и волости, всѣ признаваемые уложеніемъ Священной Римской Имперіи Германской націи, должны получить, постановленіемъ имперскихъ сословій, уставы соотвѣтственно званію, по чести и совѣсти, по потребностямъ каждаго и безъ обремененія когolибо.

5-я статья.

Всѣ доктора римскаго и каноническаго права, духовные-ли они или свѣтскіе, по смыслу настоящей „Реформаціи“, не должны быть впредь терпимы въ Священной Римской Имперіи, Германской націи, ни въ судахъ, ни при судоговореніи, ни въ княжескихъ или другихъ совѣтахъ; но должны быть совершенно упразднены; они не должны впредь ни говорить, ни писать, ни совѣтовать въ судахъ или при судоговореніи, ибо Богъ одарилъ человѣка своимъ собственнымъ умомъ, которымъ онъ вполнѣ можетъ охранять свое право, что и предполагается ввести по новому установленію.

6-я статья.

Духовные въ Священной Римской Имперіи Германской націи, высокаго или низшаго званія, не должны быть впредь приглашаемы или допускаемы въ качествѣ засѣдателей или совѣтниковъ, или въ учрежденіяхъ Имперіи, ни въ совѣтахъ свѣтскихъ князей, графовъ, бароновъ, городскихъ общинъ, ибо имъ не подобаетъ принимать участіе въ свѣтскихъ дѣлахъ, хотя они и стремятся высказаться въ нихъ, по важнымъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не умѣстно распространяться.

7-я статья.

Всѣ постановленія римскаго права, до сихъ поръ дѣйствовавшія и признаваемыя въ Священной Римской Имперіи, Германской націи, должны быть отмѣнены; одни лишь тѣ постановленія должны быть сохранены и утверждены, которыя будутъ признаны правовѣдами, по правдѣ, истинѣ и совѣсти, за справедливыя, чтобы бѣдный могъ воспользоваться, безъ коварства и обиды, свободою и своимъ правомъ какъ и богатый, хотя бы онъ былъ и князь Имперіи.

8-я статья.

Всѣ таможни, заставы, конвойный, питейный, процентный сборы, подати и налоги, существующіе до сихъ поръ въ священной Римской Имперіи, Германской націи, должны быть впредь отмѣнены, исключая тѣхъ, которые признаны будутъ необходимыми, чтобы частный интересъ не падалъ бременемъ на общество и не стѣснялъ бы всѣ промыслы и ежедневныя сношенія (какъ это ясно выражаетъ декларація къ сей статьѣ).

9-я статья.

Всѣ золотыя и серебряныя монеты во всей Римской Имперіи, Германской націи, должны быть изъяты изъ употребленія, безъ ущерба интересамъ и правамъ каждаго; такъ какъ общая польза въ Священной Имперіи до сихъ поръ всегда уступала безчисленнымъ частнымъ интересамъ, вслѣдствіе чего распространился крайній безпорядокъ въ монетной системѣ, потому всѣ упомянутыя монеты слѣдуетъ переплавить на установленныхъ монетныхъ дворахъ Имперіи и впредь выпускать въ обращеніе монеты лишь одной пробы и одного вѣсу; кромѣ того горный промыселъ долженъ быть предоставленъ всѣмъ свободно.

10-я статья.

Вѣсъ и мѣра должны быть преобразованы въ Священной Римской Имперіи Германской націи сообразно необходимости для общаго блага, такъ чтобы большая бочка (возъ) вина

была во всѣхъ областяхъ одинаковаго объема (*), чтобы единица вѣса повсюду имѣла центнеръ тяжести, единица мѣры для сыпучихъ тѣлъ должна быть равна ноши, которую одинъ человѣкъ можетъ снести по лѣстницѣ.

Шерстяныя матеріи, полотна, бумазеи и все, что измѣряется локтемъ (Elle) должны имѣть въ кускахъ одинаковую длину.

11-я статья.

Всѣ купеческія фирмы, существующія въ Священной Римской Имперіи Германской націи, слѣдуетъ преобразовать для общаго блага; въ особенности большія купеческія компаніи и другія товарищества, которыя ежедневно вредятъ общественной пользѣ, на что вопіютъ не только знать, духовные и другіе богатые люди, но и мелочные торговцы и мелочные потребители, принужденные брать товаръ у нихъ, не говоря уже о бѣдныхъ рабочихъ, которые грошовыя свои потребности оплачиваютъ дорогою цѣною, между тѣмъ, какъ компаніи и товарищества вымогаютъ у нихъ запасы свои по самымъ низкимъ цѣнамъ.

12-я статья.

Двѣнадцатая статья требуетъ, чтобы всѣ императорскіе пути сообщенія въ Священной Римской Имперіи Германской націи содержались въ безопасности, чтобы всякій могъ свободно и безъ конвоя по нимъ путешествовать.

Равнымъ образомъ во всей Римской Имперіи не должны быть впредь допускаемы никакіе частные союзы, соединенія, договоры; всѣ существующіе подлежатъ уничтоженію.

Только Священной Римской Имперіи принадлежитъ охрана и защита свободы, какъ это ясно изложено въ деклараціи.

Затѣмъ слѣдовала на каждую изъ вышеизложенныхъ двѣнадцати статей особая декларація съ четырьмя объясненіями и 13-я статья, какъ заключеніе двѣнадцати предъидущихъ со своей отдѣльной деклараціей и объясненіями.

(*) Fuder—ein grosses Fass Wein. Weisth. zu Schluchtern; eyn *Vass, dass eyn fuder heisset*, Lexer. Mittelhoch—Wörterbuch.

Декларація на первую статью.

Первое объясненіе деклараціи на первую статью.

Первое объясненіе деклараціи на первую статью изложено слѣдующимъ образомъ: "Въ виду предположенія организовать духовныхъ всѣхъ званій во всей Римской Имперіи Германской націи, сообразно ихъ уставамъ и истинному назначенію, слѣдуетъ, по справедливости, прежде всего начать съ высшаго сословія управителей, какъ-то: епископовъ, настоятелей, благочинныхъ, канониковъ, членовъ капитуловъ, чтобы каждый былъ поставленъ въ соотвѣтственное его званію положеніе, соображаясь съ потребностями Имперіи; чтобы впредь никто не могъ бы расширять власти своей далѣе границъ, подобающихъ его должности, званію и обязанностямъ; чтобы отъ отдѣльной личности не было бы какого-либо упущенія или помѣхи въ должной хвалѣ, чести и благодареніе Богу".

Второе объясненіе деклараціи на первую статью:

Второе объясненіе деклараціи на первую статью изложено такимъ образомъ: „Во всѣ сельскіе приходы, большіе и малые въ Священной Римской Имперіи Германской націи, должны быть впредь опредѣляемы священниками лица почтенныя и достойныя; въ случаѣ если кто-либо не будетъ исполнять своихъ обязанностей честно и добросовѣстно, то на его мѣсто долженъ быть назначаемъ другой, чтобы бѣдные христіане не оставались долгое время безъ пастыря, такъ какъ имъ болѣе, чѣмъ кому-либо, необходимо проповѣдывать слово Христово и святое Евангеліе и поучать ихъ въ истинахъ христіанскихъ. Равнымъ образомъ помощники пастыря, викарные или другіе, находящіеся при немъ для исполненія требъ, должны съ величайшею добросовѣстностью радѣть о церкви и богослуженіи и не дѣлать никакихъ упущеній. Ибо необходимо приложить величайшее радѣніе къ сельскимъ приходамъ, чтобы связь бѣднаго крестьянина съ Богомъ, Творцомъ его, не была бы ослаблена, какъ это до сихъ поръ, къ сожа*лѣнію,* постоянно совершалось".

Третье объясненіе деклараціи на первую статью:

Третье объясненіе деклараціи на первую статью предполагается изложить такимъ образомъ: „Во всей Римской Имперіи, Германской націи, всѣ монахи, монахини, священники и прочія лица духовнаго чина, кто-бы они ни были, должны каждый оставаться въ строгомъ повиновеніи уставамъ, правиламъ и обычаямъ своего званія, каковые признаны будутъ имперіею, смотря по необходимости.

Чрезмѣрное число монаховъ, монахинь, священниковъ, доллардовъ и другихъ нищенствующихъ корпорацій, только обманывающихъ людей, прикрываясь духовнымъ званіемъ, падаютъ тяжскимъ бременемъ на горожанъ и бѣдныхъ крестьянъ, которыхъ жены и дѣти часто нуждаются въ насущномъ хлѣбѣ для того, чтобы накормить этотъ лѣнивый и праздный людъ. А попробуй-ка не накормить его, тогда является во дворъ приставъ и угоняетъ коровъ и телятъ; если удается задобрить пристава, то монахъ разражается отлученіемъ отъ церкви, чтобы тѣмъ вовлечь крестьянина въ еще большіе убытки. Вотъ каково ихъ духовное милосердіе, и вотъ какова ихъ христіанская, братская любовь! Подашь имъ разъ, ради Бога, они послѣ того требуютъ этого по алчности своей съ насиліемъ, для того, чтобы скопить и сохранить“.

Четвертое объясненіе деклараціи на первую статью:

Четвертое объясненіе деклараціи на первую статью излагается слѣдующимъ образомъ: „Божьи люди не должны быть забыты, ихъ, какъ отмѣченныхъ Богомъ, должно кормить, поить и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ, ибо Богъ предназначилъ имъ ихъ часть въ дарахъ своихъ. Вотъ этого духовенство и монахи не могутъ понять! А какъ сохранить для своей прихоти блудницъ и шутовъ—вотъ это они скоро поняли, потому-то и погасла въ нихъ благодать Божья.

Несмотря однако, на порочную жизнь духовенства, Господь не покинетъ Своихъ; они насильственно потребуютъ своего отцовскаго надѣла отъ духовныхъ, какъ отъ безчестныхъ опекуновъ.

Всѣ церковныя зданія, украшенія, облаченія, должны быть *устроены съ умѣреннымъ* благолѣпіемъ для того, чтобы ни-

манской націи, имперскихъ, вольныхъ и княжескихъ, признанныхъ и утвержденныхъ для пользы Имперіи; никто не долженъ имѣть власти вводить въ нихъ какія-либо новшества, или налагать на нихъ, какіе-либо налоги и тягости, чтобы общее благо могло развиваться для пользы бѣднаго и богатаго, своекорыстіе могло быть подавлено и чтобы сохранялась въ нихъ гражданская свобода и братское единодушіе.

Второе объясненіе деклараціи на третью статью:

Второе объясненіе деклараціи на третью статью изложено такимъ образомъ: „Ни одна община, ни одна волость, въ Священной Римской Имперіи Германской націи, кому бы онѣ ни были подчинены, не должны принимать на себя съ чьей бы то ни было стороны и не обременять себя никакими большими налогами или новыми податями, кромѣ точно установленныхъ и опредѣленныхъ законами Имперіи. Имъ также слѣдуетъ предоставить торговлю обыкновенными предметами потребленія, чтобы тѣмъ слить во едино производство со сбытомъ, конечно, не торговлю иностранными дорогими товарами, а только лишь тѣмъ, что необходимо для ежедневныхъ потребностей и для запасовъ. Такимъ образомъ и города сохранятъ свой почетъ, и общины останутся при своихъ обыкновенныхъ потребностяхъ; это поддержитъ и общее благо. и братскую любовь“.

Третье объясненіе деклараціи на третью статью:

Третье объясненіе деклараціи на третью статью касается общаго блага во всей Римской Имперіи Германской націи: „Всѣ земельные участки, кому бы они не были подчинены въ Имперіи, должны быть оставлены и признаны свободными отъ всякихъ повинностей, только съ того, что пошлетъ Богъ должна быть, по справедливости, уступаема господину въ видѣ ренты половина, треть, четверть, пятая доля, смотря по положенію страны и по большему или меньшему плодородію почвы. То же самое должно быть примѣняемо и къ чиншу за землю подъ усадьбой въ мѣстечкахъ; чтобы простой человѣкъ, кромѣ уплаты части того, что даетъ Божья благодать, не былъ обременяемъ своимъ господиномъ какимъ-либо инымъ способомъ, тогда христіанская и человѣческая

свобода сохранитъ свое истинное значеніе въ томъ видѣ, въ какомъ Богъ даровалъ ее людямъ".

Четвертое объясненіе декларацiи на третью статью:

Четвертое объясненіе декларацiи на третью статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Для чести Священной Римской Имперіи, для пользы Германской націи и для развитія общаго блага необходимо, чтобы въ Имперскихъ и княжескихъ городахъ для всѣхъ ремеслъ и для поденщиковъ, для каждаго отдѣльно была установлена опредѣленная заработная плата, для того, чтобы простой человѣкъ не былъ обманутъ, чтобы съ него не требовали слишкомъ много и чтобы каждый ремесленникъ и поденщикъ былъ достаточно вознагражденъ за свое искусство, трудъ и работу; ибо братская любовь и общее благо того не терпятъ, чтобы кто-либо былъ лишенъ своего заработка или своего капитала. При такомъ установленіи всѣ сословія въ Имперіи будутъ жить въ достаткѣ и честно пользоваться своими доходами. Господство идеи общаго блага возвышало всѣ государства, своекорыстіе—разрушало всѣ общества, какъ тому представляютъ примѣры: Троя, лежащая въ Азіи, Іерусалимъ—въ Сиріи, Римъ—въ Италіи, Майнцъ, Регенсбургъ и Ерфуртъ—въ Германіи (да предохранятъ себя отъ того же ихъ ближайшіе сосѣди). Въ нынѣшнее время своекорыстіе почитается за мудрость, а общее благо совершенно забыто; но оно не можетъ быть подавлено! оно опять воскреснетъ!..."

Декларація на четвертую статью.

Первое объясненіе декларацiи на четвертую статью:

Первое объясненіе декларацiи на четвертую статью изложено такимъ образомъ: „Всѣ князья, графы, бароны, докуда распространяется власть Римской Имперіи Германской націи, должны каждый, по своему званію, оставаться въ подчиненіи Священной Римской Имперіи, пользуясь езащитой, охраной и покровительствомъ и съ своей стороны способствовать защитѣ и охранѣ других подчиненныхъ и подвластныхъ членовъ Священной Римской Имперіи Германской націи, чтобы общее

благо развивалось и всѣ уставы Священной Имперіи сохраняли свою силу и свое достоинство.

Посему они должны быть пристойно обставлены Священною Имперіею ленами, регаліями, привиллегіями, каждый сообразно своему званію и должности, чтобы они не посягали въ отношеніи къ своимъ подданнымъ и подвластнымъ на общія вольности и права, которыя Имперія установитъ для всѣхъ, отмѣнивъ и пересмотрѣвъ древніе обычаи, привиллегіи, уставы, сообразно съ интересами общаго блага, чтобы всѣмъ сословіямъ было безобидно“.

Второе объясненіе деклараціи на четвертую статью:

Второе объясненіе деклараціи на четвертую статью изложено такимъ образомъ во славу Бога: „Всѣ члены духовнаго сословія, какъ бы они не наименовались, докуда распространяется власть Священной Римской Имперіи Германской націи, должны блюсти во всей строгости свой уставъ, свою должность, свои обязанности, чтобы хвала и честь Божія поддерживалась и умножалась ежедневнымъ славословіемъ. Ибо духовные установлены ни для чего инаго, какъ для восхваленія Бога, чтобы они проповѣдывали, возвѣщали слово Божіе и священнодѣйствовали въ свое время какъ имъ это предписано. Божьихъ людей, самимъ Богомъ избранныхъ и намѣченныхъ, должно съ достаткомъ снабжать наслѣдіемъ, имъ Богомъ завѣщаннымъ. Мы, христіане, должны быть ихъ вѣрными опекунами и передавать имъ наслѣдіе, завѣщанное имъ Богомъ, по ихъ потребностямъ, чтобы они ни въ чемъ не терпѣли нужды; это нашъ святой долгъ. Тѣ же, которымъ это въ нынѣшнее время поручено, мало помышляютъ о Божьихъ людяхъ и думаютъ, что они вовсе не обязаны этого дѣлать, хотя у самихъ переполнены кружки для подаяній, погреба и казна. Развѣ это христіане? Развѣ они не хуже еретиковъ? Кто кормитъ и поитъ бѣднаго, нуждающагося въ томъ, тотъ исполняетъ волю всемогущаго, вѣчнаго Бога“.

Третье объясненіе деклараціи на четвертую статью:

Третье объясненіе деклараціи на четвертую статью изложено такимъ образомъ: Всѣ рыцари и благородные въ Свя-

щенной Римской Имперіи Германской націи, признаваемые уложеніемъ Имперіи, должны поддерживать достоинство своего рыцарскаго и благороднаго званія, какъ это приличествуетъ каждому изъ нихъ, доходами со своихъ помѣстій, рентъ и оброчныхъ статей. Они потому и установлены въ Имперіи, чтобы во имя князей содержать всѣ дороги и пути въ безопасности для свободнаго сообщенія; они должны также помогать князьямъ и большимъ общинамъ, охранять и защищать ихъ княжества, владѣнія и земли, въ особенности же должны блюсти правосудіе, чтобы бѣдный наравнѣ съ богатымъ могъ добиться своего права, и покровительствовать вообще всему честному и благородному.

Для того они и установлены Богомъ и обществомъ, для того имъ и опредѣлены доходы".

Четвертое объясненіе декларацiи на четвертую статью.

Четвертое объясненіе декларацiи на четвертую статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Всѣ живущіе въ Священной Римской Имперіи Германской націи, не причисленные къ членамъ (чинамъ) имперіи, не включенные въ разрядъ членовъ (чиновъ) ея и не имѣющіе права владѣть рыцарскими ленами не должны впредь пользоваться ни подъ какимъ видомъ рыцарскимъ леномъ или его привиллегіями, чтобы крестьянинъ не былъ бы обременяемъ и могъ бы жить свободнымъ человѣкомъ по установленіямъ Священной Имперіи; ибо христіанская свобода, братская любовь и уваженіе человѣческаго достоинства возвышаютъ и развиваютъ общее благо. Посему, по справедливости, всѣ люди должны способствовать защитѣ и охранѣ общаго блага, такъ какъ оно пріятно Богу и одинаково необходимо для существованія какъ бѣднаго, такъ и богатаго; только оно можетъ облагородить всѣхъ членовъ (чиновъ) Римской Имперіи. Вѣрующіе и истинные христіане, да будетъ оно вами ревностно оберегаемо".

Декларація на пятую статью

Первое объясненіе декларацiи на пятую статью.

Первое объясненіе декларацiи на пятую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи Германской

націи, при всѣхъ университетахъ, признанныхъ Имперіею, возводящихъ въ ученыя степени доктора и магистра правъ, должны состоять три доктора-юриста, которые обязаны блюсти право, признанное и установленное на разумныхъ началахъ, преподавать и учить только это право, а не какое либо иное и не позволять себѣ, по наущенію другихъ какихъ-либо новшествъ или отступленій, оставаясь въ предѣлахъ, опредѣленныхъ и установленныхъ Имперіею. Если же, въ случаѣ большихъ затрудненій, ихъ пригласятъ дать свое заключеніе, которое, конечно, будетъ равносильно приговору, то они обязаны принять это приглашеніе ради ускоренія дѣла, и всѣ трое единодушно въ теченіи мѣсяца или тридцати дней постановить свое рѣшеніе, препроводивъ его по принадлежности, чтобы никто не испытывалъ ущерба въ своемъ правѣ, чтобы всѣмъ людямъ въ этомъ отношеніи была оказана поддержка и чтобы всякій могъ добиться скораго рѣшенія; ибо не законное промедленіе въ правосудіи наноситъ великій вредъ насущнымъ потребностямъ бѣднаго человѣка".

Второе объясненіе деклараціи на пятую статью.

Второе объясненіе деклараціи на пятую статью изложено такимъ образомъ: „Доктора Римскаго и каноническаго права не должны участвовать ни въ какихъ судахъ, высшихъ или низшихъ въ Священной Римской Имперіи Германской націи, ни въ качествѣ судей, ни въ качествѣ засѣдателей; ибо имъ, болѣе чѣмъ міряномъ, закрыта истина и никто изъ нихъ не въ состояніи отыскать къ ней ключа, не смотря на то, что тяжущіяся стороны доводятся до нищеты и часто до гибели.

Міряне же хранятъ этотъ ключъ у себя и безъ всякаго замедленія удовлетворяютъ правосудію. Вотъ почему никто не терпитъ ученыхъ юристовъ въ судахъ. Они, вѣдь, только оплачиваемые слуги правосудія, а не природные его блюстители.

Третье объясненіе деклараціи на пятую статью.

Третье объясненіе деклараціи на пятую статью изложено такимъ образомъ: „Во всей Священной Имперіи Германской націи доктора правъ не должны быть допускаемы впредь ни въ какихъ судахъ, ни въ качествѣ довѣренныхъ, ни въ качествѣ обвинителей, ни въ качествѣ совѣтниковъ, какъ при

устномъ, такъ и при письменномъ дѣлопроизводствѣ; ихъ необходимо совершенно отстранить отъ свѣтскаго права, потому что они не родные отцы, а вотчимы правосудія и не природные его блюстители; они отнимаютъ у правосудія основу истины и развиваютъ своимъ непомѣрнымъ корыстолюбіемъ такое недовѣріе къ суду, что на него уже ни одинъ честный человѣкъ болѣе не уповаетъ. Вотъ къ чему привело въ теченіи пятидесяти лѣтъ ваше превратное ученіе; слыханное-ли это было прежде дѣло"?

Четвертое объясненіе деклараціи на пятую статью.

Четвертое объясненіе деклараціи на пятую статью изложено такимъ образомъ: „Во всей Римской Имперіи Германской націи, дозволяется всѣмъ сословіямъ—князьямъ, графамъ, баронамъ, городскимъ общинамъ держать докторовъ и учителей римскаго и каноническаго права, но съ такимъ условіемъ, чтобы они не допускались въ какое-либо Имперское учрежденіе ни въ качествѣ повѣренныхъ, ни въ качествѣ уполномоченныхъ или другихъ должностныхъ лицъ, равнымъ образомъ не допускались бы въ княжескіе и городскіе совѣты какъ совѣщательные члены.

Если-же князья, города и другіе пожелали бы имѣть ученыхъ юристовъ, то пусть они содержатъ особыя, изъ нихъ составленныя, совѣщательныя думы, чтобы, въ случаѣ затруднительнаго процесса, они могли давать совѣтъ. Такимъ образомъ ученые юристы не въ состояніи будутъ узнавать тайны княжескаго или городскаго правительства, ибо они ее сохранять не умѣютъ. Вѣдь они совѣтники только ради денегъ и корысти"!

Декларація на шестую статью.

Первое объясненіе деклараціи на шестую статью.

Первое объясненіе деклараціи на шестую статью изложено такимъ образомъ: „Во всей Римской Имперіи Германской націи духовныя особы ни въ какомъ случаѣ не должны быть допускаемы ни въ княжескіе совѣты, ни въ совѣты другихъ свѣтскихъ чиновъ Имперіи, ибо чрезъ это: во первыхъ, про-

исходятъ ущербъ и упущенія въ прославленіи Бога; во вторыхъ, сами духовные дѣлаются нерадивыми къ восхваленію Бога и склонными уповать болѣе на земной почетъ и награду, чѣмъ на Божію благость и милосердіе„.

Второе объясненіе деклараціи на шестую статью.

Второе объясненіе деклараціи на шестую статью изложено такимъ образомъ: „Во всей Римской Имперіи Германской націи, духовныя особы не должны быть допускаемы къ исполненію какой бы то ни было свѣтской должности, чтобы отъ сего не страдало служеніе Богу. Они, конечно, гораздо охотнѣе служили бы для стяжанія земныхъ почестей и богатствъ, чѣмъ для умноженія славы и хвалы Господу, для чего они, вѣдь, и надѣлены имуществами. Если-же ихъ будутъ употреблять для письменныхъ дѣлъ, для совѣщаній или для исполненія другихъ почетныхъ свѣтскихъ должностей, то они снова отступятся отъ церкви, какъ это до сихъ поръ и дѣлали въ большихъ размѣрахъ".

Третье объясненіе деклараціи на шестую статью.

Третье объясненіе деклараціи на шестую статью изложено такимъ образомъ: „Въ священной Римской Имперіи Германской націи духовныя особы не должны быть допускаемы въ какія-либо правительственныя учрежденія или приглашаемы къ исполненію важныхъ свѣтскихъ обязанностей, чтобы чрезъ то не раскрывались предъ ними тайны мірянъ, ни ихъ имущественное положеніе, ихъ дружескія или враждебныя отношенія другъ къ другу; ибо пользуясь этими тайнами, епископы сдѣлали изъ себя повелителей и обратили князей, графовъ, бароновъ въ рабовъ и слугъ своихъ, такъ точно какъ прелаты, настоятели монастырей и монахи обратили горожанъ, благочестивыхъ и благородныхъ рыцарей въ своихъ слугъ, отчужденныхъ отъ отцовскаго своего наслѣдія, а себя самихъ въ господъ. Все это произошло отъ того, что вы не съумѣли держать въ тайнѣ ваши собственныя дѣла и привлекаете духовныхъ въ свои совѣщанія. А когда же кто нибудь изъ нихъ приглашалъ васъ въ свои совѣты? По этой и по многимъ другимъ важнымъ причинамъ вы ослѣпляетесь и обманываетесь духовными".

Четвертое объясненіе деклараціи на шестую статью.

Четвертое объясненіе деклараціи на шестую статью изложено такимъ образомъ: „Во всей Римской Имперіи Германской націи, духовныя особы не должны быть допускаемы къ участію въ свѣтскихъ судахъ, совѣтахъ или процессахъ, ради того, чтобы не было упущенія въ хвалѣ и прославленіи Бога, да и ради великаго корыстолюбія духовныхъ. Если бы они засѣдали въ свѣтскихъ учрежденіяхъ, то невозможно было бы постановить или провести какую-либо мѣру для общаго блага, въ особенности если бы она наносила ущербъ ихъ корыстолюбію и личнымъ интересамъ.

Посему если желательно установить хорошее управленіе. то необходимо воздержаться отъ духовныхъ членовъ (чиновъ) въ имперскихъ и княжескихъ учрежденіяхъ. Что имъ вмѣняется въ грѣхъ, то намъ дозволяется, что имъ дозволяется—вмѣняется намъ въ грѣхъ. Возьметъ одинъ изъ нихъ себѣ жену—то будетъ грѣхъ, а намъ мірянамъ—нѣтъ; отниметъ же одинъ изъ нихъ жену у какого нибудь благочестиваго мужа и возьметъ ее въ свой домъ, это не вмѣнится ему въ вину, а мірянину былъ бы грѣхъ; возьметъ мірянинъ пять процентовъ со ста—это будетъ грѣхъ, духовный же беретъ 60 и 70 и это не грѣхъ.

Такое множество подобныхъ случаевъ противуположныхъ, что я не затруднился бы привести еще нѣсколько примѣровъ; либо мы—не христіане, либо они—еретики, ибо наша вѣра совершенно иная. Въ концѣ-концевъ ихъ взглядъ не имѣетъ твердаго основанія.

Декларація на седьмую статью.

Первое объясненіе деклараціи на седьмую статью.

Первое объясненіе деклараціи на седьмую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи Германской націи Имперскій судъ (Reichs-Cammergericht) долженъ быть впредь составленъ изъ 16 почтенныхъ, доблестныхъ, безпристрастныхъ, незапятнанной честности лицъ; именно, два члена отъ князей, два—отъ графовъ и бароновъ, два—отъ *рыцарства*, три—отъ имперскихъ городовъ, три—отъ

княжескихъ городовъ и четыре—отъ всѣхъ общинъ и волостей въ Римской Имперіи, чтобы всѣхъ вмѣстѣ было 16. Эти 16 должны избрать по совѣсти графа или барона Имперіи въ предсѣдатели, который и будетъ верховный судья (Cammerrichter) Священной Имперіи. Таковъ долженъ быть всегда составъ суда. Изъ этихъ 16 лицъ каждый истецъ и отвѣтчикъ избираетъ себѣ защитника и совѣтника для веденія дѣла. Никто, однако, не можетъ быть членомъ Имперскаго суда, если онъ предъ тѣмъ въ теченіи девяти лѣтъ не засѣдалъ въ судѣ или въ совѣтѣ, либо въ своихъ владѣніяхъ, либо у своего феодальнаго господина, либо въ сосѣдствѣ".

Второе объясненіе декларацiи на седьмую статью.

Второе объясненіе декларацiи на седьмую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи германской націи, должны быть учреждены 4 областныхъ суда (Hofgerichte), подчиненныхъ Имперскому суду; въ эти суды князья, графы и бароны назначаютъ по три члена въ каждый, рыцари и благородные—также по три, имперскіе города—по три, княжескіе города—по три и всѣ общины и волости Имперіи — по четыре; они точно также выбираютъ изъ среды своей одного барона, который будетъ областнымъ судьею (Hofrichter). Таковъ долженъ быть всегда составъ суда. Изъ этихъ 16 лицъ каждый истецъ и отвѣтчикъ избираетъ себѣ защитника и совѣтника для веденія дѣла. Въ число названныхъ 16 членовъ допускаются однако только лица, исполнявшія предъ тѣмъ обязанности судьи или совѣтника".

Третье объясненіе декларацiи на седьмую статью.

Третье объясненіе декларацiи на седьмую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи Германской націи должны быть учреждены 16 земскихъ судовъ (Landgerichte), изъ которыхъ четыре подчиняются одному областному суду Имперіи. Каждое изъ этихъ учрежденій должно также состоять изъ 16 членовъ засѣдателей и судей; князья, графы и бароны назначаютъ четырехъ, рыцари и благородные—четырехъ, всѣ города—четырехъ, всѣ общины и волости—четырехъ; они избираютъ себѣ рыцаря предсѣдателемъ или земскимъ судьею.

При этихъ судахъ порядокъ производства дѣлъ тотъ же, что и при вышепоименованныхъ пяти судахъ. Только истцу должны быть разрѣшаемы двѣ рѣчи и отвѣтчику три возраженія, подъ опасеніемъ пени, если онъ въ заключительной рѣчи не скажетъ ничего новаго".

Четвертое объясненіе деклараціи на седьмую статью.

Четвертое объясненіе деклараціи на седьмую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священнной Римской Имперіи Германской націи должны быть учреждены 64 мировыхъ суда (freye Gerichte), изъ коихъ каждые 4 подчиняются одному земскому суду; эти суды, подобно другимъ, должны состоять изъ 16 членовъ; 4 члена отъ имперскихъ городовъ, 4— отъ рыцарства, 4 члена отъ княжескихъ городовъ и 4—отъ отъ всѣхъ общинъ или волостей; они избираютъ себѣ въ предсѣдатели рыцаря, который и будетъ мировой судья (Freyrichter). При этихъ судахъ порядокъ производства дѣлъ тотъ-же, что и при вышеупомянутыхъ; эти суды не должны однако мѣшать существованію городскихъ и сельскихъ судовъ, и къ нимъ аппелировать можно только въ искахъ, превышающихъ десять гульденовъ и въ дѣлахъ, касающихся чести и наслѣдства.

На мировой судъ нельзя аппелировать въ искахъ, не превышающихъ 100 гульденовъ, равно какъ на земскій судъ—въ искахъ, не превышающихъ 1000 гульденовъ, и въ искахъ, не превышающихъ 10000 гульденовъ, нельзя аппелировать къ Имперскому суду. Суды должны оставаться каждый при своемъ уставѣ и не отклоняться отъ него. Во всѣхъ этихъ судахъ дѣйствуютъ постановленія римскаго права, признанныя по правдѣ и истинѣ за справедливыя, согласно судебному уставу".

Декларація на восьмую статью.

Первое объясненіе деклараціи на восьмую статью.

Первое объясненіе деклараціи на восьмую статью изложено такимъ образомъ: „Статья восьмая, требуя отмѣны въ Священной Римской Имперіи Германской націи всѣхъ тамо-

женъ, заставъ, сборовъ, налоговъ, указываетъ какъ на причину этого требованія на обременительность сборовъ и на ихъ большіе размѣры, не оправдываемые необходимостью. Не только князья, графы, бароны, но и прелаты, города, общины, простые рыцари, ежедневно выдумываютъ новыя таможни, заставы, сборы, подати и налоги, чрезъ что ужасно отягощаютъ крестьянина; точно, какъ будто, вы хотите вынудить крестьянина къ тому, чтобы онъ васъ отстранилъ отъ худаго вашего управленія! Смотрите, чтобы вы сверхъ этого не лишены были вашего родоваго владѣнія, или, пожалуй, въ худшемъ случаѣ, даже жизни! Во истину говорю вамъ,—князья, вы гонитесь за несправедливой наживой, вы высасываете у бѣднаго пріобрѣтенное имъ въ потѣ и крови; во истину этого довольно; будьте предупреждены!

Гдѣ ваши почтенные и доблестные совѣтники, дающіе вамъ совѣты для общаго блага? Однихъ льстецовъ, лицемѣровъ и прихлѣбателей держите вы у своего двора, потому что правду вы не терпите.

Тотъ, кто увеличиваетъ вашъ доходъ—тотъ и способный человѣкъ; никто изъ васъ не спроситъ, по правдѣ ли пріобрѣтено, лишь-бы только было что. Какъ будто Богъ сотворилъ вѣрующихъ для васъ на потѣху. Былъ бы въ васъ истинный христіанскій духъ, вы бы лучше заботились о божескихъ созданіяхъ".

Второе объясненіе деклараціи на восьмую статью.

Второе объясненіе деклараціи на восьмую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи Германской націи должны впредь сбираться только такіе таможенные, заставные, питейные сборы и налоги на водѣ и сушѣ, которые требуются необходимостью для исправленія мостовъ и дорогъ. Тамъ, гдѣ этого не нужно—и пошлины платить никто не обязанъ; тамъ же гдѣ этого требуетъ настоятельная необходимость, платить слѣдуетъ, но за то мосты и дороги должны быть устроены и безупречно содержимы; если же этого не будетъ, то извощикъ вправѣ удержать пошлину, пока дорога не будетъ исправлена. Никакой таможенный чиновникъ не обязанъ представлять отчета своему *начальству* болѣе одного раза въ годъ. Все, что онъ употре-

билъ на постройку мостовъ и дорогъ, должно утвердить на основанiи счетовъ; остатокъ слѣдуетъ прiобщить къ общественной казнѣ, пока въ немъ не окажется нужды для общественной пользы. Князья не должны въ этомъ дѣлѣ искать своей личной выгоды, но должны радѣть только объ общественной пользѣ".

Третье объясненiе деклараціи на восьмую статью.

Третье объясненiе деклараціи на восьмую статью изложено такимъ образомъ: „Всѣ императорскія общественныя и имперскія дороги въ Священной Римской Имперiи Германской націи, въ княжествахъ, графствахъ, баронiяхъ и прочихъ владѣнiяхъ должны быть открыты для свободнаго и безпрепятственнаго сообщенiя, какъ въ отношенiи къ безопасности отъ насилія, такъ и въ отношенiи къ конвойному сбору безъ исключенiя; ибо князья и другiе чины Имперiи приняли на себя эту ленную обязанность отъ Императора и несутъ ее наравнѣ съ другими княжескими ленными обязанностями и регалiями. Если же на территорiи князя или инаго владѣтеля кто либо пострадаетъ и потерпитъ убытокъ, то тотъ, на чьей территорiи это случилось, долженъ вознаградить и возвратить сполна всѣ издержки и убытки, чтобы потерпѣвшiе могли отправиться далѣе удовлетворенными. Точно также не долженъ быть налагаемъ князьями, баронами, городами и волостями питейный сборъ на вино, пиво, медъ и другiе напитки, развѣ это будетъ разрѣшено по важнымъ причинамъ. Они, конечно, неохотно отказываются отъ такой выгоды и дохода, ибо своекорыстiе въ нынѣшнее время господствуетъ въ сильной степени. Знали бы они все то, что я знаю, они тогда охотно поступились бы этимъ ради общественной пользы, ибо имъ больше пользы принесъ бы благородный поступокъ, чѣмъ этотъ зловредный и грѣшный доходъ".

Четвертое объясненiе деклараціи на восьмую статью.

Четвертое объясненiе деклараціи на восьмую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперiи Германской націи впредь не должны быть допускаемы въ княжествахъ, городахъ и владѣнiяхъ никакiя подати, налоги,

поборы (Beden), выкупы или другія новшества. Ибо если нынѣ князь женитъ сына или выдаетъ дочь, то жители его области обязаны вносить одинъ пфенигъ съ гульдена; если вступаетъ во владѣніе новый господинъ, то жители обязаны вносить со ста гульденовъ одинъ. Всякая область и община должна сама себя облагать сборомъ, смотря по потребности, за исключеніемъ военной подати и контрибуціи; только Императорскую подать слѣдуетъ платить разъ въ десять лѣтъ. Другихъ тягостей и новшествъ не слѣдуетъ налагать на простаго человѣка въ городахъ и селахъ, чтобы и онъ могъ наслаждаться христіанской свободой, дарованной человѣку Богомъ".

Декларація на девятую статью.

Первое объясненіе деклараціи на девятую статью.

Первое объясненіе деклараціи на девятую статью изложено такимъ образомъ: „Такъ какъ въ Священной Римской Имперіи Германской націи всѣ нынѣ существующіе монетные дворы должны быть закрыты, необходимо, чтобы всѣ рудники, рудные пласты и все добываемое золото, серебро, мѣдь и свинецъ принималось бы имперскою казною по однажды опредѣленной цѣнѣ и затѣмъ уже обращалось въ чеканъ. О золотѣ и серебрѣ нечего говорить, оно пойдетъ своимъ порядкомъ, но добываемая въ рудникахъ мѣдь, содержащая серебро (серебристая мѣдь), не должна быть непремѣнно тотчасъ-же вытапливаема (зейгирована), потому что, прибавивъ серебро можно дѣлать изъ нее денежки (Oertlein), копѣйки (Heller), гроши (пфениги) и другую мелкую монету. Таже мѣдь годится и на примѣсь (Zusatz) для средней и высшей монеты, проба уже сама собою опредѣлится при плавкѣ. Точно также слѣдуетъ поступать и со свинцемъ, богатымъ серебромъ, которое обыкновенно выплавляется, и при немъ точно также проба опредѣлится при плавкѣ. Чрезъ это сберегается много работы при плавкѣ и вытапливаніи обѣихъ рудъ—мѣди и свинца, не говоря уже объ издержкахъ, потребныхъ кромѣ того на это.

Такимъ образомъ все количество, находимое въ рудникахъ, *мѣди и свинца* богатаго содержаніемъ золота-ли, серебра-ли,

должно быть сберегаемо на монетныхъ дворахъ для чекану, все остальное можетъ быть вытапливаемо и продаваемо".

Второе объясненіе деклараціи на девятую статью.

Второе объясненіе деклараціи на девятую статью изложено такимъ образомъ: „Такъ какъ въ Священной Римской Имперіи Германской націи всѣ нынѣ существующіе монетные дворы должны быть закрыты, то справедливость требуетъ созвать всѣхъ, которые до сихъ поръ чеканили монету въ своей территоріи и разобрать привиллегіи и права каждаго. И если за нѣкоторыми будетъ признано это право, по ихъ княжескому достоинству и по законному, древнему обычаю, вслѣдствіе сознанія необходимости, то всѣ остальные должны быть лишены этого права. Тѣ, за коими оставлено будетъ право чекана, должны получать положенное имъ количество монетъ съ Имперскихъ монетныхъ дворовъ, согласно сдѣланному распредѣленію; ихъ гербъ долженъ быть вычеканиваемъ вмѣстѣ съ Имперскимъ орломъ, отдѣльно на каждой сторонѣ, на опредѣленныхъ для каждаго монетныхъ дворахъ; ибо необходимое количество Имперской монеты должно быть распредѣлено между всѣми монетными дворами германскихъ областей и чеканено, смотря по потребностямъ каждой области.

Третье объясненіе деклараціи на девятую статью.

Третье объясненіе деклараціи на девятую статью изложено такимъ образомъ: „Такъ какъ въ Священной Римской Имперіи Германской націи всѣ нынѣ существующіе монетные дворы закрываются, то вмѣсто нихъ въ Священной Имперіи должны быть учреждены другіе монетные дворы числомъ 21, которые по всей Имперіи должны чеканить, по присягѣ, одинаковую монету въ отношеніи къ угару, къ пробѣ и вѣсу, къ количеству золота и серебра. Къ которому монетному двору Имперіи кто либо будетъ причисленъ, по тамошнему чекану, онъ и обязанъ чеканить монету, но при этомъ соблюдать пробу и вѣсъ по общей Имперской системѣ, чтобы монета не послужила предметомъ вывоза. Имя и гербъ князя, города, вообще Имперскаго члена, причисленнаго къ извѣ-

стному монетному двору, должны быть отчеканиваемы на монетахъ этого двора вмѣстѣ съ Имперскимъ орломъ, такъ точно какъ если бы монетный дворъ этотъ былъ учрежденъ означеннымъ лицомъ. Равнымъ образомъ отчеканиваемая монета должна быть соображена съ потребностями области, съ ея прежнимъ чеканомъ и ея торговыми условіями; чтобы торговля и общественная польза не были бы стѣсняемы изъ за монеты, а напротивъ поощряемы къ развитію".

Четвертое объясненіе деклараціи на девятую статью.

Четвертое объясненіе деклараціи на девятую статью изложено такимъ образомъ: „Во всей Римской Имперіи Германской націи должны быть содержимы, какъ прежде уже сказано, 21 монетные двора; изъ нихъ пять должны быть распредѣлены въ верхнихъ (южныхъ) областяхъ имперіи— Баваріи, Швабіи, Франконіи, верхнерейнской области, Австріи съ ей принадлежащими землями. Въ нихъ долженъ быть нижеслѣдующій чеканъ: 64 крейцера должны непремѣнно равняться гульдену золотомъ; монета, называемая въ настоящее время въ Австріи и Франконіи Heller (копѣйка) должна называться Oertlein (денежка), а монета, называемая нынѣ пфенигъ (грошъ) должна называться Heller (копѣйка). Двухпфениговая монета, которая теперь существуетъ въ Австріи и Франконіи, равно какъ Страсбургскіе пфениги, должны впредь именоваться пфенигами, такъ какъ отнынѣ чеканиться будутъ два пфенига на крейцеръ; точно также чеканиться будутъ крейцеры, гроши, шиллинги по шести пфенниговъ и Batzen (*) — всѣ съ новой пробой и вѣсомъ. Кромѣ того будетъ чеканиться, для крупныхъ купеческихъ оборотовъ, монета изъ хорошаго серебра, по восьми, по четыре, по двѣ и по одной на гульденъ золота. Такимъ-же образомъ и на другихъ 16 монетныхъ дворахъ должны чеканиться, смотря по потребностямъ области, Oertlein (денежки) Heller (копѣйки) и пфениги (гроши). Все золото и серебро, которое содержится во всей Имперіи въ предметахъ обыденнаго употребленія должно быть, вслѣдствіе большаго

(*) *Münze* der Stadt Bern mit deren Wappen (bär-betz, batz).

количества золота и серебра, перечеканено въ гульдены, чтобы золото и серебро, равно какъ и монета оставались въ Имперіи“.

Декларація на десятую статью.

Первое объясненіе деклараціи на десятую статью:

Первое объясненіе деклараціи на десятую статью изложено слѣдующимъ образомъ, на основаніи положенія статьи, чтобы во всей Римской Имперіи, Германской націи былъ бы одинаковый вѣсъ и мѣра. „Объясненіе это требуетъ: вопервыхъ, чтобы центнеръ вѣса былъ бы повсюду одинаковъ и чтобы центнеръ содержалъ не болѣе и не менѣе ста вѣнскихъ фунтовъ. Всѣ пряности и все, покупаемое и продаваемое оптомъ и превышающее одинъ фунтъ, должно быть взвѣшиваемо вѣнскимъ вѣсомъ; все же, имѣющее вѣсу фунтъ и менѣе, должно быть взвѣшиваемо троянскимъ вѣсомъ; всѣ же издѣлія изъ золота, жемчуга, серебра и, по цѣнности, равныя золоту должны быть взвѣшиваемы мелкимъ вѣсомъ, котораго пять лотовъ равняются четыремъ вѣнскимъ; покупаемое же изъ рудниковъ должно быть взвѣшиваемо вѣнскимъ вѣсомъ. Въ отношеніе къ погонной мѣрѣ должно быть поступлено точно также; всѣ шерстяныя матеріи должны имѣть въ кускахъ одинаковую длину, ширины же должны быть трехъ сортовъ и не болѣе, чѣмъ въ два съ половиною локтя (Elle) или въ 10 Foderspann, въ 2 локтя и самое, узкое въ полтора локтя. Точно также и холстъ. Бумазея должна имѣть 25 локтей длины, а все остальное полотно— 50 локтей, чтобы быть принятымъ за цѣлый кусокъ“.

Второе объясненіе деклараціи на десятую статью:

Второе объясненіе деклараціи на десятую статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Въ предѣлахъ всей Римской Имперіи Германской націи единицею мѣры вмѣстимости для жидкости должна считаться большая бочка (возъ—Fudermass) (*) вина. Дѣленія же ведръ (Eimer), омъ (Ohme), кру-

(*) „Ein Vaz, daz eyn Fuder heisset“ Weisth. zu Schlechtern Lexer.

жекъ (Viertes oder Massen), существующія нынѣ по условіямъ и обычаямъ областей, пусть остаются по прежнему, съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ виноградныхъ областяхъ совершалась купля по этимъ мѣрамъ.

Большая; оптовая бочка (Lagerfuder) должна заключать двѣ клейменыхъ бочки (Kauffuder); полторы клейменыхъ бочекъ составляютъ третину (Dreyling); клейменая бочка содержитъ четыре четверти (Vierling); четверть содержитъ 192 кружки; клейменое ведро содержитъ 128 клейменыхъ кружекъ; 32 кружки составляютъ омъ (Ohm); восемь кружекъ составляютъ четвертку; четыре кружки—осьмушку; двѣ кружки—имихъ (Imich). Такова должна быть установленная мѣра для купли вина во всѣхъ областяхъ; по этому разсчету изъ бочки (воза—Fuder) можно составить шесть (*), девять (**), двѣнадцать (***), или двадцать четыре ведра (****).

Точно также должно быть установлено относительно пива и другихъ производимыхъ напитковъ, съ тѣмъ только различіемъ, чтобы каждая бочка (возъ—Fuder) этихъ напитковъ была на четверть болѣе винной,—такимъ образомъ, чтобы 4 бочки (воза) пива или меда равнялись пяти клейменымъ бочкамъ съ виномъ; дробныя мѣры для меда и пива должны быть, равнымъ образомъ, на столько же болѣе, такъ что четыре кружки меда или пива составляли бы 5 клейменыхъ кружекъ вина“.

Третье объясненіе деклараціи на десятую статью.

Третье объясненіе деклараціи на десятую статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Желательно, чтобы въ Священной Римской Имперіи Германской націи была установлена и соблюдаема одинаковая единица мѣры для сыпучихъ тѣлъ, равная тяжести ноши, которую одинъ человѣкъ можетъ, примѣрно, снести по лѣстницѣ.

Эта мѣра для пшеницы и ржи пусть именуется (Malter четверть; четверть должна содержать восемь четвериковъ

(*) Изъ Kauffuder, изъ Dreiling=1½ Kauffuder.
(**) Въ текстѣ стоитъ восемь.,—что есть явная ошибка.
(***) Изъ Lagerfuder.
(****) Изъ двойнаго Lagerfuder.

(Metzen); четверикъ долженъ быть дѣлимъ также на восемь частей; двѣ половины четверика (Metzen) составляютъ цѣлый; четыре четверти составляютъ также цѣлый и восемь получетвертей (гарнецъ) составляютъ также цѣлый четверикъ.

Этими мѣрами должно мѣрить въ ровень: пшеницу, рожь, горохъ, также соль; но полбу, ячмень, овесъ, бобы и всякій плодъ въ необдѣланномъ видѣ должно въ оптовой торговлѣ насыпать съ верхомъ; если же имѣется полба, также и овесъ, въ обдѣланномъ видѣ, то должны насыпаться, подобно другому зерну, въ ровень. Кромѣ четверти (Malter) могутъ быть установлены и другія, болѣе крупныя мѣры и названія по условіямъ и обычаямъ каждой области, какъ напримѣръ Schober составляется изъ четырехъ четвертей (Malter); четыре Schober составляютъ ластъ (Last), и четыре ласта составляютъ мутъ (Mudt").

Четвертое объясненіе деклараціи на десятую статью:

Четвертое объясненіе деклараціи на десятую статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи Германской націи всѣ жирныя вещества, которыя измѣряются мѣрами для жидкостей, какъ-то: медъ, соты, масло, сало и тому подобное, должны впредь измѣряться пивною и медовою мѣрою, а не другою какою-либо.

Но такъ какъ нѣкоторыя жирныя вещества въ мелочной торговлѣ продаются не мѣрами, а на вѣсъ, какъ-то: воскъ, жиръ, сыръ, сало и многія другія, то таковыя вещества должны взвѣшиваться въ продажѣ центнерами, содержащими, по сто вѣнскихъ фунтовъ".

Декларація на одиннадцатую статью.

Первое объясненіе деклараціи на одиннадцатую статью:

Первое объясненіе деклараціи на одиннадцатую статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ въ Священной Римской Имперіи должны быть преобразованы всѣ купеческія фирмы, то вслѣдствіе этого ни одинъ купецъ не долженъ впредь предпринимать торговыхъ оборотовъ болѣе чѣмъ на 10.000 рейнскихъ гульденовъ, одинъ-ли онъ будетъ торговать или въ *сообществѣ*.

Если же онъ превзойдетъ эту цифру въ своей торговлѣ, то излишекъ вмѣстѣ съ самымъ товаромъ конфискуется Имперскою казною.

Если же купецъ имѣетъ дѣтей, братьевъ, сестеръ или вообще друзей, то онъ можетъ имъ всѣмъ или каждому въ отдѣльности удѣлять изъ своего имущества въ ссуду, или дарить, или, вообще, давать другимъспособомъ, но такъ, чтобы никто изъ нихъ не имѣлъ бы болѣе 10.000 гульденовъ оборотнаго капитала въ торговлѣ.

Никто, однакоже, ради дружбы, не долженъ быть въ части или сообществѣ съ другимъ со своими товарами и не торговать вмѣстѣ, чтобы тѣмъ не затруднялась вообще торговля.

Если же такой купецъ или кто-либо другой имѣетъ капиталъ, превышающій потребности его ремесла или торговли, тотъ пусть отдаетъ эти деньги правительству—бургомистру или городскому совѣту, которое будетъ ему платить четыре процента и отдавать эти деньги въ ссуду по 5 процентовъ бѣднымъ, но искуснымъ людямъ, которые съ небольшимъ капиталомъ съумѣютъ прокормиться; послѣдніе обязаны принимать отъ правительства деньги по 5% со ста, обезпечить заемъ порукой, залогомъ, или другимъ, достойнымъ вѣры, способомъ“.

Второе объясненіе деклараціи на одиннадцатую статью:

Второе объясненіе деклараціи на одиннадцатую статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Такъ какъ въ Священной Римской Имперіи Германской націи всѣ роды торговли и промысловъ должны быть строго разграничены, то какъ крупные торговцы, которые весь свой товаръ продаютъ оптомъ, такъ и розничные продавцы, далеко развозящіе свой смѣшанный товаръ, должны имѣть свою отдѣльную управу, въ дѣла которой никто не долженъ вмѣшиваться, какъ ясно изложено въ таблицѣ, составленной касательно этого; но и они со своей стороны не должны стремиться къ болѣе широкой дѣятельности, вопреки постановленіямъ упомянутаго акта, а заниматься исключительно продажею иностраннаго и своего смѣшаннаго товара, какъ это имъ дозволено и разрѣшено.

Размѣнъ монеты, старинной или новой, долженъ быть запрещенъ подъ страхомъ наказанія, и разрѣшенъ единственно присяжнымъ мѣняламъ Имперіи, которые таковое серебро и золото обязаны передавать на Имперскіе монетные дворы.

Равнымъ образомъ купецъ не долженъ, подъ страхомъ наказанія, стирать монету, но долженъ всѣ монеты въ цѣлости представлять на монетный дворъ, за что ему произведена будетъ плата, сообразно цѣнѣ монеты, развѣ что она будетъ не полновѣсна или поддѣлана какимъ-либо способомъ".

Третье объясненіе декларацiи на одиннадцатую статью:

Третье объясненіе деклараціи на одиннадцатую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи Германской націи, занимающіеся торговлею въ городахъ должны быть также отдѣлены по роду торговли, торгующіе погонными мѣрами и на вѣсъ отъ торгующихъ мѣрами и вѣсомъ для жидкостей, какъ это обозначено въ приложенномъ росписаніи.

Торгующіе погонными мѣрами и на вѣсъ имѣютъ право продавать только лишь матеріи, золотыя и серебряныя парчи, всякаго рода шелковыя и полотняныя издѣлія, измѣряя все локтями (Ellen); на вѣсъ же они должны продавать всѣ пряности и ихъ разновидности, также воскъ, мальвазію, оливковое масло и другіе итальянскіе напитки и этимъ довольствоваться.

Если въ какомъ нибудь городѣ, который, вслѣдствіе малонаселенности или незначительности торговли, не можетъ въ данное время обезпечить двухъ торговцевъ, тѣмъ не менѣе пожелалъ бы открыть торговлю еще второй продавецъ, то за первымъ должно оставаться право выбора рода торговли, а второй—можетъ заняться другимъ родомъ торговли.

Если же торговцевъ въ городѣ двое или болѣе, то они не должны соединять своей торговли во едино".

Четвертое объясненіе декларацiи на одиннадцатую статью:

Четвертое объясненіе деклараціи на одиннадцатую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи

Германской націи занимающіеся въ городахъ торговлею мѣрами для жидкостей и на вѣсъ, т. е. продавцы сыра, масла, сала, жира, всякой кожи, дегтя, выдѣланнаго желѣза, стали, латуни, олова, соленой рыбы, разнаго рода сушеній, ничего не исключая—должны торговлю эту производить для общей пользы безъ фальши и обмана. Во всѣхъ родахъ торговли и промысла должны быть запрещены всякія сообщества и товарищества, какъ объ этомъ уже упомянуто выше.

Всѣ ремесленники, выдѣлывающіе разнаго рода обыкновенные товары для купцовъ и мелочныхъ торговцевъ, должны имѣть свое особое устройство отъ другихъ ремесленниковъ, производящихъ предметы необходимости и потребленія, чтобы общественная польза не страдала, потому что именно производство и продажа мелочныхъ товаровъ даетъ много поводовъ къ преслѣдованію личныхъ, корыстныхъ цѣлей".

Декларація на двѣнадцатую статью.

Первое объясненіе декларацiи на двѣнадцатую статью:

Первое объясненіе деклараціи на двѣнадцатую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи Германской націи въ силу принятаго и утвержденнаго постановленія должны быть впредь совершенно уничтожены всѣ частные союзы, соединенія, договоры или условія, со всѣми ихъ обязательствами и послѣдствіями, и впредь таковые союзы не не должны быть составляемы въ Имперіи подъ опасеніемъ потери всѣхъ привиллегій, леновъ и регалій и навлеченія на себя кары; ибо въ упомянутомъ и предпринятомъ преобразованіи Имперскаго устройства всѣмъ сословіямъ въ Имперіи признаннымъ и включеннымъ въ проектъ преобразованія, не исключая ни одного, настолько даровано свободы, правъ и привиллегій, что никому не будетъ впредь необходимо искать защиты и покровительства иначе, какъ у Священной Римской Имперіи. Я совершенно того же мнѣнія, что король французскій, несмотря на свое могущество, не смѣлъ бы причинить обиды какому нибудь бѣдному графу въ Имперіи, хотя бы онъ и готовъ былъ пожертвовать для этого своей короной; развѣ что Господу Богу угодно будетъ особенно *покарать нѣмцевъ*".

Второе объясненіе деклараціи на двѣнадцатую статью:

Второе объясненіе деклараціи на двѣнадцатую статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Въ силу принятаго и утвержденнаго постановленія, въ Священной Римской Имперіи Германской націи никто не долженъ требовать или принимать конвоя; пусть каждый переѣзжаетъ въ Имперіи, куда онъ захочетъ, водою-ли, сухимъ-ли путемъ, верхомъ или пѣшкомъ, безъ всякаго опасенія; равно какъ и имущество его, нагружено-ли оно на судахъ или на подводахъ.

Вѣдь князья, графы, бароны и всѣ сословія Имперіи принимаютъ вмѣстѣ съ княжескими правами, ленами и регаліями также и охрану свободы и безопасности всѣхъ дорогъ Священной Имперіи, чтобы никому не было нанесено вреда. Въ постановленіи Имперіи для нихъ опредѣляются и установляются подробныя правила, чтобы они тѣмъ ревностнѣе на это обращали вниманіе;—всякое упущеніе съ ихъ стороны послужило бы имъ же къ великому урону, ибо отвѣтственность за каждый ущербъ возлагается на нихъ, по смыслу установленной Имперской Реформаціи".

Третье объясненіе деклараціи на двѣнадцатую статью:

Третье объясненіе деклараціи на двѣнадцатую статью изложено въ томъ смыслѣ: что „это постановленіе должно быть соблюдаемо въ Имперіи всѣми сословіями относительно иностранцевъ также точно, какъ и относительно подданныхъ Имперіи. Куда бы иностранецъ въ границахъ Имперіи Германской націи, ни отправлялся, откуда бы ни выѣзжалъ и куда бы не въѣзжалъ, онъ долженъ пользоваться со всѣмъ своимъ имуществомъ и товаромъ такою же безопасностью, какъ и на территоріи своего государя; повсюду онъ долженъ имѣть проѣздъ безпрепятственный и не стѣсняемый таможенными, заставными и другими поборами. Если же окажется, что какой-либо владѣтель территоріи поступаетъ вопреки этому постановленію, онъ подвергается наказанію и карѣ Священной Имперіи.

Установленія Священной Имперіи имѣютъ возможность всѣхъ ослушниковъ въ Имперіи принуждать къ послушанію, сколь могущественны они бы ни были и нѣтъ надобности

объ этомъ заботиться всей Имперіи, ибо она имѣетъ для этого особое выборное учрежденіе, которое постоянно за этимъ обязано наблюдать. Вѣдь всѣ установленія Имперіи имѣютъ одну только цѣль, чтобы общественная польза преобладала и бѣдный человѣкъ благоденствовалъ".

Четвертое объясненіе деклараціи на двѣнадцатую статью:

Четвертое объясненіе деклараціи на двѣнадцатую статью изложено такимъ образомъ: „Въ Священной Римской Имперіи Германской націи всѣмъ сословіямъ должно быть предписано сооружать всѣ пути сообщенія, какъ водныя, такъ и сухопутныя, всѣ мосты и дороги и постоянно ихъ исправлять. Для сего (какъ выше уже сказано) на такія дороги налагаются умѣренные таможенные и заставные сборы, но отнюдь не для другой цѣли.

Князья, бароны и всѣ сословія въ Имперіи своими ленами и привиллегіями на столько обезпечены, что имъ нѣтъ необходимости въ подобномъ грабительствѣ въ Имперіи. Но они даже Богу не хотятъ уступать, тѣмъ менѣе уступятъ они людямъ, развѣ что сила Господня заставитъ ихъ это сдѣлать. Тогда только они сознаютъ свои обязанности".

За симъ слѣдуетъ тринадцатая, заключительная статья, къ вышеизложеннымъ двѣнадцати главнымъ статьямъ, съ ея деклараціею и объясненіями.

Тринадцатая заключительная статья:

Тринадцатая заключительная статья къ двѣнадцати вышеизложеннымъ главнымъ статьямъ, направленнымъ къ выгодѣ всѣхъ сословій и къ развитію общественной пользы въ Священной Римской Имперіи Германской націи, изложена въ томъ смыслѣ: „Чтобы предположенные новые порядки въ Имперіи, уставы и привиллегіи сохранялись въ силѣ и уваженіи, чтобы благочестивый человѣкъ пользовался защитою въ своей дѣятельности, равно какъ вдовы и сироты, чтобы всѣ пути сообщенія были безопасны и свободны, чтобы злой человѣкъ получалъ заслуженную кару, чтобы христіанская вѣра развивалась и проявлялась въ истинной братской любви.

Первое объясненіе деклараціи на заключительную статью:

Первое объясненіе деклараціи на заключительную статью изложено такимъ образомъ: „Всѣ вѣрноподданные Священной Римской Имперіи Германской націи, должны способствовать помощью и поддержкою своею обращенію ослушниковъ къ повиновенію и принимать на себя безпрекословно все возлагаемое на нихъ Имперіею и установленными ею властями, чтобы была вновь возстановлена человѣческая свобода, по христіанскому ученію, которая была уничтожена и скрыта отъ насъ бѣдныхъ христіанъ антихристомъ, вмѣстѣ со Святымъ Евангеліемъ и другими словами Христа Спасителя. Но по благости Божьей слѣпые прозрѣли, нѣмые заговорили. Мы возносимъ за это, по справедливости, благодареніе милости Божіей и тому человѣку, который снова возстановилъ заросшую стезю унаслѣдованной благодати и человѣческой свободы, обративъ ее въ правильный и гладкій путь (намекъ на Лютера).

NB. Антихристъ скрылъ и уничтожилъ Евангеліе и слово Божіе. Папа, что ты сдѣлалъ“?

Второе объясненіе деклараціи на заключительную статью:

Второе объясненіе деклараціи на заключительную статью изложено слѣдующимъ образомъ: „Послѣ того какъ въ Священной Римской Имперіи Германской націи всѣ ослушники будутъ наказаны и приведены къ покорности и послушанію съ помощью вѣрноподданныхъ, естественно настанетъ необходимость принять мѣры со стороны Имперіи и всѣхъ сословій, чтобы подобное несчастіе и разореніе общественнаго благоденствія не только не развивалось, но совершенно было бы уничтожено и искоренено. Для этой-то цѣли по заранѣе, всесторонне обдуманному плану и безъ большихъ издержекъ со стороны всѣхъ общинъ Имперіи, предположено содержать въ Имперіи, по нижеслѣдующей росписи, ополченіе и вооруженіе со всѣми орудіями и необходимыми на то издержками“.

Третье объясненіе деклараціи на заключительную статью:

Третье объясненіе деклараціи на заключительную статью излагается слѣдующимъ образомъ: „Послѣ того какъ въ Свя-

щенной Римской Имперіи Германской націи, сила будетъ отражена силою и сопротивленіе усмирено, должно быть установлено, именемъ Священной Имперіи, чтобы снарядили, на случай какого-либо столкновенія, большія, внушительныя по размѣрамъ орудія, метающія желѣзныя ядра, въ количествѣ, соотвѣтствующемъ потребностямъ каждаго лагеря; кромѣ того, значительное число полевыхъ орудій и облегченныхъ для быстраго нападенія (оружія и войска сколько потребуется, бомбарды, картауны большія и малыя, боевыя шланги большія и малыя и другія, баллисты, мортиры, фалконеты, шарфантины, большаго, средняго и малаго калибра, всего, сколько потребуется со всѣми къ тому необходимыми снарядами, согласно сдѣланной для сего росписи), лагери должны быть снабжены всѣмъ необходимымъ; также слѣдуетъ выставить къ этимъ орудіямъ соотвѣтствующее число войска коннаго и пѣшаго со всѣмъ необходимымъ къ бою. Такъ какъ полагается содержать постоянно пять лагерей, развѣ что по военнымъ соображеніямъ ихъ необходимо будетъ стянуть вмѣстѣ, то слѣдуетъ распредѣлить главныя, большаго калибра, орудія и обыкновенныя, полевыя, такимъ образомъ, чтобы ихъ было въ каждомъ лагерѣ достаточное количество на случай необходимости, какъ изъясняется ниже“.

Четвертое объясненіе деклараціи на заключительную статью:

Четвертое объясненіе деклараціи на заключительную статью изложено такимъ образомъ: „Надъ упомянутымъ выше ополченіемъ въ Священной Римской Имперіи Германской націи назначается пять полковниковъ, изъ коихъ одинъ главнокомандующимъ надъ всѣмъ войскомъ, какъ надъ пѣхотою, такъ и надъ всей конницею и артиллеріею. Но такъ какъ войско раздѣляется на пять частей и распредѣляется въ пяти лагеряхъ, то ему даются еще четыре полковника въ подмогу, изъ которыхъ каждый есть главный начальникъ надъ всѣмъ порученнымъ ему отрядомъ, какъ надъ пѣхотою, такъ и надъ конницею и артиллеріею.

Если же все войско стягивается вмѣстѣ, то только одинъ главнокомандующій есть верховный распорядитель, хотя каждый изъ полковниковъ и сохраняетъ начальство надъ ему *порученнымъ* отрядомъ пѣхоты, конницы и орудій.

Всякое возникшее или имѣющее возникнуть въ Священной Имперіи Германской націи волненіе или столкновеніе, по какимъ-бы то ни было причинамъ, главнокомандующій имѣетъ обязанность немедленно усмирить и прекратить; если же изъ двухъ спорящихъ, признанный виновнымъ не окажетъ должнаго послушанія, то главнокомандующій обязанъ его наказать и имѣетъ право даже лишить его владѣній. Такимъ же образомъ должны дѣйствовать и полковники на четырехъ границахъ, чтобы въ Священной Римской Имперіи могъ водвориться покой и твердый миръ".

III.

Время составленія этого образчика народной, оппозиціонной и преобразовательной литературы, вопросъ о подлинности или поддѣлкѣ произведенія, догадки объ авторѣ его—все это послужило темою довольно обширной литературной полемики, начиная съ XVII столѣтія, не разрѣшившей впрочемъ недоумѣній и споровъ до сего дня и не рѣшившей самаго существеннаго вопроса о томъ: на сколько это произведеніе представляетъ интереса для науки настоящаго времени въ отношеніи къ изученію тогдашняго общества, его настроенія, его желаній и стремленій въ политически возбужденную эпоху второй половины XV вѣка.

Мы посему предпосылаемъ разбору „Реформаціи Фридриха III" краткое изложеніе всего хода розысканій о ней начиная съ XVII столѣтія, чѣмъ отчасти выяснятся и наши собственные выводы и положенія.

Въ 1607 году появилось сочиненіе Филона Трирскаго (Maximilien Philon von Trier), направленное противъ католическаго духовенства, подъ заглавіемъ: Examen und Inquisition der Papisten und Iesuiten 4⁰ sine loco. Къ этому сочиненію Филонъ присоединилъ, въ видѣ прибавленія (что и обозначено въ заголовкѣ книги), darbey K. Friderici III Reformation, von Nothdurft Teutscher Nation, als dieser Zeit hochnothwendig inseriret; jetzo auf's neue ubersehen, an vielen Orten augirt, corrigirt, vermehrt und gebessert, sammt einer Vorrede Aegidii Hunnii 1607 4⁰.

Филонъ указываетъ, какъ на источникъ сдѣланныхъ и приводимыхъ имъ выдержекъ (kurtzen Auszug) изъ этой Реформаціи, на старинную печатную книгу подъ заглавіемъ: Teutscher Nation Nothdurft.

Сдѣланное Филономъ прибавленіе къ своему полемическому сочиненію прошло бы, безъ сомнѣнія, незамѣченнымъ, если бы на него не обратилъ вниманія неутомимый собиратель и издатель актовъ и документовъ, извѣстный Melchior von Haiminsfeld genannt Goldast (1576 — 1635), столь много потрудившійся на пользу своей отечественной исторіи.

Въ изданномъ имъ въ томъ же 1607 году сборникѣ актовъ—Rationale Constitutionum Imperialium (Imperatorum Caesarum Augustorum, Regum et Principum Electorum S. Rom. Imperii statuta et rescripta imperialia. Francf. a/M. 1607. Fol.) онъ помѣстилъ (страницы 113—115) напечатанную Филономъ Реформацію Фридриха почти дословно—„demtis tantum, quae videbantur, ipsius Philonis adjectis glossis",—и призналъ ее за отрывокъ, будто бы дѣйствительно существовавшаго духовнаго устава—ecclesiastica reformatio—Фридриха III на подобіе гражданскаго устава—reformatio politica—того же императора, каковымъ именемъ Голдастъ назвалъ „постановленія Франкфуртскаго Имперскаго собранія 1442 года, помѣщенныя имъ въ сборникѣ Constitutiones Imperiales pag. 203—207.

При этомъ однако Голдастъ замѣчаетъ (Rationale pag 113), что онъ еще не имѣлъ случая видѣть упоминаемую Филономъ печатную книгу, послужившую ему источникомъ— „quam necdum videre contigit".

Но уже два году спустя, въ 1609 году, Голдастъ напечаталъ полный текстъ „реформаціи" въ изданномъ имъ новомъ Сборникѣ—Copeylicher Begriff verschiedener Reichssatzungen, und anderer des Heiligen Römischen Reichs, Keyser, König, Churfürsten und gemeiner Stände, Constitutionen, Ordnungen, Rescript—und Ausschreiben etc. Hanau 1609 fol. I Theil. стр. 166—180 (новое изданіе 1712 г.) подъ заглавіемъ: Kayser Friderichs des Dritten Reformation; im Hayligen Römischen Reich Teutscher Nation fürgenommen, und proponirt auf dem Reichstag zu Mainz Anno Domini M.C.C.C.C.X.L.I.

Въ прибавленіи къ первому тому этого сборника актовъ

Голдастъ даетъ нѣкоторыя критическія замѣчанія и объясняетъ, откуда онъ почерпнулъ каждый изъ приводимыхъ имъ документовъ—Anzeigung woher die Reichssatzungen genommen seyn. Относительно „Реформаціи Фридриха III“ онъ говоритъ слѣдующее (стр. 312):

„Реформація Императора Фридриха III для установленія твердаго порядка въ отношеніяхъ всѣхъ сословій въ Священной Имперіи, была напечатана въ былыя времена и издана въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Teutscher Nation Nothdurfft; въ недавнее время она появилась снова въ выдержкахъ въ концѣ сочиненія Максимиліана Филона Трирскаго—Examien und Inquisition der Papisten und Iesuiten подъ названіемъ: Keysers Friderici III Reformation von Nodhdurfft Teutscher Nation. Что „реформація“ эта не есть плодъ чьего-либо вымысла, но дѣйствительно была предложена сословіямъ на обсужденіе на имперскомъ собраніи отъ имени Императорскаго Величества, тому убѣдительнымъ доказательствомъ служатъ оригинальныя рукописи, которыя хранятся и по нынѣ при курфюршескихъ канцеляріяхъ и которыя могутъ быть, если понадобится, предъявлены или получены съ нихъ достовѣрныя копіи.

Если же какой нибудь прелатъ, благочинный или деканъ, какъ это уже случалось (*), заподозритъ мою честность и добросовѣстность, того я попросилъ бы, въ случаѣ недовѣрія къ канцеляріямъ курфюрста Палатинскаго и Саксонскаго (**), обратиться въ канцелярію Майнца, гдѣ и Имперское собраніе 1441 года имѣло мѣсто, и у тамошняго курфюршескаго регистратора убѣдиться въ достовѣрности и подлинности этой „реформаціи“.

Оригрналы-рукописи, которыя я видѣлъ, носятъ слѣдующее надписаніе: „Dieser Auszug von Keyser Friedrichs des Dritten fürgenommen Reformation im heiligen Römischen Reichs Teutscher Nation wird mit nachfolgenden zwölff Hauptartikeln und ihren Declarationen mit sampt dem dreyzehenden Beschlus-Artikel hierin klärlich angezeigt“.

(*) Вѣроятно по поводу напечатанной два года тому назадъ выдержки изъ Филона.

(**) Какъ *не католическихъ* князей.

Сличая текстъ „реформаціи“, напечатанный Голдастомъ въ этомъ сборникѣ (*)—Reichssatzungen съ текстомъ, напечатаннымъ въ его Rationale Canstitutionum Imperialium, или что тоже съ текстомъ Филона Трирскаго—оказывается, что Филонъ помѣстилъ въ своей книгѣ только тѣ параграфы „реформаціи“, которые имѣютъ прямое, непосредственное отношеніе къ духовенству, т. е. первую статью съ отрывками изъ четырехъ декларацій къ ней, отрывки изъ второй деклараціи четвертой статьи, отрывки изъ четырехъ декларацій къ шестой статьѣ, первую декларацію тринадцатой статьи и заключеніе.

Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что 1) Голдастъ пользовался не печатною книгою, послужившею источникомъ Филону, но рукописями, хранившимися въ архивахъ курфюрстовъ Майнцскаго, Саксонскаго, Палатинскаго, и что между этими рукописями не было существенныхъ различій, иначе онъ не предлагалъ бы своимъ противникамъ обращаться въ любой изъ этихъ трехъ архивовъ; 2) что существовала книга, напечатанная задолго до Голдаста подъ названіемъ: Teutscher Nation Nothdurfft, которую онъ и не видалъ и которая послужила источникомъ для Филона; 3) что эта книга напечатана по одной изъ рукописей, видѣнныхъ Голдастомъ, такъ какъ, приводимыя Филономъ выдержки находятся дословно въ статьяхъ и деклараціяхъ Голдастова текста.

Наконецъ можно предположить, что существовала одна или нѣсколько рукописей *полной* Реформаціи Фридриха III, такъ какъ, по словамъ Голдаста, видѣнныя имъ рукописи (originalia) носили надписаніе Dieser Auszug von Keyser Friedrich's des Dritten fürgenommen Reformation, да и самый текстъ ясно указываетъ на сокращеніе какого-то другаго болѣе полнаго и пространнаго первоначальнаго (**) подлинника.

(*) Съ котораго сдѣланъ и нашъ переводъ.

(**) Такъ напримѣръ,—der zwölfft Hauptartikel zeigt an etc *Hernach* folgend stondt über die vorangezeigten zwölff Hauptartikel *ür einen jeden* sunder und samentlich sein besunder Declaration.

Непонятнымъ остается при этомъ, почему Голдастъ, сообщая въ прибавленіи — Anzeigung woher die Reichs—Satzungen genommen sëyn—надписаніе рукописей, въ самомъ текстѣ озаглавливаетъ этотъ документъ: „Реформація Императора Фридриха III“, придавая ему, слѣдовательно, значеніе полнаго текста. Между тѣмъ какъ въ прибавленіи, въ которомъ онъ старается критически отнестись къ документу и опредѣлить его значеніе и важность, онъ отрицаетъ, чтобы „реформація“ эта была предложена сословіямъ самимъ Императоромъ, князьями или баронами или составлена по ихъ повелѣнію, но предполагаетъ, что она составлена имперскими городами на городскомъ съѣздѣ и представлена на имперскомъ собраніи Императору, какъ вѣрноподданическое мнѣніе цѣлаго сословія, въ отвѣтъ на сдѣланное еще Императорамъ Сигизмундомъ воззваніе къ сословіямъ представить свое мнѣніе для искорененія смутъ въ Имперіи. Точно также невидно, на какомъ основаніи Голдастъ прибавляетъ слова, которыхъ нѣтъ въ надписаніи рукописей—Im H. Römischen Reich förgenommen und proponirt auf dem Reichstag zu Maintz Anno Domini 1441. Нельзя предположить, чтобы Голдастъ человѣкъ достойный и добросовѣстный, безъ особыхъ основаній, опровергъ бы въ прибавленіи имъ же помѣщенное заглавіе въ текстѣ и чтобы онъ прибавилъ отъ себя вымыселъ о Майнцскомъ Имперскомъ собраніи 1441 года.

Единственное объясненіе этого недоумѣнія и противорѣчія, по нашему мнѣнію, заключается въ предположеніи, что Голдастъ, при печатаніи своего труда, нашелъ какія нибудь новыя „Anzeigungen“ въ видѣ marginalia или другихъ примѣчаній, которыя навели его на комбинацію о проектѣ городовъ и о Майнцскомъ Имперскомъ собраніи 1441г., о чемъ онъ не упомянулъ въ прибавленіи.

Изъ всего этого проекта, однако, говоритъ въ заключеніи Голдастъ, ничего не вышло: папа обрилъ свинью до такой степени, что нѣмцы, не смотря на великій шумъ, получили мало щетины—der Bapst hat die Sau mit seinem Pörer dermassen geschoren, dass die Teutschen aus viel Geschrey wenig Wollen bekommen; послѣ многихъ и долгихъ собраній состоялась наконецъ „реформація“ въ 1442 г., на имперскомъ

собраніи во Франкфуртѣ (*), о которой, по справедливости можно сказать „parturiebant montes et natus est ridiculus mus".

Такимъ образомъ Голдастъ первый обратилъ вниманіе ученыхъ на этотъ любопытный документъ и включилъ его въ кругъ источниковъ исторической литературы Германіи XV вѣка, указавъ при томъ своимъ опытнымъ, критическимъ чутьемъ, что „Реформація", въ томъ видѣ, какъ она имъ напечатана, никоимъ образомъ не можетъ быть признаваема за предложеніе, сдѣланное сословнымъ представителямъ отъ имени императора или отъ коллегіи курфюрстовъ и князей.

Съ тѣхъ поръ до половины нынѣшняго столѣтія „Реформація Фридриха III" послужила предметомъ многочисленныхъ розысканій, приходившихъ весьма часто къ діаметрально противоположнымъ выводамъ, смотря по личнымъ воззрѣніямъ и направленію авторовъ. Никто не прилагалъ труда путемъ трезвой, объективной критики разобрать вопросъ, попытаться отыскать и сличить рукописи по свѣжимъ еще слѣдамъ; а всѣ разсужденія, напротивъ, вращались лишь въ области однихъ субъективныхъ предположеній и догадокъ. Тогда какъ одни считали несомнѣннымъ, что документъ этотъ есть позднѣйшая поддѣлка съ тенденціозною цѣлью и даже склонялись къ мысли приписать все вымыслу самаго Голдаста, другіе доказывали подлинность документа и старались придать ему даже гораздо большее значеніе, чѣмъ самъ издатель.

Къ числу ярыхъ противниковъ Голдаста и напечатанной имъ „Реформаціи" принадлежала большая часть юристовъ XVII и XVIII столѣтій, которымъ, конечно, были не по сердцу, выраженныя въ 5-й и 7-й статьяхъ „реформаціи", требованія совершеннаго отстраненія римскаго права и, еще болѣе, нападки на докторовъ Римскаго права, на ихъ нечестность и своекорыстіе, съ такою желчностью высказанныя въ декларація хъ къ пятой статьѣ. Они признавали документъ тенденціозною поддѣлкою и говорили, что scriptum hoc ex tripode Diaboli, qui calumniarum autor primorius est et pater,

(*) Этотъ дѣйствительно состоявшійся Reichsabschied Франкфуртскаго собранія 1442 г., носящій оффиціально названіе „Реформаціи Фридриха III", напечатанъ въ I томѣ сборника: Neue und vollständigere Sammlung der Reichsabschiede. Frankf. a/M 1747. bey Koch.

manasse; — historiographorum de Friderico III approbria, in augustum caput jactata (*); называли документъ этотъ—maleficium, infame carmen, factum monstrosum и т. д. (**).

Только извѣстный Оленшлагеръ (***), придерживавшійся также отрицательнаго мнѣнія касательно подлинности документа, но не вносившій въ полемику ни желчи, ни брани своихъ предшественниковъ, высказалъ, довольно близкое къ истинѣ, воззрѣніе, что вся „Реформація“ есть проектъ частнаго человѣка—„ein seichter Vorschlag eines blossen Partikuliers“ — и что собраніе 1441 г. въ Майнцѣ не было вовсе Имперскимъ собраніемъ(Reichstag), а было простымъ съѣздомъ (Convent) нѣсколькихъ князей, на которомъ веденные переговоры остались безъ всякихъ результатовъ. Впрочемъ своего мнѣнія онъ не поддержалъ никакимъ критическимъ разборомъ или разысканіемъ, а высказалъ его какъ простое предположеніе, почему оно и прошло незамѣченнымъ.

Съ другой стороны, нѣкоторые изъ защитниковъ Голдаста и подлинности (****) „Реформаціи“ доходили въ своемъ увле-

(*) Joh. Otto Tabor—programma academicum occasione doctoratu juridici Rutgero Rolando d. 15 Maii 1648 conferendi conscriptum. Argens orati 1648 (перепачатано въ Joh. Chr. Itter de honoribus seu gradibus academicis Liber. Francf. a. M. 1698. 4. p. 358—363).

(**) Joh. Mart. Silberrad (Joh. Reinh. Kugler) vindiciae historico-juridicae juris Romani et Ictorum in Germania contra reformationem de a. 1441 Friderico III Imperatori adscribi solitam. Argent. 1748 page 32, 37. 70. Также Gad. Strauch de militia togata. Vit. 1675. Thes 32—34 Joh. Frid. Eisenhardt — oratio de Friderico III ab odio in Jureconsultos vindicato Halle 1764.

(***) Joh. Dan. von Olenschlager—Neue Erläuterung der guldenen Bulle Kaisers Karls IV. Franct. 1766. 4. 262—266.

(****) Herm. Conring—de origine juris Germanici, liber unus Helmst. 1643, придерживается вполнѣ мнѣнія Голдаста — id constat in comitiis libellum hunc publicae deliberationi propositum.

Chr. Thomasius—Quaestionum promiscuarum historico-philosophico-juridicarum Dodecas. Halle 1693.

Quaest. X. § 1—13; quid sentiendum de reformationis Friderici III de a. 1441 art. 5 et 7 contra doctoris juris et jus Romanum? Videtur ejus intentio fuisse maxime salutaris.

Mich. Heinr. Gribner — dissertatio de praejudicio Principum Imperii ex abusu juris Justinianei. Vit. 1715 (§ 1—4).

Joh. Inach Müller—Reichstagstheatrum wie selbiges unter Kaiser Friedrichs V allerchöchsten Regierung von. A. 1440 bis 1493.

ченіи до того, что считали ее за дѣйствительно утвержденное на имперскомъ собраніи 1441 г. постановленіе—Reichsabschied, получившее силу закона, но не осуществившееся на практикѣ. Такъ, извѣстный публицистъ XVII столѣтія Хемницъ (Bogisl. Philipp V Chemnitz), писавшій подъ псевдонимомъ Hippolithus a Lapide, въ сочиненіи своемъ de ratione status in Jmperio nostro Romano-Germanico (Freistadii 1647, первое изд. 1640 г.) первый заговорилъ (*) о „Реформаціи“ какъ объ имперскомъ законѣ и тѣмъ вовлекъ въ заблужденіе весьма многихъ серіозныхъ ученыхъ, какъ напримѣръ, Ludewig и Coccejus (**).

Самымъ горячимъ защитникомъ подлинности „Реформаціи“ и апологетомъ императора Фридриха III, какъ виновника ея,—является въ нынѣшнемъ столѣтіи Бёмеръ (Georg Wilhelm Böhmer). Въ довольно обширной монографіи—Kaiser Friedrich's III Entwurf einer Magna Charta für Deutschland oder die Reformation dieses Kaisers vom Jahre 1441. Göttingen 1818 г. (историческое введеніе, текстъ и примѣчанія), наполненной риторическими возгласами и либеральнымъ пустословіемъ (***), авторъ старается доказать, что „Реформація“ въ напечатанномъ Голдастомъ видѣ, есть проектъ къ преобразованіямъ въ имперіи, составленный, по повелѣнію императора Фридриха III, совѣтникомъ и уполномоченнымъ его

(*) Optandum itaque foret- сказано въ предисловіи—legem Imperii, quae Friderici III tempore de excludendis tam a privatis judiciis, quam publicis consiliis legistis, sub incude fuit, executioni fuisse mandatam.

(**) Joh. Peter von Ludewig — Gelehrte Anzeigen in alle Wissenschaften Halle 1749. Th. I—von Verbesserung des Justitzwesens N. 192 и 193. S. 805 u. folgg.

I. D. Köhler—Deutsche Reischshistorie Frankf. 1767. S. 287.

Coccejus въ предисловіи къ Project des corpus juris Fridericiani Halle 1749, § 19 и 20, говоритъ слѣдующее: da keines der ältern Rechte einen gemeinschaftlichen Grundsatz gehabt habe, vielmehr alle unter sich collidirten, wodurch den Advocaten Thür und Thor geöffnet worden- die Rechte zu verdrehen und den Richtern nach Willkür zu entscheiden, so sey Kaiser Friedrich III, nachdem das Römische Recht kaum 50 Jahr eingeführt gewesen, bewagen, solches durh einen öffentlichen Reichsschlus 1441 auf gewisse Art abzuschaffen.

(***) Достоинство сочиненія заключается въ исчисленіи всей *литературы* предмета, чѣмъ мы обязаны Бёмеру, при составленіи *настоящей* монографіи.

посланникомъ на собраніи въ Майнцѣ 1441 г., Өомою фонъ-Газельбахъ (Thomas Ebendorffer von Haselbach), „сторонникомъ всѣхъ либеральныхъ идей"—(einem Freunde aller liberalen Jdeen) и что проектъ этотъ, въ видѣ императорскаго посланія, былъ предложенъ на обсужденіе сословіямъ въ Майнцѣ въ 1441 году.

Такимъ образомъ до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія относительно критической оцѣнки „Реформаціи", собственно говоря, ничего не было сдѣлано, и вопросъ оставался въ томъ же неопредѣленномъ положеніи, какъ и въ началѣ XVII столѣтія. Писавшіе о „Реформаціи" ученые только опровергали другъ друга, чѣмъ все болѣе затемняли вопросъ, а между тѣмъ никто не бралъ на себя труда глубже изучить текстъ „Реформаціи" и въ немъ самомъ искать указаній, какъ о степени достовѣрности, такъ и о времени составленія и авторѣ ея. Извѣстный историкъ-юристъ Ейгхорнъ въ своей Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte первый коснулся „Реформаціи" съ критической, научной точки зрѣнія и, отстранивъ существовавшую до него путаницу мнѣній, положилъ въ основу розысканій по этому предмету опредѣленныя, неопровержимыя данныя.

Въ третьемъ, дополненномъ изданіи своего труда (Göttingen 1822. Th. III, § 408. Erste Anmerkung) онъ доказалъ съ очевидностью: 1) что „Реформація", въ томъ видѣ, какъ она напечатана у Голдаста, уже по самой внѣшней формѣ своей, никоимъ образомъ не можетъ быть признаваема за состоявшееся имперское постановленіе (Reichsabschied) или даже за обсуждавшееся на имперскомъ собраніи предложеніе; 2) что она не можетъ быть признаваема также, какъ думалъ Голдастъ, за проектъ, составленный городскими уполномоченными на городскомъ съѣздѣ, такъ какъ, не говоря уже о внѣшней формѣ документа, самыя требованія, выраженныя въ первой деклараціи къ одиннадцатой статьѣ, о закрытіи всѣхъ крупныхъ торговыхъ компаній и о сокращеніи оборотнаго капитала товариществъ и отдѣльныхъ купеческихъ фирмъ до 10.000 гульденовъ, не могли быть выставлены членами городскихъ общинъ, какъ подрывающія основные элементы ихъ существованія и богатства.

На *основаніи постоянно* встрѣчающихся въ текстѣ обра-

щеній и воззваній отъ имени самого автора (*), Ейгхорнъ, подобно Олениглагеру, принимаетъ „Реформацію" за проектъ къ преобразованію, осужденныхъ уже общественнымъ мнѣніемъ, порядковъ и государственнаго строя,—проектъ иногда весьма поверхностный, принадлежащій перу частнаго лица.

Составленіе этого проекта Ейгхорнъ относитъ къ концу царствованія императора Фридриха III въ промежутокъ времени между 1486 и 1493 гг. (**).

Нѣсколько лѣтъ послѣ третьяго изданія труда Ейгхорна появилось сочиненіе Эксле (Oechsle), которое придало всему вопросу нѣсколько иное направленіе и установило на „Реформацію" новую точку зрѣнія, господствующую до сего дня въ наукѣ.

Въ сочиненіи своемъ—Beiträge zur Geschichte des Bauernkrieges in den schwäbisch—fränkischen Grenzlanden. Heilbronn 1830 — Эксле напечаталъ много документовъ, относящихся къ крестьянскому возстанію 1524—1525 гг., изъ княжескихъ гогенлоенскихъ архивовъ въ Эрингенѣ (Oehringen—въ Виртембергѣ) и королевскаго государственнаго архива въ Штуттгартѣ. Документы эти много способствовали къ полному уразумѣнію крестьянскаго движенія, къ выясненію требованій крестьянъ, какъ въ умѣренной ихъ формѣ, такъ и въ самой радикальной, настаивающей на преобразованіи всего государственнаго строя, наконецъ къ опредѣленію главныхъ личностей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ движеніи какъ подстрекатели, вожаки и руководители.

Изъ этихъ документовъ, между прочимъ, видно, что, въ

(*) Напримѣръ, въ 3 декл. на 8 статью: „знали бы они все то, что я знаю" и т. д. Заключеніе: „желалъ бы я знать, кому приносятъ пользу высокіе сановники церкви"... „желалъ бы я также услышать отъ кого-нибудь" и т. д.

(**) Къ этому выводу Ейхгорнъ дошелъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) въ IV деклар. на 3-ю статью упоминаемыя несчастія, постигшія Майнцъ, Регенсбургъ, Ерфуртъ, могутъ быть отнесены только къ подчиненію Майнца курфюрсту въ 1462 г., Ерфурта—Саксонскому курфюрсту въ 1483 г. и Регенсбурга—Баваріи, въ 1486 г.

Въ декларяціяхъ къ 7-й статьѣ предложенія о преобразованіи судебной части доказываютъ, что авторъ еще не зналъ о постановленіяхъ 1495 г. (Reichskammergerichtsordnung), утверждавшихъ судебную реформу въ имперіи.

маѣ мѣсяцѣ 1525 г., крестьянскія ополченія Оденвальда, Некара и Франконіи (*), осаждавшія замокъ (Unser Frauenberg или Liebfrauenberg, откуда епископъ Conrad von Thüngen бѣжалъ въ Гейдельбергъ уже 5 мая), Вюрцбургскаго эпископа, составили совѣтъ изъ представителей отдѣльныхъ ополченій, засѣдавшій въ Вюрцбургѣ, для обсужденія необходимыхъ мѣръ къ достиженію большаго единства въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Этотъ вюрцбургскій совѣтъ постановилъ, прежде всего, пригласить уполномоченныхъ всѣхъ другихъ крестьянскихъ ополченій—Швабіи, Рейна, Эльзаса—въ Гейльбронъ для обсужденія положенія дѣлъ и переговоровъ относительно дальнѣйшихъ мѣропріятій.

Одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ вюрцбургскаго совѣта — Гиплеръ (Wendel Hipler) выработалъ цѣлый рядъ положеній или вопросовъ для общаго обсужденія ихъ на предстоящемъ съѣздѣ и, по утвержденіи ихъ совѣтомъ, отправился, въ качествѣ уполномоченнаго, вмѣстѣ съ двумя другими лицами въ Гейльбронъ. Содержаніе этихъ вопросовъ (**), по ихъ толковости, практичности и цѣлесообразности, вполнѣ подтверждаетъ отзывы, которые имѣются о Гиплерѣ по другимъ источникамъ, какъ о человѣкѣ даровитомъ и дѣльномъ (***), идущемъ прямо къ цѣли и не увлекающемся фантазіями и мечтами, хотя его жизнь и обнаруживаетъ вообще личность не весьма твердыхъ нравственныхъ правилъ (****).

(*) Ополченіе Оденвальда, подъ начальствомъ Гёца-фонъ-Берлихингена, и ополченіе Неккара подъ начальствомъ Георга Метцлера, стояли лагеремъ у городка Höhberg; „черное ополченіе“ рѣки Таубера, подъ предводительствомъ Флоріана Гейера, и франконское ополченіе подъ начальствомъ нѣсколькихъ предводителей, стояли лагеремъ около города Heidingsfeld см. Oechsle pag. 151. Wachsmuth — der deutsche Bauernkrieg zur Zeit der Reformation. Leipz. 1834. pag. 72—74; Zim mermann—allgemeine Geschichte des grossen Bauernkriegs. Stuttgard 1854. III. pag. 681.

(**) Напечатаны у Oechsle pag. 153—155 по списку Эрингенскаго архива.

(***) Гёцъ фонъ-Берлихингенъ (Lebensbeschreibung 1731. Nürnberg pag. 208) говоритъ о немъ: ein feiner geschickter Mann und Schreiber als man ungefehrlich einen im Reich finden solt, war auch etwann ein hohenlohischer Canzlar gewest...

(****) Oechsle, стр. 78 и слѣд. Secretarius in der Kanzlei des Grafen Craft von Hohenlohe (1490—1515) какъ самъ себя, однажды, называлъ Гиплеръ.

Одновременно съ упомянутыми гиплеровскими вопросами, Эксле нашелъ три списка одной и той же рукописи, съ весьма незначительными варіантами,—два въ архивѣ въ Эрингенѣ, одинъ—въ королевскомъ Штутгартскомъ архивѣ, носящіе надписаніе: Welcher gestalt ain ordnung Reformation Zu Nutz und fromen und Wolfahrt aller Cristen bruder Zubegreyffen und uffzurichten sey (*).

Уже изъ заглавія рукописи явствуетъ, что это есть проектъ къ преобразованію всего государственнаго строя имперіи и достаточно одного поверхностнаго взгляда, чтобы убѣдиться въ томъ, что, по содержанію и формѣ этотъ проектъ есть почти дословное повтореніе, такъ называемой, „Реформаціи Фридриха III“, напечатанной Голдастомъ, безъ упоминанія, впрочемъ, имени императора какъ въ заглавіи, такъ и въ самомъ текстѣ.

Эксле принимаетъ эту рукопись за проектъ, составленный Гиплеромъ и его товарищами для обсужденія въ Гейльбронѣ сообща съ уполномоченными всѣхъ ополченій и притомъ за проектъ, выработанный на основаніи „Реформаціи Фридриха III“ (**).

Несмотря на то, что Эксле это положеніе не подкрѣпилъ никакими доказательствами и самый вопросъ о происхожденіи „реформаціи Фридриха III“ оставилъ неразрѣшеннымъ, мнѣніе его, однако, было принято въ принципѣ другими учеными и подало поводъ къ новымъ соображеніямъ: до Ейгхорна спорили о подлинности или поддѣлкѣ „Реформаціи“; теперь, слѣдуя взгляду Эксле, стали дѣлать различныя предположенія объ авторѣ реформаціи, подъискивая подходящую личность изъ числа тогдашнихъ политическихъ дѣятелей. Какъ прежде, такъ и теперь никто не брался за изученіе са-

---

(*) Отпечатано въ его сочиненіи, приложеніе № 22, Эксле говоритъ (предисловіе ст. XIX), что уже въ 1802 г. рукопись эта была отпечатана, хотя и не вполнѣ вѣрно, Штумфомъ въ сочиненіи Denkwürdigkeiten der deutschen, besonders fränkischen Geschichte. Erfurt.— но не обратила на себя никакого вниманія ученаго міра...

(**) Oechsle pag. 163. W. Hipler hatte mit seinen zwei Collegen einen Verfassungsentwurf für das deutsche Reich entworfen, welchem unverkennbar die sogenannte Reformation Kaisers Fridrichs III zu *Grunde liegt*.

маго текста „реформаціи“, а замѣняли лишь одну ипотезу другою, болѣе или менѣе удачною.

Мы постараемся впослѣдствіи выяснить отношеніе напечатаннаго Голдастомъ текста къ рукописи Эксле и доказать неосновательности высказаннаго послѣднимъ предположенія; сперва же изложимъ вкратцѣ мнѣнія и соображенія, вызванныя ипотезою объ авторствѣ Гиплера.

Вслѣдствіе такъ утвердительно выраженнаго положенія Эксле, Ейгхорнъ въ послѣдующихъ изданіяхъ своего труда (4 изд. 1836; 5—1844, § 408 первое примѣчаніе) измѣнилъ прежнее свое мнѣніе о времени составленія „Реформаціи“ въ концѣ XV вѣка (1486—1493 г.), и отнесъ ее къ началу двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія (1523—1525 г.), ко времени полнаго разгара церковнаго и соціальнаго движенія.

Если „Реформація“, развивалъ Ейгхорнъ свое предположеніе далѣе, дѣйствительно уже появилась въ печати въ городѣ Цвикау въ 1523 г., какъ о томъ свидѣтельствуетъ Панцеръ (*), то авторомъ ея можно считать Ѳому Мюнцера, который, какъ извѣстно, принадлежалъ къ числу мечтателей, придававшихъ, начатому Лютеромъ и Цвингли, церковному преобразованію политическую окраску и который уже въ 1522 г. выступилъ въ городѣ Цвикау пророкомъ, получившимъ свыше откровеніе для учрежденія Христова царства на землѣ.

Этою „Реформаціею“ Мюнцера и воспользовался позднѣе Гиплеръ во Франконіи для своего проекта, сдѣлавъ незначительныя измѣненія и дополненія въ текстѣ. Если же, продолжаетъ Ейгхорнъ, это изданіе необходимо отнести къ болѣе позднему времени, то авторами „Реформаціи“ можно принять Гиплера и его друзей и отнести вообще время составленія ея къ началу 1525 г. Впрочемъ, Ейгхорнъ склоняется болѣе къ первому предположенію, такъ какъ на его взглядъ, практическій и свѣдущій въ дѣлахъ Гиплеръ не

(*) Panzer-Annallen der älteren deutschen Litteratur. Nürnberg 1786. II Bd. pag. 226—говоритъ о двухъ изданіяхъ № 2062—напечатано въ 1523. sine loco—и № 2063, напечатано въ Zwikau sine anno. Ейгхорнъ принялъ два разныхъ изданія за одно.

высказалъ бы въ текстѣ такъ много мечтательныхъ, и совершенно неосуществимыхъ предложеній. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, Эйгхорнъ признаетъ надписаніе Голдаста „Реформація Фридриха III"—собственною его конъектурою (offenbar nur eine Conjectur), ни на чемъ не основанною.

Эйгхорнъ, какъ видно, дѣлая подобнаго рода предположенія, не задавалъ себѣ простаго, прямо напрашивающагося вопроса: къ чему было администраціямъ курфюршескихъ архивовъ дѣлать списки съ печатнаго текста для храненія ихъ при дѣлахъ, если можно было гораздо короче приложить къ дѣламъ по экземпляру печатной брошюры?

За Ейхгорномъ высказаны были другими учеными болѣе или менѣе схожія предположенія. Ранке (Deutsche geschichte im Zeitalter der Reformation. Berlin 1839. Bd. II pag. 203) относитъ время составленія „Реформаціи" къ началу двадцатыхъ годовъ XVI столѣтія, вслѣдствіе религіознаго отпечатка, лежащаго на всемъ произведеніи, онъ считаетъ изданіе 1523 года „Teutscher Nation Notturft"—за первоначальную форму, которая два года позже была заимствована извѣстнымъ руководителемъ крестьянскаго движенія Гиплеромъ для своихъ преобразовательныхъ цѣлей; надписаніе же, приписывающее „Реформацію" Фридриху III, Ранке считаетъ простымъ литературнымъ вымысломъ, въ которомъ, впрочемъ, Голдастъ неповиненъ, такъ какъ заглавіе это встрѣчается уже въ первомъ изданіи 1523 года.

Гагенъ (K. H. Hagen — Geist der Reformation und seine Gegensätze. Erlangen 1843, Th. I pag. 338) оспариваетъ мнѣніе Ейгхорна относительно авторства Ѳомы Мюнцера, въ виду практичности и дѣловитости проводимыхъ въ „Реформаціи" взглядовъ и стремленій, что противорѣчило бы мечтательному и порывистому характеру Мюнцера, и полагаетъ, что, какъ сообщаемый Эксле текстъ, такъ и „Реформація" Голдастовой редакціи, принадлежатъ тому же самому автору, или нѣсколькимъ лицамъ того-же самаго кружка, слѣдовательно относитъ составленіе „Реформаціи" вообще къ 1525 году, не замѣчая, что при такомъ предположеніи, печатное изданіе 1523 года представляло бы необъяснимое хронологическое противорѣчіе.

Гергъ (Ios. Edmund Görg—Deutschland in der Revolutionsperiode von 1522—1526 Freiburi BB. 1851) полагаетъ, что „Реформація", появившаяся впервые въ печати въ 1523 г. и послужившая позднѣе образцомъ Гиплеру и его товарищамъ, принадлежитъ перу кого-нибудь изъ приверженцевъ партіи Сикингена и склоняется въ пользу авторства Ульриха-фонъ-Гуттена. При этомъ Гергъ совершенно упускаетъ изъ виду, что содержаніе „Реформаціи" и декларацій противорѣчитъ интересамъ и тенденціямъ имперскаго рыцарства (Reichsritterschaft), коего представителями были Францъ-фонъ-Сикингенъ, Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ и ихъ товарищи.

Въ 1856 г. Гомейеръ представилъ Берлинской академіи наукъ мемуаръ подъ заглавіемъ—über die unächte Reformation Kaisers Friedrichs des Dritten и при этомъ два печатныхъ экземпляра этого произведенія, относящіеся къ XVI столѣтію (*), о которыхъ такъ много было говорено со временъ Панцера (Annalen der älteren deutschen Litteratur, Nürnberg 1786. II Bd. pag. 226, №№ 2062 и 2063), но которыхъ никто до Гомейера не видалъ.

Одна изъ этихъ брошюръ (назовемъ ее буквою А, у Панцера № 2062) находится въ настоящее время въ королевской Берлинской библіотекѣ (другой экземпляръ ея отысканъ недавно въ Мюнхенской библіотекѣ), другая (назовемъ ее буквою В, у Панцера № 2063) есть собственность Гомейера. Оба экземпляра А и В совершенно схожи по формату (мал. 4°), числу листковъ (20 страницъ безъ пагинаціи), дословному содержанію (за исключеніемъ нѣсколькихъ орѳографическихъ различій) и оба имѣютъ одно и тоже заглавіе: Teütscher Nation nodturff. Die Ordnung und Reformation aller Stend im Römischen Reich. Durch Keyser Fridrich den dritten Gott zu lob, der gantzen Christenheit zu nutz und seligkeyt fürgenommen.

Единственное различіе между ними состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ экземплярѣ А, на первомъ листкѣ, надъ заглавіемъ, находится виньетка, изображающая ангела, прислонившагося къ камню, на которомъ изображенъ 1523 годъ.

(*) Monatsberichte der königlichen Preuss. Academie der Wissenschaften *zu Berlin.* 1856.

Въ экземплярѣ B, на заглавномъ листѣ, вмѣсто ангела, прислонившагося къ камню, изображенъ воинъ въ полномъ вооруженіи и въ концѣ листка напечатано: Gedruckt zu Zwickau durch Iörg Gastel dess Schönspergers diener von Augspurg (т. е. печатано въ Цвикау факторомъ (извѣстнаго) Аугсбургкаго типографа Шеншпергера).

Въ концѣ предпослѣдней страницы, въ обоихъ экземплярахъ, послѣ послѣдней деклараціи на 13-ю статью, непосредственно предъ „заключеніемъ" напечатано: Georg Rixner genąnt Iherusalem Römischer kaiserlicher Mayestat und des heyligen reychs Ernholt (т. е. Herold).

Мы выяснимъ ниже отношеніе текста двухъ упомянутыхъ изданій къ извѣстнымъ уже прежде текстамъ Голдаста и Эксле; сперва же изложимъ вкратцѣ мнѣніе Гомейера, прибавившее новое соображеніе или гипотезу къ прежде уже существовавшимъ.

Гомейеръ въ мемуарѣ своемъ старается доказать: 1) что 1523 годъ, изображенный на камнѣ виньетки экземпляра A, не указываетъ на годъ напечатанія всей брошюры, а лишь на годъ составленія виньетки, и что вся брошюра напечатана въ 1525 году, т. е. во время сильнѣйшаго разгара крестьянскаго возстанія; 2) что вслѣдствіе многихъ опечатокъ и нѣкоторыхъ орѳографическихъ особенностей экземпляра A, необходимо принять его за простую перепечатку экземпляра B и слѣдовательно признать Цвикаускій экземпляръ (безъ году) за первоначальную печатную форму „Реформаціи"; 3) что за первоначальную рукописную редакцію „Реформаціи" слѣдуетъ принять редакцію, напечатанную у Эксле, затѣмъ уже вторую редакцію Голдаста; 4) что слѣдуетъ приписать первую мысль о составленіи „Реформаціи" и слѣдовательно и первую редакцію ея членамъ Гейльбронскаго съѣзда (т. е. Гиплеру и его товарищамъ), и 5) что упоминаемый въ концѣ обоихъ печатныхъ экземпляровъ Georg Rixner—„глашатай Римскаго Императорскаго Величества и Священной Имперіи"—есть только издатель Гейльбронскаго проекта, связавшій это произведеніе съ именемъ императора Фридриха III по собственному произволу, что вполнѣ объяснимо литературными пріемами Рикснера, извѣстнаго *уже по* другимъ подобнымъ изданіямъ, за фальсификатора и *дѣлывателя*.

Такимъ образомъ, продолжительная полемика относительно времени составленія „реформаціи“ и автора ея сведена Гомейеромъ къ положенію, что „Реформація“ есть проектъ къ преобразованію имперіи, составленный руководителями крестьянскаго возстанія на Гейльбронскомъ съѣздѣ во время самаго сильнаго разгара войны, т. е. въ началѣ 1525 г., и тогда же напечатанный нѣкіимъ Рикснеромъ, который все это произведеніе связалъ съ именемъ императора Фридриха III, желая тѣмъ придать проекту большій вѣсъ и значеніе.

Не смотря на то, что Фишеръ въ статьѣ—Einige Bemerkungen über die sogenannte Reformation Kaiser Fridrichs III vom Jahre 1441 (Programm des Hamburgischen Johanneums. Hamburg 1858) вполнѣ убѣдительно доказалъ несостоятельность ипотезы Гомейера(*), послѣдняя все-таки въ настоящее время можетъ считаться общепринятою, и послѣ 1858 г. вопросъ о значеніи „Реформаціи“, какъ источникѣ для изученія современнаго общества, не подвергался дальнѣйшему пересмотру и изученію.

Оставляя въ сторонѣ подробный разборъ и опроверженіе всѣхъ несообразностей и недоразумѣній, возбуждаемыхъ мнѣніемъ Гомейера, мы остановимся только на вопросѣ о Гейльбронскомъ съѣздѣ, поднятомъ, какъ уже выше было говорено, впервые Эксле и повторенномъ Гомейеромъ, такъ какъ этотъ съѣздъ и принятый на немъ проектъ къ преобразованіямъ составляетъ главную основу ипотезы обоихъ ученыхъ.

Уже выше было упомянуто, на основаніи приведенныхъ Эксле документовъ штутгартскаго архива, что крестьянскія ополченія Оденвальда, Некара и Франконіи, въ маѣ 1525 г., сосредоточились около Вюрцбурга, для осады замка епископа. 7 мая они порѣшили не разлучаться до взятія замка и составили совѣтъ изъ представителей отдѣльныхъ ополченій, засѣдавшій въ Вюрцбургѣ въ капитулѣ новаго собора, для обсужденія необходимымъ мѣропріятій (**).

Если мы и допустимъ, не смотря на малое вѣроятіе подобной быстроты, что засѣданія этого совѣта начались на

(*) Къ сожалѣнію авторъ не высказалъ своего собственнаго мнѣнія относительно времени и способа составленія „Реформаціи“.

(**) Oechsle, pag. 151 et sq.

слѣдующій же день, 8 мая, что тогда же было постановлено пригласить уполномоченныхъ другихъ ополченій (Швабіи, Рейна, Эльзаса) на съѣздъ въ Гейльбронъ и учредить тамъ центральное управленіе, и что въ этомъ же засѣданіи были избраны для этой миссіи Гиплеръ, Лохеръ и Шикнеръ, то и при этомъ предположеніи нельзя принять, чтобы Гиплеръ съ товарищами отправились въ Гейльбронъ ранѣе 9 или 10 мая, такъ какъ изъ тѣхъ же архивныхъ документовъ явствуетъ, что Гиплеръ до отъѣзда въ Гейльбронъ представилъ совѣту выработанный имъ рядъ вопросовъ для общаго обсужденія на предстоящемъ съѣздѣ (*).

Слѣдовательно никакъ не ранѣе 11 мая могъ быть Гиплеръ съ товарищами въ Гейльбронѣ; уполномоченные же другихъ ополченій, естественно, еще не могли тамъ находиться. Ожидать же ихъ пріѣзда, устраивать центральное управленіе, вступать съ членами его въ обсужденіе пунктовъ, утвержденныхъ Вюрцбургскимъ совѣтомъ и въ пренія относительно общаго переустройства имперіи, было для Гиплера физически невозможно, такъ какъ, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, событія положили скоро конецъ всему крестьянскому возстанію. Уже 12 мая войска Швабскаго союза подъ предводительствомъ Георга Вальдбурга (Georg Truchsess von Waldburg) разбили совершенно ополченіе Виртемберга и Шварцвальда при Боблингенѣ: изъ 15,000 человѣкъ, (по другимъ извѣстіямъ 30,000) около половины пало на полѣ битвы, другая разбѣжалась, и Виртембергъ смирился (**).

Извѣстія объ этомъ погромѣ, принесенное въ Гейльбронъ на слѣдующій же день, 13 мая, бѣжавшимъ съ поля битвы предводителемъ Виртембергскаго ополченія (Bernhard Schenk v. Winterstetten) заставило Гиплера и его товарищей съ поспѣшностью оставить Гейльбронъ.

По документамъ, сообщаемымъ Эксле (стр. 179 и слѣд.) можно прослѣдить, день за днемъ, переѣзды Гиплера изъ города въ городъ, гдѣ онъ повсюду старался возбуждать упавшій духъ крестьянъ, собирать разбѣжавшихся, организовать оборону, пока наконецъ самъ не убѣдился въ без-

(*) Oechsle, pag. 153.
(**) Oechsle, pag. 178.

плодности своихъ стараній. Тогда же одинъ изъ главныхъ руководителей былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму.

Изъ приведеннаго сопоставленія фактовъ, слѣдовательно, очевидно, что Гиплеръ, озабоченный спасеніемъ всего предпріятія и самаго себя, не имѣлъ времени выработать проекта къ преобразованіямъ ни въ Гейльбронѣ, ни послѣ бѣгства оттуда и что вообще, такъ называемый, гейльбронскій съѣздъ, на которомъ этотъ проектъ, будто бы, обсуждался, и не могъ вовсе состояться.

Вмѣстѣ съ этимъ мнимымъ съѣздомъ падаютъ и всѣ предположенія Эксле, Гомейера и др., относительно авторства Гиплера и напечатанія его проекта въ 1525 г. въ Цвикау; предположить же, что кто нибудь рѣшился издать въ печати, возбуждавшій къ возстанію, проектъ послѣ полнѣйшаго пораженія крестьянскихъ ополченій на югѣ и сѣверѣ (*), совершенно невозможно, въ виду воспослѣдовавшей сильной реакціи во всѣхъ областяхъ Германіи.

Такимъ образомъ, старанія ученыхъ, начиная съ Голдаста, критически оцѣнить и опредѣлить значеніе „Реформаціи“ не привели до сихъ поръ къ удовлетворительнымъ результатамъ, и новый пересмотръ всего вопроса находитъ, вслѣдствіе этой неудовлетворительности, свое полное оправданіе.

IV.

Приступая къ нашей задачѣ: къ опредѣленію времени составленія „Реформаціи“ и значенія ея для науки настоящаго времени, прежде всего необходимо разъяснить взаимное отношеніе всѣхъ четырехъ, доступныхъ намъ, редакцій и отмѣтить ту изъ нихъ, которая можетъ быть положена въ основу нашихъ розысканій.

Сличая эти четыре редакціи: текстъ Голдаста, Эксле, изданіе 1523 г. (A) и Цвикауское (B), мы можемъ сказать съ увѣренностью, что экземпляры A и B суть два изданія одной и той же рукописи, сдѣланныя Георгомъ Рикснеромъ и что,

(*) Тюрингенскія ополченія были разбиты 15-го мая при Франкенгаузенѣ; Ѳома Мюнцеръ и главные предводители взяты въ плѣнъ и *казнены*.

по всѣмъ вѣроятіямъ, изданіе B, безъ указанія года, появилось ранѣе изданія A (1523 г.).

Однимъ изъ этихъ изданій пользовался въ XVII столѣтіи Филонъ Трирскій, помѣстившій, какъ мы видѣли выше, выдержки изъ него въ своемъ сочиненіи, направленномъ противъ католическаго духовенства.

Что касается рукописи, которая послужила Рикснеру основой его изданій, то, по дословному сходству ихъ съ текстомъ Голдаста, мы въ правѣ предположить, что Рикснеръ пользовался тою же самою рукописью, что и Голдастъ или какимъ нибудь спискомъ съ этой рукописи. Незначительныя различія между голдастовскимъ текстомъ и изданіемъ Рикснера могутъ быть въ первомъ случаѣ приписаны самому издателю, во второмъ—составителю списка, какъ напримѣръ, различіе въ расположеніи декларацій, слѣдующихъ у Рикснера непосредственно за каждой статьей, тогда какъ у Голдаста помѣщены сперва двѣнадцать статей, затѣмъ деклараціи на каждую изъ нихъ и уже послѣ того, тринадцатая статья съ ея декларaціями и заключеніе.

Такимъ образомъ для разбора текста „реформаціи“ и разрѣшенія вопроса о времени и способѣ составленія ея, оба изданія A и B не представляютъ ни какихъ разъясненій и могутъ быть отстранены, такъ какъ для нихъ, очевидно, послужила основою уже существовавшая ранѣе рукопись неизвѣстнаго автора или списокъ съ этой рукописи съ незначительными варіантами. Остаются, слѣдовательно, два текста Голдаста (G) и Эксле (O).

Сличая ихъ между собою, легко убѣдиться въ полнѣйшемъ и, по большей части, дословномъ ихъ сходствѣ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ, хотя во второмъ (O) и отсутствуетъ упоминаніе имени императора Фридриха III, какъ въ текстѣ, такъ и въ заглавіи: Welcher gestalt ain ordnung Reformation Zu Nutz und fromen und Wolfahrt aller Cristen bruder Zubegreyffen und uffzurichten sey.

Въ двѣнадцати статьяхъ и, непосредственно за каждой слѣдующихъ, нѣсколькихъ объясненіяхъ, текстъ O передаетъ существенное содержаніе „Реформаціи“ по редакціи G, не только въ той же послѣдовательности статей, но по большей части, и тѣми же словами; единственное отличіе текста O

состоитъ въ орөографіи и нѣкоторыхъ мѣстныхъ выраженіяхъ, преимущественно же въ большей краткости, носящей отпечатокъ поспѣшности и придающей всему тексту характеръ на-скоро сдѣланнаго сокращенія какого-то болѣе подробнаго текста. Такъ, напримѣръ, въ текстѣ О не помѣщены: „Предисловіе“, „Заключеніе“, „четвертая“ и „тринадцатая“ статьи съ ихъ деклараціями, и опущены однообразные, постоянно повторяющіеся у Голдаста, заголовки къ каждой статьѣ и каждой деклараціи. Статьи въ текстѣ О начинаются просто словами: во первыхъ, во вторыхъ и т. д., а деклараціи, большею частью, словомъ item, которое повторяется нѣсколько разъ, такъ, напримѣръ, семь разъ при шестой статьѣ.

За первой и второй статьей только слѣдуютъ слова: „на эту статью четыре деклараціи“—über diesen Artickel seyn vier Declaration.

Только два существенныхъ прибавленія находятся въ текстѣ О: въ 4-й деклараціи къ 5-й статьѣ приведенный примѣръ о неприглашеніи свѣтскихъ членовъ въ собраніе духовныхъ, созванное архіепископомъ Майнцскимъ, и въ 12-й статьѣ — названіе нѣкоторыхъ, извѣстныхъ въ то время, торговыхъ фирмъ, подлежащихъ закрытію, (als Focker hoffsteter, welser und dergleichen abgestelt werden).

Такимъ образомъ за исключеніемъ этихъ двухъ прибавокъ и уже отмѣченнаго отсутствія имени императора Фридриха III, какъ виновника „реформаціи“ и въ связи съ этимъ пропуска 4-й статьи съ ея деклараціями, въ которыхъ въ числѣ князей называется и императоръ Римскій, какъ высшій изъ нихъ,—текстъ О совершенно тождественъ съ напечатаннымъ у Голдаста (G).

Не смотря, однако, на эту тождественность и полное сходство обоихъ текстовъ, при внимательномъ чтеніи ихъ, можно вывести заключеніе, опираясь на нѣкоторыхъ словахъ или, вѣрнѣе сказать, видахъ и наклоненіяхъ глаголовъ, что текстъ О составленъ въ болѣе радикальномъ направленіи, чѣмъ текстъ G.

Тогда какъ, напримѣръ, въ текстѣ G требуется только замѣщеніе духовныхъ мѣстъ достойными лицами (*), текстъ

(*) Das fürbosshin alle Pfarren, gross und klein, ein jede durch *ein erbarn warhafften* Priester besetzt werden sol. Und ob ihr einer

О передаетъ право выбора и отставки духовныхъ лицъ самой общинѣ (*); тогда какъ въ текстѣ G требуется только, чтобы всѣ сословія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, были организованы соотвѣтственно установленнымъ въ Священной Римской Имперіи положеніямъ (**), текстъ О требуетъ полнѣйшей реформаціи, т. е. переустройства и реогранизаціи ихъ (***).

Эти радикальныя требованія, высказанныя притомъ въ болѣе положительномъ тонѣ въ текстѣ О на-ряду съ болѣе умѣреннымъ тономъ, не отрицающимъ существующіе порядки текста G, позволяютъ намъ сдѣлать заключеніе, что хотя оба текста и имѣютъ одинъ источникъ т. е. одну общую рукопись, тѣмъ не менѣе выдержки изъ нея или сокращеніе, составляющее текстъ О, сдѣлано позднѣе, когда радикальныя тенденціи въ низшемъ сословіи стали высказываться съ

---

nicht ehrlich und wol fürstehen wolt, dassman ein andern an sein statt verordnen mag, damit die armen Christen nicht alzeit ohn ein Hirten seynd. G. Art. 1. Decl. 2.

(*) Item das a i n J e d e g e m a i n sich guter hirten die allein die schefflin mitt dem wort Gots. In der schrifft gegrundt waiden bevleiszendt die hab Zu setzen und entsetzen O.

(**) Alle Geweichten sollen im gantzen Römischen Reich Teutscher Nation in ihrem rechten Stande geordnet und bestät werden, unangesehen ihr geburt. Herkommen, Gunst oder Vernunfft, auch andere Fürderung; allain Gott zu Lobe sollen sie nach ziemlicher Notdurfft erhalten werden, damit die Wort Christi von dem gemein Mann auch angenommen und bestätigt werden. G. Art. I.

Alle Fürsten im Reich Teutscher Nation, hoch und niedern Stands, mit andern Graffen, Freyen, Herren, Rittern und Edlen, wie die vom Reich geordnet und zugelassen werden, sollen alle sämbtlich und sonder, ein jeder nach seinem Stande und Herkommen, seinem Fürstlichen Stand, auch die andern ein jeder seinen Stand und Wesen halten, wie soliches ihme vom Reich verordnet und auffgesetzt wird zuhalten: damit sich ein jeder in seinen Stand selb erkenne, und der arm Mann uff dem Lande unbeschwert bleibe, und ihme sein menschlich Freyheit auch gehalten werde. G. Art. 2.

(***) Item erstlich das alle geweyhchten wie got Mathei am 28 Inen befolhen und gebotten R e f o r m i e r t und nach Zimlicher notturfft erhalten wurden unangesehen Irer geburt herkommen hochs oder niderstands unnd Stammensz. O.

Zum andern s o l l e n alle weltlich fursten grafen hern Ritter unnd Edel auch r e f o r m i e r t das der arm Man uber Cristlich freyhait *nit so hoch von* Inen beschwert werde. O.

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Мусульмане-помаки.		Мусульмане-скипетары.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Горанци	15	20	60	51	26	100	—	—
Новакіе	10	14	42	37	—	—	13	60
Хіоновица	22	30	84	76	—	—	12	43
Борино	29	43	108	119	—	—	25	110
Чалопекъ	100	152	372	384	—	—	68	245
Мало-Турчане	10	16	40	36	—	—	—	—
Палчишта	37	64	159	168	—	—	28	139
Коранци	13	20	56	50	7	32	—	—
Яжинца	12	16	47	42	25	107	—	—
Денчишта	19	30	85	77	68	260	—	—
Добриште	28	41	116	121	84	293	—	—
Слатино	16	25	64	59	74	255	—	—
Глоги	30	47	133	125	10	36	—	—
Отушишта	41	58	152	140	20	90	—	—
Непроштено	68	112	290	276	23	101	—	—
Теарци	103	170	405	417	80	271	—	—
Куркувишта	—	—	—	—	26	122	—	—
Сербиново	—	—	—	—	30	134	—	—
Сечишта	—	—	—	—	22	87	—	—
Ломница	—	—	—	—	28	120	—	—
Терново	—	—	—	—	28	126	—	—
Желино	—	—	—	—	50	178	—	—
Зимница	—	—	—	—	16	65	—	—
Мерово	—	—	—	—	18	70	—	—
Карвеникъ	—	—	—	—	22	91	—	—
Падалишта	—	—	—	—	37	150	—	—
Чифликъ	—	—	—	—	15	65	—	—
Лескарци	—	—	—	—	31	142	—	—
Решанце	—	—	—	—	11	50	—	—
Стримница	—	—	—	—	25	97	—	—
Речане	—	—	—	—	42	166	—	—
Групшинъ	—	—	—	—	30	109	—	—
Церово	—	—	—	—	18	84	—	—
Ново-село	—	—	—	—	27	102	—	—
Копачинъ-долъ	—	—	—	—	20	78	—	—
Радуша	—	—	—	—	42	173	—	—
Режанце	—	—	—	—	11	36	—	—
Рогле	—	—	—	—	23	97	—	—
Лерце	—	—	—	—	22	90	—	—
Добрица	—	—	—	—	40	140	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Мусульмане-помаки.		Мусульмане-скипетары.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Седларево	—	—	—	—	40	158	—	—
Равенъ	—	—	—	—	25	100	—	—
Чегране	—	—	—	—	55	189	—	—
Прешево	—	—	—	—	12	51	—	—
Гургурница . . .	—	—	—	—	30	132	—	—
Тоилица	—	—	—	—	25	106	—	—
Локвица	—	—	—	—	22	83	—	—
Калишта	—	—	—	—	—	—	30	129
Пиргосъ	—	—	—	—	—	—	92	320
Бозовце	—	—	—	—	—	—	20	82
Гаріе	—	—	—	—	—	—	40	145
Селце	—	—	—	—	—	—	63	231
Вешале	—	—	—	—	—	—	75	257
Богоніе	—	—	—	—	—	—	70	240
Селцекечъ	—	—	—	—	—	—	30	116
Лисецъ	—	—	—	—	—	—	45	163
Каменіочни . . .	—	—	—	—	52	178	—	—
Шипковица	—	—	—	—	80	260	—	—
Синачане	—	—	—	—	—	—	25	100
Уртвичь	—	—	—	—	—	—	60	217
Седларци-горно . .	—	—	—	—	—	—	12	38
Палчишта-горно .	—	—	—	—	—	—	18	75
Кловіани	—	—	—	—	—	—	90	306
Речица мала . . .	—	—	—	—	24	93	—	—
Ораше	—	—	—	—	30	131	—	—
Иваніе	—	—	—	—	15	60	—	—
Порой	—	—	—	—	52	170	—	—
Стража	—	—	—	—	15	66	—	—
Первце	—	—	—	—	8	34	—	—
Речица-голема . .	—	—	—	—	52	181	—	—
Гернолъ	—	—	—	—	30	128	—	—
Далбочишта . . .	—	—	—	—	55	212	—	—
Паршовце	—	—	—	—	40	150	—	—
Котлино	—	—	—	—	20	85	—	—
Ракавецъ	—	—	—	—	—	—	23	104
Итого . .	4554	6832	17440	17063	2120	8149	2049	7368

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-помаки.		Магометане-скипетары.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Скопская кааза.								
Городъ Скопіе (Ускюбъ).	1191	1667	3890	3827	1606	5509	—	—
Селенія:								
Црешево	65	93	235	223	—	—	—	—
Кучевишта	200	284	686	674	—	—	—	—
Чючеръ	60	86	220	209	—	—	—	—
Булачани	76	108	254	265	—	—	—	—
Асанъ-Бегово . . .	32	41	107	112	—	—	—	—
Патришка	97	140	360	348	25	100	—	—
Страхоядци . . .	18	29	90	81	—	—	—	—
Кадино-Село . . .	40	55	144	150	—	—	—	—
Кучково	70	100	242	233	—	—	—	—
Коликяни-горни . .	30	45	119	110	—	—	—	—
Ракотинци	48	72	173	186	—	—	—	—
Осинчани	12	16	45	38	—	—	—	—
Сараи	20	30	84	77	—	—	—	—
Бучи-долъ	35	49	131	120	—	—	—	—
Гумалево	28	40	109	100	—	—	—	—
Мирковци	70	112	260	271	—	—	—	—
Коинари-горно . .	40	58	153	166	—	—	—	—
Кабланово	35	50	132	155	—	—	—	—
Ибрахимово . . .	38	53	136	144	—	—	—	—
Любанци	30	47	133	127	—	—	—	—
Брезица	20	30	76	84	—	—	—	—
Ливатовци	60	88	220	24	—	—	—	—
Водно-долно . . .	15	21	57	50	—	—	—	—
Сушица	20	32	89	81	—	—	—	—
Добрино	27	40	113	105	—	—	—	—
Бардовци	35	54	138	150	—	—	—	—
Бродецъ	28	45	121	110	—	—	—	—
Ново-Село	32	43	117	109	—	—	—	—
Глуво	60	96	235	244	—	—	—	—
Стаиковци	12	17	50	41	—	—	—	—
Градовци	25	40	108	100	—	—	—	—
Горнани	45	64	156	163	—	—	—	—
Таворъ	24	35	100	94	—	—	—	—
Смѣсница	20	35	82	76	—	—	—	—
Трубарево	15	22	61	57	—	—	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ. Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Магометане-помаки. Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Магометане-скипетары. Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Маджари	30	41	110	102	—	—	—	—
Зелениково	18	29	69	80	—	—	—	—
Огняни	21	33	94	100	—	—	—	—
Бразда	70	114	283	270	—	—	—	—
Баняни	100	140	340	328	—	—	—	—
Вражяни	19	31	85	79	—	—	—	—
Батанци	15	24	66	60	22	95	—	—
Лисиче-горно	40	62	160	152	—	—	—	—
Габери	15	20	52	60	—	—	—	—
Девовецъ	12	18	54	50	—	—	—	—
Саніе-горно	46	71	180	171	—	—	—	—
Ракотиници	68	109	272	261	—	—	—	—
Лисиче-долно	35	50	136	128	—	—	—	—
Злокукяни	30	44	110	121	—	—	—	—
Осинчяни	12	20	59	54	—	—	—	—
Уста-Брестница	12	16	50	42	—	—	—	—
Саніе-долно	37	58	154	147	—	—	—	—
Бардовци	25	33	81	93	—	—	—	—
Сараи-Оризари	24	40	108	100	—	—	—	—
Тисовица	15	22	64	56	—	—	—	—
Червена-Вода	18	27	72	80	—	—	—	—
Драчево	150	239	565	579	—	—	—	—
Усине	10	14	33	38	—	—	—	—
Даржилово	25	38	110	104	—	—	—	—
Сялне-долно(Солица)	36	50	141	130	—	—	—	—
Гуварлево	30	45	125	119	—	—	—	—
Побужіе	65	104	266	257	—	—	—	—
Бучиници	17	26	78	70	—	—	—	—
Буковци	6	10	30	26	—	—	—	—
Рачиново	15	21	57	51	—	—	—	—
Инджиково	14	23	62	55	—	—	—	—
Урумлеръ	20	32	74	80	—	—	—	—
Идризово	18	30	87	76	—	—	—	—
Мралино	22	34	90	83	—	—	—	—
Мравино	15	20	58	50	—	—	—	—
Знаверъ	10	15	40	32	—	—	—	—
Орманъ	8	12	32	39	—	—	—	—
Летевци	12	16	50	44	—	—	—	—
Тахталидже	11	14	48	36	—	—	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-помаки.		Магометане-скипетары.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Шуто-Оризари . .	20	31	85	77	—	—	—	—
Рокоміа	9	13	40	33	—	—	—	—
Дибле	40	62	149	161	—	—	—	—
Акосдово	22	30	76	82	—	—	—	—
Горно-Оризари . .	27	42	117	110	—	—	—	—
Орешани	13	17	51	42	10	38	—	—
Аджово	12	15	44	36	10	46	—	—
Батанци	14	20	58	50	—	—	—	—
Шишево	20	33	93	88	—	—	—	—
Имашница	25	40	109	100	—	—	—	—
Никиштани	16	24	60	67	10	41	—	—
Аджирларъ	10	15	45	40	11	42	—	—
Песонци	30	48	133	125	—	—	—	—
Елхово	10	16	44	50	—	—	—	—
Углумово	12	19	56	51	19	88	—	—
Матка	14	22	60	54	12	50	—	—
Страчинци	10	13	37	33	9	44	—	—
Радишани	15	27	68	80	10	40	—	—
Рамановци	38	56	155	142	22	106	—	—
Шиглово	14	20	66	59	—	—	—	—
Патришке	36	49	129	137	—	—	—	—
Бутелъ	12	18	53	46	—	—	—	—
Перечи (Пеpазъ) .	18	29	82	75	13	47	—	—
Морани	40	63	167	156	—	—	—	—
Драчевица	—	—	—	—	56	212	—	—
Умово	—	—	—	—	40	166	—	—
Цветово	—	—	—	—	60	229	—	—
Коликяне-долно . .	—	—	—	—	75	300	—	—
Пагарушка	—	—	—	—	36	141	—	—
Света-Петка . . .	—	—	—	—	18	80	—	—
Борово	—	—	—	—	38	157	—	—
Малчишта	—	—	—	—	27	118	—	—
Крушопеки	—	—	—	—	30	131	—	—
Гарчеци	—	—	—	—	15	60	—	—
Орланци	—	—	—	—	30	140	—	—
Коинары-долно . .	—	—	—	—	40	155	—	—
Теке-кіой	—	—	—	—	—	—	23	96
Блацъ (блацъ) . .	—	—	—	—	—	—	55	187
Пали-Водиница . .	—	—	—	—	—	—	37	149

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-помаки.		Магометане скипетары.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Язарци	—	—	—	—	—	—	30	124
Кондово	—	—	—	—	—	—	20	82
Копаницци	—	—	—	—	25	110	—	—
Бояни	—	—	—	—	33	136	—	—
Свилари-горно . .	—	—	—	—	26	103	—	—
Церній-Верхъ . . .	—	—	—	—	22	88	—	—
Семиници	—	—	—	—	32	145	—	—
Свилари-долни . .	—	—	—	—	30	118	—	—
Раиче	—	—	—	—	—	—	35	150
Власъ (Влаи) . . .	—	—	—	—	—	—	28	122
Кюймя	—	—	—	—	—	—	30	127
Дервена-Баня . . .	—	—	—	—	20	79	—	—
Кисела-Вода . . .	—	—	—	—	30	135	—	—
Соипшта	—	—	—	—	29	110	—	—
Яболци	—	—	—	—	31	126	—	—
Студенчяни . . .	—	—	—	—	75	287	—	—
Алданци	—	—	—	—	40	146	—	—
Люботинъ	—	—	—	—	35	158	—	—
Керемидница . . .	—	—	—	—	32	150	—	—
Арачиново	—	—	—	—	70	283	—	—
Срачинци	—	—	—	—	45	180	—	—
Бунарджикъ . . .	—	—	—	—	50	200	—	—
Лупани	—	—	—	—	38	144	—	—
Расштагъ	—	—	—	—	6	33	—	—
Итого . .	4296	6298	15948	15400	2913	10877	258	1037

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ. Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Военный откупъ въ піастрахъ.
Кюстендильская кааза.					
Городъ Кюстендилъ . .	520	728	1768	1754	17000
Селенія:					
Полски Села:					
Колуша	34	49	133	121	2069
Жиленцы	78	112	276	289	5507
Лозно	52	73	185	176	3066
Грамаждано	22	31	87	75	1378
Вертешево	10	14	36	31	178
Враца	62	86	221	235	3178
Гарляно	28	40	113	106	1107
Соволяно	72	100	261	248	4540
Скриняно	55	77	204	213	4231
Горановцы	60	89	242	227	6881
Радоловцы	45	63	158	165	2071
Бресница	14	21	60	51	311
Периволъ	80	116	305	292	8824
Стенско	45	60	136	144	2173
Николичавцы	20	28	73	66	927
Шишковцы	61	94	245	238	2718
Копиловцы	52	70	169	178	1768
Буково	40	56	144	135	5088
Коняво	64	91	232	223	6958
Гарбино	2[illegible]	30	80	66	2139
Ямборано	52	69	166	147	5661
Первеняно	58	82	188	200	7768
Скакавица	44	63	157	151	4731
Граница	92	128	312	304	7945
Слокоштица	76	107	246	258	5397
Богословъ	46	64	162	153	—
Багренцы	64	90	208	219	2856
Лилячъ	35	49	133	124	2093
Четирци	50	67	154	161	4718
Пелатикъ	12	16	41	35	404
Долна-Граница	30	42	105	114	871
Невестино	18	30	76	68	1084
Недѣлкова-Граштица .	20	32	78	70	376
Рашка-Граштица . . .	33	46	122	115	1583
Горна-Граштица . . .	45	60	152	160	3839
Згурово	9	14	37	32	336
Берсинъ	45	66	159	150	3617
Терсино	11	15	46	38	381
Терновлакъ	20	29	68	63	582
Гурчавци	7	11	32	40	413

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Военный откупъ въ піастрахъ.
Жабократъ	12	18	47	56	938
Раждавица	68	106	249	259	6456
Шипочано	34	47	113	122	1936
Друмухаръ	45	63	156	164	3293
Земенъ	4	6	12	16	65
Таваличаво	55	77	178	189	6317
Катришта	45	62	160	152	2910
Новыи-Чифликъ	30	42	102	95	750
Смоличано	32	45	117	112	2140
Кадревица	21	33	94	100	880
Лелинци	12	15	40	36	331
Еремія	85	126	296	307	4851
Піянечки Села:					
Ново-Село	30	40	110	103	775
Долхчево-Сабляръ . . .	10	14	37	32	436
Цервникъ	10	16	44	38	620
Паничарево	90	133	312	324	6401
Разловца	110	154	377	365	10913
Градъ	75	109	263	251	5776
Коино	58	93	234	226	4407
Вирче	60	96	245	238	4295
Горни-Церквинецъ . .	22	35	96	84	1930
Долни-Церквинецъ . .	32	50	129	136	3453
Царево-Село	82	128	318	309	2339
Лешница	35	47	116	124	2047
Истевникъ	98	136	343	331	7309
Ваксево	88	119	296	285	9765
Тишаново	105	152	375	366	9988
Церварица	51	74	166	178	1536
Червена-Яболка . . .	15	21	57	49	440
Мелитища	48	70	194	182	4305
Раково	85	126	313	304	8065
Страдалово	32	48	115	108	1314
Чеканецъ	14	19	50	45	442
Илія	62	86	216	209	4100
Ветренъ	64	90	220	231	6705
Атакорія	10	15	39	33	275
Вратиславцы	22	34	88	82	1511
Габрово	19	28	70	64	981
Селнинь	33	46	119	130	1526
Звегоръ	30	41	112	103	1657
Тработивишта	50	80	203	196	3498
Стамеръ	15	23	56	62	842
Богородица	10	30	75	67	117
Киселица	18	30	75	67	1790
Калиманци	35	57	138	146	1447

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Военный откупъ въ піастрахъ.
Косевица	30	49	137	125	2210
Каменица	55	78	189	177	4406
Цера	75	120	291	304	6307
Костинъ-долъ	28	40	108	116	1413
Сажденикъ	12	16	39	33	260
Тодоровца	14	19	51	44	969
Илново	28	43	104	110	1639
Драмче	80	116	282	275	6357
Гарлена	35	52	125	129	3752
Дулица	60	84	217	206	5846
Луковица	18	33	100	92	1568
Габлявица	11	15	36	43	662
Мездра-Гавріилъ . . .	9	13	35	30	260
Очибалъ	13	18	50	42	448
Крашики Села:					
Горно-Цино	102	144	336	348	8136
Белутъ	43	60	152	144	1861
Бресъ	11	15	41	36	691
Долни-Коритенъ . . .	28	36	110	99	2038
Браиковци	40	55	146	137	1638
Габрешевци	32	44	109	115	1063
Лечевци	35	49	133	124	1448
Полетинци	22	30	86	92	598
Добрый-Долъ	53	72	183	171	4303
Долна-Любата	80	121	292	280	6345
Паралово	31	53	127	135	1010
Радичевци	18	29	85	78	982
Блатецъ	14	18	46	39	547
Бистрица	24	36	98	110	1385
Драголевци	21	32	77	84	724
Гложа	55	88	219	212	4815
Бозовица	17	23	73	65	493
Злогошъ	62	98	247	239	3932
Косово	49	70	174	163	3889
Уши	28	40	105	114	725
Долно-Кобилѣ	25	36	109	98	934
Чуденци	25	40	120	125	934
Трекляно	86	137	333	348	7363
Сушица	28	46	131	122	1096
Изворъ	63	91	232	226	4611
Горно-Тламино	62	100	234	245	4308
Горна-Бресница . . .	29	42	116	110	1668
Бобешино	38	64	165	157	1441
Долно-Цино	18	32	88	100	398
Ресенъ	48	77	188	176	3831
Горни-Коритенъ	28	50	137	145	1195

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Военный откупъ въ піастрахъ.
Церовица	29	41	123	114	3249
Кершалево	13	18	44	39	491
Мусулъ	21	30	96	108	1485
Гурбановци	9	14	37	30	737
Плоча	18	34	100	93	410
Груници	54	88	214	221	3588
Босиловъ-Градъ	82	118	287	276	4904
Лисецъ	18	29	74	63	1293
Горна-Любата	62	91	225	237	4128
Горна-Ражана	25	36	96	88	1731
Метохіа	18	30	83	75	1091
Горна-Лисина	83	126	328	319	6207
Долна-Лисина	34	55	127	135	1430
Доганица	15	22	62	54	339
Церноокъ	23	37	103	110	1511
Рикачево	20	28	77	70	1481
Долна-Ражана	18	30	102	94	481
Райчеловци	52	74	186	178	3055
Мазарачъ	55	93	228	235	2218
Млекоминци	30	45	114	122	1392
Чрешникъ	18	31	93	87	822
Рибарци	18	26	61	56	1122
Црешново	19	34	102	95	863
Жеравино	34	57	139	146	3750
Побіенъ-Камыкъ . . .	12	15	48	49	328
Баріе	7	10	36	33	132
Долно-Тламино	24	33	90	102	677
Ломница	51	72	185	174	1489
Злидолъ	42	58	157	148	2724
Милевци	26	40	106	94	1129
Бресница	45	64	160	173	2446
Буцилево	16	23	70	76	775
Ивановци	28	45	123	114	1232
Божица	212	308	704	717	15003
Киселица	22	36	98	90	788
Шатковица	6	8	31	24	110
Чешлянци	25	40	113	105	1837
Горно-Кобилѣ	12	17	42	48	702
Лисецъ	10	16	54	46	213
Драгоичанци	64	103	237	249	3899
Дождевица	21	32	110	99	865
Царица	12	19	61	53	239
Итого	7248	10538	26939	27513	487592

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-койнары.		Магометане-помаки.		Магометане-цыгане.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Кратовская каава.										
Городъ Кратово . .	204	309	768	756	417	1332	—	—	12	44
Селенія:										
Талашманци, село .	23	40	104	95	—	—	—	—	—	—
Живалево	14	21	53	46	—	—	—	—	—	—
Горно-Кратово . .	30	42	115	108	—	—	—	—	—	—
Вребица	6	9	27	29	—	—	—	—	—	—
Проби-Штипъ . . .	36	55	136	142	—	—	—	—	—	—
Приковци	21	33	88	80	—	—	—	—	—	—
Шлегово	56	90	207	219	—	—	—	—	—	—
Филиповци	37	64	155	146	—	—	—	—	—	—
Туралево	28	42	119	113	—	—	—	—	—	—
Сакулица	39	56	140	151	—	—	—	—	—	—
Тополовикъ	26	38	93	100	—	—	—	—	—	—
Кундино	19	30	82	74	—	—	—	—	—	—
Вакафъ	26	41	114	120	—	—	—	—	—	—
Мушково	38	52	131	125	—	—	—	—	—	—
Кавракъ	9	14	35	30	—	—	—	—	—	—
Дренакъ	8	12	33	28	—	—	—	—	—	—
Кнѣжево	32	50	124	132	—	—	—	—	—	—
Койково	16	27	70	63	—	—	—	—	—	—
Златово	57	96	242	234	—	—	—	—	—	—
Ратковица	7	10	33	35	—	—	—	—	—	—
Зелени-Градъ . . .	16	22	66	53	—	—	—	—	—	—
Самари	6	8	27	29	—	—	—	—	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-койнары.		Магометане-помаки.		Магометане-цыгане.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Ямишта	12	16	55	64	—	—	—	—	—	—
Емиришта	12	20	68	61	—	—	—	—	—	—
Кудари	1	2	8	6	—	—	56	209	—	—
Нежиловои	22	34	91	102	—	—	—	—	—	—
Железница	26	45	112	118	—	—	—	—	—	—
Кетеново	19	32	89	82	—	—	—	—	—	—
Петришино	19	29	86	75	—	—	—	—	—	—
Ратайци	12	18	60	66	—	—	—	—	—	—
Калништа	27	49	133	124	—	—	—	—	—	—
Стармошъ-полъ . .	10	15	37	42	—	—	—	—	—	—
Лесново	66	107	249	260	—	—	—	—	—	—
Добрево	38	60	158	151	—	—	—	—	—	—
Луково	10	14	37	32	—	—	—	—	—	—
Шталковица . . .	38	56	135	129	—	—	—	—	—	—
Гревено	40	63	156	161	—	—	—	—	—	—
Ближанци	8	13	30	35	—	—	—	—	—	—
Крива-яболка . . .	15	24	67	58	—	—	—	—	—	—
Радовци	20	30	94	86	—	—	—	—	—	—
Млака	16	24	63	58	—	—	—	—	—	—
Тремско	9	13	36	32	—	—	—	—	—	—
Улчимица	11	15	40	34	—	—	—	—	—	—
Горишта	32	48	108	115	—	—	—	—	—	—
Итого . . .	1217	1888	4874	4799	417	1 332	56	209	12	44

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-помаки.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Штипская кааза.						
Городъ Штипъ . .	610	854	2076	2058	1095	3488
Селенія:						
Ново-Село	306	428	1037	1023	—	—
Уларци	41	59	144	132	—	—
Купйшта	27	36	95	86	—	—
Дерменъ-Чифтликъ .	5	7	17	14	—	—
Гаиранци	21	30	73	82	—	—
Троолъ	12	15	42	36	—	—
Пуздерци	12	18	46	51	—	—
Кранявци	7	10	29	25	—	—
Гойновци	11	13	27	31	—	—
Лезово	16	22	51	47	—	—
Дренакъ	18	24	63	58	—	—
Маричино	19	27	66	61	—	—
Бучишта	11	16	34	40	—	—
Чашица	5	9	23	18	—	—
Макрешъ	12	19	55	56	—	—
Барбарево	76	122	294	286	—	—
Петришино	9	14	37	32	—	—
Забаринци	8	12	31	27	—	—
Преводъ	38	56	144	136	—	—
Пеширово	2	4	12	8	—	—
Пол-Неманица . .	65	103	261	254	—	—
Ранчинци	26	41	110	102	—	—
Мечкуевци	41	64	157	148	—	—
Рибникъ	11	17	36	43	—	—
Святи-Никола . .	62	98	233	242	—	—
Горабинци	14	19	52	45	—	—
Бориловци	23	32	85	77	—	—
Пол-Неманица . .	71	114	278	270	—	—
Строиманци . . .	22	30	76	88	—	—
Патитино	5	7	20	16	—	—
Куково	16	25	66	59	—	—
Чуолъ	10	14	37	32	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-помаки.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Станиловци . . .	13	20	51	46	—	—
Арбанасци	14	22	58	51	—	—
Дели-Хусеинци . .	11	16	45	39	—	—
Арчаліа	24	33	89	95	—	—
Амза-Бегово . . .	12	18	44	37	—	—
Мустафино	19	30	82	74	—	—
Кара-Орманъ . . .	11	15	34	30	—	—
Богословецъ . . .	26	42	98	105	—	—
Кадарфапово . . .	7	11	33	28	—	—
Горно-Цернилиште .	12	16	40	47	—	—
Долно-Цернилиште .	13	20	62	51	—	—
Староименци . . .	22	34	85	79	—	—
Кнѣжа	19	32	76	83	—	—
Кесалеринъ	10	13	34	36	—	—
Варсаково	43	67	171	162	—	—
Криви-Долъ . . .	13	16	37	44	—	—
Шишево	15	23	60	67	—	—
Долянъ	54	81	185	193	—	—
Срачіево	10	15	39	32	—	—
Судикъ	27	42	110	104	—	—
Чардакли	10	17	53	45	—	—
Горно-Балванъ . .	33	49	128	120	—	—
Долю-Балванъ . .	19	28	64	81	—	—
Троерци	19	31	75	81	—	—
Долно-Троерци . .	19	34	86	78	—	—
Софилари	12	19	53	46	—	—
Скандалци	10	15	31	40	—	—
Едерклерци . . .	9	13	38	32	—	—
Топликъ	9	12	31	28	—	—
Селце	12	20	50	46	—	—
Горичино	5	8	19	17	—	—
Добри-Шанъ . . .	3	5	12	14	—	—
Тестемелци	2	3	9	6	—	—
Балталія	8	14	27	30	—	—
Лесковецъ	78	126	304	315	—	—
Патрикъ	10	13	32	33	—	—
Пеперово	42	67	156	148	—	—
Ново-Село (Лакъ) .	10	16	38	31	—	—
Тонотарци	23	35	93	86	—	—
Бресъ	25	40	104	97	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ. Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Магометане-помаки. Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Дамянъ	4	6	18	12	—	—
Уланци	28	39	92	99	—	—
Убогово	17	23	56	51	—	—
Вардаръ-Чифликъ .	17	28	64	68	—	—
Жидимирци . . .	26	42	107	100	—	—
Липовъ-Долъ . . .	25	37	81	92	—	—
Калопетровци . .	21	30	73	77	—	—
Бучимъ	4	7	16	14	—	—
Кошево	15	24	58	53	—	—
Почивало	10	16	35	31	—	—
Шопуръ	5	8	17	15	—	—
Никоманъ	24	36	82	88	—	—
Цервалово	4	7	19	16	—	—
Радани	10	13	36	39	—	—
Долни-Козякъ . . .	7	10	30	27	—	—
Горни-Козякъ . . .	13	19	44	40	—	—
Рулянъ	6	8	18	21	—	—
Аргулица	6	11	29	26	—	—
Моянкца	3	5	14	11	—	—
Туртелъ	3	4	12	9	—	—
Барбинци	23	35	86	92	—	—
Цековци	12	16	38	33	—	—
Теранци	24	42	105	98	—	—
Горни-Орманъ . .	7	9	25	29	—	—
Саракюстія	8	13	34	30	—	—
Плешинца	28	40	102	110	—	—
Стубли-Двѣте . . .	32	51	123	131	—	—
Грижиловци . . .	12	16	37	33	—	—
Страмошъ-Полъ . .	28	44	109	116	—	—
Неоказн	12	18	43	48	—	—
Итого . . .	2809	4156	10245	10069	1095	3488

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-помаки.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Кочанская кааза.						
Городъ Кочани . .	207	316	765	753	195	733
Селенія:						
Траканъ	61	88	213	207	—	—
Нивичани	54	77	176	188	—	—
Спанчево	58	80	192	184	—	—
Маянци	12	15	37	31	—	—
Жегянци	25	34	78	92	—	—
Ново-Селяни . . .	7	11	29	26	—	—
Шишиново	27	39	91	100	—	—
Чифтликъ	27	42	112	104	—	—
Полянъ	44	63	154	145	—	—
Вранинци	11	16	36	40	—	—
Облешево	25	40	105	96	—	—
Градъ	17	24	57	50	158	544
Паладовци	7	9	28	25	—	—
Патачиково . . .	10	14	39	32	—	—
Орховици и Чурипякъ	18	30	66	73	—	—
Ястремъ (Ястребъ) .	16	22	53	60	—	—
Ново-Село	18	33	78	71	—	—
Речанинъ	10	16	40	34	—	—
Костинъ-долъ . . .	27	38	94	86	—	—
Царновци	71	113	267	278	55	216
Видевица	4	7	18	15	47	183
Лесѣки	26	40	101	93	11	38
Пандалей	17	31	76	70	—	—
Долна-Подлакъ . .	14	20	52	45	—	—
Бани	5	8	23	21	—	—
Ленопелци	12	15	36	32	—	—
Вербица	21	30	72	84	—	—
Свиланово	8	14	37	33	—	—
Райчано	14	23	52	55	—	—
Глобица	8	12	34	29	—	—
Бунешъ	16	25	53	61	—	—
Трипотанци . . .	14	26	58	63	—	—
Пеклянъ	23	34	80	76	—	—
Трасино	23	40	92	104	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-помаки.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Оризаръ	83	136	331	322	104	355
Витоша	76	120	283	295	33	138
Бели	60	92	224	218	—	—
Чужманъ	6	9	25	21	—	—
Пресека	76	128	309	322	—	—
Кучичино	32	44	116	108	—	—
Якимово	20	29	67	60	23	105
Виницаи-Гумно . .	77	133	328	319	32	146
Лаки	55	87	216	204	24	99
Осоиница	3	5	10	12	—	—
Бигла	51	80	183	195	46	177
Истибани	16	22	54	50	18	81
Драгобрашта . . .	43	71	162	173	—	—
Теранци	7	10	28	25	15	58
Бурилчево	17	24	56	51	—	—
Припечани	13	17	40	36	—	—
Липецъ	25	40	97	92	103	436
Блатецъ	83	138	322	333	68	273
Бучиково	21	32	74	70	—	—
Небояни	15	21	45	51	—	—
Длеги-долъ	8	12	28	32	—	—
Мимино	4	6	15	17	—	—
Чеперникъ	3	5	11	13	—	—
Турія	8	12	34	30	—	—
Горни-Подлакъ . .	20	33	78	74	—	—
Прибичево	26	44	113	107	—	—
Гардовци	42	66	165	178	—	—
Лопенъ	7	10	26	33	—	—
Лешка	16	22	59	50	—	—
Суколарци	67	109	268	256	—	—
Саса	131	208	503	492	—	—
Дураково	24	37	102	95	76	208
Чечичовци	65	104	246	259	—	—
Безиново	82	118	287	274	—	—
Итого [1]) . .	2239	3469	8399	8222	1008	3790

[1]) Сверхъ того въ казаѣ 126 домовъ магометанскихъ цыганъ съ 416 душами мужскаго пола.

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ. Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Магометане-помаки. Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Паланечская каава.						
Городъ Паланка .	481	673	1634	1618	173	585
Селенія:						
Ранинци	58	79	191	183	—	—
Скакавица	22	30	68	74	—	—
Долна-Леска . . .	20	28	67	61	—	—
Ресово	38	52	126	120	—	—
Турско-Село . . .	19	26	62	67	—	—
Червенъ-Долъ . .	13	20	42	33	—	—
Преколница . . .	55	77	189	180	—	—
Котугерци	13	16	38	32	—	—
Попово	5	8	20	16	—	—
Гюешево	42	59	134	145	—	—
Карамаиица . . .	15	21	52	47	—	—
Долно-Село	55	86	209	195	—	—
Любанци	25	37	93	82	—	—
Голетъ	52	74	166	178	—	—
Добровница . . .	43	68	164	156	—	—
Огутъ	129	182	428	417	—	—
Жидилово	102	164	393	402	—	—
Градецъ	219	336	755	768	—	—
Илутинци	64	91	222	214	—	—
Муждивле	70	98	237	225	—	—
Костуръ	23	35	81	89	—	—
Света-Петка . . .	59	83	196	203	—	—
Дурачка-Река . .	74	105	254	241	—	—
Веревиште	15	22	53	49	—	—
Венгурица	33	46	110	104	—	—
Длобочишта . . .	63	88	201	112	—	—
Подаржи-Конъ . .	89	127	306	298	—	—
Тарново	154	243	602	590	—	—
Метише	26	35	93	86	—	—
Станчево	34	50	121	113	—	—
Коноптница . . .	211	303	728	735	—	—
Весъ	20	28	67	61	—	—
Каваклія	41	60	142	134	—	—
Опимъ	154	217	506	493	—	—
Киселица	49	68	163	151	—	—

НАИМЕНОВАНІЕ СЕЛЕНІЙ.	БОЛГАРЫ.				Магометане-помаки.	
	Число домовъ.	Число брачныхъ паръ.	Душъ мужскаго пола.	Душъ женскаго пола.	Число домовъ.	Душъ мужскаго пола.
Чифликъ	33	45	108	100	—	—
Керстевъ-долъ . .	29	42	97	90	—	—
Ново-Село	38	56	135	128	—	—
Беливецъ	13	17	40	32	—	—
Песача	131	189	441	434	—	—
Крива-Камена . .	20	30	80	75	—	—
Пековница	101	152	364	372	—	—
Дренъ	16	23	51	57	—	—
Узешъ	132	204	473	466	—	—
Дервенъ-Церцовіа .	72	114	276	258	—	—
Каменъ	46	63	152	144	—	—
Девически-Чифликъ.	18	25	60	53	—	—
Страцинъ	152	211	514	522	—	—
Маденъ-Церцовіа .	28	40	98	91	—	—
Габеръ	115	168	412	405	—	—
Вержи-Гарнци . .	22	29	65	72	—	—
Тарновецъ	120	175	424	416	—	—
Картла	60	84	203	192	—	—
Станци	31	43	102	98	—	—
Одрано	45	72	175	164	—	—
Мартиница	42	56	128	135	—	—
Петерлица	227	318	766	758	—	—
Жанчъ	42	67	163	157	—	—
Гушево	60	92	221	210	—	—
Вештеве	24	35	87	81	—	—
Радибушъ	126	201	465	473	—	—
Препелница . . .	23	32	78	70	—	—
Длабинци	29	40	100	94	—	—
Ранковци	129	208	476	488	—	—
Опсоштица	62	100	242	235	—	—
Лука	35	49	118	112	—	—
Гиновци	60	82	187	171	—	—
Итого . .	4666	6798	16214	15825	173	585

